МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

В. Б. БРОНЕВСКИЙ

ЗАПИСКИ МОРСКОГО ОФИЦЕРА

Том II

В. Б. Броневский

Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг.

Том II

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)521.1-68
Б88

Броневский, В. Б.

Б88 Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг. Том II / В. Б. Броневский. — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-4499-1148-3

Эта замечательная книга расскажет о подвигах российского флота на водах Средиземного моря под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Ее автор – военный писатель, морской офицер Владимир Богданович Броневский (1784—1835 гг.), принимавший участие во Второй Архипелагской экспедиции 1805—1807 гг., преодолевшей нелегкий путь от Кронштадта до Средиземного моря.

За свою достоверность и яркий слог книга получила высокую оценку у современников.

Вниманию читателей представлены третья и четвертая части издания, рассказывающие о кампании против турок в Архипелаге (1807 г.) и о событиях, произошедших до возвращения в Россию.

УДК 94(47).07
ББК 63.3(2)521.1-68

ISBN 978-5-4499-1148-3

Часть третья

1807 год, кампания против турок в Архипелаге

Отплытие флота в Архипелаг

После продолжительных крепких противных ветров и пасмурных погод 10 февраля подул попутный ветер и эскадра, состоявшая из кораблей: 1. «Твердого» под флагом вице-адмирала, 2. «Ретвизана» под флагом контр-адмирала Грейга, 3. «Сильного», 4. «Рафаила», 5. «Мощного», 6. «Скорого», 7. «Селафаила», 8. «Ярослава», фрегата «Венуса» и шлюпа «Шпицберген» вступила под паруса. На эскадру посажено было два батальона Козловского полка, имевших под ружьем 950 солдат, артиллеристов — 36, легиона легких стрелков — 270 человек.

По причине сильного ветра корабли снимались один за одним и, выходя в канал, ложились в дрейф, когда же последний вступил под паруса, тогда на «Твердом» поднят сигнал: построиться в походный строй и несть возможные паруса; поставили брамсели, на ходу вытянулись в линию и, быстро прошед Корфу и Паксо, вышли в море. На другой день ветер несколько стих, но был довольно свеж, чтобы удовлетворить обыкновенному нетерпению мореходцев, эскадра шла в две колонны, фрегат наш для повторения адмиральских сигналов держался на ветре корабля «Твердого».

На рассвете 11-го числа Левкадская скала, славная смертью бессмертной Сафы, утопала в волнах. Зант, покрытый зеленью и по справедливости названый Золотым островом и цветком Леванта, шел к нам навстречу, за ним, как бы для разительной противоположности, приближались голые Строфадские острова, обиталище баснословных гарпий. Вот и Пелопоннес. С крайним любопытством рассматривал я все места, которые мы проходили, ибо они ознаменованы каким-нибудь происшествием. Здесь у Наварина, древнего Пилоса,

афиняне одержали победу над спартанцами, там Модон, прикрытый с моря островами Каберой и Сапиенцей, по имени последнего море названо морем премудрости, к коему, однако ж, по причине морских разбойников опасно приближаться купеческим судам. Отсюда Морейские берега кажутся унылыми и неплодородными; в некотором расстоянии внутри беловатые горы, Тайгет называемые, являют пустынный вид. На них-то сохранили свою независимость майноты, потомки спартан. Они так же суровы, так же любят вольность, оказывают уважение старцам, поют одни военные песни, не страшатся опасностей и бестрепетно умирают, но что всего важнее, когда Магомет II, счастливый завоеватель Константинополя, не осмеливался испытать своего счастья против сих храбрых республиканцев, они с вершин своих утесов наблюдают плавающие мимо их российские корабли и нетерпеливо ожидают появления войск наших, дабы принять их, как братьев, и вольность свою повергнуть к стопам российского монарха.

12 февраля, когда подошли мы к мысу Матапану, ветер стих, но только для того, чтобы перемениться и сделаться опять попутным. Два течения от Дарданелл и Адриатики, встречаясь здесь, действуют попеременно, то в ту, то в другую сторону весьма сильно. Притом ветры от запада и востока, протекая обширное пространство моря и отражаясь от гор, усиливаются, отчего здесь часто бури бывают. Посему-то греческие стихотворцы, изобретшие прекрасные мечты баснословия, мыс Тенар возвеличили рождением Геркулеса, а течения сии, обратив в ужасные пучины, назвали адскими вратами, чрез кои провели своего героя для поимания пса Цербера.

Я ожидал, что Цитера, остров, где Венера вышла из недр моря, где родилась прелестная Елена, должен быть наипрекраснейший; думал, что природа должна украсить наилуч-

шей наружностью; воображал его романической очаровательной страной, но остров сей, называемый ныне Церигo, представлял обманутому взору одни бесплодные скалы. Если положить, что вид его не изменился против прежнего, при начале веков бывшего, то богиня любви имела причину переселиться в Кипр, но если древние поэты полагали красоту более в душевном, внутреннем превосходстве, то они справедливо почтили Церигo местом рождения богини радостей. В самом деле Церигo, столь безобразный по наружности, внутри, под кровом обнаженных гор, наполнен плодоносными долинами и приятными местоположениями. Оливные и цитронные рощи, благовонные цветы и виноградники, орошенные чистыми ручьями, достойны быть местом рождения богини прелестей, и Елены, которой красота была причиной разорения Трои.

Подходя к Церигo, ветер совершенно стих, корабли разнесло течениями, и мы окружены были как некой волшебной чертой, за которой ветер, хотя малый, но пестрил море, и суда шли там с разных сторон и разными ветрами. Перешед же черту, вдруг останавливались, и их носило вместе с нами. Дабы слух о прибытии нашего флота в Архипелаг не прежде мог распространиться, как флаг наш явится пред Константинополем, все купеческие суда, шедшие туда, были удержаны при флоте.

Наконец 12 февраля к вечеру слабый ветер подул, и крепость Церигo, умещенная на скалистом берегу, с немногими домами своими и башнями, поплыла навстречу нам. Прошед другую крепость Сан-Николо, увидели мы множество островов и вступили в Архипелаг. Солнце текло к последним пределам горизонта, алая заря румянила небо, но когда солнце закатилось, заря угасла, то чуть колебимое море осветилось луной и блеском светлых звезд. Первая ночь, проведенная под небом Греции, была приятнейшая. Небесный свод, зри-

мый в море, казалось, отдыхал на поверхности его, только изредка небольшой ветер, возмущая море, потрясал изображение небес и колебал созвездия.

На рассвете, 13 февраля, мы были по восточную сторону Мореи близ мыса Сант-Анжело; в правой стороне простиралась длинная цепь Цикладских островов, из коих один Мило представлял, как и берега Мореи, яркую зелень; прочие не иное что суть, как голые камни. На Кандии коническая вершина горы Иды, покрытая снегом, превышая течение облаков, в баснословные времена, конечно, могла подать мысль прославить ее местом рождения Юпитера. Угрюмый вид гор, покрывающих Кандию, соответствует нравам жителей. Кандийские турки почитаются отважнейшими и храбрыми мореходцами; они промышляют разбоем и, подобно флибустьерам, нападают на суда абордажем.

14 февраля показались цветущие берега Аттики, где под светлым небом, вместе с вольностью процветали науки и художества, а ныне все в ней изменилось, кроме развалин, славных памятников искусства, те же греки, которые удивляли свет своими Солонами, Ликургами, Сократами, Периклами и Леонидами, те же греки в скорбном уничижении рабства более уже не познаваемы.

15 февраля на корабле «Твердом» поднят сигнал «приготовиться стать на якорь». Ожидание, куда нас поведут и чем начнутся военные действия, занимало каждого, но, обогнув восточный мыс острова Идро, мы весьма мирно бросили якорь между сим островом и матерым берегом.

Остров Идро

Остров Идро есть не иное что, как длинный голый камень, лежащий от Аттического берега в 8 верстах; не видно на нем ни одного дерева. Город построен по крутой скале. От краю берега, где видна небольшая гавань, до вершины горы пред-

ставляется амфитеатр строений, разбросанных по косогору. Чистые белые домики, из коих есть и двухэтажные, с красными черепичными крышками, восходя по уступам выше и выше, издалека, кажется, занимают все пространство между небом и морем. Множество ветряных мельниц, стоящих одна подле другой, окружают город или лучше составляют рамки хорошей картины, помещенной не у места в неопрятном доме, ибо сия громада красивых строений делает разительную противоположность с голыми унылыми окрестностями.

Идриоты по всей справедливости заслуживают имя лучших, проворнейших и отважных матросов. Обитая на бесплодной земле, они всю жизнь проводят в море, торгуют чужими произведениями и очень любят перевозить запрещенные товары. Суда их, строемые по одному навыку, удивительно, как легки на ходу, и, кажется, построены только для контрабандов. Несмотря на искусство европейского кораблестроения, едва ли какой мастер может построить подобное идриотскому судну. Греческие суда вообще в подводной части чрезвычайно остры, подымают мало груза, и притом члены их так тонки и слабо скреплены, что для больших и бурных плаваний они вовсе неудобны; словом, все качества мореходного судна жертвованы в них одному ходу, и в сем особенно при умеренных ветрах и в бейдевинд не имеют себе соперников.

Вид довольства и изобилия идриотов не показывает никакого притеснения турецкого деспотизма, который неумолкаемо бранят все путешественники. На всех Архипелагских островах, где не живут турки, жители управляются сами собой и, заплатив годовую подать, весьма умеренную, пользуются всей возможной свободой и даже такой, что можно смело сказать, ни под каким другим, самым кротким правлением нельзя иметь равной. В правилах торговли идриотов замечательно то, что каждый матрос и даже мальчик служит

без жалованья, но по месту, им занимаемому, получает известную часть в грузе; иногда же матросы складываются, строят судно, выбирают капитана и на общий капитал покупают груз. Таким образом, имея в корабле или грузе свою собственность и будучи большей частью ближайшие родственники, в барышах и убытках каждый равное принимает участие, отчего и должность исполняется с большим рвением. Суда их вооружены пушками и варварийцы никогда не осмеливаются нападать на них.

Прибытие российского флота в Архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкой готовностью предложили свои услуги[1]. По взятии Тенедоса со всех прочих островов независимые майноты, сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики предложили собрать корпус войск, словом, вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи, но адмирал, действуя осторожно, отклонил сие усердие до времени, и даже турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил христиан от ужасного мщения их жестоких властителей. В прокламации, изданной в Идро, жители Архипелага объявлены принятыми под особое покровительство Всероссийского императора, а порты на матером берегу, равно и острова Кандия, Негропонт, Метелин, Хиос, Лемнос, Родос и Кипр, занятые турецкими гарнизонами, признаны неприятельскими; для отличения же христианских судов от турецких определено выдать оным новые патенты на иерусалимский флаг, под которым, по соглашению с английским правительством, могли они пользоваться торговлей с союзными державами.

---

[1] От островов Идро и Специи на третий день прибытия нашего 5 судов вооруженных от 18 до 26 пушек присоединились ко флоту.

Затем греки освобождены были от всякой повинности, кроме того, что они по собственному их вызову и на их содержании с 20 прекрасно вооружеными судами от 10 до 26 пушек присоединились ко флоту и отправляли военную службу с усердием и ревностью. Таким образом, при появлении флота Архипелаг сделался достоянием России, и флаг наш не с кровопролитием и смертью, но с радостью и благословением от жителей встречен был. Множество корсаров вышли под ним для крейсерства и не только в Архипелаге, но и на всем пространстве от Египта до Венеции развевал российский флаг. Варварийцы, узнав о столь грозном вооружении, отказались от союза с Турцией, и наш купеческий флаг на Средиземном море без постыдной подати был ими уважаем.

Соединение с английским флотом

Сильный противный ветер, продолжавшийся четверо суток, удержал эскадру у Идро, в которое время корабли налились свежей водой на афинском берегу; наконец 21 февраля при попутном маловетрии снялись с якоря. Ночь была тиха, паруса чуть наполнялись, и корабли подвергались сильному течению Еврипской пучины, находящейся между Негропонтом и Ливадией, но к свету, когда эскадра миновала остров Андро, ветер посвежел. Заря занималась у нас в правой руке, в левой к югу от Негропонта простиралась длинная цепь островов, коих зеленые вершины, утопая в море, заливались колеблющимися волнами. В полдень ветер стих, но к вечеру сделался опять свежий и обрадовал нас воображением, что скоро достигнем тех мест, где надеемся вложить в уста славы новую трубу для возвещения о наших деяниях. Пушечные выстрелы, раздавшиеся в чистом воздухе, возвестили нам повеления адмирала исправить ордер, сомкнуть линию и несть возможные паруса. Корабли не уступали в ходу один другому. На всей линии, как бы по взаимному согласию, раздались

звуки музыки и веселые песни с бубнами и барабанами; в ночь прошли большее расстояние, а утром 23 февраля обсервационный корабль «Селафаил», посланный вперед для открытия неприятеля, уведомил сигналом, что видит флот, из 12 кораблей состоящий; ему ответствовано вопросительным: «Какой нации?» С «Селафаила» отвечали: «По неимению флагов не известно». Тогда на «Твердом» поняты сигналы: построить ордер баталии, задним прибавить парусов и приготовиться к сражению. Подходя к острову Тенедосу, увидели мы военный корабль, а ближе к Дарданеллам целый флот. На опознательный сигнал оный корабль отвечал поднятием английского флага, потом снялся с якоря и пошел вместе с нами. Когда открылась крепость Тенедос, то на адмиральском корабле сделан сигнал изготовить десант для штурма. Адмирал повел флот мимо крепости на картечный выстрел; свернутый сигнал «начать бой» виден был на стеньге его корабля; мы смотрели во все глаза, когда оный будет развернут, ожидали того с нетерпением, но обманулись; адмирал Сенявин думал иначе; проходя мимо, он не считал полезным убить несколько человек без цели, а потому ожидал первого выстрела с крепости. Турецкий комендант, несмотря на желание своих янычар, также не хотел начать сражения первый, и к немалому удивлению нашему флот прошел мимо. Великодушный турка даже не сделал ни одного выстрела по последнему кораблю нашей линии тогда, когда оный не мог уже вредить крепости. Эскадра наша бросила якорь подле английской, состоящей из двух 3-дечных, пяти 2-дечных кораблей, 4 фрегатов, 2 бомбардирских и брига, под начальством вице-адмирала Дукворта.

Тут узнали мы о действии английской эскадры против Константинополя. Вице-адмирал Дукворт 7 февраля, дождавшись крепкого попутного ветра, с 7 кораблями, 2 фрегатами и 2 бомбардирскими судами пустился в Дарданеллы.

Турки не были еще в готовности, и, хотя палили с некоторых батарей, но не сделали англичанам никакого почти вреда. У Пескис или Нагара-бурну, последней батареи на азиатской стороне, стояла турецкая эскадра, состоящая из одного 64-пушечного корабля, 4 фрегатов, 4 корвет и 3 канонирских лодок. Англичане без сопротивления взяли одну корвету и лодку, корабль сожгли сами турки, а прочие суда бежали в Константинополь. 9 февраля Дукворт достиг Константинополя и 9 дней потом имел всегда штиль или противное маловетрие. Между тем Константинополь и Дарданеллы сильно укрепили. Набережная уставлена была более 200 пушек, корабли и фрегаты подле берега поставлены были так, что во всяком пункте нападающие английские корабли были бы подвержены выстрелам с трех сторон. Бомбардирование не могло также устранить султана, ибо константинопольские жители так привыкли к пожарам, что если бы сгорело и 100 000 домов, то это не принудило бы столицу, населенную миллионом, просить мира. Известно, что в Константинополе дома строятся из тонкого леса, не украшаются дорогой мебелью, и как во всякое время года можно жить здесь на открытом воздухе, то при пожарах турки, вынесши черес с деньгами, шубу и ковер, составляющие всю их роскошь, не думают гасить своего дома. По сим причинам английский адмирал, не могши вступить в переговоры и ничего не сделав, за лучшее признал удалиться от Константинополя. 19 февраля, проходя обратно Дарданеллы, турки открыли огонь со всех батарей, ядра, особенно мраморные, имеющие аршин в поперечнике (28 дюймов), пробивали корабли навылет сквозь оба борта, одно такое ядро на корабле «Виндзор-Кестль» вырвало более трех четвертей диаметра грот-мачты. Корабь «Помпей», на коем был флаг Сиднея Смита, получил каменное ядро в бархоут, которым сделало столь чрезвычайный пролом и столько вдавило и расслабило чле-

ны, что корабль неминуемо бы утонул, если б ядро попало на один фут ниже. Легг, капитан корабля «Репольс», за два месяца пред сим быв в Константинополе и в сопровождении капитана-паши, осматривая арсенал в Топхане, удивлялся величине мраморных ядер и на вопрос паши отвечал, что, по мнению его, такие ядра годятся только для украшения ворот. «Не желаю, — возразил Сеид-Али, — чтобы мы имели когда-либо с вами дело; если же случится сие, то вы увидите, какой вред они могут причинять.» При обратном возвращении чрез Дарданеллы мраморное ядро попало в капитанскую каюту «Репольс», пробило оба борта насквозь и сделало в оных такой пролом, что два юнги могли в оный вместе пролезать. Два фрегата так раздроблены были в корпусе, что не могли более быть в открытом море. Потеря в людях также была значительна, оная простиралась до 600 убитых и раненых. Сей бесполезной экспедицией англичане имели в виду предостеречь турок от нас, открыть глаза и уверить, что Дарданеллы их не непроходимы.

Невзирая на все сии невозможности, вице-адмирал Сенявин, по точному повелению государя императора идти по получении помощи от англичан с большой частью флота к Константинополю, дабы силой принудить Диван подписать мир, предложил Дукворту вторично атаковать сию столицу общими силами, но английский адмирал представлял, что и с 50 кораблями едва ли можно в чем-нибудь успеть. Сенявин двое суток упрашивал его всевозможно. Славный Сидней Смит и храбрые английские капитаны, называемы у них огнеедами (Fire-Eaters) соглашались, чтобы еще раз испытать, но Дукворт решительно и письменно от сего отказался. Мы сначала удивлялись, что понудило английского адмирала, не дождавшись нашей эскадры, идти с малой силой к столице, но недоумение наше еще более увеличилось, когда на представление Сенявина оставить для подкрепления нашего фло-

та 2 корабля и 2 бомбардирских судна, Дукворт 1 марта объявил, что он имеет другое назначение, снялся, ушел и оставил нас одних. После сего адмирал пригласил капитанов на совет и, сообразив настоящие обстоятельства, положил взять Тенедос и содержать Константинополь в тесной блокаде. Бог нам помог, мы имели во всем успех, а англичане вместо того, чтобы быть с нами вместе у Дарданелл и освободить Данциг от осады, повезли войска свои в другую сторону и, как в Буэнос-Айресе, так и в Египте разбиты были и ни в чем успеха не имели.

Взятие Тенедоса

В тот же самый день, как английская эскадра ушла от нас, контр-адмирал Грейг с кораблями «Ретвизаном», «Рафаилом» и фрегатом «Венусом» отряжен был к острову Тенедосу с предложением турецкому начальнику сдать крепость. После учтивых сношений 3 марта паша решительно отвечал, что будет защищаться до невозможности. 4-го и 5-го чисел дул сильный ветер, а 6-го адмирал оставил для наблюдения неприятельских движений пред Дарданеллами корабли «Скорый» и «Селафаил», с остальными пришел к Тенедосу. 7-го сделаны были распоряжения для высадки. 8 марта ночью корабли заняли назначенные им места. С рассветом «Мощный», «Венус» и корсар начали действовать из пушек по турецким пикетам, которые и оставили берег. Крепость открыла огонь по «Рафаилу»; корабль ответствовал с совершенной исправностью, так что редкое ядро не причиняло вреда неприятелю. Тотчас повезли десант; 160 албанцев и несколько идриотов с корсара сбили турецкие передовые посты и тем очистили место регулярным войскам, которые во всем порядке вышли на берег, устроились, разделились в две колонны и пошли вперед. Первая колонна из 900 человек Козловского полка, под командованием полковника Падейского,

с 4 полевыми орудиями пошла налево горами, а вторая из 600 солдат 2-го Морского полка, под командой полковника Буаселя, с 4 пушками и 6 фальконетами вправо по морскому берегу. Албанские стрелки с охотниками регулярных войск и матросов наступали, дрались впереди колонн. Турки отступали по мере наступления. Контр-адмирал Грейг находился при первой колонне. Главнокомандующий располагал всеми движениями при второй.

Колонна Буаселя, прибыв к шанцам, атаковала засевших там турок стрелками; легкие орудия, управляемые морскими офицерами, отважно подвезены были на картечный выстрел и с отменной удачей действовали против неприятеля. Майор Гедеонов, отряженный от первой колонны, прогнал турок с горы, господствующей от северной стороны над городом. Полковник Падейской, устроив свою колонну под выстрелами к крепости, с словом «Ура!» на штыках ворвался прямо в предместье; 2-я колонна в то же время штурмовала ретраншемент и по упорном сопротивлении овладела оным, отняв у неприятеля 5 знамен. Турки бросились в крепость. Первая колонна, выгнав неприятеля из города, встретила бегущих из ретраншемента залпом, тут подоспели 2 пушки, и турки, стеснившись на площади и на мосту, кидались в ров; солдаты обеих колонн, поражая штыками, гнали неприятеля с площади до самых ворот. В самое сие время отряд от второй колонны взял штурмом маленькую крепостцу с 7 пушками. Мичман Салморан поднял на оной императорский флаг. Неприятель заключился в главную крепость; по оной немедленно открыли пальбу из полевых орудий и из малой крепостцы, сражение сим кончилось, но перестрелка с крепости и в предместье еще продолжалась. Турки в домах защищались упорно; греки же, с семействами своими скрывшиеся в своей части города, с доверенностью вышли и отведены в безопасное место; скоро и турки потребовали пощады, и им

не отказано было в возможной помощи. Для гречанок поставлены были палатки и караул, дабы не допускать до них любопытных. Три турчанки, попавшиеся в плен, отвезены на адмиральский корабль, и сие внимание, как увидим впоследствии, принудило турок скорее сдаться.

В тот же день начали строить 4 батареи, каждую о 4 пушках с тем, чтобы оными и двумя кораблями атаковать крепость. К вечеру с крепости почти перестали палить, а наши войска расположились вокруг города, который ночью турки зажгли, дабы очистить крепость и избавиться от вреда, нашими стрелками им наносимого. 9-го числа адмирал предложил капитуляцию с условием на честное слово отпустить турок с их имуществом на анатольский берег, на что они и согласились. Письмо в крепость носила одна из пленных турчанок.

10 марта гарнизон в числе 1200 человек и до 400 женщин и детей немедленно были перевезены на анатольский берег, а войска, вступив в крепость, подняли на оной российский флаг. Греки приступили к тушению пожара и с великим равнодушием перенесли сие несчастье, будучи обрадованы тем, что они избавились турок, которых дома, оставшиеся неповрежденными, провиант и провизия, полученные в добычу, розданы жителям, потерпевшим разорение.

В сем деле убито с нашей стороны: албанцев — 2; ранено: офицеров — 6, нижних чинов солдат и матросов — 73, да на корабле «Рафаил» убито матросов — 2; ранено: гардемарин — 1, матросов — 6; всего убито — 4; ранено — 86, турок убито и ранено около 400 человек. В обеих крепостях взято пушек 79; в том числе 48 медных, сверх оных 3 мортиры и довольное количество снарядов.

Приобретением острова Тенедоса эскадра обеспечена была в главнейшей потребности пресной воды и доставлено оной удобное пристанище, которое, находясь от Дарданелл

в 25 верстах, дало возможность наблюдать пролив и лишить Константинополь сообщения с Архипелагом.

Описание острова Тенедоса

Остров сей был сборным местом греков, осаждавших Трою, и, как повествует Вергилий, местом, куда удалились греки, дабы оставить троянцев в пагубной безопасности. Часть ворот, несколько торчащих колонн и высокие кучи камней, видимые с кораблей наших, составляют бедные остатки Илиона. Конечно, сии развалины не принадлежат к древней Трое, ниже к той Троаде, которая Александром Македонским построена была на могиле Ахиллесовой, но, вероятно, суть остатки Трои, возобновленной уже в позднейшие времена. Однако ж некоторые путешественники с помощью воображения нашли тут часть дворца Приамова, а три кургана, видимые близ развалин, назвали Ахиллесовой, Патрokловой и Аяксовой гробницами. По причине, что турецкий 20 000-й корпус стоял лагерем близ развалин, не можно было осмотреть их, но я часто и с удовольствием любовался прекрасным положением окрестностей. Обширная равнина, распещренная многими деревнями, тщательно обработана и примыкает к зеленым хребтам Идалийских гор, между коими выше всех стоит славный Олимп.

Остров Тенедос, длиной 18, шириной 12 верст, имеет почти круглый образ. Исключая три горы, в северной части лежащих, прочая поверхность его плоска. Взошед на Торо, гору, более других возвышенную, где устроен был телеграф, весь остров с городом, крепостью и гаванью виден кругом, как на чертеже, почему турки и называют его «книжка остров». Кроме небольшого дубового и плодовитого леса на юго-западной и нескольких пашен и лугов на западной и северной стороне, весь остров покрыт виноградными садами, кои дают славное тенедское вино, вкусом и крепостью не уступающее портвейну.

Город невелик; все улицы в нем узки и кривы. На трех площадях и во многих домах есть водометы с прекраснейшей водой. Турки могут похвалиться одним только искусством проводить и иметь всегда хорошую воду. Водоемы в городе, водопроводы в виноградных садах показывают, что турки довольно знающи в сем роде строений. Греческая часть города, лежащая на север, имеет плохие каменные дома с подвалами для вина. Осматривая греческий монастырь, признаюсь, пожалел о нынешних греках, видя дурные строения, бедность и унижение их духа; тщетно предавался я великолепным мечтаниям о славе их предков. Смотря на все, греческим ныне называемое, все прелести воспоминаний исчезают и горестная истина ясно показывает несчастье тех, кои с гордостью всех, не носящих имя грека, некогда именовали варварами! Турецкая часть города с прекрасными мечетями и минаретами, украшенными позлащенной луной, не может не понравиться тому, кто их в первый раз увидит. Смесь греческого и арабского зодчества, витые колонны, множество весьма несовершенной резьбы, какая-то странная, но приятная несоразмерность и разнообразие бросаются в глаза. Турецкие дома имеют верхний этаж, сделанный из тонких досок, с окнами, обращенными на двор, и целые улицы состоят из одних только высоких заборов. Здешние греки, столь долго живши с турками, приняли их обыкновения, носят чалмы и, кажется, мыслят подобно чалмоносцам. С начала нашего здесь пребывания гречанки не показывались на улицах, все их удовольствие состояло в том, чтобы ввечеру выйти на террасу своего дома и закрыться шалью так, чтобы никто не мог видеть их лица, но в короткое время они ознакомились и с нашими обыкновениями. Сперва хотя и удушали себя покрывалами, но стали, оставляя одни только глаза незакрытыми, выходить на прогулку, потом сидели на террасах несколько открывши лицо, потом, когда увидели, что это

нашим офицерам нравится или может и услышали похвалу красоте своей, уже без робости занимались рукодельем у открытых окон; а где их не было, там их пробили, и потом скоро сбросили покрывала, нарядились, стали выходить всюду и город оживился.

Кладбища турок и христиан представляют печальную противоположность. Первое, осененное кипарисами, прохлаждаемое журчащим водоемом, украшается надгробными памятниками в виде гробниц, пирамид, а большей частью мраморных столбов, увенчанных грубо иссеченными чалмами, из коих на тех, кои умерли насильственной смертью, надписано, по повелению какого султана они были казнены. Турки убитого по воле монарха не почитают преступником, ниже приписывают какое-либо бесчестие его детям, но чтут память его как мученика!.. Христианское же кладбище, вместо надгробных камней, между дикой травы покрыто иссохшими костями и черепами. Нет ничего грустнее, как сравнение сих двух кладбищ, где даже в равенстве смерти замечается отличие между властителем и рабом.

Сохранившаяся от пожара турецкая баня заслуживает особенное внимание. Оная нагревается снизу, так что теплота одной комнаты бывает более или менее другой, по мере удаления от печи. Каждые пять зал покрыты стеклянным куполом, а в стенах нет ни одного окна. Внутри пол и стены выложены белым мрамором. В первой зале и в нескольких особенных малых покойцах раздеваются. Во второй посредине поставлен водоем холодной воды. В третьей в вазы беспрестанно струится чистая холодная вода, а чрез кран получается горячая. В последних залах, где пол очень горяч и воздух довольно жарок, сделаны низкие мраморные полки, на коих греки, не хуже наших парильщиков, умеют мыть и выправить кости посредством жестокого трения куском грубого стамеда или какой-то травы. Турки по законы обязаны

часто мыться и ничего не жалеют для украшения бань, сделавшихся для женщин театром роскоши и щегольства; это одно удовольствие, которое им предоставлено, и они умеют им пользоваться. Турчанки, идучи в баню, выряжаются как можно лучше, проводят в них по целым дням, и сии собрания между женщинами, лишенными всякого удовольствия, конечно, могут почесться некоторой отрадой; ибо в банях только, хотя пред особами своего пола, могут похваляться своей красотой, смеяться, петь и играть без запрещения.

Крепость Тенедоская построена генуэзцами; она четвероугольная, имеет цитадель с башней, находящейся в стенах главного вала, отделяется от города сухим рвом и небольшой площадью, бруствер низок, стены ветхи, нет казематов от бомб, никакого строения для гарнизона и один только пороховой погреб. Крепость, находясь у моря и под горой, во время осады с моря или с сухого пути не может долго выдерживать оной, ибо навесные с горы выстрелы, даже и ружейные, могут перебить всех людей, и с сей стороны крепость совершенно открыта и беззащитна. Пушки также неисправны; некоторые, подобные дарданельским, стреляют мраморными ядрами или заряжаются мешком каменьев. Малый редут защищает с южной стороны гавань, в которой поместиться может до 20 малых судов. Пролив между островом и анатольским берегом, имея глубину от 9 до 12 сажен, грунт везде ил, составляет хотя открытый, но хороший рейд.

Плавание до Солоник и обратно в Тенедос

По взятии Тенедоса турецкая эскадра, состоящая из 8 кораблей, 6 фрегатов и 50 лансонов и канонерских лодок, спустилась к устью Дарданелл. Главнокомандующий, желая уменьшением своих сил выманить неприятеля из крепкой засады, приказал контр-адмиралу Грейгу с кораблем «Ретвизаном», фрегатом «Венусом» и одним идриотским корсаром

идти в Солоники, дабы сей богатый торговый город лишить сообщения с Архипелагом, и если представится какой-либо ко вреду неприятеля случай, то нечаянно появиться и оным воспользоваться. Вследствие сего 19 марта отряд оставил Тенедос. На другой день совершенное безветрие остановило нас у Афонской горы. Высота ее 2½ версты уменьшала расстояние, в каком мы от неё находились, и когда солнце начало заходить, то длинная тень ее далеко за нас простиралась на восток. Во время солнцестояния конец тени достигает до Лемноса, в 100 верстах от нее лежащего. Эллиан повествует, что на вершине горы воздух особенно здоров, отчего живущих там некогда называли макробии. То есть долголетние. Чрезмерная высота горы делает, что солнце при восхождении показывается на вершине гораздо прежде, нежели у подошвы по западную сторону горы. Филострат в «Жизни Аполлония» пишет, что многие философы удалялись на сию гору, дабы лучше наслаждаться зрелищем небес, столь к вершине ее близких, и приятным положением окрестностей, на дальнее расстояние видимым.

В самой глубочайшей древности гора Афон посвящена была Аполлону, коего капище стояло на том мраморном верху, где ныне сооружена церковь Преображения Господня. Еще более она была известна тем, что Ксеркс, хотя и мог обойти ее, хотел для сокращения пути своему войску перерыть ее; а другие уверяют, что Александр Великий предполагал сделать из нее статую, изображающую всадника на коне, и на каждой руке выстроить по городу. Во время гонений отшельники построили там монастыри, коих теперь считается 20, и с тех пор Афон называется святой горой.

Монастыри расположены по покатости горы один над другим от вершины и до самого моря, так что издали представляют они огромную лестницу, ведущую на небеса. Белые стены, коими окружены монастыри наподобие замков, и зла-

товерхие главы церквей столько поражали зрение и говорили чувствам, что я не мог свести с них глаз, желал поклониться сим святым местам, думал, что, быв столь близко, непростительно русскому не посетить их, но море зарябело, ветерок подул, и мелькающие в кельях огоньки скоро скрылись и угасли. Огорченный, с стесненным сердцем, должен был расстаться с набожными мыслями и плыть против воли туда, куда веял ветер.

Ночь была светла, день последовал за ней прекраснейший и ветер дул самый умеренный, мы плыли вдоль берега Македонии и, чем ближе подходили к Солоникскому заливу, тем места становились более прелестны. Когда миновали мы город Кассандрию, окруженный каштановым лесом, то по обе стороны залива открылись нам два совершенно разных вида. Восточный берег являет взору равнину, легким скатом от горизонта склоняющуюся к морю, покрытую полями, лугами и небольшими перелесками плодоносных рощей. Малые ручьи искривленным направлением текут к морю, рисуют, так сказать, по земле узоры и украшаются многими селениями, рассеянными на берегах их. Западная сторона, берег Фессалии, представляет высокие голые скалы, уныло склонившие главы свои к морю. На них не видно было и малейшего следа жилища; славная гора Олимп, величественно восходя до небес, поражала взор своей огромностью; печальные сосны, растущие на ее вершине, колеблемые ветром, качались над пропастями, со всех сторон ее окружающими. И в сих-то вертепах, засыпанных вечным снегом, кочует воинственное племя эпиротов, кои, подобно майнотам, до сих пор сохранили свою независимость. 15 000 сих воинов ежегодно, когда поспеет жатва, сходят на долины и предают все огню и мечу, во избежание чего солоникский паша удовлетворяет их нужды, починяет им ружья, дает порох и свиней, и сия горсть людей, под щитом непроходимых гор и дикой храбрости, не боится

ни наказания, ни мщения. Кроме Олимпа, горы Осса, Пелион и Пинд, последняя с раздвоенной вершиной, прославленные древними стихотворцами, также Темпейская долина, Термские теплицы и река Пеней тут же находятся, словом, на каждом шагу и на обеих сторонах залива места ознаменованы каким-нибудь знаменитым именем и происшествием.

22 марта к вечеру, не доходя Солоники, корабль и фрегат бросили якорь, а корсар с контр-адмиралом пошел далее для осмотра крепости, и в ту же ночь возвратился назад, 23-го, на 15 саженях глубины, в семи верстах от города, отряд бросил якорь; против нас в устье реки видно было несколько лодок. Вооруженные гребные суда взяли их и привели к кораблю контр-адмирала; с оных лодок предположено было бомбардировать город.

Солоника лежит в конце залива между двумя реками, обнесен высокой четвероугольной стеной и бойницами, окружность сих стен, по-видимому, может простираться от 20 до 30 верст. С морской стороны город защищается только двумя башнями, вооруженными 19 большими пушками, стреляющими мраморными ядрами; амбразуры их очень велики и запираются железными затворами; между башнями, которые несколько выдались вперед, на городской стене поставлено 20 орудий обыкновенного калибра; тут останавливаются купеческие суда. С сухого пути, от северо-востока, город защищается замком, называемым Семибашенный; он стоит внутри главного вала и отделяется от города большим полем. Солоникский рейд окружен ровными местами, цепь Фессалийских гор тут прерывается, но вдали другой хребет гор окружает равнину, орошаемую пятью реками, из коих Вардар и Вистрица судоходны; от сих рек вода на рейде пресна. Мыс Бернус защищает рейд от южных ветров; оный, будучи закрыт и с прочих сторон берегом и притом имея глубину от 5 до 9 сажен, грунт ил с песком, удобен и безопасен. В городе

считают 48 мечетей, 30 греческих монастырей и 36 синагог. Обширный купол соборной церкви Св. Дионисия превышает все здания. Евреи, богатейшие из жителей, производят значительную торговлю хлебом, лесом, рогатым скотом, вином и хлопчатой бумагой.

24 марта шлюпка с контр-адмиральского корабля ездила два раза в город; были переговоры: контр-адмирал требовал выдачи французской собственности; но как губернатор города, населенного 100 000 жителей и защищаемого 10 000 янычар, словесно в оном отказал, то после полудня фрегат наш снялся с якоря, дабы приблизиться к крепости, но, не дошед к оной на пушечный выстрел, приткнулся к мели и хотя скоро и, по мягкости грунта, без вреда сошел с оной, но предприятия было сим замедлено.

На другой день подул крепкий северный ветер, почему контр-адмирал принужден был оставить предприятие. Отряд снялся с якоря и, по причине мрачности и сильного ветра, не выходя из залива, остановился у деревни Паноми. 26-го поутру, когда ветер уменьшился, отряд снова вступил под паруса; корсар пошел в Скополу для взятия там нагруженных пшеницей турецких судов, а корабль и фрегат 30 марта соединился со флотом у Тенедоса.

На передовом посте у Дарданелл

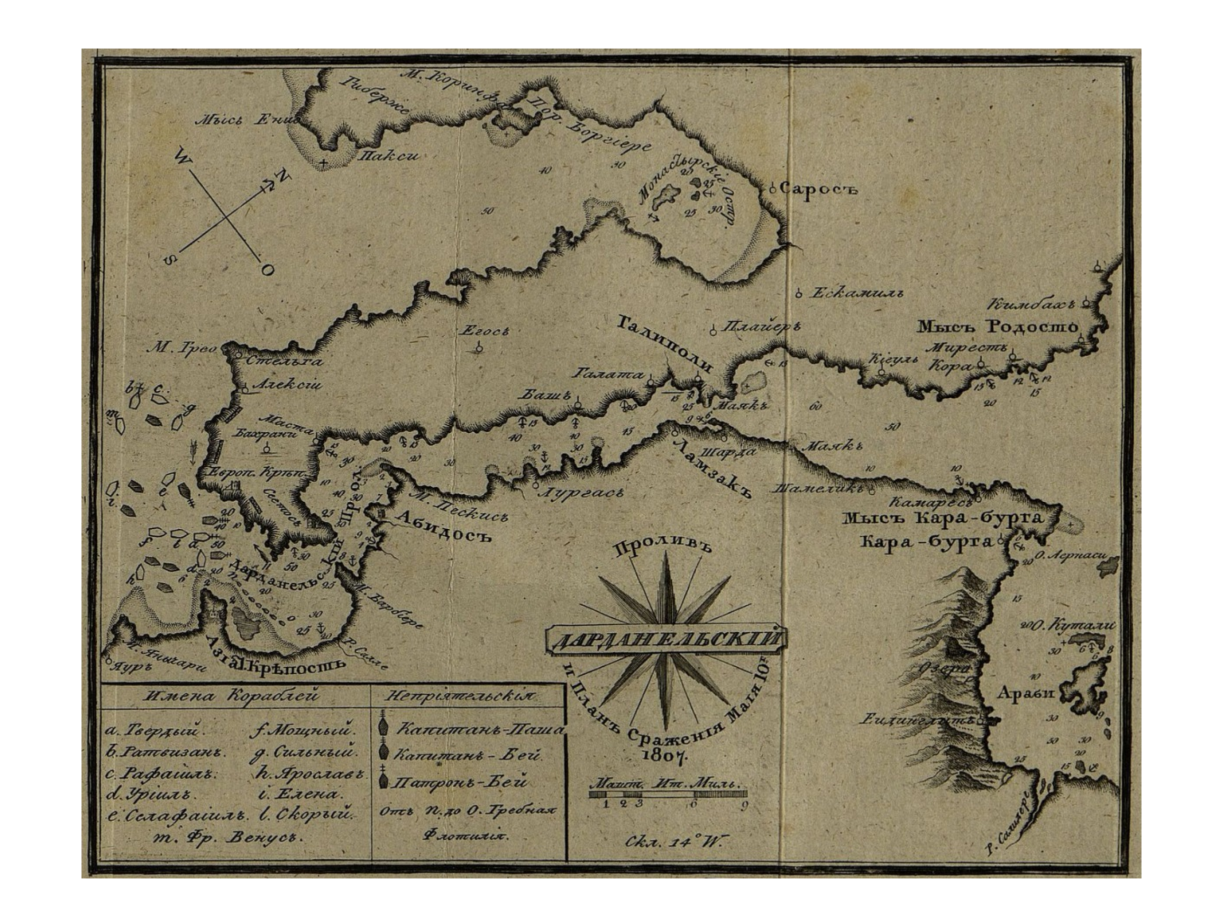
2 апреля корабль «Мощный» и фрегат «Венус», назначенные для блокады и наблюдения неприятельских движений у Дарданелл, сменили корабли «Рафаила» и «Ярослава». Отряжаемые в авангард корабли обыкновенно в 8 верстах от крепостей останавливались у пустого острова Маври, где могли наливаться водой. Поелику наши суда находились весьма близко от пролива, были всегда в готовности сняться с якоря и вступить в сражение; то со времени прибытия нашего флота в Архипелаг не только судно, ниже одна лодка не

осмеливались приблизиться к Дарданеллам; торговля совершенно прекратилась, и многолюдная столица, наводненная проходящими войсками и обремененная содержанием другой армии, собранной для защиты Дарданелл и Константинополя, скоро истощила все запасы; недостаток и в сем месяце был уже чувствителен.

Дарданельский[2], в древности Геллеспонтский, пролив, получил свое название от царя Дардана, построившего на нем город своего имени (ныне малые Дарданеллы). Невозможно поверить, чтобы на таком течении, которое иногда бывает по 6 миль (10$^1/_2$ версты) в час, мог Ксеркс утвердить чрез пролив мост; по сей же причине еще менее вероятна прекрасная история Геро и Леандра. Устье пролива между европейской и азиатской крепостью имеет 10 верст ширины, у крепости Сестос и мыса Барбиери суживается до 2$^1/_2$ верст; далее за крепостью Абидос и мысом Пескис до крепости Галиполи ширина 4$^1/_4$ версты. Первые укрепления построил Магомет II, возобновил их Магомет IV, а последние построены в 1770 году кавалером Тоттом. Теперь поставили новые рекошетные батареи наравне с поверхностью воды (à fleur d'eau), так что прорывающийся корабль, во всю длину канала на расстоянии 63 верст (36 миль), должен будет сражаться на оба борта, а часто выдерживать огонь с четырех крепостей вдруг. За всеми сими грозными укреплениями излучистое направление канала, сильное течение, бьющее из стороны в сторону, отмели у многих мысов находящиеся, наконец спорное течение в устье, идущее у одного берега к северу, а другого к югу, делает проход чрез Дарданеллы весьма опасным и даже непроходимым.

---

[2] Смотри карту Дарданельского пролива.

Пролив Дарданельский и План Сражения Мая 10го 1807.
Имена Кораблей
a. Твердый.
b. Ратвизан.
c. Рафаил.
d. Уриил.
e. Селафаил.
f. Мощный.
g. Сильный.
h. Ярослав.
i. Елена.
l. Скорый.
m. Фр. Венус.
Неприятельские
Капитан-Паша
Капитан-Бей
Патрон-Бей
От n. до o. Гребная Флотилия.
Мален. Ит. Миль.
Скл. 14° W.
Сарос
Галиполи
Мыс Родосто
Мыс Кара-бурта
Кара-бурта
Абидос
Ламзак
Араби
Азиат. Крепость
Дарданельск.
Европ. Крп.
Сестос
Монастырские остр.
Пор. Боргиере
Пакси
Мыс Ени
М. Грео
Стельга
Алексии
Егос
Галата
Баш
Плайер
Ескамиль
Кимбах
Мирест
Кора
Маяк
Шарда
Шамелик
Камарес
Лурғас
М. Пескис
М. Барбере
О. Кутали
О. Лернаси
Озера
Р. Салилере
Яур

Остров Имбро

В ночь на 3 апреля три вооруженные шлюпки «Мощного» и «Венуса» с 120 солдатами, матросами и албанцами отправились на остров Имбро для покупки провизии и для приглашения жителей привозить оную в Тенедос. На рассвете мы пристали по южную сторону острова. Пастухи без робости встретили нас на берегу; потом пришли и поселяне ближней деревни и с радостью предложили, хотя немногое, но все, что они имели, не требуя платы, но как от них ничего не хотели взять даром, то тут обнаружилась сметливость греков, кои за то, что прежде отдавали за 10 копеек, стали требовать рубль. При всем том несколько домов не могли снабдить нам нужным; почему лейтенант Рикорд отправил мичмана Поздеева в город, в 20 верстах от берега лежащий. Я оставлен у судов.

Имбро горист и плодороден. Горы покрыты дубовым и карагичевым лесом; долины, орошаемые многими небольшими источниками, покрыты плодоносными деревьями, виноградниками и частью производят пшеницу, ячмень и кукурузу. Несмотря на богатство природы, жители бедны. Дома их сложены из камней без всякой связи, плоские крыши покрыты плитой или хворостом. Каждый начальник селения, турка, требует подарка. За свободу богослужения начальник острова требует ежегодно иногда произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Сие несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям возобновить церковь. Он в длинной речи изъявил свое прошение. Когда переводчик, мало разумевший итальянский язык, пересказал мне, что он от меня хочет, то я удивился, но имея в мысли внушения начальства «сколько можно снисходительно обходиться с греками», и притом полагая, что отказ мой не будет им понят (ибо не только

офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим), я дал мое согласие и принужден был идти вместе с народом туда, куда меня повели. Мы спустились в овраг, со всех сторон закрытый сплошной густотой дерев. Внизу под скалой не без сожаления увидел я одни стены часовни. Священник прочел молитву, окропил святой водой, и прихожане ревностно принялись поправлять стены, принесли дверь и солому, чтобы сделать крышку; люди наши также им помогали; я подарил попу медный складень; он столь был обрадован сим подарком, что не знал, как благодарить, и всем его показывал. Когда исправление церкви приходило к концу, вдруг прибегает молодой человек и с испуганным лицом уведомляет, что турки напали на наших в городе и почти всех побили. Я воротился к шлюпкам, собрал своих людей, лейтенант Рикорд, начальствовавший отрядом, приказал поставить по возвышениям часовых и, дабы дождаться вернейших сведений, перевесть баркасы к одному мысу, где на случай удобнее было защищаться. Между тем люди, возвращавшиеся из города с провизий, сказывали, что в северной части острова отряд турок точно набирает матросов для флота. Начальник селения отправил в Тенедос лодку уведомить о сем адмирала. Около полудня несколько турок показались в отдалении на горе, но скоро отступили и скрылись за горы. Между тем все наши люди собрались, и баркасы в 6 часов пополудни отправились к маврам.

День был жарок, и море тихо, но заходящее солнце предвещало бурю: небо покрылось мрачностью, южный горизонт горел молниями и от сей же стороны шла зыбь. Слишком нагруженный баркас начало заливать, ветру еще не было, но сильным волнением выбивало весла из рук гребцов. Не успевая отливать воду, принуждены мы были бросить в море купленную провизию, ядра, порох и все другие тяжести. После полуночи ветер подул, но противный, и нас несло к Дар-

данеллам. Матросы, другой день, не имея покоя и 10 часов сряду гребя без отдыха, напрягали последние усилия, но баркас мало подвигался вперед против зыби. К утру ветер начал свежеть: на рассвете сделалась буря, но, к счастью, я успел взять выше островов Маври и мог полным ветром пристать к кораблю «Мощному». Ночь сия стоила мне великого беспокойства, ибо, не имея с собой компаса, не был точно уверен, так ли держу, и если б не удалось достигнуть к Маври, то бы должен искать спасения в Дарданеллах, что и случилось с двумя катерами корабля «Мощного», но к счастью, корабль «Скорый» и «Венус», отправленные адмиралом к Имбро, увидели их, спустились и спасли; у «Венуса» под самыми батареями европейского мыса изорвало марсели, и фрегат с крайней опасностью едва мог обойти мыс Грео.

«Скорый» и «Венус» прибыли к северной оконечности Имбро, высадили там 300 солдат и албанцев, но турок не нашли, ибо они уже переехали на лодках в залив Сарос, почему «Скорый» возвратился в Тенедос, а «Венус» занял свой пост в авангарде. На фрегате меня встретили как воскресшего из мертвых, ибо греки, посланные с Имбро, уверяли, что нас всех побили.

10 апреля турецкая эскадра из 7 кораблей и 6 фрегатов пришла из Мраморного моря и остановилась в устье Дарданелл у азиатской крепости, а 2 корабля стали у европейского берега. Сего числа 4 наших корсара прошли за остров Имбро к западу.

Офицерский запас уже давно истощился, морской провизии матросам выдавали также скупой рукой; надеялись что-нибудь достать на Имбро, но я возвратился оттуда по пословице: ездил ни по что, привез ничего. В полночь, на праздник Пасхи, слушали заутреню, любовались пальбой со флота и Тенедосской крепости и сами при громе артиллерии обнялись, похристосовались по-братски, поздравили друг друга с

великим праздником, а разговелись черным размоченным сухарем. Не привыкнув в такой день столь строго поститься, хотя мы и шутили, но не долго; скоро все разошлись по каютам философствовать, предаваться романическим мечтаниям, один лег спать, другой пел заунывные песни. Матросы также сбивались с ладу, прохаживались на шканцах в новых мундирах, вспоминали, как в России в сие время уже все веселы, и также шутили с горем пополам. К вечеру со флота виден был идущий баркас; оный пристал к нашему борту, наполненный баранами, бочонками вина, корзинами яиц и зелени. Какая радость! Адмирал вспомнил о нас и, уделив из своего запаса, прислал нам разговеться. Подарку этому мы так обрадовались, что тотчас развели на кухне огонь, часто посылали торопить поваров и, наконец, в полночь сели обедать. На рассвете и матросы разговелись, начались игры и песни, все были довольны, забыли прошедшее и с большим удовольствием наслаждались настоящим. Турки в Дарданеллах что-то суетились, корабли переходили с места на место. Может, они думали воспользоваться нашим праздником, но как бы они обманулись: у нас кроме великого изобилия воды, получаемой с островов Маври, вино в бочках очень повысохло.

16 апреля корабли «Уриил» и «Скорый» сменили нас в авангарде, а мы возвратились к Тенедосу, где флот наш усилился двумя кораблями, прибывшими из Адриатики, и 20 корсарами, кои, получив военные флаги, отправились в разные места Архипелага для крейсерства.

Залив Сарос

21 апреля, дабы уничтожить сообщение чрез залив Сарос, находящийся по северную сторону Дарданельского полуострова, откуда могли перевозить провиант, капитан получил повеление идти между Имбро и Румелийским берегом.

Контр-адмирал Грейг в то же время с 4 кораблями отправился к Смирне, где должен был крейсировать пред входом сей гавани между Хио и Метелином. Главнокомандующий имел в предмете как блокаду сего богатейшего торгового города, так и то, чтобы развлечением сил поощрить турок выйти из Дарданелл. К нам присоединился идриотский корсар, курьер Архипелагский, капитан Кирико Скурти.

22-го, по прибытии в залив, взяли два судна и, прошед до самого конца его, остановились на якоре у островков, на одном из коих находится укрепленный монастырь. Турки сделали по нам несколько безвредных выстрелов. 23 апреля, возвращаясь назад, у пунто Журонто заметили два судна, называемые здесь соколевы, они были отшвартованы[3] к берегу, толпа турок были готовы защищать их. Маневр, который сделал капитан корсара, заслужил общую похвалу и принес бы честь наилучшим матросам. Ветер был свеж, корсар близ берега под всеми парусами дал залп, пустил беглый огонь картечью, уменьшил паруса, задержал несколько ход, придержался как можно ближе к соколеве, и в то время баркас, бывший на бакштове, пристал к ней, греки вскочил на судно, в одно мгновение ока обрубили канаты и таким образом вытащили оное кормой на бакштове из гавани в море. Два пленных, взятых на соколеве, показали, что в сем местечке находится султанский магазин и пекут хлебы для армии, посему фрегат бросил тут якорь, несколькими выстрелами очистили берег и все гребные суда, тотчас были туда посланы; греки также не замедлили к нашим людям присоединиться и в полчаса, когда неприятельская конница, артиллерия и пехота начали спускаться с высот, успели нагрузить другую соколеву хлебами, мукой и всем, что попало под руку, остальное зажгли и возвратились без потери.

---

[3] Привязаны канатами.

Прибытие наше в Caроский залив причинило туркам немалое беспокойство. Большая их армия, которой вверена была защита Дарданелл и столицы, соединилась и заняла кругом берега залива, ибо тут они ожидали высадки наших войск. Главнокомандующий, нашед средство иметь сообщение с Константинополем и даже с армией генерала Михельсона, действовавшей на Дунае, с намерением распространил слух, будто бы 100 000 наших и английских войск, вместе с греками и славянами, выйдут на берег в сем заливе, и таким образом, оставив Дарданеллы в стороне, пойдут прямо в столицу, которая от конца залива находится только в трех днях марша. Слуху сему столько поверили, что 5000 албанцев взбунтовались, заклепали в одной дарданельской крепости пушки и, видя свою ошибку, после кровопролитного сражения пробились и ушли в свои горы, предав на пути все турецкие селения огню и мечу. К сему присоединился недостаток в хлебе, который прежде получали из Египта и Архипелага; и с сего времени Константинополь был свидетелем кровавых происшествий. Многие паши были казнены, а потом и сам султан Селим был свержен с престола.

Обошед кругом Caроский залив и отправив призовые суда в Тенедос, мы подошли к западу вдоль Румелийского берега. За мысом Энио у города Нино видно было в устье реки на мелководье и под крепостью 30 лодок; на них невозможно было напасть, однако ж корсар наш, возвратившись к ним ночью, взял своим баркасом 2 лодки, а мы, проходя близ берега и не встретив ни одного судна, бросили якорь в открытом море, на глубине 34 сажен по западную сторону Самондраки, куда на утро 24 апреля пришел и корсар.

Остров Самондраки

Самондраки, имеющий в окружности от 30 до 40 верст, лежит по западную сторону Имбро, против Румелии. На нем нет ни одной пристани, кроме якорных мест по западную

и южную его сторону находящихся. Вид острова с запада, где мы стояли на якоре, представляет один из прекраснейших проспектов в природе. Холмы, возвышения, наконец горы, отдельно стоящие, наполняют все его пространство. Высокие горы имеют голые вершины, изредка поросшие строевым лесом, меньшие, составляя уступы первых, покрыты плодоносными рощами, между ними зеленые долины, тучные луга и хижины, разбросанные по берегу малых источников, подобно блестящим точкам, показывались в отдаленности.

Турки, бывшие на острове, бежали в Румелию. Новый начальник из греков приехал на фрегат, поднес подарки, состоящие в плодах и вине, и неотступно просил капитана послать в город, лежащий от берега верстах в 15, несколько солдат, дабы тем обрадовать народ и устрашить турок, которые, узнав, что русские заняли город, и по отбытии фрегата не осмелятся из Румелии возвратиться на остров. 40 солдат и столько же греков с корсара рано поутру отправились двумя дорогами в город. Мне поручен был сей отряд с таким выставлением, чтобы пригласить греков возить съестные припасы в Тенедос, а турок, если какие попадутся по дороге или приведены будут жителями, взять в плен.

Мы шли с пригорка на пригорок, с горы на гору, везде встречая прелестную природу, в полном цвете, разнообразии и богатстве. Тут проходили мы бор дубовых, ореховых и каштановых дерев; там густой лес смоковничных, миндальных и черешневых, коих ветви переплетены диким виноградом и жасминными лозами. Спускаясь с гор, мы входили в прекрасные долины. Зеленые ковры лугов, поля, виноградники и сады, дремлющие под тенью гор, свежесть утра, красота и дикость мест, удовольствие встречать на каждом шагу неожиданное зрелище, видеть необыкновенных птиц, обонять запах неизвестных у нас цветов, словом, чувствовать себя перенесенным в другой мир, где каждый взор, сообщая сердцу новое и живое впечатление, часто останавливал меня, и я в

мечтания блуждал в очарованных садах Армиды. Иногда дорога шла узкой тропинкой, пробитой на отвесе, тут скалы висели над головой, там пропасти зияли под ногами, но, прошед сей опасный путь и взошед на гору, с одной стороны открылось шумящее море, с другой — прелестная долина. Разбросанные в беспорядке хижины, скрывающиеся под тенью пирамидальных тополей; виноградные сады и большое поле хлопчатой бумаги, разделенное обширным ровным лугом, примыкавшим к скале, на коей в половине ее высоты, в пустынном уединении показывалась бедная церковь с кладбищем, осененным кипарисами; а ниже ее водопад, обширным жерлом как бы политый из урны, вырывался из скалы, падал и издали представлял светящееся зеркало, за коим обильный поток, стекая вниз по долине, изгибался по лугу светлой чертой; наконец, рогатый скот, спокойно щиплющий мураву, стадо овец, бродящих под скалой и отдыхающих вокруг водопада, и козы, прыгающие по обрывам, довершали картину и составляли совокупно прелесть сельской жизни.

Наконец прошед тесное ущелье, между двух каменных утесов заключенное, вправо открылись развалившиеся стены крепости, а за ней и город. Дабы известить жителей о нашем прибытии, провожавший нас начальник город просил сделать несколько выстрелов, после коих с барабанным боем пошли вперед. Вскоре мы увидели толпу народа, вышедшую к нам навстречу. Священник в ветхой рясе окропил нас святой водой, подал мне в руки кипарисный крест и, когда я приложился к нему, то взяв у меня обратно оный, благословлял солдат; потом сказал краткую речь, в которой я и переводчик мой поняли одно имя Александра, затем, принимая от мальчиков букеты цветов, подал мне и каждому солдату, прося украсить ими шляпы и киверы. После сей церемонии гражданские, как казалось, чиновники, ибо в платье их не было от других различия, поднесли мне медовые хлебы и

соль. При восклицаниях народа «Да здравствует Александр!» вступили мы в город вместе с народом, на лицах которого ясно изображена была радость, смешанная с каким-то священным благоговением. У дверей каждого дома, хозяин, кладя руку на грудь и немного наклонившись, подносил хлеб и соль, женщины с великим любопытством и робостью, может быть, происходившей от стука барабанов, смотрели на нас с террас домов. Впереди шел священник и начальники, они вывели нас за город на одно возвышение, где небольшое четвероугольное место, огражденное перилами, было устлано коврами; меня просили войти и сесть там на подушку, солдаты стали вокруг, началась новая церемония; начальник города с 6 другими и попом вошли и, в почтительном отдалении опустясь на колена, сели предо мной. Один из стариков с жаром говорил длинную речь, но переводчик мой, худо знавший по-гречески и еще менее по-итальянски, сказал мне: они просят, чтобы мы оставили несколько солдат для защиты их от турок, что содержание берут на себя и желают дать присягу в верноподданстве. На сие я отвечал, что Архипелаг уже объявлен под покровительством нашего императора, что присяга не нужна там, где нет сомнения в верности и преданности, что, впрочем, с особенными просьбами они могут отнестись к главнокомандующему, а я имею только поручение установить цену съестным припасам и пригласить жителей доставлять оные в Тенедос. На сие начальники отвечали, что некоторое количество провианта и скота, собранного турками для армии их, в Румелии расположенной, мы можем взять как собственность неприятеля; сверх того, желая доказать готовность свою, они обещали собрать к вечеру еще несколько провизии собственно от себя. Впредь же, как не имеют удобных лодок для перевозки скота в Тенедос, они будут отпускать дров сколько угодно, а провизии — сколько могут на корабли, для сего присылаемые, по цене условленной и самой умеренной. Они сдержали слово: глашатели

обвестили всех начальников семейств, что именно каждый из них должен к вечеру доставить на фрегат.

И тут, как на Имбро, я должен был позволить возобновить разоренную церковь, но священник здешний был счастливее прежнего. Капитан подарил ему рясу и образ Николая Чудотворца в окладе. Начальник города пригласил меня к себе обедать, и после того, как у нас на святой неделе попы, должен был переходить из дома в дом и непременно чего-нибудь откушать; солдаты также усердно были угощаемы. В одном доме нашед женщину, раненую турком, у которой пуля остановилась в ноге, за неимением у здешнего лекаря инструментов, послал я на фрегат за своим, которой вынул пулю, дал наставление, как лечить, и снабдил лекаря некоторыми медикаментами.

Местоположение города мне очень понравилось. Три каменные бесплодные горы, сходясь подошвами, составляют узкий треугольник, с двух углов которого быстро текут два источника, соединяются и одним течением вертят несколько колес, обращающих небольшие жернова, весьма просто устроенные и без всякого над ними строения. С двух сторон по хребту гор построены ветряные мельницы, которые служат и для защиты; с третьей стороны стоит крепость. Обошед угол ее, тотчас увидишь город, разделенный по скатам на три слободы. С первого взгляда нравится он диким, уединенным своим положением. Строения представляют кучу разбросанных хижин, низких мазанок с плоскими крышами. Все они каменные, без полов, с двумя малыми окнами и в средине составляют одну нештукатуреную комнату. Дом лекаря, почитающийся лучшим, обит в средине резными кипарисными досками.

Крепость построена генуэзцами; от стен ее осталась только одна круглая бойница и развалившееся строение, в погребах коего лежала пшеница. Зерна, почерневшие от времени, можно было отделить одно от другого, но как скоро сожмешь

их в руке, то они обращались в земляную пыль. И пшеничное зерно, столь тленная вещь, чрез несколько столетий, подобно мраморной статуе, торжествует над временем и разделяет с ним вечность.

Самондраки изобилует хлебом, плодами, скотом и табаком. Как турки, поселившиеся здесь, не составляют и четвертой части жителей, то греки не все еще утратили свои обычаи. Одеваются по-турецки; женщины ходят с открытым лицом; они прелестны, но не столько красотой, сколько кротостью, целомудрием и особенной склонностью к мирной семейственной жизни известны в Архипелаге. Все женихи, и богатые, и ревнивые, и благоразумные, ищут здесь невест своих. Самондраки древле славился капищем, которого предвещания уважались не менее елевзинских.

Получив на сем малом острове более запасов, нежели ожидали, 26 апреля снялись мы с якоря и, пользуясь тихим попутным ветром, плыли близ Румелийского берега. У местечка Макри несколькими выстрелами пустили ко дну три лодки. Тут был укрепленный шанцами лагерь; турки попустому стреляли в нас из ружей и даже из пистолетов; немного далее корсар наш взял одну лодку, а другую сжег; суда же, бывшие у города Нино и Чиберже, разгрузились и вытащены были на берег. Таким образом, лишили мы неприятеля последнего средства доставлять сим путем что-либо из Архипелага. Обошед отмель у мыса Энио, находящуюся по левую сторону при входе в залив Сарос, и миновав другой камень близ остров Имбро, мы спустились к Тенедосу, куда и прибыли 28 апреля.

Румелия очень изрядно обработана, отсюда получается лучший курительный табак; берега ее населены кержиалами, или, лучше сказать, военными помещиками. Они не платят никакой подати и только в военное время обязаны служить на коне на своем содержании. Судя по множеству селений, видных у набережной, и особенно по большим табунам

лошадей, должно думать, что кержиалы зажиточны. Дома их в виде беседок и павильонов, обыкновенно строемые на берегу реки и под тенью купы дерев, нравятся взору и обещают прохладу и удобство.

Остров Скиро

Капитан фрегата «Венуса» с двумя корсарами, прежним «Курьером» и другим «Ирида» называемым, получил повеление идти к островам Св. Евстратия и Скиро, где изготовлено было для флота несколько съестных припасов и скота. 2 мая, приняв на фрегат 20 албанцев с офицером, снялись мы с якоря и, подошед к острову Св. Евстратия, легли в дрейф. Старшина острова тотчас приехал на корабль, привез в подарок несколько зелени, плодов, вина и обещал на другой же день отправить в Тенедос на своих лодках 100 баранов и столько зелени и вина, сколько собрать может, с обещанием каждую неделю отправлять на флот по две лодки с провизией. От острова Св. Евстратия 3 мая в полночь прибыли в гавань Сан-Джоржио, находящуюся на южной стороне острова Скиро. Один из корсаров наших пошел к Негропонту, а другой к Тино, откуда последний прислал нам два грузовых судна.

Гавань Сан-Джоржио защищается от западных ветров длинным островов Фрикю и тремя небольшими островами, между коими и берегом Скиро простирается большой рейд, где на глубине от 10 и до 30, а далее и 40 сажен, корабли безопасны от всех ветров. Самое лучшее место, где грунт ил, на глубине 10 саженях, находится против одного развалившегося строения, вокруг которого на малое пространство берег покрыт белым песком.

Тихое утро, день прекраснейший, вокруг нас не видно было никакого селения, но зелень лесов, растущих на небольших возвышениях, луга и поля манили выйти на берег. Сев в шлюпку и приближаясь к берегу, приметили мы, что вода на

глубине 6 сажен сделалась прозрачна, как стекло: там, на чистейшем песке дна, плавали тысячи многообразных полипов, морских ежей, звезд, коньков и всякого рода рыб, столь прелестно испещренных, каких нельзя и вообразить в нашем климате. Кажется, будто рукой можно достать растения, плавающие в глубине, но при точном исследовании они лежали на дне. Но что меня более удивило, то это были играющие на поверхности моря рыбы. Семь довольно больших гонялись за стаей малых, делали различные обороны, из которых некоторые имели сходство с маневрами войск и эволюциями флота.

Как начальник острова, приезжающий на фрегат, обещал не прежде двух дней доставить скот и провизию, а между тем должно было ожидать возвращения корсаров, то для отдыха капитан приказал на берегу раскинуть палатки и половину экипажа свез к оным. Тотчас из балласта сделали походную баню: русскому во всех климатах баня необходима. Люди наши одни ловили рыбу, другие с ружьями пошли в леса, и та, и другая охота была более, нежели удачна. Жители приходили к нам с подарками и столько обрадованы были нашим прибытием, что оставались в палатках до самого нашего отбытия. Мы угощали и ласкали всех равно, ибо начальника от земледельца ничем отличить было не можно.

Скирос имеет в окружности около 150 верст, покрыт невысокими горами. Почва земли на каменистом грунте весьма плодоносна. Виноград дает прекрасное вино, в лесах без всякого призора растут плодовитые деревья. Жители занимаются земледелием, и хлебные поля дают им изобильные жатвы. На всем острове считается не более 400 семейств, разделенных на три селения; большое из них, называемое городом, лежит в северной части острова в миле от моря и занимает такую высоту, что строения кажутся висящими над водой; таким он представлялся с моря, когда мы его проходили. Любопытство побудило меня с тремя товарищами идти в город пешком, но проводник наш в 5 верстах от рейда показал

нам развалины древнего Скироса, это нас остановило, мы предпочли древний новому и после сожалели о сем предпочтении. Куски мрамора, глубокие ямы, означающие места строений, колючий кустарник и черепки от сосудов багряного цвета — вот, что осталось от великолепной столицы, где родился Ферекид, где Ахилл в женском платье воспитывался между дочерями царя Никомеда, и где, наконец, умер Тезей. Великолепные здания, нравы и даже образ людей подвержены переменам; все истребляется временем и варварами, в руках которых искусства, науки и художества мертвеют. Но природа остается неизменяемой, мы видим ее в том же велелепии, какова она была при сотворении мира. Возвращаясь назад другой дорогой, мы вошли в лес, обремененный плодами столь редкими, что воображение перенесло меня в счастливые острова Тихого океана, где человек без знания искусств роскошествует в избрании богатых даров земли уединенной и никем не посещаемой. Шум воды привлек наше внимание, мы обратились в ту сторону и увидели прекрасный водопад. Падая с небольшой высоты и разбиваясь о мшистые каменья, весь обращенный в пену, он течет после спокойно, разделяется на два рукава и тем образует островок, поросший огромными деревьями, корни которых, подмытые водой, склонились с обеих сторон речки, соединились ветвями и составили таким образом живой мост. Далее по берегу реки не можно было пройти: терновник, вьющийся виноград, утлые пни и упавшие деревья принудили нас идти кратчайшей дорогой. Зеленый луг привел нас к палаткам.

7 мая, по прибытии корсаров и по принятии 70 быков и 400 баранов, снялись мы с якоря, лавируя к северу при переменном тихом ветре. 8-го в полдень слышны были пушечные выстрелы, а спустя несколько греческая лодка, вышедшая из Тенедоса, уведомила нас, что турецкий флот вышел из Дарданелл; посему, сделав корсарам сигнал держаться соединенно, мы поставили все паруса и 9 мая рано поутру в густом

тумане сошлись с флотом нашим, состоящим из 10 кораблей и 7 корсаров, по западную сторону Тенедоса и вместе с ним стали на якорь на прежнем место против крепости.

Высадка турецких войск на остров Тенедос

7 мая, по захождении солнца, телеграф дал знать, что турецкая эскадра снимается с якоря, к полудню вышла оная из пролива и расположилась на якорях выше островков Маври к Анатольскому берегу, всех числом кораблей восемь, между которыми один 120-пушечный и три 80-пушечные, фрегатов о 50 пушках — шесть, шлюпов — 4, бриг — 1, лансонов и канонерских лодок — до 50; флагманы были: капитан паша Сеид Али, капитан-бей (адмирал) Патрон Бей (вице-адмирал) и один адмирал, начальствующий гребной флотилией.

Главнокомандующий, будучи уверен, что турки и с большими силами не возмогут скоро овладеть крепостью Тенедоской, на вечер того же числа при северном ветре с 10 кораблями вступил под паруса и, обойдя остров Тенедос по южную сторону, направил путь к острову Имбро. В движении сем адмирал имел в предмете, чтобы дать неприятелю более способа устремиться на остров и тем самым отвесть его далее от пролива: притом, если бы северный ветер подул хотя сутки постоянно, чего и ожидать должно было по настоящему времени, то флот наш мог бы выйти у неприятеля на ветер, отрезать его от пролива и принудить к битве, которой он тщательно старался избежать, но 8-го числа во всем день случились штили и переменные противные от севера маловетрия.

9 мая поутру ветер был противный от северо-востока свежий, небо облачно и временно дождь, к тому же и лунное затмение при полнолунии, все сие обещало продолжительную ненастную погоду или бурю; то, чтобы не подвергнуть корабли какому неприятному приключению, в 9 часов утра флот спустился к острову Тенедосу и при самом положении якоря нашел от севера жестокий шквал с дождем, дул с пол-

часа с великой силой, потом ветер, дождь и мрачность начали упадать, и погода прояснилась. В полночь ветер стих, и к досаде нашей, опять сделался от NO легкий.

8 мая, когда флот наш находился у Имбро, турки поспешно высадили десант в 4 верстах к северу от крепости Тенедоской. Майор Гедеонов, с 2 ротами с 2 пушками пришед на место, после малой перестрелки первый неприятельский отряд принудил отступить. Турки отошли к лежащему на ружейный выстрел от Тенедоса маленькому голому островку и под прикрытием сильного картечного огня гребной флотилии вторично и в большей силе вышли на берег. Майор, не давая им осмотреться и устроиться, немедленно на самом берегу отважно вступил с неприятелем в ручной бой. Турки не могли выдержать такого натиску и, не имея места к отступлению, бросались в воду и на лодки; новые толпы заступали их место и имели ту же участь. Высадкой располагали французские офицеры; три раза под защитой канонерских лодок турки выходили на берег и, невзирая на решительность и мужество, в великом беспорядке, наконец, отступили и отплыли к Анатольскому берегу. Жители тенедоские и греки других островов, по случаю бывшие тогда в городе, показали в сем случае храбрость и отважность похвальную. Турок убитых на берегу сочтено 200 человек, 30 выбросило морем, сверх того потонуло две лодки и с людьми. А как при каждом их отступлении поражаемы они были картечью из 4 пушек, то вся их потеря должна простираться до 300 человек. С нашей стороны, по выгодному положению, коим люди были укрыты от картечных выстрелов неприятельской флотилии, потеря состояла только в 5 раненых солдат и 4 греков.

Дарданельское сражение 10 и 11 мая

10 мая с утра ветер был от NO самый удобный для турок, если бы они расположены были атаковать нас, но неудачное покушение на Тенедос лишило их бодрости, и два флота сто-

яли в виду друг друга во всякой готовности. В полдень два судна под парусами шли на нашу линию. Почитая их брандерами, «Венус» по сигналу вступил под паруса, но по осмотре оказалось, что то были австрийские; шкиперы просили адмирала позволить возвратиться им в Триест. Наконец, после полудня в 2 часа, к общей всех радости, ветер сделался от SW, который в летнее время бывает здесь очень редко. Едва оный начал навевать, то на «Твердом» раздался пушечный выстрел и поднят сигнал сняться с якоря. Радость, надежда сразиться с турками была общая на всем флоте; не думали об опасностях предстоящей битвы, боялись только штиля и перемены ветра. В полчаса все корабли были уже под парусами и в ордере баталии. Мы ожидали, что турки, не осмелившись атаковать нас, примут нападение наше, стоя на якоре, но они вскоре также снялись, потом пять кораблей их близ крепостей бросили якорь и, снова отрубив канаты, вступили под паруса, весь флот их направил путь в Дарданеллы. На «Твердом» поднят сигнал несть всевозможные паруса и напасть на неприятеля каждому по способности. Легкие корабля пошли вперед, но ветер начал стихать, наконец переменился, подул от W и довольно свежий, турецкая эскадра поспешала на всех парусах войти в Дарданеллы, ветер им к тому весьма способствовал. Хотя в узком месте пролива не можно было надеяться чем-нибудь овладеть, но храбрый наш адмирал решился дать им удар при дверях самых крепостей.

В 6 часов, когда день клонился уже к вечеру, «Венусу», бывшему впереди, сделан сигнал атаковать отделившийся корабль. Мы, подойдя к нему под корму, открыли огонь. Вскоре «Селафаил», «Ретвизан», «Рафаил» и «Сильный» напали на другие корабли и сражение началось за полчаса до ночи. Корабли наши, упреждая неприятельские, проходя между ними вперед, обходя с кормы или носу, бились одновременно на два борта. «Селафаил», первый догнав

100-пушечный корабль капитан-паши, дал ему залп в корму и, когда оный стал приводить на правый галс, дабы избежать сего огня, то корабль наш, поворотя чрез фордевинд, упредил его и снова напал на него с кормы. «Уриил» толь близко миновал турецкий вице-адмиральский корабль, что такелажем своим сломал у него утлегарь. Сенявин стремился на Сеид-Али и, прошед под корму корабля Бекир-Бея, вступил с ними в бой с обоих бортов; потом, спустившись, атаковал капитан-пашу так близко, что реи с реями почти сходились. Сеид-Али, показав сначала желание драться, отпаливался тут весьма редко и на всех парусах, уклоняясь от корабля «Твердого», несся под свои крепости. Все турецкие корабли также на всех парусах спешили за своим адмиралом в Дарданеллы, вовсе не помышляя о сражении; многие из них, опустя борты, даже не защищались; напротив того, наши корабли, каждый по способности своей, то спускаясь, то приводя, то убирая, то прибавляя парусов, преследовали и поражали на самом близком расстоянии, стреляя наиболее вдоль их кораблей. В восьмом часу наступила темнота, ветер начал уменьшаться, в самом устье пролива флоты смешались, и от двойного течения одни наши корабли, у азиатского берега бывшие, выносило из Дарданелл, другие прижимало к европейским крепостям и несло в пролив, с обоих берегов коего мраморные ядра поражали друзей и неприятелей без разбору. Для отличия на наших кораблях подняли на мачте по три фонаря, турецкие корабли, бывшие близ нас, сделали то же; и от сего несколько времени были биты своими и нашими кораблями. Дабы в темноте и узкости не вредить друг другу, корабли наши стали выходить из пролива, и сражение в 9-м часу кончилось, но с некоторых перестрелка продолжалась до 11-го часу. Бегство неприятельского флота столь было поспешно и беспорядочно, что три корабля стали на мель у азиатской крепости. В первом часу пополудни, при совер-

шенном штиле, эскадру нашу вытащило течением из Дарданелл, и все корабли по сигналу стали на якорь, где кто находился.

Во время сражения адмиральский корабль «Твердый» столько приблизило к европейской крепости, что пули стали вредить. Адмирал приказал закрыть фонари и буксировать корабль шлюпками. Потеряв из виду огни, отличающие корабль главнокомандующего, весь флот чрезмерно был сим обеспокоен, и как в сие время лавировали мы пред входом в Дарданеллы, то, проходя, спрашивали друг друга, где адмирал? Но скоро среди неприятельского флота начался весьма правильный беглый огонь, дым прочистился, показались три фонаря, и мы крикнули «Ура!»: это был Сенявин. На другой день, когда корабль «Сильный» поднятым с флагштока вполовину брейд-вымпелом известил о потере своего капитан-командора, мы, сожалея о славной смерти сего достойного начальника, обещавшего Отечеству хорошего адмирала, еще более опечалены были, не видя на стеньге твердого вице-адмиральского флага. Не могу описать общего при сем смущения. Я, будучи при повторении сигналов, первый заметил сие и, смотря в зрительную трубу, не видя на стеньге флага, воображал или лучше, мне казалось, что оный развевает. Капитан, вахтенный лейтенант и другие офицеры, бывшие на палубе, также смотрели и, ничего не видя, бледнели и не смели спросить друг друга, жив или убит адмирал. Матросы один за одним выходили на шканцы, смотрели, также боялись сообщить друг другу свои мысли, искали предлога сойти в палубу и там в печальном безмолвии клали земные поклоны у образа. В таком расположении духа подошли мы под корму «Твердого». Капитан наш, вместо обыкновенного рапорта, спросил, здоров ли адмирал? Нам отвечали: «Слава Богу!» Мы еще сомневались, но Дмитрий Николаевич показался в галерее, в одно слово раздалось у нас на фрегате гром-

кое радостное «Ура!»; адмирал сделал знак, что хочет говорить, но матросы не скоро могли умолкнуть и он, поклонившись, ушел.

11 мая поутру три турецких корабля были довольно подавшись от устья Дарданелл в море; два из них буксировались гребным флотом. До 10 часов было тихо; когда же в сие время ветер подул попутный, то эскадра снялась с якоря, начала соединяться, а в полдень, когда ветер несколько прибавился, сигналом контр-адмиралу Грейгу с кораблями «Ретвизаном», «Селафаилом», «Скорым», «Ярославом» и фрегатом «Венусом» приказано видимые неприятельские корабли стараться отрезать, взять или истребить. Между тем турецкие корабли на всех парусах поспешали в пролив; наш отряд догнал их почти у самых крепостей и, не возмогши никак взять их выше под жестоким на себя огнем, действовал на проходе по кораблям и флотилии отменно удачно. Корабли турецкие после первых залпов отпаливались весьма слабо: истребление парусов, подбитие снастей и разрушение корпусов их видно было глазами. Неприятель, имея в выгоду свою попутный ветер, который в то время установился так свеж, что и при противном течении они подавались вперед; наш же отряд, обращенный бортом к течению, выносило из пролива, но за всем тем трижды успели мы сделать обороты к нанесению большого вреда неприятелю. Гребной флот, защищавший неприятельский корабль, стоявший на мели ниже азиатской крепости, бежал. Другой корабль, догнанный «Селафаилом», а после и «Ретвизаном», бросился на мель под прикрытием европейских крепостей и своего флота. Вице-адмиральский, желая пробраться в пролив у азиатского берега, будучи сильно обит, бросил якорь, потом снялся и, уклоняясь от огня нашего отряда, также стал на мель; близость оной к азиатской крепости препятствовала атаковать его как должно. Между тем ветер начал тихнуть, течением

корабли наши снесло ниже турецких; почему сигналом приказано отряду контр-адмирала соединиться с эскадрой. 12-го флот наш сточл на прежнем месте у Тенедоса.

В сие сражение убито: матросов — 26, ранено: офицеров — 3, гардемарин — 1, албанских офицеров— 2, нижних чинов — 50 человек; повреждения же, какие случились, все на другой день были исправлены. Турецкий флот, невзирая на крепости, тесноту пролива и ночь, уклоняясь от сражения, был сильно разбит. Три корабля их оказались неспособными к службе, потеря в людях простиралась до 2000 человек. Капитан-паша удавил вице-адмирала и двух капитанов на корабле своем. Спустя несколько дней после сражения он принял вице-адмирала очень ласково, но лишь вышел он из каюты, вмиг был задавлен. Поступок сей покажется сначала слишком жестоким, но, входя в причины, оный не есть таков и, напротив, в нем заключается доброе намерение. Турки думают иначе о исполнении смертных приговоров и говорят, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать в ожидании определенной казни. В Турции не объявляют преступникам о решении их судьбы и, выводя его из тюрьмы на казнь, обыкновенно объявляют милость, прощение султана, а как многие в самом деле получают оные, то осужденный вместо страха, конечно мучительнейшего самой смерти, надеется, радуется и вдруг без торжественного шествия на эшафот, без грозного приготовления, нечаянно умерщвляется, и необходимая смерть, определенная законом, тем самым по возможности облегчается.

Если в сражении на сухом пути человек оказывает всю силу мужества, то в морском должен иметь всю неустрашимость; и, хотя в обоих управляет нами рука Божия, но в последнем воля его очевиднее. В первом мы сражаемся и умираем только от руки сопротивника, не боимся, что земля расступится под ногами нашими, не думаем взлетать на воз-

дух, и если проигрываем битву, то укрываемся в крепостях или находим спасение в выгодном занятии мест и искусстве своего полководца. Мореходец же, отделенный от смерти одной доской, заключенный в тесной, плавающей по воде крепости, в коей нет места, где бы, укрывшись, можно было с выгодой поражать неприятеля, сражаясь с которым, еще должно бороться с ветром и волнами. Близость земли и удаление от нее равно могут быть бедственны. Подводный камень и отмель уничтожает его предприятия, и то, что препятствует одному, служит в выгоду другому. Сей выгодой пользуется только тот, кому ветер благоприятствует, или, как говорится по-морскому, кто на ветре. Часто самый опытный и храбрый адмирал, завися от силы и перемены ветра, не может победоносного флота своего ни от бури спасти, ни воспользоваться одержанной победой. В морском сражении смерть является во всех видах. Кроме ядра, картечи и пули, бьет людей обломками и щепами, летящими от бортов и мачт. При взорвании и потоплении, все погибают, счастливый только спасается. Абордаж превосходит ужас кровопролитного штурма тем, что побежденный в отчаянии может зажечь свой корабль, и тогда враги вместе летят на воздух.

12 мая, в то время, как тело капитан-командора Игнатьева с военными почестями предали земле в Тенедорском монастыре, капитан наш получил повеление, для наблюдения неприятельских движений, идти к Дарданеллам. Турецкий флот устроился в линию близ крепости Ченак-Колеси, один же корабль, как думать должно, более поврежденный, на буксире канонерских лодок шел далее в пролив. 16 мая корабль «Мощный» соединился с нами, 18-го же контр-адмирал Грейг с пятью кораблями остановился пред устьем Дарданелл, так что не только судам, ниже лодкам, не можно было пройти в пролив. Фрегат наш с «Мощным» возвратился в Тенедос.

Капитан-командор Игнатьев убит был ядром в голову в то самое время, как он намеревался свалиться с неприятельским кораблем. Отечество лишилось в нем человека просвещенного, мореходца осторожного и воина неустрашимого. Честолюбие его было основано на истинном достоинстве, при обширных познаниях, дух его стремился ко всему изящному и благородному. Пышность в домашней жизни, совершенное бескорыстие по службе были отличительнейшими чертами его характера. Он был горд, но любил отличать, награждать своих подчиненных; был, к несчастью, иногда вспыльчив, но в сем искренне раскаивался; никогда власть свою не употреблял во зло и боялся быть несправедливым.

Остров Инсера

21 мая получили мы с корсаром «Иридой» повеление сделать поиск над появившимся в Архипелаге французским о 28 пушках корсаром, и потом под Смирной простоять несколько времени для наблюдения 10 купеческих судов, готовившихся оттуда выйти. В ночь на 23-е число корсар «Ирида» отстал от нас, а мы, прошед весьма близко южный мыс острова Ипсеро, легли в дрейф. Поутру, находясь против порта Сан-Николо, капитан приказал мне с 2 вооруженными гребными судами осмотреть, нет ли в числе 18 судов, стоявших в гавани, французского корсара. Старшина острова, ехавший на фрегат, встретился со мной и уверял, что если бы французский корсар осмелился прийти к ним, то непременно был бы взят. Невзирая на его уверения, я осмотрел все суда и, не нашед ничего подозрительного, вышел на пристань. Город Сан-Николо построен на мысу; улицы в нем прямы; посреди города лежит площадь с прекрасной церковью; дома каменные двухэтажные, европейской архитектуры; нижние жилья служат для складки товаров. Псариоты, так же, как и идриоты, почитаются искусными морскими промышленниками. Остров их бесплоден; они живут морем, имеют прекрасные

суда и очень зажиточны. На их содержании два корсара служили при нашем флоте. Порт невелик, открыт только юго-восточным ветрам, и суда на глубине от 5 до 9 сажен, грунт ил, находят в нем хорошее пристанище. Хотя было еще очень рано, однако же народ толпился вокруг нас. Я, чтобы увидеть город, только пробежал по нему и по усильной просьбе принужден был войти в один дом, где подали мне завтрак; другие также просили сделать им честь, но, торопясь возвратиться на фрегат, я отказался и пошел к пристани.

Оставя Ипсеро, мы плыли вдоль западной стороны острова Хио, где представляется взорам обрывистый каменный утес, и дошед до Никарии поворотили на восток. За сим островом виден был Патмос, где святой Иоанн в заточении написал «Апокалипсис». Остров сей, как и Никария, покрыт прекрасной зеленью и лесом. Никария получил имя свое от Икара, дерзостного сына Дедалова, который, приближась к солнцу, растопил восковые свои крылья и упал в море близ острова Иктиозы, с того времени названого Икара, а ныне Никария. Хотя день был жаркий, однако ж наши крылья не растопились, и мы, продолжая плыть по северную сторону Самоса, 24 мая ввечеру бросили якорь в небольшой серповидной гавани, называемой Вохти. Она открыта от северного и западного ветра и имеет 22 сажени глубины, грунт ил.

Остров Самос

Лишь только положили мы якорь, посланные от города поздравили нас с прибытием и на двух лодках в подарок для команды привезли зелени, плодов, мяса и вина; они ходатайствовали за доброго своего турецкого губернатора, который, узнав о нашем приходе, оставил город в намерении удалиться с острова. Капитан приказал уверить его, чтобы он, если греки им довольны, не опасался русских. Чтобы узнать достоверно, где находится французский корсар, послали гонцов во все гавани острова.

На другой день нашего пребывания в Самосе было воскресенье; мы поехали к обедне в город. Оный выстроен на горе в двух верстах от гавани, вокруг набережной коей видно несколько магазинов и лавочек. Церковь только что отстроена, снаружи приятного вида, а внутри живопись на образах столь дурна, что лики святых не иначе, как по надписям узнать можно. Иконостас расписан золотом, голубой и красной краской и украшается маленькими, одна на другой поставленными витыми колоннами. Для женщин хоры с решеткой, закрыты навесом. Для стариков по сторонам сделаны род кресел, в которых не сидеть, но прислониться можно. При выносе упоминали имя государя, которое распространило в церкви молчание, и все слушатели положили земной поклон с благоговением. Сколь нам было сие приятно, всякий русский сердцем удобно может себе представить. Здешний дьячок, старик лет 60, славится своим пением, голос его чист и громок; он пел с такой страстью, силой и напряжением, что труд его по справедливости немаловажен. Голова его беспрестанно обращалась к небу, руки попеременно прилагал он к сердцу или простирал к алтарю, весь дрожал и находился в полном исступлении. Носовой напев его имеет нечто особенное, ибо всех слушателей приводил в священный восторг.

Город, называемый Копа, расположен неправильно; в нем есть кривые, прямые, широкие и узкие улицы, каждая площадь с фонтаном. Дома итальянского и восточного вкуса, кто имеет прекрасную жену и ревнив, то по-турецки окна на двор; кто редко бывает дома и имеет доверенность к своей любезной, у того окна на улицу; дом с балконом и террасой. Словом, всякий строится, как ему вздумается. Тут подметено, там куча сору, тут прекрасный раскрашенный дом, возле него хижина без окончин, которые заменяются деревянными решетками. Базар закрыт от солнца полотном; в низких

лавочках, где едва можно сидеть, поджав ноги, разложены пестрые шелковые товары, а возле них мясная лавка.

Архонт, славное титло, которое носят греческие начальники городов, пригласил нас к себе. Когда проходили мы городом, толпа народа или, лучше, весь город шел за нами. На площади у фонтана девицы (ибо их узнать можно по заплетенным и опущенным косам), оставляя свои кувшины, подносили нам букеты цветов, коими они украшают головы. Архонт богат, дом его убран великолепно, но без вкуса. Каменные стены обиты резными кипарисными досками. Резьба немного лучше той, которой наши ямщики украшают свои ворота. Нас ввели в большую комнату, кругом в окнах, стекла в них круглые и разноцветные, как в мечетях; потолок испещрен красными, голубыми и золотыми полосками, исходящими от одного круга, в центре коего подвешена хрустальная люстра. Прекрасные ковры и пестрые шелковые диваны на полу по-турецки составляют лучшее убранство в восточном вкусе, и угощение было также по-азиатски. Во-первых, подали кофе и трубки, потом облили всех розовой водой, накурили комнату ладаном и мастикой, наконец сама хозяйка поднесла медовые миндальные пирожки, варенье с перцем, шербет с амброй, ликеры и вино также с ароматами, а в заключение сушеные дынные семечки. При прощании каждого из нас одарили, даже и вестовых — кому достался цитрон, кому шитый кисет для табака, кому позолоченная трубка, кому мастиковые четки или резной образок трудов затворников афонских и, наконец, одному синего стекла стаканчик, а последнему горсть табаку.

Архонт просил удостоить присутствием нашим их праздничные забавы. Мы пошли к пристани и на лугу возле города увидели толпы женщин и мужчин. Нас привели в загородной дом английского консула и посадили на балконе. Наряд женщин, сохранивший нечто от древних одежд, нравится

еще более потому, что молодые вообще пригожи, и даже из пожилых нет ни одной дурного лица. Тюник достигает только до колен и держится на белом шелковом или серебряном парчовом поясе. Широкие шаровары из полосатого, весьма прозрачного флеру, подвязываются розовыми лентами к желтым или красным мештям (турецкие башмаки). Женщины носят небольшой тюрбан и шаль, два конца от тюрбана, вышитые шелком или золотой битью, опускаются сзади, два локона впереди их падают на открытую шею. Девицы плетут волосы в мелкие косы и опускают их по плечам. Шея и руки у всех нагие, грудь едва прикрыта розовой дымкой. Черные волосы при белизне и свежести лица, глаза полные огня и стыдливости, величавый рост, тонкий стан, брови дугой, как бы нарисованные, стройность всех членов и правильные черты лица делают наружность женщин столь необычайной и прелестной, что, несмотря на неловкость их, воображение находит в них подобие с теми образцами, коими греческие ваятели и живописцы, без сомнения, руководствовались для совершеннейшего произведения умственной красоты в изображаемых ими богинях и нимфах. Начались пляски, и я могу сказать, что видел Олимпийские игры. Скрипка, тимпан и бубенчик, сопровождаемые унылым и тихим пением, составляли музыку. Пляшущие держались рука за руку. Вожатый пел с расстановками стих, прочие повторяли только последние его слова. Между тем все вдруг и согласно, подымая руки вверх, плавно переступая с ноги на ногу и всем корпусом из стороны в сторону наклоняясь, медленно обходили кругом. За сей пантомимой, также при унылой, но несколько скорой музыке, последовала круговая пляска, в которой танцующие кружатся разными оборотами, развиваются и опять сходятся в круг. Сия пляска совершенно подобная тем, кои мы видим в греческих барельефах, может быть, одна только сохранилась от времени учреждения Олимпийских игр. Она-то по глубо-

кой ли старине своей, или по особенной некоей приятности, производит великое действие над зрителями; ибо и те, кои не пляшут, даже старики, сопровождают, сидя, каждое движение пляшущих или умильным взглядом, или движением ног своих.

Самос лежит против Эфеса и отделяется от Малой Азии Микальским проливом. Остров сей посвящен был Юноне. В великолепном ее храме ежегодно отправлялось торжество в воспоминание бракосочетания ее с Юпитером. В сие время юношество всей Греции стекалось в Самос. Антоний и Клеопатра, приготовляя флот против Октавия, в одно таковое празднество расточали столько сокровищ на театрах и играх, что и самые самосцы, чрез меру любившие забавы, говорили: что ж они будут делать, одержав победу, если так веселятся прежде сражения? Кучи камней и мраморов, близ порта Вохти показываемых, мраморная стена, упавшая в море, обломки колонн, капителей, водопроводов, как уверяли меня, суть остатки древнего Самоса. В 3 верстах от города сохранились от Юнонина капища только три колонны ионического ордена: я их не видал и не имел любопытства видеть, потому что множество мраморных столпов, без сомнения, также составлявших храмы или иные здания, валялись близ самой гавани. Самос славился рождением в нем философа Пифагора, ревностного защитника переселения душ; Сивиллы, предсказавшей рождение Иисуса Христа, и тирана Поликрата, который после преблагополучной жизни познал из опыта, что никто не должен почитать себя совершенно счастливым прежде смерти.

Самос почитается из числа изобильнейших Архипелагских островов. Поверхность его покрыта горами, называемыми Ампелос, на скатах коих произрастает виноград, дающий мускатное вино, известное у нас под именем мальвазии. Самые вкусные плоды поспевают здесь два раза в год. Палящий

зной, освежаемый морскими ветрами и ночной росой, содержит землю всегда влажной. Хлопчатая бумага, шерсть и масло, доставляют жителям значительные выгоды; сверх того, здесь делают шелковые материи и легкое полусукно, употребляемое греками и турками.

Греки, строго наблюдая посты, большую часть года питаются рыбой, с отменным вкусом ее приготовляют и с отличным искусством умеют ее ловить. Они употребляют намет или круглую шелковую сетку. В тихую погоду молодые люди вместо прогулки ходят по берегу и, заметив рыбу, бросают намет с руки так искусно, что оный расстилается по воде, помощью грузил тотчас опускается и, стягиваемый снурком, становится мешком. Надобно иметь привычку, ловкость и проворство, чтобы сим образом поймать рыбу.

Крейсирование между Хио, Чесмой и Метеленом

По прибытии из Тенедоса корсара «Панагеи» с повелением от главнокомандующего, 28 мая снялись мы с якоря и пошли к востоку. Прибыв в Микальский пролив, мы крейсировали тут в ожидании корсара, который пошел к западу вокруг Самоса. Ветры были тихие и переменные, погода прекраснейшая. Берег Малой Азии низок, весь покрыт зеленью и множеством турецких селений, кои приметны по прекрасным минаретам, украшенным позлащенными лунами. Видимые поля, кажется, весьма тщательно обработаны. Смотря на сии достопамятные в истории места, исполненные славой человеческих деяний, представлялись мыслям развалины древнего великолепия Греции: тут каждый шаг ознаменован славным событием и памятником. Взирая на них только издали, невозможно было не сожалеть, что проходишь мимо. Я довольствовался зрением в трубу, приводил на память бытописания, отыскивал древние грады и не хотел верить, чтобы бедные деревнишки Аязалук и Фигена стояли на местах прекрасного Каистра и Эфеса, славного Дианиным

храмом, почитавшимся в числе семи чудес света. В построении сего здания, украшавшегося 127 столбами, сооруженными 127 царями, ионяне только чрез 200 лет привели его к окончанию. Герострат, желая заслужить бессмертие, в тот самый день, когда родился Александр Македонский, сжег сей храм; и не обманулся, имя его осталось в истории и сохраняется в потомстве точно так же, как и всех злодеев, которые не один храм, но целые государства предают огню и мечу. В христианские времена Эфес известен третьим Вселенским собором против Нестория, признававшего единое только естество в Иисусе Христе. И тут, где церковь осуждала с толикой ревностью поклонением иконам, ничего иного не видно, кроме изломанных изображений богов язычества. Близ Эфеса находится пещера семи отроков, спавших 200 лет. Чистые воды Меандра и теперь извиваются не в дальнем расстоянии от Каистра, но лебеди, как не стало в Греции стихотворцев, уже более не поют. Отечество Иродота, Гиппократа и Фалеса, города Милет, Галикарнас и Книд, Мавзолова гробница и капище Книдской Венеры также в окрестностях Эфеса находились. В Эфесе преставился святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Апостол Павел писал к гражданам его послание; он же гору Мимас, имеющую раздвоенную вершину, просек мечом. Воспоминание баснословных времен и идолопоклоннического служения не столько занимали мое воображение, сколько воспоминания деяний апостолов, проповедовавших в сих местах веру. Берег от Эфеса к Хио низок, очень населен и, по-видимому, хорошо возделан. Множество минаретов в виде колонн и белых пирамид, длинные и узкие, наподобие стрел, трубы, строение домов совсем отличное от нашего, украшая веселое местоположение, придают прелестный вид даже и маленьким хижинам.

31 мая, соединившись с «Панагеей» в проливе между Хио и Чесмой, взяли мы две соколевы с пшеницей. Тут древние герои Греции уступают место русским. Имена Орлова, Спи-

ридова и Ильина навсегда сохранятся в истории века Екатерины Великой. Я с особливым любопытством рассматривал место сражения, где адмирал Спиридов разбил турецкий флот, и удивлялся, как 15 линейных кораблей и 25 других мелких судов могли поместиться в Чесменской губе, которой небольшая величина, конечно, могла подать мысль сжечь их, и мужественный Ильин столь удачно ввел брандер в турецкий флот, что оного чрез 5 часов не стало. Иностранные писатели, по предубеждению и пристрастию, славу истребителей оттоманской морской силы приписали своим одноземцам. Орлов, удостоенный титла Чесменского, заменен контр-адмиралом Эльфистоном, а подвиг Ильина приписан Дугдалю, и как, по-видимому, некем было заменить Спиридова, то они о нем и не упомянули. В одном английском издании Гутрая о сожжении турецкого флота сказано: «Дугдал, лейтенант в российской службе, при столь опасном и отважном предприятии, оставленный своими подчиненными, один подвел брандер к турецкому кораблю». Сими-то ложными сказаниями, когда дело сие еще находится у всех в свежей памяти и когда участвовавшие в сем сражении еще живут, хотят отнять честь у русских предводителей и, не довольствуясь сим, стараются унизить храбрость и известное послушание и подчиненность российских воинов.

Два дня лавировали мы между Хио и Чесмой. Хио являет взору обширный сад, простирающийся от краев моря по скатам гор, коих голые вершины от севера, запада и юга составляют ограду, в коей лимоны, апельсины, померанцы и лучшего сорту виноград, будучи обращены к востоку, как в оранжерее, достигают последнего совершенства. Хио в древности имел 36 городов и назывался житницей римского народа. Ныне города заменены деревнями, а хлебные пашни садами, столь хорошо обработанными, что Хио по справедливости почитается лучшим и плодоноснейшим островом в

Архипелаге. Шелковые, парчовые и штофные изделия приносят жителям великие выгоды в торговле. Мастика, род весьма приятного запаха смолы, текущей из пня и ветвей лентискового дерева, с великим старанием здесь разводимого, составляет главнейший доход правительства. 2500 пудов первого разбора мастики отправляется ко двору. Серальские красавицы, дабы сделать дыхание приятным, беспрестанно ее жуют, от нее десны укрепляются, а зубы получают белизну.

Хио присваивает себе честь рождением Гомера. В недальнем расстоянии от города показывают квадратный домик, который жители называют школой Гомера. Почтение греков ко всему, что имеет сношение с сим великим стихотворцем, сохранило сей древний памятник. На сем же острове развалины одного здания почитают Нептуновым храмом, недалеко от коего течет ручей, которого вода делала древних безумными; обстоятельства теперь переменились: вода ныне никому не вредит, однако ж многие сходят с ума, только не от воды, а от красавиц. Трагический стихотворец Ион, историк Феопомп и философ Феокрит были гражданами Хио.

Город Хио защищается четвероугольной крепостью, в коей турки всегда содержат 10-тысячный гарнизон. Строение, занимающее довольное пространство возле крепости и вокруг гавани, как дома, так и церкви, новой европейской архитектуры. Здешние греки из всех архипелагских почитаются просвещеннейшими, большая из них часть говорит по-итальянски и весьма обходительны с иностранцами, нет места, как уверяют, где бы вольнее жили, как в Хио. По сей причине, также по дешевизне и приятству климата, многие итальянские и французские семейства здесь поселились.

Хиоские девушки почитаются наилучшим украшением сералей султанов и вельмож. Красавицы хиоские в такой славе, что за них платят иногда по 100 000 пиастров. Такая высокая цена, как мне кажется, объясняет столь свободное и столь

несообразное с ревностью греков обращение хиоских девушек и того, что они лучше других гречанок образованы. Самого посредственного состояния говорят по-итальянски и учатся петь и танцевать. Корыстолюбие родителей, конечно, непростительно, но желание при тягостной неволе иметь в зяте сильного покровителя некоторым образом их извиняет. При том такое здесь обыкновение, а обыкновение, как и мода, имеют свои законы.

1 июня подошли мы к устью Чесменского залива. Французский корсар был разоружен и стоял под самой крепостью. Ввечеру сего дня на лодке, шедшей из Хиоса в Чесму, взяли трех матросов, служивших на корсаре, которые объявили, что капитан их Николо Идриоти, узнав, что фрегат ищет его, продал корвет Чесменскому коменданту, распустил людей и сам уехал в Хио. На взятой лодке отправлено письмо к турецкому коменданту, но он вместо ответа сделал по оной несколько выстрелов. Перешед к Хио, и с тамошней крепости встречены мы были по турецкому обычаю весьма издалека тремя выстрелами, корсар наш в ответ выпалил из фальконета. 2 июня, лавируя к Смирне между островов Спалмадором и мысом Калаберно, на рассвете увидели бриг, по вооружению похожий на военный, с фрегата выпалили из пушки, подняли флаг и требовали, чтоб бриг подошел для переговора; оный же, не поднимая флага, спустился по ветру и поставил все паруса, желая, как вероятно, укрыться в Чесму, но мы, поставив брамсели, скоро его догнали; бриг лег в дрейф, поднял американский флаг, а как по бумагам его оказалось, что он идет из Марселя в Смирну, оба порта неприятельские и давно объявленные в блокаде, то бриг, назваемый «Гектор», нагруженный сахаром и кофе, задержан, мне поручено, вместе с другим призом, отвесть его в Тенедос и сдать в призовую комиссию.

Фрегат остался пред входом в Смирну и перехватил еще два судна с грузом, на одном из коих взят капитан французского корсара. 3-го числа, за крепким противным ветром, фрегат укрылся в Скиро, откуда 7 июня прибыл в Тенедос. Лавируя к северу у западной стороны Митилена, я любовался прекрасным его положением. Остров сей в плодородии не уступает Хио, преимуществует в том, что горы его покрыты лесом, годным для корабельного строения, и кроме безопасной гавани Кастро имеет еще три другие. Винные ягоды почитаются лучшими в Леванте. Митилен, древний Лесбос, был отечеством Сафо, Алкея, Питтака и Феофраста. Эпикур и Аристотель имели здесь свои школы. Терпандр первый изобрел лиру о семи струнах, и лесбосцы славились не только искусными музыкантами, но и особенным развращением своих нравов. Для чести девиц лесбийских неотменно нужно было, чтобы первым мужем был чужестранец, и потому-то всякий приезжий обязан был взять жену, хотя бы и на одну ночь. Даже новейшие путешественники пишут, что обряд сей переменился только в том, будто бы поп ищет приезжему невесту, богатому позволяет выбирать, а бедного принуждает довольствоваться его выбором, и сам благословляет чету, посредством чего новобрачные и родственники успокаивают свою совесть. Мне казалось невероятным, чтобы такой обычай мог быть между нынешними греками. Я спросил о сем мнения лоцмана, жителя из Мило, грека весьма остроумного и потому уже довольно просвещенного, что он говорил по-итальянски и пел Гомеровы стихи. Вот его ответ: «Правда в Митилене есть несколько таких девушек, каких в Италии весьма много, но они не выходят из своего звания, сии несчастные, как и везде, ценой здоровья и добродетели промышляют свое содержание, при том они скрываются от глаз света; из сего вы заключить можете, почему они предпочитают иностранцев и имеют ли нужду в попе.

Пребывание в Тенедосе

4 июня при крепком северном ветре, лавируя, прибыл я на «Гекторе» в Тенедос. Комиссия, по рассмотрении бумаг, судно и груз признала справедливым призом, ибо кроме того, что Марсель и Смирна были порты неприятельские, но уже три американские суда были отпущены с тем, чтобы они объявили своим консулам, что впредь нейтральные суда, у Смирны взятые, будут почитаться добрым призом. Шкипер с твердостью выслушал решение суда, но люди его, лишившись заслуженного жалованья и в таком удалении от отечества, не имея надежды получить откуда-либо помощь, просили меня ходатайствовать за них. Адмирал, вошед в их положение, приказал удовольствовать людей жалованьем и на проезд их возвратить часть груза, купленного на деньги матросов, и потом доставить им случай возвратиться в Смирну или Мальту, куда они пожелают. Шкипер Торнден и все его люди сначала не хотели верить такому снисхождению, и были столько обрадованы милостью адмирала, что хотели лично благодарить его, но Дмитрий Николаевич, узнав их намерение, не принял их. При прощании шкипер признался, что он почитает себя слишком счастливым, что попался к нам в руки, ибо он три раза был в плену: у испанцев, французов и англичан, и его отпускали только в одном платье. Как бриг оказался весьма легким в ходу и притом способным для военной службы, то адмирал приказал весть его в гавань, разгрузить, исправить и поставить на него 10 пушек.

Тесная блокада Дарданелл произвела в Константинополе чувствительный недостаток в съестных припасах, следствием которого был бунт; султан Селим свержен янычарами с престола, а новый, Мустафа, решился взятием Тенедоса удалить нас от Дарданелл, и были слухи, что капитан-паша скоро выйдет из пролива. На случай сражения адмирал избрал

план сражения совершенно новый и дал капитанам кораблей следующее наставление:

«Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покуда флагманы неприятельские не будет разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, посему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими назначаются корабли: "Рафаил" с "Сильным", "Селафаил" с "Уриилом" и "Мощный" с "Ярославом". По сигналу № 3 при французском гюйсе, немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских, и атаковать их со всевозможной решительностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, чтобы неприятель пожелал зажечь себя. Прошедшее сражение 10 мая показало, чем ближе к нему, тем от него менее вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинает стрелять. Если неприятель под парусами, то бить по мачтам, если же на якоре, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов, если случится дать место другому кораблю, то ни в каком случае не отходи далее картечного выстрела. С ним начато сражение, с тем и кончить или потоплением, или покорением неприятельского корабля.

Как по множеству непредвиденных случаев, невозможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространяю оных более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом.

Корабль "Твердый".
Дмитрий Сенявин».

23 мая 20 янычар, перехваченных на лодке, объявили, что они, не получая давно жалованья и претерпевая крайние во всем недостатки, бежали с острова Лемноса, дабы возвратиться в дома свои. По поводу сему главнокомандующий отрядил на другой день контр-адмирала Грейга с четырьмя кораблями к Лемносу разведать о состоянии тамошней крепости и

гарнизона, и если они находятся в слабом положении, то предложить коменданту о сдаче, на тех же условиях, какие сделаны были туркам на острове Тенедосе. Контр-адмирал, прибыв к Лемносу, послал предложение и получил ответ: «Как старейшины и градоначальники теперь рассеяны по острову, и по отдаленности не могут скоро собраться, то и просит дать ему на сие некоторое время посоветоваться». Между тем 25-го числа главнокомандующий получил известие, что из Константинополя прибыло в Галлиполи несколько кораблей, фрегатов и других разной величины военных судов, то послан бриг «Феникс» возвратить эскадру Грейга к Тенедосу.

Турецкий флот точно получил подкрепление и, хотя ветер ему способствовал выйти, но он оставался за крепостями в том же положении, почему главнокомандующий 1 июня снова отправил к Лемносу контр-адмирала Грейга с 5 кораблями, дабы сим разделением флота нашего поощрить турок выйти из Дарданелл и еще раз попробовать сразиться с нами. 2 июня контр-адмирал, прибыв в порт Ст. Антонио, отправил аге вторичное предложение о сдаче, соответственное первому. Весь день и ночь прошли без всякого от него ответа, почему 3-го числа под начальством капитана 1-го ранга Лукина высажено 812 человек матросов и морских солдат, и 28 штаб- и обер-офицеров. Войска, несмотря на трудную дорогу, в шесть часов прошед 40 верст, прибыли на вид крепости Ликодии. Капитан Лукин, не видя пред собой и до сего времени не встречая неприятеля, заняв две высоты, тотчас выслал вперед стрелков, кои скоро отыскали его, напали и, будучи подкреплены прогнали к форштату; турки в оном защищались упорно. Сражение, продолжавшееся два часа, решено было отважным подвигом матросов, кои, взошед штурмом на высоту, находившуюся на крыле неприятельской линии, поставили на оной фальконеты и сильным ружейным и картечным огнем принудили турок бежать и

заключиться в крепость. Как уже вечерело и солдаты от быстрого марша чрезмерно устали, то капитан Лукин удержал стремление их и на ночь занял выгодные высоты, с которых, как защищаться, так и отступить к кораблям было удобно. На другой день, когда готовились напасть на самую крепость, получено повеление, не предприемля ничего, в ночь возвратиться к кораблям в залив Св. Антония. Главнокомандующий, удостоверившись, что капитан-паша намерен выйти, послал повеление контрадмиралу Грейгу, если турки предположат защищаться, то и усиливаясь оставить осаду крепости и поспешить соединиться со флотом в Тенедосе. Отступление расположено было благоразумно и потери при оном не было. Для развлечения внимания неприятеля корабль «Елена» и фрегат «Кильдюин» сделали нападение на крепость с северной стороны, а войска в 10 часов ночи, сошед с высот, скорым шагом на рассвете прибыли к перешейку, где поставлены были вооруженные гребные суда для прикрытия отступления; но турки не показывались. 5 июня войска перевезены на корабли, а 6-го эскадра прибыла в Тенедос. Потеря наша в сражение под крепостью состояла в 14 убитых и 6 раненых, неприятель потерял до 150 человек убитыми и ранеными, эскадра взяла 7 судов с разным грузом.

Лемнос лежит между Тенедосом и Св. горой. Климат сего острова весьма здоров, здесь никогда не чувствуют больших жаров. Для зимования флота он представляет весьма удобную и безопасную гавань. Покрытый холмами и невысокими горами, остров сей на всяком шагу представляет образ редкого плодородия, кроме всякого рода плодов, изобилует хлебом, вином, рогатым скотом, особенно минеральной землей, известной под именем лемноской или (terra sigllata) печатной земли. Оная почитается лекарством против моровой язвы, от уязвления ядовитых змей и насморков. Для доставания оной начальники острова с рабочими людьми идут на вершину той горы, которая в незапамятные веки долженствовала быть

огнедышащей, ибо в утробе ее находят серу, квасцы, пемзу и все признаки извержения, копают глубоко и, когда найдут жилу сей минеральной земли, берут ее столько, сколько, думают, станет на весь год, потом засыпают яму и не позволяют никому доставать ее в другой раз. Во времена баснословные, когда не имели еще понятия о огнедышащих горах, думали, что Вулкан, сверженный с неба Юпитером, упал на сию гору и завел в Сталимене (древнее название Лемноса) первую свою кузницу. Из четырех славных лабиринтов один находился на сем острове. Галлиен, для познания свойства минеральной земли, нарочно ездил в Лемнос, а Филоктет, быв ранен в ногу ядом напоенной стрелой, был отправлен сюда для извлечения.

Осада Тенедоса

10 июня поутру телеграф дал знать, что неприятельская эскадра снимается с якоря. От 8 до 10 часов вышли из Дарданелл турецких кораблей — 8, фрегатов — 5, шлюпов — 2 и бригов — 2. Неприятель при свежем северном ветре во весь день лавировал против пролива, а к вечеру бросил якорь у острова Имбро. Бывшие в авангарде корабли «Скорый» с «Селафаилом» и один корсар также бросили якорь под ветром у них.

11-го числа флот наш пополудни в 5-м часу снялся с якоря, но скоро, по тихости ветра, немного подвинувшись к островкам Маври, стал на якорь. По отбытии флота бриг «Богоявленск» вошел в гавань и стал за каменной грядой в таком положении, что, не мешая действию крепостных пушек, мог защищать вход в гавань.

12-го числа вышли из Дарданелл еще 2 турецких корабля, 2 фрегата и присоединились к своей эскадре. От 11 до 14 июня флот наш беспрестанно то становился на якорь, то вступал под паруса и лавировал, дабы приблизиться к не-

приятелю и принудить его к сражению, но слабый ветер и сильное течение из Дарданелл делали все усилия адмирала тщетными. Турецкий флот, следуя движению нашего, также лавировал и держался так, что в случае перемены ветра мог уйти в пролив.

14-го к вечеру ветер несколько поблагоприятствовал, флот наш, снявшись и построившись в две колонны, пошел к 5 турецким кораблям, стоявшим у Имбро, но оные также вступили под паруса и, будучи на ветре, соединились с теми, кои лавировали в устье Дарданелл. Главнокомандующий, испытав, что при сильном противном течении и ветре невозможно отрезать турецкую эскадру от крепостей, а по движениям ее неприятель не показывал желания напасть на нас; то посему и решился, когда довольно стемнело, спуститься за Имбро и, обошед сей остров по западную сторону, где нет такого сильного течения, выйти у неприятеля на ветер.

15 июня, когда наша эскадра, лавируя между островами Имбро и Самондраки, имела слабый ветер, турецкая эскадра, лавируя несколько времени против пролива, вместе с гребным флотом, на коем посажены были войска, спустилась к Тенедосу. В третьем часу пополудни 2 неприятельских фрегата из авангарда напали один за одним на наш корсар, который, будучи прислан от флота, не успел войти в гавань и, находясь близ берега, по причине штиля не мог уйти в море. Капитан корсара поставил судно свое на мель, в сем положении с отличным мужеством сражался до тех пор, пока расстрелял весь свой снаряд, потом пушки бросил в воду и с оставшимися людьми спасся на берег.

В 4 часа турецкий флот, в числе 10 кораблей, 9 фрегатов, корвета и брига и 70 судов гребной флотилии, по приближении на картечный выстрел, держась под малыми парусами, открыл по крепости, городу, шанцам и судам, бывшим в гавани, жестокий огонь. С нашей стороны ответствовано было с

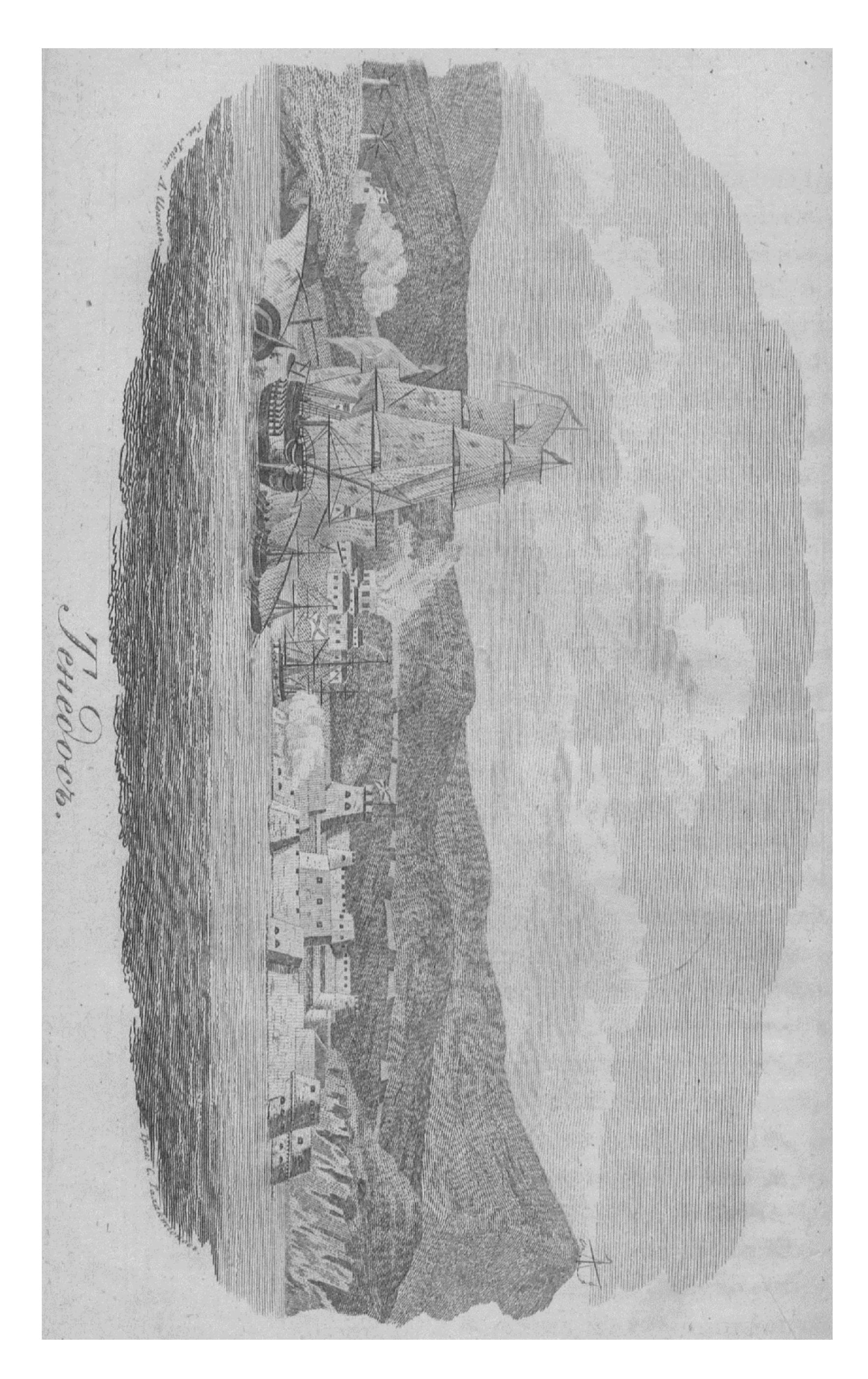
отменным прилежанием, а особливо с брига «Богоявленска», которого ни один выстрел мимо не пролетал. Между сего действия, продолжавшегося до сумерек, 30 лодок, приблизившись к северной стороне острова, хотели было сделать высадку, но две роты и 4 оружия не допустили их. Неприятель с потерей и в замешательстве удалился. В 8 часов турецкий флот остановился на якоре по каналу, исключая одного фрегата и нескольких лансон, которые нарочито желали потопить бриг «Богоявленск», но вскоре у фрегата поврежден был руль, он потерял крюс-стеньгу и буксировавшие его три гребные судна пущены ко дну[4]. После сего оный фрегат спустился по течению и отошел от крепости к своему флоту.

Когда сражение еще продолжалось, полковник Падейский, полагая, что «Богоявленск» не в состоянии выдержать другого подобного огня, и притом имея надобность в пушках, послал меня к командиру брига лейтенанту Додту сказать, чтобы ночью свесть пушки, снаряды и людей в крепость, где по надобности в канонирах матросы употреблены будут с лучшей пользой.

16 июня эскадра турецкая построилась в линию по берегу острова так близко, как позволяла глубина. В 5 часов 2 фрегата и 10 лансонов открыли пальбу по нашим укреплениям. В самое сие время гребной флот и корабельные шлюпки, собранные у Анатольского берега, повезли войска на остров. Майор Гедеонов с 200 мушкетер, сотней албанцев и одной пушкой выступил из шанец, дабы, сколько возможно, препятствовать высадке. По прибытии отряда к месту высадки более тысячи турок уже стояли на высоте, прочие лодки под прикрытием кораблей и фрегатов, стрелявших по берегу картечью беспрестанно, высаживали войска в разных местах и тотчас отваливали за другими.

---

[4] Смотри картину.

Тенедосъ.

Хотя таковым превосходным силам под выстрелами кораблей не предвиделось возможности воспрепятствовать выйти на берег, но как и отступление без расстройки неприятеля было бы весьма опасно, посему храбрый майор Гедеонов решительно напал на правый фланг неприятеля и столь скоро и удачно сбил его с высоты, что турки в великом беспорядке бросились к берегу, там, будучи поражаемы с одной стороны пулями и штыками нашими, с другой — картечными выстрелами своих кораблей, в отчаянии бросались в море и многие потонули; из двух лодок одна пущена ко дну, другая, потеряв весла и мачту, была прибита к берегу; албанцы вошли в нее и побили всех людей.

Между тем левый неприятельский фланг, весьма усилившись, обходил нас справа и, занимая высоты, подавался внутрь острова, но, усмотря истребление своего правого фланга, остановился в нерешимости. Майор Гедеонов, видя, что столь многочисленному неприятелю не может он всюду противостать, притом потеряв до 80 убитыми и ранеными, в сем числе храброго и опытного капитана Кушамова, пользуясь первой удачей, начал отступать. Неприятель, осмотрев и заметив малочисленность нашу, напал стремительно, но рота гренадер, посланная для подкрепления Гедеонова, явилась вовремя с правого крыла, пустила залп, ударила в штыки, и неприятель, смятый с двух сторон, обратился в бегство. Другой отряд его показался на правом нашем крыле на высотах, но не смел спуститься с них и показывал вид обойти нас в тыл. Три роты, построенные в колонну, приближаясь к шанцам, должны были проходить под картечными выстрелами двух фрегатов; оные пустили залп и не успели сделать другой, как люди наши, рассеявшись, пробежали мимо них благополучно и без потери.

По соединении войск наших в шанцах, защищаемых 14 легкими орудиями, вдруг атакованы оные были весьма не-

соразмерным числом турок, которых, как после точно узнали, было около 10 000 человек и между ними несколько французских офицеров. Неприятель, будучи отбит в первый раз, еще пять раз нападал и отступал; наши картечные выстрелы и ружейный огонь были столь исправны, что вокруг шанцев лежало немалое число убитых и раненых. Но когда турки заняли гору, с которой тыл наш был открыт, то полковник Падейский отступил в главную крепость в таком порядке, что не потерял ни одной пушки и ни одного человека. Для произведения сего в действие, две роты вышли из шанцев, ударили в штыки и, когда многочисленные толпы обращены были в бегство, полевые орудия отправлены вперед, а за ними прочие войска в порядке вступили в крепость. Малая крепостца, подверженная всякому приступу, по невозможности защищать ее, была оставлена. Неприятель столь был изумлен храбростью войск наших и своей потерей, что даже не смел преследовать, и 2 роты, прикрывавшие отступление, вошли в крепость без потери. Лишь только успели затворить ворота, турки со всех стороны выбежали на площадь и бросились на мост; залп картечью не уменьшил их запальчивости, задние теснили передних и, когда площадь покрылась убитыми и ранеными, тогда отступили, заняли высоты, предместье, малую крепостцу и открыли по главной крепости сильный ружейный огонь со всех сторон. К вечеру получили они с кораблей 3 большие пушки, 9-пудовую мортиру, разные припасы и штурмовые лестницы. Неприятель, зная слабость крепости и полагая иметь к ней легкий доступ, тотчас по пробитии вечерней зари отважно пошел на штурм. Но люди, несшие лестницы, были убиты; другие, подбегая ко рву и не видя там лестниц, обращались назад, но, теснимые задними, отважно стояли под картечным огнем и в темноте, и беспорядке были жертвой своей опрометчивости. После знатной потери, каковые бывают при неудачных штурмах, оставили нас до утра в покое.

Капитан-паша, зная положение крепости и то, что она никак не могла бы устоять против нарочитого с морской стороны нападения, 17-го числа с рассветом, не сберегая кораблей, приказал всему флоту тянуться к оной. Между тем канонерские лодки приближались к малой крепостце, начали стрелять по судам нашим, в гавани стоявшим, и с первых выстрелов зажгли бриг «Гектор»[5], но лейтенант Додт, командовавший с сей стороны артиллерией, своими матросами столь исправно по оным лодкам произвел пальбу, что две из них были потоплены, а третья с отбитой мачтой успела уйти за мыс. В 5 часов утра корабль и фрегат турецкие, лавируя близ крепости, производили по оной беспрестанную пальбу, два, стоявшие на якоре, также открыли жестокий огонь, все ж прочие и фрегаты приближались, но в 8 часов турки вдруг прекратили пальбу, с торопливостью отдалились от крепости, и весь флот их немедленно вступил под паруса.

После двухдневной беспрерывной пальбы в крепости оставалось мало пороху, картечи и других снарядов; артиллеристы почти все были переранены, и потому можно представить себе радость всего гарнизона, когда флот наш показался, идущий на всех парусах от Имбро к Тенедосу, и сие-то самое было причиной столь поспешного отступления неприятельской эскадры. 15 июня, как сказано выше, флот наш лавировал при противном маловетрии между Имбро и Самондраки; 16-го числа, получив ветер, на ночь находясь между Имбро и матерым европейским берегом, лег на якорь, оставя «Венус» и «Шпицберген» под парусами для наблюдения неприятеля. 17-го числа с рассветом флот наш при благополучном ветре спустился к Тенедосу. Турецкая эскадра, по приближении нашей к островам Маври, спустилась по ветру и стала держаться как можно ближе к южной сто-

---

[5] Американский приз.

роне Тенедоса. Эскадра наша, пройдя Маври, устремилась навстречу неприятелю, но передовые турецкие корабли, угадывая намерение, начали уклоняться от ветра и тем самым подали повод к заключению, что намерение неприятеля было, избегая сражения, стараться отвлечь нашу эскадру от Тенедоса. Главнокомандующий, узнав от капитана фрегата «Венуса», посланного для осведомления вперед флота, что крепость без снабжения не может и двух суток устоять, приказал всей эскадре спуститься к Тенедосу и стать на якорь на прежнем месте. Три корабля, шлюп и два корсара оставлены под парусами для наблюдения турецкой эскадры. В сие время неприятельский флот в линии баталии вышел из-за Тенедоса и, поворотив у Анатольского берега последовательно на другой галс, удалился к W. После сего гребные суда со всех кораблей под прикрытием «Венуса» и «Шпицбергена» отвезли в крепость все нужное. А в 5 часов вооруженные пушками баркасы, шлюп и два корсара напали на гребную неприятельскую флотилию, у матерого берега стоявшую; две лодки взяли, несколько сожгли и потопили, а остальные бежали к югу за мыс Баба и тем лишили турок возможности прибавить войск на Тенедосе. Ввечеру, по пробитии зари, турки еще раз дерзнули было идти на штурм, но первые выстрелы привели их в робость, а смельчаки только что показывались на площади, тут и падали под выстрелами наших стрелков.

18 июня, поутру рано, наша эскадра, состоявшая из 10 кораблей, пустилась искать неприятеля. «Венус», «Шпицберген», 2 корсара оставлены были на помощь крепости [6] и неприятель с сего числа по 27-е, по день возвращения эскадры, производил по нас день и ночь с малыми перемежками

[6] Фрегат «Кильдюин», идучи от Корфы с английским фрегатом, 17-го числа вечером наткнулся на турецкий флот, но, осмотревшись, успел уйти и 20-го прибыл к Тенедосу.

жестокую пальбу. Положение крепости, стоящей на самом невыгодном месте между трех близких гор, ее окружающих, коим она вся открыта, и притом не имеющей ни казематов, ни погребов и никакого удобного места для защиты людей; словом, все пространство ее представляло как бы западню, где ядра, картечи и пули выбирали любую жертву. Бруствер был так низок, что не закрывал людей и вполовину, но когда стали бросать 9-пудовые бомбы, разрушившие все остальное строение, то уже не было никакого места, где бы можно было укрыться от огня. К тому же турки с первого дня отрезали воду, и чрезвычайный в оной недостаток при палящем зное делал нужду в оной тем чувствительнее, что вопль женщин и детей, и беспрестанное служение священников напоминал опасность и положение наше делал отчаянным, но все сие не могло поколебать твердости солдат, оказавших себя истинными героями; албанцы и жители тенедосские им соревновали; видя растерзанные члены детей и жен своих, видя дома свои, объятые племенем, они обрекли себя на смерть, с редким мужеством искали ее на валах и не хотели слышать о сдаче, которую турки два раза предлагали. Чем более мы чувствовали притеснения от неприятеля, чем ближе стояли к гибели, тем с большей деятельностью и твердостью 12 дней сряду, в беспрерывном огне и бессменно, работали на батареях, тем охотнее и отважнее заступали места убитых и раненых, и все, что неприятелю удавалось разрушить днем, ночью исправно было починяемо.

Старые солдаты признавались, что во всю их службу, даже под начальством Суворова, который любил опасности, не случалось им быть в толь бедственном состоянии. Если бы флот не скоро возвратился, то комендант, по общему мнению офицеров, солдат и жителей, предложил выйти с легкой артиллерией из крепости и искать смерти в поле, ибо и турки, особенно стрелки их, засевшие в домах предместья, которое

обратилось в кучу развалин, имели весьма значительную потери и притом терпели крайний недостаток в съестных припасах, и, осаждая нас, сами находились в осаде. Между тем как продолжали сражаться с крайним ожесточением, участь тех и других зависела от того, чем кончится морское сражение, и когда бедствие наше дошло до последней степени, 25 июня, к неизъяснимой радости гарнизона, показался корабль «Скорый», а за ним и весь флот наш. Громкое «Ура!» и сильная пальба дали знать туркам, что флот их разбит, а в доказательство корабль турецкого адмирала приведен на рейд.

Разбитие турецкого флота у Афонской горы. — Капитуляция высаженных войск на Тенедос

При отбытии нашего флота от Тенедоса неизвестно было, где искать неприятеля. Вместо того чтоб идти к Митилену, куда, как вообще думали, турки ушли, адмирал повел эскадру к острову Имбро, совсем в противную сторону, и ввечеру, находясь против острова Лемноса к северу в 10 верстах, до полночи продержал эскадру в дрейфе, а потом под малыми парусами спустился к Лемносу.

Предположение адмирала сбылось. 19-го при рассвете показался на ветре один турецкий корабль, вскоре потом открылись под ветром еще 9 кораблей, 5 фрегатов, 3 шлюпа и 2 брига в неустроенном положении на якоре у крепости Ликодии. Адмирал сделал сигнал поставить все возможные паруса и спуститься на неприятеля; пушечные выстрелы так обрадовали всех, что офицеры поздравляли друг друга с счастьем сразиться с неприятелем; матросы, которых с 9-го числа мучил страх, что турки уйдут, с веселым духом готовились к битве. Турки скоро и весьма исправно выстроили линию баталии на правый галс. Три флагмана их стали в средине, большие фрегаты также были в линии. Неприятельская эскадра состояла из следующих кораблей:

«Мессуда» (Величество султана) 120-пушечный под флагом капитан-паши (генерал-адмирал) Сеид Али.

«Седель-Бахр» (Оплот морской) 84-пушечный под флагом капитан-бея (адмирал) Бекир-Бей.

«Анкай-Бахре» (Величество моря) 84-пушечный (вице-адмирал) Шеремет-Бей.

«Таусу-Бахре» (Морская птица) 84-пушечный (командор) Гусейн-Бей

«Тенфик-Нюма» (Указатель доброго пути) 84-пушечный.

«Сайади-Бахре» (Морской рыбак) 74-пушечный.

«Мал-Банк-Несурет» (Счастливый) 74-пушечный.

«Хибет-Ендас» (Неустрашимый) 74-пушечный.

«Бешарет» (Счастливое известие) 84-пушечный.

«Килит-Бахре» (Морской ключ) 84-пушечный, патрон-бей (командор).

Фрегаты:

«Мескензи-Гази» (Марсово поле) 50-пушечный.

«Бедриза-Фет» (Победитель) 50-пушечный.

«Фуки-Зефир» (Моряк) 50-пушечный.

«Нессим» (Легкий ветерок) 50-пушечный.

«Искендерие» (Александрия, город в Египте) 44-пушечный.

Шлюпы:

«Метелин» 52-пушечный.

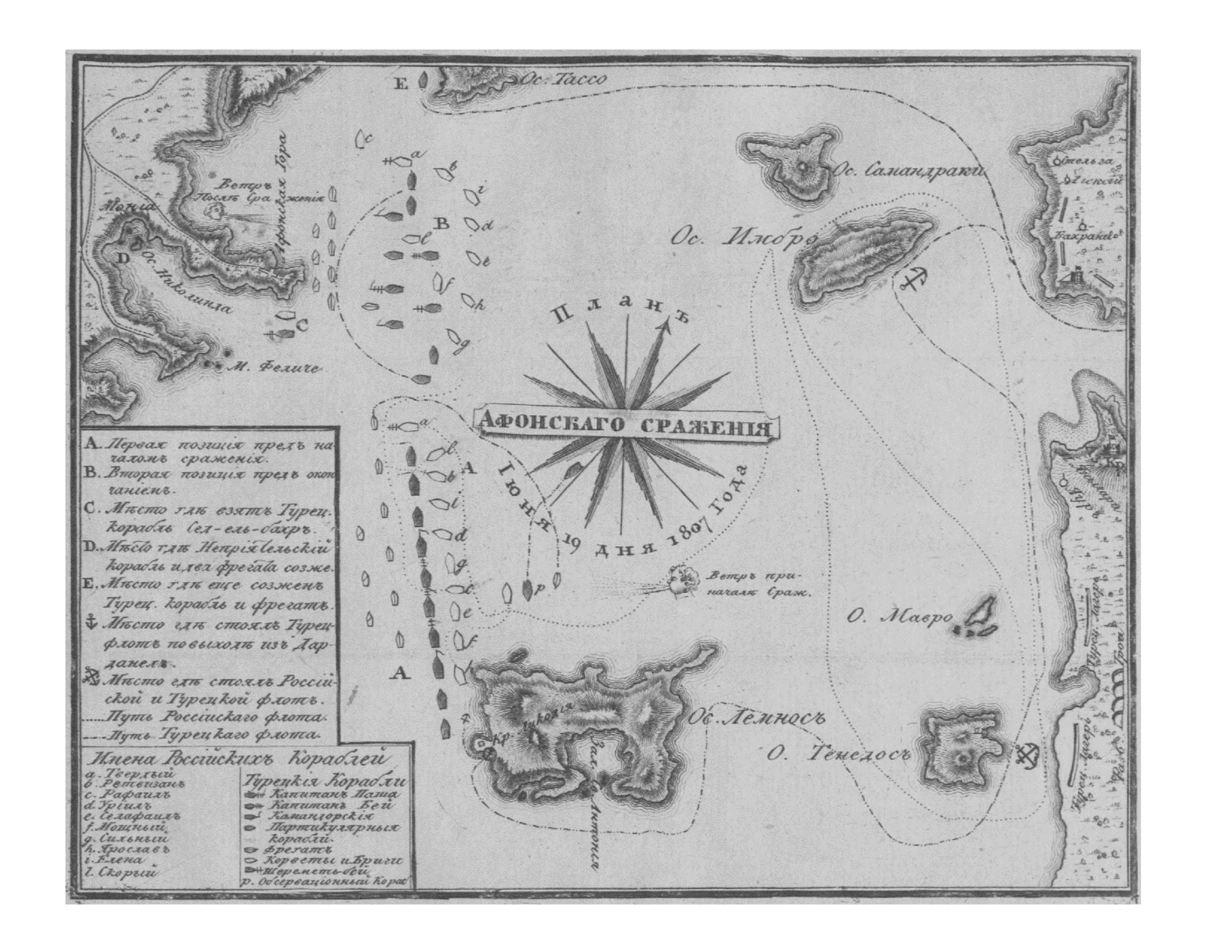
«Рехбери-Алим» 28-пушечный.

«Денювет» (Воин) 42-пушечный.

Бриги:

«Аламит-Посрет» (Приятный вестник) 18-пушечный.

«Меланкай» о 18 пушках.

Планъ
Афонскаго сраженія
Іюня 19 дня 1807 Года
Ос. Тассо
Ос. Самандраки
Ос. Имбро
О. Мавро
Ос. Лемносъ
О. Тенедосъ
Ос. Николина
М. Феличе
Афонская Гора
Ветръ Послѣ Сраженія
Ветръ при началѣ Сраж.
Зал. Св. Антонія
A. Первая позиція предъ началомъ сраженія.
B. Вторая позиція предъ окончаніемъ.
C. Мѣсто гдѣ взятъ Турец. корабль Сед-ель-бахръ.
D. Мѣсто гдѣ Непріятельскій корабль и два фрегата сожж.
E. Мѣсто гдѣ еще сожженъ Турец. корабль и фрегатъ.
Мѣсто гдѣ стоялъ Турец. флотъ по выходѣ изъ Дарданелъ.
Мѣсто гдѣ стоялъ Россійской и Турецкой флотъ.
Путь Россійскаго флота.
Путь Турецкаго флота.
Имена Россійскихъ Кораблей
a. Твердый
b. Ретвизанъ
c. Рафаилъ
d. Уріилъ
e. Селафаилъ
f. Мощный
g. Сильный
h. Ярославъ
i. Елена
l. Скорый
Турецкія Корабли
Капитанъ Паша
Капитанъ Бей
Камандорскія
Партикулярныя корабли.
фрегатъ
Корветы и Бриги
Шереметь-бей
p. Обсерваціонный Корабль

На всех оных судах считалось 1196 пушек, на наших же 10 кораблях 754. Следственно, неприятель превосходил 10 судами, 442 орудиями и числом людей, считая по экипажу взятого в плен корабля, почти вдвое.

Чтобы нашим двум атаковать одного неприятельского флагмана, назначены были корабли «Рафаил» с «Сильным», «Селафаил» с «Уриилом» и «Мощный» с «Ярославом», флот наш шел на неприятельскую линию попарно. Передовой корабль «Рафаил» с великим терпением выдержал огонь всей неприятельской линии, не прежде открыл свой, как достигнув на самоближайшее расстояние, но сей корабль, имея задние паруса, сильно обитые, и не могши удержаться на ветре, очутился в линии неприятельской между капитан-пашинским и капитана-бея кораблями, потом прорезал линию и, сражаясь на оба борта, скрылся в дыму. Прочие пять наших кораблей, подошед на пистолетный выстрел, привели к ветру, сомкнули линию так тесно, что бушприты задних лежали на корме передних, и атаковали трех неприятельских флагманов. Когда, таким образом, в 8 часов утра началось сражение в средине неприятельской линии, главнокомандующий с кораблем «Скорым», спускаясь на передовые турецкие корабли и фрегат, приказал контр-адмиралу Грейгу с кораблем «Еленой» напасть на авангард неприятельский, где были еще один корабль и два больших фрегата. «Твердый», пришед перед линию, скоро сбил фрегат, потом, напав на следовавший за ним корабль, принудил его лечь в дрейф и сим движением остановил всю неприятельскую линию, тогда корабль «Рафаил» показался проходящим из-под ветра и, хотя паруса у него много были обиты, но весьма исправно действовал своей артиллерией. Когда «Рафаил» прошел передовой турецкий корабль, то сей, будучи сильно избит, начал спускаться, чтобы действовать вдоль по «Рафаилу», но адмирал наш, успев прийти перед неприятельскую линию,

остановил сие движение его и начал действовать левым бортом вдоль всей их линии. Когда первые два корабля, лежавшие в дрейфе, стали от него спускаться, тогда корабль капитан-бея пришелся носом против борта «Твердого» и в самое короткое время был сбит и лишен остальных парусов и реев. Корабль «Скорый», преследуя сбитые «Твердым» корабли, став между ними, вступил с тремя кораблями и фрегатом в неравный бой, один из них показал желание идти на абордаж, но «Скорый» картечным и ружейным огнем столь много побил у него людей, что неприятельский корабль принужден был отступить и думать о своей безопасности. Потом бывшие в арьергарде 2 турецкие корабля и фрегат обошли с подветра защитить бывшие в деле передовые корабли; наш адмирал немедленно привел свой корабль несколько к ветру, напал на первый корабль с носу, скоро остановил его и все другие, за ним следовавшие. Сими смелыми подвигами адмиральского корабля неприятель, сверх того сильно теснимый с ветру прочими нашими кораблями, на расстоянии самом решительном, с половины 10-го часа начал уклоняться от сражения и направил путь прямо на берег к Афонской горе, конечно, в том предположении, чтобы, спасая токмо себя, корабли предать огню. В 10 часов адмирал сделал сигнал всей эскадре еще ближе спуститься на неприятеля и преследовать его неослабно. Корабль «Рафаил», бывший в опасности, сражаясь за турецкой линией, когда оная была остановлена, вышел на ветер и начал исправлять верхние повреждения.

Дмитрий Николаевич, поражая и прогоняя передовые неприятельские корабли, сделался нарочито под ветром обеих эскадр; корабль «Скорый» и «Мощный» дрались в средине турецкой эскадры, прочие наши корабли были в фигуре полу-

циркуля, некоторые, будучи обиты в парусах, переменяли их[7]. Победа была несомненна, весь турецкий флот, несмотря на мужественное защищение, был бы взят или истреблен, но, к несчастью, около полудня ветер начал стихать; дабы не подвергнуть не столь обитые корабли быть атакованными превосходной силой, а поврежденные не оставить вне действительных выстрелов, адмирал счел за благо остановить эскадру на месте, осмотреться хорошо и потом опять ударить на неприятеля, почему и приказал всем придержаться к ветру.

Сражение продолжалось 4 часа; эскадра наша остановилась на месте сражения, а турецкая, уклоняясь вне пушечного выстрела, придерживалась также к ветру. Наши корабли в парусах и в вооружении потерпели много, а паче всех «Твердый», «Скорый», «Рафаил» и «Мощный»; турецкая же эскадра, по-видимому, разбита была равно с нашей, более же всех корабль 2-го адмирала, на котором мачты стояли, как голые деревья, без реев и парусов. Адмирал, собрав свои корабли, приказал как наивозможно скорее исправить повреждения и быть в состоянии того же дня сразиться еще, но в час пополудни ветер совершенно стих, а потом сделалось переменное маловетрие от северо-запада, отчего турецкая эскадра вышла у нас на ветер, и держала как можно круче, чтобы только избежать сражения. В 6 часов, когда ветер несколько посвежел, корабль 2-го адмирала с одним при нем кораблем и 2 фрегатами, весьма мало поврежденными, начали отставать от своей эскадры. Адмирал приказал отрезывать их. К вечеру, когда три наших корабля уже довольно приблизились, то

---

[7] Капитан П. М. Рожнов в самом пылу сражения под картечными выстрелами переменил разбитый рей; многие другие капитаны поправляли повреждения, не преставая драться. Сие обстоятельство, к чести капитанов кораблей относящееся, доказывает притом, каким мужеством одушевлены были наши матросы.

корабль и два фрегата бросили буксир, на коем вели адмиральский корабль, и обратились в бегство, ночью турецкий адмиральский корабль был догнан и взят капитаном Рожновым с находящимся на оном капитан-беем[8].

20-го, поутру, турецкая эскадра была у нас на ветре и держала к острову Тассо, а один корабль и два фрегата, бывшие на вспомоществовании при корабле капитана- бея, остались под ветром у мыса святой горы. Адмирал отрядил за отрезанными в погоню контр-адмирала Грейга с тремя кораблями. 21-го, в 4-м часу пополудни, турки, убегая от сего преследования, успели поставить все три оные суда на мель в заливе святой горы за островком Николинда и, свезши с них людей, зажгли. Удары от взорвания были столь сильны, что корабли, бывшие в 20 верстах, весьма чувствительно потряслись. На рассвете 22 июня в неприятельском флоте усмотрен был великий и двойной дом, который, как после получено достоверное известие, произошел от сожжения еще одного корабля и фрегата.

После столь совершенной победы, истребив у неприятеля два корабли и три фрегата и взяв в плен полного адмирала, Сенявину предстоял выбор самый затруднительный. Гнаться ли за остатками или возвратиться в Тенедос спасти гарнизон от плена неминуемого и жестокого и отказаться от редкого случая быть истребителем всего турецкого флота. В сем случае Сенявин не усомнился пожертвовать славой и честолюбием личным спасению братий своих, оставленных и осажденных силой чрезмеру превосходной, об участи которых соболезнуя, доброе его сердце не могло чувствовать сладких ощущений победителя. Таковой выбор удивил всех тех, которые не могли быть, подобно Сенявину, в торжестве

[8] В турецком флоте чин капитан-бея соответствует нашему полному адмиралу.

умеренными, в славе скромными и к истинной пользе отечества ревнительными. Сие объяснить может простое рассуждение. После сражения, во все дни ветры были тихие, переменные, всегда почти противные и штили. Следственно, гнавшись за неприятелем, Тенедос был бы потерян, и тогда истребление сего неприятельского флота принесло бы нам гораздо менее пользы. Не имея толь удобного пристанища близ Дарданелл, никакого средства вознаградить потерю в людях и исправить свои поврежденные в сражении корабли, мы могли бы только сжечь турецкие и, может быть, несколько своих и принуждены были бы оставить блокаду Дарданелл, или, удалясь от оных, ослабить оную и тем уничтожить главную цель — присутствием российского флота в архипелаге лишить Константинополь подвозу съестных припасов с моря. Тогда слава истребителя оттоманской морской силы была бы одно лестное для личности стяжание. Сверх того, адмирал надеялся, подав помощь крепости, упредить неприятеля, стать пред Дарданеллами или идти паки ему навстречу.

23-го и 24-го. Противные ветры и безветрия препятствовали эскадре подвигаться вперед. 25-го же около полудня, прибыв к Тенедосу, остановилась на якоре по каналу. В то ж время турецкая эскадра стала на якорь между островом Имбро и Дарданеллами.

26-го числа главнокомандующий, желая скорее освободить крепость от осады, сделал предложение Кадым Углу, турецкому начальнику войск, оставить остров, с обещанием отпустить их на азиатский берег с имуществом и оружием. В ответ на сие турецкий паша испрашивал позволения снестись предварительно с анатольским сераскиром Сеид Измаил пашой, от власти коего он зависел, но адмирал ему в том отказал. К полудню турецкая эскадра из 7 кораблей, 3 фрегатов и 2 бригов, при свежем северном ветре, снялась с якоря и вошла в Дарданеллы.

27-го прибыл на адмиральский корабль второй по паше Хаджи-Юсуф ага, обер-комендант четырех первых отсюда крепостей в Дарданеллах, с согласием оставить остров на сделанном предложении, и 28 июня 4600 человек турецкого войска, оставя нам все пушки и снаряды, перевезены на Анатольский берег.

Корабль капитан-бея, взятый в плен, назывался «Седель Бахр» (Оплот морской); имел 84 пушки, в нижнем деке 42-, в среднем 22-, в верхнем 12-фунтового калибра, все медные; оный корабль, хотя сильно разбит был, как в корпусе, так и мачтах, но по исправлении еще мог продолжать службу, убитых на оном найдено 230, раненых — 160; в плен досталось 774 человека; в том числе нашлось пленных с корвета «Флоры» матросов 11; англичан: мичман — 1, матросов — 5; сожженный корабль назывался «Бешарет» (Счастливое известие), ранга 80-пушечного, фрегаты «Нессим» и «Метелин», первый 50-, второй 32-пушечные. К сему урону турецкого флота, по достоверному уведомлению, присовокупить надлежит один корабль и фрегат, сожженные у острова Тассо, и еще два фрегата, потонувшие у острова Самондраки. Сие объясняет, почему из 20 судов, составлявших турецкий флот при начале сражения, вошло обратно в Дарданеллы токмо 12 судов. Капитан-паша обещал султану привезть голову Сенявина, но сам потерял руку. Должно отдать справедливость, что в сем сражении турки дрались с отчаянным мужеством, на корабле Сеид-Али раненых и убитых было до 500 человек, на прочих кораблях не менее сего числа; почему судить можно, сколь великую потерю имел неприятель в людях, и весьма вероятно, что она превосходила потерю французов в Трафальгарском сражении, где они имели 33 корабля в линии. Потеря в десантных войсках, сколько по собственному признанию, столько по неудачным приступам и беспрестанным сражениям в продолжение 13 дней, а более по

найденным телам, зарытым по освобождении острова, простирается до 2000 убитых и раненых.

Российский Геркулес, капитан 1 -го ранга Лукин, убит в Афонском сражении, в то самое время, когда корабль его, прорезав неприятельскую линию, сражался под ветром оной на оба борта. Славная смерть сего достойного начальника была самой чувствительнейшей потерей для флота и отечества. Дмитрий Александрович Лукин всегда был отличный морской офицер; храбрый, деятельный и искусный воин; притом благородный, ласковый, строгий, справедливый и всеми подчиненными любимый и уважаемый. При удивительной телесной силе он был кроток и терпелив; даже будучи рассержен, он никогда не давал воли рукам своим. Опыты силы его производили изумление; трудно, однако ж, было заставить его что-либо сделать, только в веселый час и то в кругу коротко знакомых иногда показывал оные. Например, с легким напряжением сил ломал он подковы, мог держать пудовые ядра полчаса в распростертых руках; шканечную пушку в 87 пудов со станком одной рукой подымал на отвес; одним пальцем вдавливал гвоздь в корабельную стену. При такой необычайной силе был еще ловок и проворен; беда тому, с кем бы он вздумал вступить в рукопашный бой. Подвиги его в сем роде, с прибавлением рассказываемые, прославили его наиболее в Англии, там с великим старанием искали его знакомства, и в России, кто не знал капитана Лукина? Словом, имя его известно было во всех европейских флотах, и редкий кто не слыхал какого-нибудь любопытного о нем анекдота.

Потеря наша в Афонском сражении есть следующая: убитых на флоте было 77 человек, умер от ран лейтенант Куборский, раненых морских офицеров 5, пехотных — 2, нижних чинов — 182; из тенедоского гарнизона убито офицеров 3, нижних чинов — 52; ранено офицеров — 6, солдат — 185; жи-

телей убитых и раненых — до 160. Вся потеря в убитых и раненых состояла в 674 человеках.

Анекдоты

1) 9 марта по занятии города Тенедоса нашими войсками и по заключении турок в крепость, адмирал, желая избегнуть напрасного кровопролития и продолжительной осады, приказал предложить пленным туркам отнесть письмо к коменданту, но все они отказались потому, что подвергли бы себя опасности быть убитыми за то, что отдались в плен, и притом объявили, что гарнизон поклялся защищаться до последней крайности. Когда желание адмирала даровать пощаду туркам, находившимся в крепости, сделалось известно пленным женщинам, то одна из них, именем Фатьма, объявила переводчику, что желает говорить с адмиралом, и когда была представлена, так начинает: «Великодушный христианин! милостивое твое покровительство, призрение к твоим невольницам, ими не ожидаемое, побудили меня предложить тебе мою услугу; я берусь и отнесу письмо твое к паше, хочу убедить непреклонных наших мужей, что мы во врагах нашли друзей, каких едва ли имеем между правоверными. Знаю, что приемлю на себя слишком трудную обязанность; знаю, что едва ли поверят моему свидетельству о поступках твоих, великий начальник христиан, но не колеблюсь сими предположениями моими, надеюсь, по крайней мере, ослабить несправедливое предубеждение против вас, и в знак благодарности, в возмездие милостей твоих к пленным, обрекаю себя за всех прочих на верную смерть!» При сем сына своего, дитя, от груди только отнятое, с нежностью поцеловав, Фатьма пала на колени и, положив ребенка к ногам адмирала продолжала: «Оставляю тебе дитя мое залогом драгоценнейших для матери; если Богу угодно лишить меня жизни в сей день, будь ему отцом, наставником и покровите-

лем, научи его твоей вере, да возможет он подражать тебе и быть достойным твоих попечений». Фатьма встала и твердым голосом просила препроводить ее скорее в крепость. Адмирал, зная, что турки всех попавшихся в плен женщин почитают обесчещенными и, как недостойных жизни, обыкновенно убивают, удивлен был решительностью сей женщины. Будучи сам отцом, поколебался в душе, желал отказаться от сей жестокой жертвы, но героиня уже удалилась с редкой твердостью, сошла она на шлюпку и ни разу не обратилась к сыну, который голосом призывал ее и простирал к ней руки.

Адмирал приказал прекратить пальбу, дать знать трубой, что желают говорить. Турки, однако ж, не отвечали на сей вызов, и когда Фатьма показалась на площади пред крепостью, с ближнего бастиона сделали по ней несколько выстрелов. Героиня, подняв письмо вверх, смело приблизилась к воротам и уведомила, что несет важные вести. Комендант принял от нее письмо и, выслушав, какое уважение Сенявин оказал к их обычаям, тронутый снисхождением, которого по предубеждению не предполагают турки в христианине, собрав совет, по общему желанию определили послать чиновника с согласием сдаться на предложенных условиях. Благородный комендант сам проводил Фатьму до ворот и, когда подчиненные его требовали предать ее смерти, он, обратившись, сказал им: «Не допущу до сего; она не обесчещена; неприятели оказали ей уважение. Что христиане подумают о нас, когда убьем слабую жену? Фатьма не принадлежит нам, она пленница и должна возвратиться».

Когда Фатьма взошла на корабль, сам адмирал подал ей сына, она бросилась на колени, крепко прижала его к груди своей, залилась слезами и не могла проговорить ни одного слова. Расставаясь с ним, когда шла к смерти, она не плакала, но теперь, свершив свой подвиг, чувства матерней горячности заменили в душе ее все другие; стоя на коленях, она рыдала,

занималась одним сыном, коему расточая ласки, забылась до того, что сбросила с себя покрывало и, казалось, никого вокруг себя не замечала.

Турецкий чиновник, свидетель сего явления, уверившись в справедливости показания Фатьмы тем, что адмирал сам подал ей сына, с знаками глубокого уважения приблизившись к главнокомандующему, сказал: «Благодарю пророка, что лично узнаю твое снисхождение; ты писал, что желаешь отпустить нас с имуществом домой, мы признаем себя побежденными и великодушием, и силой твоей, не можем требовать от тебя более, что ты предложил нам: утверди условия, одним твоим словом и крепость твоя». Все дело скоро было кончено, вместо договора, вместо пергамента с печатью ударили по рукам, и статьи, утвержденные честным словом, были исполнены. Должно представить себе удивление турок, когда адмирал приказал переводчику сказать ему, что для перевоза женщин, как в крепости, так и в плен взятых, присланы будут закрытые шлюпки, с тем, чтобы турки назначили своих людей для перевоза их на Анатольский берег. Чиновник признался, что он, зная права победителя и зная, что нелегко отказаться от стольких прекрасных женщин, не смел ходатайствовать об их освобождении; «но теперь, когда ты сам нам их возвращаешь, то поверь, что мы умеем ценить твое снисхождение, постараемся на опыте доказать тебе нашу благодарность». Фатьма, будучи жена простого ремесленника, за столь необыкновенный подвиг для женщины была щедро одарена адмиралом.

2) В продолжение осады житель Тенедоса Жан Миканиото во время приступа турок к шанцам взял знамя, а после сжег кофейный дом, стоящий под самым левым фасом крепости, откуда неприятель много вредил нашим артиллеристам. Миканиото, одевшись по-турецки, в полночь прокрался к дому и, зажегши его горючим составом, счастливо соскочил в ров и благополучно возвратился в крепость. Другой моло-

дой грек из Смирны, Мишель Крутица, спасшийся с взятого корсара в одной рубашке, нимало от сего не унывал, мужественно сражался в самых опасных местах и для доставления нужных уведомлений адмиралу, под картечными выстрелами, два раза ездил на корабль его, но отважность его при потоплении остатков горевшего брига «Гектора»[9] приобрела ему имя храброго. Сим смелым подвигом избавлен был от сожжения бриг «Богоявленск» и все другие суда, стоявшие в гавани.

3) Бомбардирование Тенедоса, крепости, не имеющей ни казематов, и никаких погребов, где бы, по крайней мере, можно положить раненых, было ужаснейшим нашим бедствием. При каждом падении бомбы вопли женщин, кричащих: «Панагея! Панагея! (Богородица)» давали знать о новых жертвах. Одна 9-пудовая бомба разрушила половину комендантского дома. В нижнем этаже, где разорвало бомбу, одна несчастная женщина лишилась вдруг мужа, брата, двух взрослых детей и грудного ребенка, который лежал возле ног ее; словом, она осталась совершенной сиротой без подпоры и утешения. Пораженную столь великой потерей, сколько ни

---

[9] Достойно замечания, что два героя, Аякс и Гектор, убитые при осаде Трои, и ныне также при оной погибли. Когда эскадра Дукворта для прохода чрез Дарданеллы и нападения на Константинополь ожидала у островков Маври попутного ветра, линейный корабль, именуемый *«Аякс»*, от искры, упавшей в сено, загорелся и был взорван на воздух близ Тенедоской крепости. Из всего экипажа, кроме капитана и 13 катерных матросов, бывших на адмиральском корабле, не спаслось ни одного человека. Бриг *«Гектор»* под российским флагом, при нападении турецкого флота на Тенедос, от брандкугелей загорелся. Из всего экипажа спаслись только раненые, в том числе и капитан, прочие сгорели. Таким образом, два корабля двух наций, носившие имена двух греческих героев, погибли одинаковым образом против Трои.

старались привести ее в чувство, но она не могли говорить, не могла и плакать; унылым взором смотрела на всех, как бы не понимая, что вокруг нее делается; равнодушие ко всему показывало признаки сумасшествия; когда же священник пришел отдать последний долг, она начала молиться усердно, просила дать ей святое причастие, потом с тем же равнодушием собранные раздробленные части убитых облобызала без отвращения, простилась с ними как бы с некой радостью и сама своими руками опустила тела в море (куда во избежание заразительного воздуха бросали убитых). По совершении столь плачевного обряда, она заплакала, начала говорить и скоро снова пришла в оцепенение. Страдания ее недолго продолжались, на другой день, укрывшись от наблюдения своих родных, она бросилась в море.

4) В один день албанец, служивший в турецком войске, приблизился ко рву с белым флагом и объявил, что он от имени паши имеет предложить коменданту выгодные условия, до сдачи крепости касающиеся. Албанец сей, в ожидании ответа, разговаривая со своими соотечественниками, нашел в числе гарнизона нашего родного своего брата. Столь нечаянная встреча обрадовала их, но после вопросов о родных и семейственных обстоятельствах, начались упреки. Турецкий албанец извинялся бедностью, необходимостью вступить в султанскую службу. Наш говорил ему: «Смотри, как Бог награждает правое дело, я также был беден, теперь имею излишнее и могу помочь тебе, притом совесть моя покойна, я служу государю православному, единой надежде, коему возможно восстановить уничиженную Грецию; ты служишь тиранам нашим, врагам Бога и церкви; я защищаю отечество; ты его угнетаешь. Мы теперь неприятели, может случиться, что твоя рука лишит меня жизни или я нанесу тебе смерть; посуди, какое покаяние может очистить твою душу? Тебе нет надежды в будущем, я твердо уповаю на милосердие моего Бога». Разговор был прерван ответом пол-

ковника Падейского, который приказал сказать паше, «что он ошибается, думая иметь право предложить ему капитуляцию; напротив, он надеется, что сам паша скоро просить будет об оной». Братья, расставаясь, получили позволение от коменданта еще раз увидеться. Паша также позволил, но с умыслом. Албанец, его на другой день пришед ко рву, между разговорами сказал брату своему, что султан обещает каждому из греков по 500 пиастров, а тенедоским жителям сверх того построить дома и заплатить все их убытки, если согласятся сдаться и принудить к тому малое число наших солдат. «Ты не брат, а враг мой, — в гневе отвечал ему наш албанец, — удались, несчастный, и никогда более не приходи». В пылком усердии преданности своей к России греки снова и торжественно заклялись пролить за русских последнюю каплю крови. Сим случаем пробудилась ненависть их к туркам; они с яростью приступили было к дому, где содержались пленные, но караульный офицер, поставив солдат пред окнами, остановил тем ожесточенных.

5) Участь Тенедоской крепости и турок, ее осаждавших, зависела от морского сражения. Хотя мы и не опасались, чтобы турецкий флот победил российский, но сомневались, будет ли наш адмирал так счастлив, что скоро турецкий флот сыщет, и будут ли ветры ему благоприятствовать, дабы эскадра наша, разбив неприятельскую, могла немедленно возвратиться для освобождения крепости, которую по невыгодному ее положению и недостатку военных снарядов более двух недель никак удержать было невозможно. В сем расположении духа, когда мысли каждого блуждали в океане неизвестности, один из албанских начальников явился к коменданту и просил у него позволения сделать торжественное гадание для удовлетворения любопытства народа. Комендант дал свое согласие. Албанец со всеми обрядами языческих жрецов, заклал барана, рассмотрел его внутренность, потом,

изжарив, разрубил на части, очистил мясо передней лопатки и, рассматривая и обращая ее во все стороны, всплеснув руки, уверительным голосом воскликнул: «Благодарите Бога! Турецкий флот разбит, корабли их возьмет воздух, вода и огонь». Когда спросили его офицеры, где же теперь наш флот? Он отвечал: «В руках у Бога». Это было 20-го числа, сражение кончилось 19-го, и албанец угадал, как нельзя ближе. Пусть читатель теперь сам судит, было ли римское гадание основано на каких вероятностях или подлежало оно слепому случаю.

6) Среди сражения 19-го июня при Афонской горе адмирал приказал капитану корабля «Скорого» Р. П. Шельтингу держаться к его кораблю так близко, чтобы при громе пушек можно было слышать словесные от него приказания, что и было храбрым капитаном в точности исполнено. В начале сражения управлявший парусами лейтенант Куборский, почтенный и храбрый офицер, был тяжело ранен и скоро умер. Лейтенант Денисьевский заступил его место. Сражаясь вдруг с тремя турецкими кораблями и фрегатом на пистолетном выстреле, один из неприятельских кораблей сблизился так, что свой утлегарь положил на корму «Скорого». Один смельчак хотел отрезать наш флаг, но был убит и упал в воду. В толь жарком огне мужественному Денисьевскому оторвало ногу, и тут он обнаружил необыкновенное присутствие духа; стоя на открытом месте, шутливо сказал: «Неверная сила меня подкосила», продолжал распоряжать и не прежде позволил нести себя вниз, как сам капитан принял командование. Истекая кровью и от висевшей на одной жиле ноги чувствуя чрезвычайную боль, Денисьевский приказывал матросу отрезать ее ножом, но сей, поддерживая его ногу, отвечал: «Потерпите немного, ваше благородие, лекарь лучше это сделает». Когда несли его чрез шканцы на кубрик, Денисьевский, заметив мало людей у пушек, сказал им: «Не робейте,

ребята! Хотя вас и мало, замените потерю храбростью и потрудитесь для русской славы».

7) Боцманмат сего корабля Афанасьев также отличился необыкновенным мужеством и пожертвованием, которое, когда человек стоит на краю гроба, свойственно токмо людям, одаренным духом непоколебимым и сердцем, исполненным благородных чувствований. Афанасьев потерял ногу на марсе, пока его на веревке спустили с мачты, от истечения крови он начал уже терять голос. Когда лекарь приуготовлялся пилить ему ногу, он услышал повторенное имя Денисьевского, подняв голову, слабым голосом сказал лекарю: «Оставьте меня и помогите Матвею Андрониковичу». «Спасибо, брат, — протянув руку, сказал ему Денисьевский, — ты знаешь закон: очередь твоя, я не хочу и не должен пользоваться твоим великодушием». Вот черты, достойные героев, достойные русского сердца.

8) Еще один пример, доказывающий, каким духом оживлены были служители в сие славное сражение. Афанасий Соломинин, боцман сего же корабля «Скорого», был ранен пулей в руку; он хотел вытащить ее зубами, но, не могши, вырезал ее ножом и, завязав платком, остался при своем месте. Рука сильно у него распухла, но он не прежде как после сражения пошел на перевязку и, несмотря на представление лекаря остаться в кубрике и взять покой, боцман явился к своей должности. Будучи старик лет под шестьдесят, он, как молодой и самый расторопный человек, бегал, кричал, заботился, распоряжал и по боцманскому обыкновению бранил и сердился на матросов.

Моя благодарность

В сражении 16 июня при высадке турецких войск на Тенедос, получил я контузию в правый бок, а после в крепости, управляя артиллерией в цитадели, был тяжело ранен в су-

став левого плеча пулей навылет. На сгоревшем бриге «Гектор», бывшем под начальством моим, лишился я всего, что у себя имел, так что по снятии первой перевязки нечем было перевязать раны. В сем моем положении комендант, полковник Падейский, приказал перенесть меня в свой дом и поручил доктору Бартоломею Болиако, жителю из Хио, которого искусством и опытностью многие опасно раненные вылечены; я обязан ему жизнью.

В одной со мной комнате помещены были из лучших семейств раненые женщины, в том числе Мария, дочь нашего консула Хальяно. Прекрасная и 17 лет, она была ранена, хотя легко, но таким образом, что ее должно было обнажать до половины пояса. Лицо, шея и грудь ее были ушиблены штукатуркой, упавшей с потолка, который разбит был ядрами. Девица сия, страдавшая более от стыда, нежели от боли, привыкла наконец к моему присутствию, почитала долгом помогать доктору при моей перевязке и во все минуты осады не отходила от меня ни на минуту.

Когда наша эскадра, обошед остров Имбро, прибыла к Тенедосу, двоюродный брат мой А. В. Левшин, узнав, что я тяжело ранен, выпросил позволение у капитана и отправился на шлюпке к крепости. Надлежало плыть под перекрестным огнем, под тучей пуль и картечей. Шлюпку пробило ядром, однако ж люди остались без вреда, и посещение брата сколько удивило меня, столько принесло и удовольствия, но, не желая, чтобы он впредь подвергал себя и людей такой опасности, я просил его не приезжать в другой раз. Едва он уехал, бомба разрушила ту половину дома, в которой я лежал. По счастью, ниша, где стояла моя постель, удержала остатки упавшего на него потолка, и между многими ранеными и убитыми один только я остался в доме невредимым.

По освобождении крепости от осады, Козловского полку капитан А. перенес меня из порохового погреба, где я лежал

в последние дни осады, на свою квартиру. В один день гренадер, ходивший за мной, внес в комнату мою узел с некоторыми вещами и подал записку следующего содержания: «Услышав, что вы лишились вашего имущества и тяжело ранены, зная притом, что вы не согласитесь принять посылаемые при сем вещи, я лучше желаю, чтобы вы меня не знали, нежели не приняли того, что для вас необходимо, а мне излишне. Не ищите меня, труд ваш будет напрасен, довольно я ваш друг и ничего больше не желаю, как вашего выздоровления...» Теряясь в предположениях и догадках моих, пусть неизвестный благотворитель, читая строки сии, примет мою искреннюю благодарность.

При поступлении моем на фрегат «Венус» один из офицеров вызвался разделить со мной свою каюту и при первой встрече обласкал меня более других. Служба, нужда поверить свои мысли кому-либо, мало-помалу внушая взаимную доверенность, сделали нас друзьями, не такими, кои по сходству склонностей, снисхождению к слабостям друг друга делают связь их более взаимным условием, нежели дружбой. Напротив, при несходстве нравов мы любили быть вместе, делили радости и печали с удовольствием и во всю службу не разлучались.

Мы не имели между собой ничего тайного, откровенно говорили правду и, даже иногда ссорясь, всегда видели необходимость друг в друге. Наконец, в нынешнем просвещенном веке, в котором никого не любят, кроме самого себя, в котором друзья редки, я нашел друга в М. Л. Н. Он был счастливее меня, имев случай опытом доказать свое ко мне расположение. Едва турки отправлены были на Анатольский берег, он перевел меня на фрегат, сам помогал лекарю при перевязке, сам давал мне лекарства, словом, покоил меня, ходил за мной как брат, как отец. Малая опытность корабельного лекаря, в продолжение плавания от Тенедоса до Корфы

едва не отверзла мне двери гроба, должно было отнять руку по состав плеча, но Н. на сие не согласился. В Корфе, наняв для меня квартиру, он сыскал славного Корузу, врача особенно искусного в лечении ран, и сей, сделав 18 операций, вынул из плеча 23 кости, и не только жизнь, но и руку мне сохранил.

До какой степени Дмитрий Николаевич простирал свои попечения особенно о раненых, с какой лаской и снисхождением обращался он с подчиненными, я представляю в пример себя и замечу, что все раненые по мере нужд и заслуг не остались без равного внимания. Когда эскадра возвратилась из Архипелага к Корфу, озабоченный сдачею Корфы французам, отправлением войск в Венецию, приуготовлением флота к возвращению в Россию, и день и ночь в трудах, Дмитрий Николаевич вспомнил обо мне, послал адъютанта наведаться о моем здоровье и спросить, когда может меня видеть. Адъютант нашел меня на корабле «Рафаиле». Обрадованный столь лестным снисхождением главнокомандующего, я отправился с адъютантом на корабль «Твердый». Адмирал был на шканцах, когда доложили ему о моем приезде, он с таким добродушным участием спросил о состоянии ран моих, с такой лаской похвалил службу мою и, взяв за руку, ввел в свою каюту, что я, будучи изумлен таким приемом, не знал, как благодарить. Но с чем сравнить можно удивление мое, когда Дмитрий Николаевич, посадив меня в своем кабинете, сказал: «Я узнал, что вы имеете нужду, и для того хотел видеть вас, чтобы спросить, чем могу помочь вам». Я просил заплатить доктору за труды. Дмитрий Николаевич, позвав флаг-капитана Малеева, приказал выдать мне 100 червонных, сверх того за лекарство и квартиру было особенно заплачено, а доктор Корузо, ничего не ожидавший, получил бриллиантовый перстень в 2000 рублей, и как он подал просьбу о принятии его в службу и верноподданство, то на другой же день был назначен главным доктором при 15-й ди-

визии с жалованьем по месту. Сей достойный и весьма искусный доктор был принят, по представлению Дмитрия Николаевича, коллежским асессором и служил после в Севастополе в звании главного доктора при Морском госпитале, и в сей должности заслужил беспрекословную славу, так что, в знании не имея соперников, уважаем был и самыми завистниками.

Такими средствами Дмитрий Николаевич приобрел любовь от своих подчиненных, и сия любовь, нелегко приобретаемая, вопреки превратности случаев, сохранит ему то уважение, которое заслужил он делами добрыми и заслугами знаменитыми. Внимание к подчиненным, всегда готовая от него помощь, свойство души чувствительной, никогда не истребятся из памяти всех, имевших честь и счастье служить под его начальством.

Разные замечания

Прекрасный климат, богатство произведений, выгодное положение для торговли и знаменитые происшествия древней Греции всегда будут привлекать на острова Архипелага любопытных путешественников и обращать внимание политиков. Две гряды сих островов, кроме рассеянных, составляют почти непрерывную цепь, соединяющую Европу с Азией. Острова сии, конечно, суть вершины бывших на твердой земле высоких гор, которые после всемирного потопа и многих землетрясений, ниспровергнувших и потопивших низкие места, учинились островами. Твердый камень, из коего обыкновенно состоят вершины высоких гор, составляя ныне почву всех архипелагских островов, неоспоримо то доказывает.

Почва архипелагских островов есть пласт плодотворной земли на твердом граните, более или менее глубоко лежащий; нередко весь остров, как то: Парос, Тино и другие, есть толща прекраснейшего мрамора и частью драгоценной

яшмы. Каменное сие основание сохраняет в земле полезную для прозябений влажность. Все растения, хотя и не с такой скоростью растут, как в нашем климате, но зато они, два раза в году переменяя зелень, приносят плоды и всегда имеют жизнь. Там, где истреблены леса или их не было, земля, не защищаемая тенью дерев, лишается нужной влажности, ибо уже доказано, что где нет лесов, там иссыхают источники и земля в продолжение веков обнажается и делается бесплодной. Однако ж кроме немногих Цикладских, кои суть голые скалы, прочие острова поражают взор своим величием и разнообразием прекрасных видов. Природа большей частью в необработанном, диком своем состоянии, при благорастворенном, всегда ясном небе, дает человеку все нужное и в изобилии. Персиковые, абрикосовые, миндальные и фиговые деревья, оставленные самим себе, производят вкуснейшие плоды. Трудолюбивые греки наиболее обрабатывают виноград, маслины, собирают шелк и хлопчатую бумагу.

Оливковое дерево из всех других есть, конечно, полезнейшее произведение; оно возрождается от своего корня и потому называется вечным. Оно не требует почти никакого за собой присмотра. Каждое дерево кругом дает по червонцу в год доходу, так что в Греции приданое невест и вообще богатство считается числом сих дерев. Оливки, продающиеся у нас в банках, суть несозревший плод; масло, выжимаемое из созревших маслин, по неумению или небрежному его приготовлению, называется у нас деревянным, в отличие от прованского, которое из того же плода с большим старанием и искусством выжимается. Употреблении деревянного масла во всей Южной Европе столь велико, что на поварнях почти не употребляется коровье. Посему-то во всей Италии редко можно найти сие последнее.

Нет страны, которая бы более претерпела перемен, как Греция. Знаменитое сие отечество изящного вкуса и колы-

бель многих наук представляет теперь одну тень того, что было некогда. Законы, науки и войны равно ее прославили. Греция существовала, так сказать, весьма краткий период времени, но период сей, исполненный геройских подвигов, ознаменованный деяниями мужей великих, навсегда останется бесценным перлом древней истории. Малолюдные слабые республики, на которые разделена была Греция, увлекаясь судьбой сильнейших, каковы были Спартанская и Афинская, и те, и другие, быв иногда свободными, долго сопротивлялись могуществу Персии, наконец, покорив сию империю под знаменами Александра, при преемниках его обладали большей частью Азии. Но слава греков была подобна минутному блеску молнии, раздоры и несогласия, происходящие от раздробления на столь многие и малые республики, делали их легкой добычей всякого завоевателя. Римляне покорили их одну за другой и оставили им только призрак свободы, которая скоро сама по себе исчезла.

Египтяне были первые изобретатели наук. Финикияне упражнялись в мореплавании и торговле. Греки усовершенствовали изобретения тех и других, изящный вкус их в ваянии, живописи и других художествах, равно красноречие и правильная поэзия, собственно, принадлежат изобретению греков и до сего времени служат образцами для художников и стихотворцев нашего просвещенного века. При упадке наук в средних веках, во времена готического варварства немногие ученые греки, переселившиеся из Греции во Флоренцию, под покровительством знаменитой фамилии Медицисов сохранили науки и передали их нам.

По разделении Римской империи на Восточную и Западную, по ослаблении первой впадениями воинственных орд непросвещенных народов, Архипелагские острова, одни за одними отторгаемые, принадлежали венециянам, генуэзцам и каталонцам, а другие имели особенных независимых кня-

зей и герцогов. Во времена крестовых походов они служили пристанищем для флотов, несших армию крестоносцев и пилигримов к Иерусалиму, и в сие же время были средоточием торговли Европы с Индией чрез Египет. Наконец, по завоевании гроба Господня сарацинами, полководцы калифов, а потом и сами турецкие султаны, по взятии в 1453 году Константинополя, завоевали весь Архипелаг, и хоругвь латинская, преследуемая с острова на остров, остановилась у твердынь Корфы, единственного места и поныне свободного от власти оттоманов.

Сравнение древних греков с нынешними. — Их нравы и обычаи

Древние греки почитались ветреным, храбрым, несправедливым и разумнейшим народом на свете. Имея пылкий ум, замыслы свои искусно приноравливали они к случаям; столь скоры были в исполнении оных, что желать и владеть для них было одно; столь высокомерны, что почитали отнятым у себя то, чего не могли завоевать. Народ неустрашимый и беспокойный, в котором дерзновение превышало силы, смелость возрастала от опасностей и надежда от несчастий, который искал бедствий, вдавался им без размышления, праздность почитал мучением и, не давая себе покоя, не мог терпеть его и у других. Беспрестанно занимаясь будущим, невзирая на настоящее, завидуя друг другу, в междоусобиях проливая кровь своих сограждан, редко могли они согласиться на меры защищения своего общего отечества, никогда не могли соединиться в значительную державу и, если в сих превратностях гордиться могут славой многих великих полководцев, законодателей, философов и художников, то столько же должны себя упрекать в несправедливостях, ибо отличившийся знаменитыми подвигами почти всегда был оклеветан, отравлен ядом или изгнан из Отечества.

Вот какой кистью историки описывают древних греков. Нынешних можно уподобить старцу в преклонных летах: слабому, изможденному в силах и без противоречия слепо повинующемуся своенравной служанке. Однако ж столько веков неволи, деспотическое правление магометовых последователей, хотя разрушили памятники просвещения и художеств, но не совершенно подавили их дух и не совсем изменили прежний характер. Продолжительное рабство и уничижение в течение стольких веков долженствовали ослабить добродетели и умножить пороки нынешних греков. Основываясь на сем положении, принимая в уважение тяжкое иго народа, суждение благомыслящего не будет строго, ибо несчастье заслуживает снисхождения. Трудно с точностью изобразить характер, искаженный бедствиями, падший от несчастий, и потому постараюсь означить только главные свойства оного. Греки тщеславны в счастье, искательны и льстивы в превратностях судьбы; с терпением, уклончивостью удивительной, тихим шагом они достигают почти всегда своей цели. Любовь к свободе и равенству еще не угасли, но взаимное недоброжелательство отклоняет то согласие, которое могло бы поставить их на чреду самобытных народов. Опасность встречают они бестрепетно, умеют умереть великодушно и для своего освобождения при удобном случае никогда не усомнятся пожертвовать жизнью. Храбрость их не уступает твердости спартанской, они сколько дерзки в сражении, столько же хвастливы и ничем не довольны после оного, ни самая щедрая награда за малую услугу не может удовлетворить их. За сию хвастливость некоторые путешественники подозревали их мужество; сие несправедливо и, по моему мнению, происходит оная от беспокойного нрава и наклонности к распрям, которыми отличались и предки их от всех народов. При деятельности и трудолюбии, они так проницательны и ловки в торговых оборотах, что из всего

умеют извлекать себе пользу и в сем отношении, думаю, далеко превосходят прародителей своих, которые также любили и поклонялись деньгам.

В отечестве наук и изящных художеств, хотя и есть несколько училищ, содержимых на иждивении частных людей, нет теперь ни одного Апеллеса, Фидиаса и Праксителя, но искры того божественного огня, которым обладали предки их, посредством ли немногих письменных памятников или чрез изустное предание, по наследству перешел и к нынешним. Не имея никакого образования, многие обладают счастливыми дарованиями; оные ощутительны и в простых поселянах. Вежливость, ловкость, какое-то особенное красноречие в выражениях, в изъяснении мыслей искусный, остроумный и замысловатый оборот слов, притом вид добросердечия, откровенности и вкрадчивости, служащий завесой лукавства и часто подлога, преимущество грека в сравнении с другими народами равного им состояния людей, делается очевидным. Доказательством сему послужить может и то, что немногие обучающиеся в иностранных университетах в короткое время успевают во всех науках, особенно же математических, словесных и даже самых отвлеченных и глубокомысленых. Архипелагские греки, занимающиеся мореходством, говорят по-турецки и по-итальянски, никогда оным грамматически не учась. Новый язык, происходящий от древнего, искажен турецкими словами, однако ж имеет доброгласие и миру. Древний же эллинский, которым писали и управляли сердцами целого народа славные витии Греции, немногие ученые греки разумеют, оным говорят теперь только профессоры в европейских университетах и малое число любителей словесности. Сии немногие ученые греки редко возвращаются в отечество, и потому знания их для соотечественников остаются бесполезными. Гомеровы стихи (хотя не всякий из них понимает) поют с удовольствием, гордятся

славой своих героев и любят воспоминать золотой век давно прошедшего своего блаженства. Страсть к зрелищам и увеселениям облегчает нынешних греков в тягостной их неволе. Подобно древним, как дети милые и легковерные, они переходят от грусти к веселью с чрезмерной скоростью, в свободное время поют и пляшут без усталости, в кругу искренних любят выпить умеренно, и в сии только минуты в приятных воспоминаниях забывают бедствия, утешают себя надеждой лучшего будущего времени и мечтают о вольности своей. Музыкальный их инструмент подобен скрипке с тремя струнами.

Вкус греков в украшении храмов, в убранстве домов и одежде совсем ныне изменился. Красный и голубой цвет предпочитают прочим, смешение оных в шелковых материях и в крашении комнат составляет пестроту, неприятную для взора. Резьба, коей украшают церкви и жилища, также и живопись, не стоят и названия сего. В строении домов и мебелях, исключая чистоту и опрятность, подражают туркам. Мечети, строенные греками, при первом взгляде возбуждают невольное удивление, и, если не отличаются оные правильностью вкуса, то имеют много величия и той смелости в исполнении, которая свойственна была древним их зданиям. В образе жизни умеренны, воздержаны, строго наблюдают посты, не знают роскоши, и те, которые занимаются торговлей, крайне благоразумны в расходах, у тех же, которые малые имеют сношения с иностранцами, можно найти гостеприимство и приветливость, коими славились их предки. К преимуществам сана совсем не чувствительны. Хотя при встрече с иностранцем они и именуют себя титулами наидревнейших фамилий, но сии Палеологи, Комнины и Ласкарисы, первые чиновники на островах, архонты и проестосы и т. п., не имея никаких прав дворянства, пользуясь только уважением личного достоинства, обращаются с последним работни-

ком как себе равным, подобно ему трудятся в поле или в тесной лавочке продают мелочные вещи. Вся разность состоит в том, что богатый, нанимая поденщиков, оставляет себе легкое упражнение и не считает за стыд трудиться для себя. Сие обыкновение поддерживает и утверждает любовь к равенству, изъяснить же оное можно и тем, что зажиточные люди, дабы избегнуть притеснений корыстолюбивых турецких чиновников, особенно своих единоверцев, поневоле живут умерено и стараются скрывать богатство.

Торговля обширных областей турецкой империи обращается чрез руки константинопольских и архипелагских греков. Во время войны служат они на флоте; в продолжение мира на своих прекрасных судах объезжают Левант и посещают торговые города на Средиземном и Черном морях. Далее Лиссабона никто не ходит. Соколевы, употребляемые для малых и прибрежных плаваний, сохранили наружность древних судов: они имеют нос и корму высокие, украшенные резьбой и привесками. Вернетова картина, изображающая корабль, на котором Спаситель с апостолами застигнут был бурей, есть близкое изображение сих соколев. Греки Малой Азии, как уверяют новейшие путешественники, с успехом занимаются земледелием; морейцы и жители Аттики в отечестве Леонида и Фемистокла живут на пепле и развалинах своего горестного отечества в крайней бедности. Война междоусобная, грабежи турок и воинственных албанцев препятствуют и малой промышленности. Последние под властью Али-паши, привыкнув к кровопролитиям, почитаются ужасным бичом и турок, и своих сограждан, и потому мало успевают в земледелии.

Как торговля, ремесла и промышленность, составляющая богатство народов, зависят в Турции от деятельного трудолюбия греков, то последний султан Селим II, кажется, постигнул сей предмет государственного хозяйства и много

облегчил те притеснения, которые, как и во всех деспотических правлениях, позволяют себе гражданские начальники, коим дано такое полномочие, что по своей воле могут рубить голову своим подчиненным. Каждый подданный грек платит в год около $6^1/_2$ пиастров, и если прибавить к сему подарки и все прочие вынужденные издержки, то в совокупности и в сравнении с податями, взыскиваемыми во всех благоустроенных государствах, годовой оклад подданных султана не составит и пятой части. Многие путешественники, предаваясь мечтаниям о древней Греции и судя по воплям новых греков, впадают в погрешность, говоря: греки стонут от ужасных, мучительных притеснений. Когда явится ага для взимания пошлины (так уверял турецкий пленный адмирал, бывший на фрегате «Венусе» для отвоза его из Тенедоса в Корфу), греки обыкновенно разбегаются и всяким образом уклоняются от платежа не только подарков, но и законных податей.

Магомед II, покорив Грецию, предоставил побежденному народу свободное отправление обрядов веры, преемники его продажей высших санов духовенства, собиранием значительной подати за позволение строить церкви и монастыри, хотя временно и часто притесняли христиан, но никогда не были гонителями их церкви. Терпимость мусульман всегда была снисходительнее католиков, в землях коих горели костры и столько пролито крови за веру, и даже ныне в их владениях ни за какие деньги нельзя иметь той свободы, какую позволяют турки, сии мнимые враги имени Христова. Священство лично изъемлется от всякой повинности. Содержание их зависит от приношений прихожан, посему светские попы очень бедны, в просвещении также недалеки и не пользуются должным уважением, проистекающим от добрых нравов и примерного поведения.

Непростительно было бы умолчать о прекрасном поле: красота их и теперь могла бы служить образцами Юнон, Ди-

ан и Венер. В больших торговых городах, более посещаемых иностранцами, гречанки любят наряжаться, показывают желание нравиться, но только осторожно и самым невинным образом. И малое кокетство имеет еще нужду скрываться, ибо чистота нравов стыдится и тени разврата. Живущие вместе с турками тщательно избегают сообщества мужчин и подобно турчанкам проводят жизнь невидимками: редко позволяют они себе сквозь решетку окна смотреть на проходящих по улице. На островах, где нет турок, женщины пользуются свободой. Прелести их могли бы тут подвергнуться искушению волокит, если бы строгая добродетель не предохраняла их от того. Будучи без всякого образования, следственно, не имея так называемой любезности и ловкости, которые возвышают природные дарования в искусстве привлекать, они заменяют оные скромностью, простотой, тонкостью природного ума и всей силой очарования невинности. Легко могли бы они присвоить себе ту власть, которая столько льстит самолюбию женщин, но к чести их оная не простирается свыше рукоделий и домашнего хозяйства. Должности матери семейства, обязанности супружества (не скажу «всегда», ибо нет правила без исключения) исполняются ими с точностью. Чрезмерная ревнивость мужей, происходящая от обычая земли и, может быть, от климата, конечно, есть несправедливость, а еще более неблагодарность, за которую обыкновенными средствами могли бы они удобно отомстить, но, к славе греческих красавиц, они предпочитают семейственное счастью блеску и тщеславию громкой известности. В Константинополе и Смирне те несчастные, которые принуждены искать своего пропитания ценой красоты и здоровья, скрываются в уединении и не смеют похвалиться пороком.

Факел, зажигаемый во времена язычества при браках, и ныне употребляется при свадьбах. Оный несется пред молодыми в спальню и горит до тех пор, пока его станет. За дурной бы праздник почлось, если бы он погас, и потому

смотрят за ним с таким же тщанием, с каковым весталки берегли священный огонь. Как святость состояния требует, чтобы поп не влюбился в другую, и чтобы прелести верной супруги удерживали его в границах наистрожайшей должности, то в Архипелаге есть обыкновение, когда дьякон посвящается в священники, должен он избрать невесту не только прекраснейшую, но добродетельную и кроткого нрава. Не эта ли причина, что греки охотно ищут посвящения в духовное звание?

Нечто о турках

Дать справедливое понятие о турках, народа, чуждого нам во всех отношениях, почти невозможно. Многие путешественники, не зная их языка и будучи предубеждены мечтаниями о славе древней Греции, все в них осуждали; о действиях их и побудительных к тому причинах часто, по соображению со своими обычаями, судили превратно. Некоторые сведения, собранные мною в продолжение служения моего на Средиземном и Черном морях, когда они были и друзьями, и неприятелями нашими, может быть, будут также недостаточны, по крайней мере, предубеждение и пристрастие не будут иметь места в сих моих замечаниях.

Личная храбрость, величие души, мужество суть свойства турок, которыми покорили они многих столь же воинственных народов и в лучшей части света основали могущественную Оттоманскую империю. Характер тихий, задумчивый и благородный, возмущаемый иногда страстями, делает турок подозрительными и против врагов жестокими. При всем том они не мстительны и обиды охотно забывают. Не учение магометовой веры, а порок живущих с ними христиан побуждают их презирать всеми другими народами, кои не последуют их закону, который делает их в обхождении между собой великодушными, сострадательными и гостеприимны-

ми. Они хорошие хозяева, умеренны, терпеливы и набожны. Скупость и жадность к приобретению богатств, нужда, побуждающая всякими средствами поддерживать себя на скользком месте, как необходимые следствия злоупотреблений в деспотических правлениях, существует только между вельможами. Вообще же бескорыстие турок, их щедрость к неимущим, исполнение данного слова, особенно благодарность, при совершенной их необразованности суть такие добродетели, которые могли бы украсить и самые просвещенные народы. Фонтаны, мосты и караван-сараи (постоялые дворы), устроенные на дорогах, где уставший странник без платы находит покой и прохладу, суть памятники их душевной доброты, достойные подражания. Их понятия о вещах весьма просты и ограничены; они располагаются понастоящему, скоро забывают прошедшее и не думают о будущем. Вельможа, впадший в несчастье, переносит оное с твердостью и не показывает ни малейшего уныния; простолюдин, взошед на верховную степень визиря, поддерживает сан свой со всей важностью и достоинством. Один говорит: «Иш-Алла! Буди воля Божия»; другой: «Алла Хирим, Великий Бог». И оба успокаиваются. Верование в предопределение, первоначальный догмат их веры, во всяких случаях жизни делает их покорными судьбе, и потому-то, поджав ноги под себя, большую часть жизни они сидят, пьют кофе, курят табак и не имеют ни малого любопытства. Книги, как думают они, служат только напоминанием о глупостях человеческих, и потому кроме Алкорана, и то весьма немногие, других книг не читают. Не зная ни грамоте, ни наук, ни искусств, живут очень покойно и хладнокровны ко всему ученому. Познания, необходимейшие в жизни, переходят от отца к сыну, и потому-то ремесленники их, как то: портные, кожевники, золотошвеи и многие другие, превосходны.

С другой стороны, обычай и свойства турок представляют удивительную противоположность. Моются по три раза в день и неопрятны, потому что белье редко переменяют; лакомы и вместе воздержаны; сострадательны к животным и жестоки к неприятелям; соединяют простоту древнего парфянина с изнеженностью азиятца; невольники приличностей и свободны лично; сладострастны дома и непорочны в обществе; ленивы в праздности и живы, и деятельны в сражении.

Честность турок заслуживает особенного внимания и поистине достойна нашего удивления. Купцы их верят друг другу на миллионы, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидетеле. Кто в срок не может заплатить, и отсрочка по предстательству кади или за не отысканием поручителей не будет дана, того имение в тот же день отдается заимодавцу, а виновный теряет голову. Турецкие законы очень строги и точны; разбирательство, решение суда и исполнение по оному оканчиваются весьма скоро. Оттого нет здесь тяжеб, по целому столетию продолжающихся. Турки сами признаются, что при поспешном их суждении иногда погибают невинные, но они в оправдание свое говорят: «Лучше пожертвовать десятью овечками для истребления одного хищного волка, нежели дать ему способ задавить еще сотню и другую». Правосудие турецкое основывается на доказательствах вероятных, на разуме дела и здравом смысле; судьи их славятся проницательностью и праводушием, ибо достоинства сии почитаются необходимыми для сего звания, и, может быть, к удивлению многих, должен я сказать, что турецкий кади почитает лучшей наградой одну честь и известность его беспристрастия. В одной только Турции преступник и с чистыми документами получает достойную казнь; невинный и без оных всегда может надеяться на правосудие и защиту законов. Полиции в Константинополе не видно. Сам султан, визирь или нарочно

для сего наряжаемый чиновник ходит по городу, переодевшись, особенно строго наблюдает за продажей съестных припасов, и, например, если фунт хлеба по таксе стоит 2 пары[10], то во всем Константинополе у турецких хлебников не сыщите хлеба ровно в фунт, а всегда несколько более; у греческих же часто менее фунта. За сей проступок виновного гвоздем за ухо прибивают к столбу. Путешественники, не входя в причины, осуждают турок за сию жестокость. Турки столько гнушаются обманом или подлогом в торговле, что если вы, пришед в турецкую лавку, покажете сомнение о качестве или цене товара, то мусульманин примет сие за крайнюю обиду и часто скажет: «Неужели вы принимаете меня за христианина?» Таково их мнение о всех христианах, которое в некотором отношении частью и справедливо. Вот образец их честности: один чиновник нашей миссии послал дитя 5 или 6 лет купить око[11] винограду. Ребенок, пришед на рынок, подал деньги, купец, взглянув на него, с улыбкой спросил: «Далеко ли отсюда дом твоего господина?» И, расчислив, сколько мальчик может дорогой съесть, за те же деньги отвесил ему полтора ока и, отдавая виноград, сказал ему: «Я не хочу, чтобы господин твой подумал, что я обманул дитя, но попроси его, чтобы впредь присылал слугу повернее тебя».

Иностранец, проживающий в Константинополе, пользуется совершенной свободой. По приходе корабля на рейд таможенный чиновник первый на оный приезжает. Шкипер показывает ему паспорт. Турка, не зная, что в нем написано, взглянув на него, говорит «пекъи», потом спрашивает шкипера: откуда пришел? какой имеет груз? и намерен ли остановиться в Константинополе или идти далее? Получая на сии вопросы ответы произвольные, турка при каждом хладно-

[10] 2 копейки.

[11] 3 фунта.

кровно повторяет «пекъи, пекъи» (хорошо); потом спрашивает, не имеет ли сверх объявленного груза еще чего-нибудь, и на ответ шкипера, сказав свое «пекъи», сходит в каюту, где шкипер обязан подать чашку взболтанного кофе без сахару, трубку с длинным чубуком и тотчас положить пред ним на стол полпроцента от суммы, на какую, по собственному объявлению его, привезено товаров. Турка, поверив счет на бахроме своей шали, подобно как у нас делают выкладки на счетах, кладет деньги в султанский мешок и снова повторяет «пекъи». Если в каюте увидит он сундуки или что-либо похожее на связку товаров, не упомянутых шкипером, то с укорительным видом спрашивает: «А это что?» И получив в ответ: «Собственные вещи или платье пассажиров», снова успокаивается и добродушно повторяет свое вечное «пекъи!» Потом встает; тут шкипер подносит ему подарок, смотря по величине судна, простирающийся от 10 до 50 червонцев. Турка, в последний раз сказав «пекъи», объявляет шкиперу свободу и отъезжает, нимало не беспокоясь, что его в счете обманули. Иностранца, съехавшего на берег, никто и нигде не спросит, кто он такой; ступай куда хочешь, делай что угодно, нигде не остановят, в полицию не поведут; ибо во всей Турции нет застав. Уже прошло то время, когда европеец подвергался в Константинополе частым обидам, теперь, напротив, случается, что даже грек обижает турку. Впрочем, иностранец, какого бы звания ни был, должен остерегаться сделать грубость знатному турке, ибо сей при малейшей обиде застрелит и делу конец. Убийца, не опасаясь задержания, пойдет спокойно далее, тело же остается на улице до тех пор, пока кто-нибудь его не приберет. Один чиновник нашей миссии рассказывал мне, когда во время бунта погиб славный Байрактар паша, то тело его в богатой одежде лежало долго на улице. Жестокие янычары, заметив жадные взоры жидов, устремленные на платье убитого, сняли с него кафтан и бро-

сили им в глаза, не коснувшись к другим драгоценным вещам. Удивления и похвалы достойно, что воровство, столь обыкновенное между всякой чернью, туркам вовсе не известно.

Заключение женщин есть следствие многоженства, и сколько сие обыкновение нам кажется странным, столько свобода наших женщин удивляет турок. Они думают, что вольность жен необходимо должна влечь их к распутству, и потому полагают, что нет между христианами ни одной честной женщины. Турчанки еще более удивляются сему; они не понимают, как возможно открыть лицо или обнажить шею пред глазами общества мужчин, торжественно обещавши хранить прелести только для одного мужа. Если европейцы говорят, что держать взаперти и лишать невинных удовольствий любимую особу есть неблагодарность, то азиятцы отвечают, что низко мужчин отказываться от господства, данного ему природой и законом Божиим. Если говорят им, что множество содержимых в сералях женщин производят беспорядки и смуты, они отвечают, что десять повинующихся женщин менее делают замешательства, нежели одна повелевающая. Турки не знают чувств любви истинной, основанной на почтении и взаимной доверенности, не знают того лестного сознания быть избранным из многих искателей, быть любимым по предпочтению; они смеются нашим любовным мукам и добровольному несчастью, похваляются своим спокойствием, утехами наслаждения и не хотят удовольствий своих смешивать с горестями: они правы, желать того не можно, что чувствам нашим неизвестно.

Впрочем, турецкие женщины не столько невольницы, как вообще у нас об них думают; они и в заключении своем умеют употреблять в свою пользу ту власть, которая дана их полу от природы. Высокого рождения могут делать посещения, прогуливаться, и муж не может сего им запретить. Многие жены не позволяют иметь наложниц; в сем случае супруг содержит их в особом доме и, также как у нас бывает, поздно

вечерком, потихоньку и с заднего крыльца посещает их. В Константинополе сей обычай теперь в моде. При взаимных посещениях гостья оставляет туфли свои при дверях сераля; бедный муж, как бы ни мучился любопытством или ревностью, не смеет войти в кабинет жены. Вот тропинка, оставленная для хитростей любви, которой турчанки столь же искусно пользуются, как и итальянки. Потому-то муж тогда только бывает уверен в жене, когда она находится под присмотром евнуха или окруженная своими подругами, и Магомед, зная сию слабость их, не совсем несправедливо позволил туркам иметь многих невольниц. Как большая часть народа, будучи не в состоянии содержать больше одной, а некоторая часть знатных, следуя вновь принятому обыкновению, довольствуются одной женой, то многоженство, кажется, идет к своему падению, и высокие стены и затворы гаремов не столь уже теперь крепки, как были прежде.

Многие почитают турецкое правление неограниченным и самовластным; но могла ли нация, бывшая на высшей степени славы и благоденствия, существовать, если бы не имела она коренных законов. Неприкосновенность права собственности нигде, как в Турции, так строго не наблюдается. При малейшем нарушении оного султаны свергаемы были с престола, визири лишались жизни. Некоторые гражданские постановления, связывающие государя с его подданными и ручающиеся за безопасность лиц и имуществ, заслуживают особенное внимание. Довольно сказать, что Турция есть единственная земля, где правосудие наблюдается с точностью и беспристрастием. Здесь нет описи имения в казну. Султан в одном токмо случае берет собственность тех, кои служа на жалованье, по доносу найдутся виновными в похищении государственного имущества.

Географическое положение Оттоманской империи и плодоносие ее областей представляет для торговли бесчисленные выгоды, и, хотя сими выгодами она почти не пользу-

ется, но перевес вывоза пред ввозом превосходит всех торгующих европейских народов. Торговля не встречает здесь никаких препятствий и, обогащая народ, мало доставляет пользы общественной казне. Для мореплавания, особенно прибрежного, в Черном и Средиземном морях турки имеют собственных судов гораздо более, нежели мы.

В заключение выпишу несколько слов из сочинения г. Етова о причинах скорого возвышения и нынешнего печального состояния Турецкой империи. Могущество оттоманов ни в чем не разнится от государств, основанных воинственных народом, поддерживаемых военным правлением и счастливыми завоеваниями, благоприятствуемых стечением особых обстоятельств. Когда Греческая империя при слабых своих властителях, при развращении нравов, от внутреннего неустройства, а наиболее от раздоров западной с восточной церковью, клонилась к упадку, тогда турки, одушевленные мужеством и непримиримой ненавистью к имени христиан, имея хорошо устроенные войска, под предводительством храбрых султанов, вышли во множестве из скифских жилищ своих, по несчастью в то самое время, когда вся Европа страдала под бичом безначалия по причине повредившейся поместной (feudal) системы; когда самые государи принуждены были просить войска у сильных и самовластных своих подданных; между тем турки имели прекрасное войско, привыкшее к подчиненности, кровопролитию и перенесению нужд. В сие время турки были наши учителя в искусстве нападения и защищения крепостей, в рытии подкопов и уничтожении их действия посредством других, особенно же в искусстве управлять большими движениями войска. Сей удивительный порядок, введенный в турецком войске прежде других народов, благоприятствовал победам, возбуждал в них воинственный дух, содействовал удачному исполнению предприятий; одна победа

преподавала наставление для одержания другой, завоевания умножили количество пособий, слава предшествовала победоносному войску, вселяла ужас в неприятеля и ослабляла в нем охоту сопротивляться. Таким образом, турки распространили владения свои в Азии, Африке и Европе, и Константинополь сделался столицей империи обширнейшей и сильнейшей всех тогдашних европейских государств.

До царствования Ахмета III султаны лично предводительствовали своими армиями, и войны продолжались успешно, но с начала XVIII столетия, когда заключились они в гаремах и поручили войска визирям, успехи завоевания сделались медленны. Однако ж некоторых из сих верховноначальников, одаренные военными качествами и предприимчивостью, вспомоществуемые многочисленностью своих армий, приобретали победы над устроенными войсками германцев. Монтекуколли первый научился побеждать сих неприятелей. Принц Евгений лишил их побед, и мир Пассаровицкий был пределом успехов и дальнейших завоеваний оттоманов. По смерти сего великого полководца турки все еще были страшны Европе, составляли сильнейшую державу, воины ее не утратили дерзновенной храбрости и почитали себя еще непобедимыми, доколе, встретясь с храбрыми рядами российских войск, не приблизились скоро к своему падению. Румянцев-Задунайский, Суворов-Рымникский и Орлов-Чесменский с малыми силами уничижили гордыню мусульман, остановили их буйство и отмстили за всех христиан. Беспрерывный ряд побед, прославивших царствование Великой Екатерины, сломил надменность турок, и сия империя с высоты военной славы своей пала и сделалась ни для какой значительной державы не опасна.

Отчего произошла толь скорая перемена при одном и том же государственном устройстве? И почему при такой слабости Порта, обещающая богатую добычу завоевателю, не

могущая оборонить себя от нападения, еще стоит на ряду самобытных держав в Европе? Вот два предмета, на которые г. Етон, сочинитель истории турецкой, предлагает следующие замечания.

Государство, управляемое военными законами, военным уставом, подлежащее самовластному царю и постановленным от него наместникам, и которого силы действуют единственно для покорения новых областей, питает в себе зародыш собственного упадка. Потеря немногих сражений, один неудачный поход, лишив оное преимущества быть победоносным, подрывает основание; и потому не удивительно, что столь сильная империя скоро ослабела и клонится к разрушению[12]. Сему способствует еще другое обстоятельство. В правлении турецком до сих пор виден еще остаток военной гордости; они все еще предполагают, что двор их находится среди военного стана и султан на повелениях своих подписывает: Дано при нашем императорском стремени. Различие между победителем и побежденным, продолжающееся и поныне в полной силе между турками и греками, не составляющими одного народа, есть причиной, что султан, не поддерживаемый усердием и любовью рабов, после неудач не только не может думать о возвращении потерь своих, но всегда должен ожидать возмущений, что с Турцией точно и случалось.

Таким образом, турки, некогда ужасавшие и грозившие Европе порабощением, ныне робкие и слабые, осторожные в политике, ищут безопасности своей в соперничестве держав; ибо прекрасные области Турции в руках других народов, а паче россиян, могут вредить выгодам всей европейской торговли.

---

[12] Теми же причинами Бонапарт погубил и Францию.

Сколь ни слаба теперь Оттоманская империя, однако ж покорение ее не так легко, как вообще у нас о том думают. Султан мужественный, приняв начальство над армией, легко подчинить может непокорных пашей, которые сделались самовластными и почти независимыми, и, уничтожив улему, так называемый духовный совет, причину многих зол и беспорядков, может вдруг и столь же скоро, как пала, восстановить силу и величие своей империи. Ряд крепостей на Дунае, Булгария малонаселенная, безводная и бедная для продовольствия большой армии, особенно нуждающаяся в подножном корме для конницы; за ней балканские дефилеи, где регулярное войско лишается многих выгод против многочисленной турецкой пехоты, составленной из лучших стрелков, могут затруднить отважнейшего и искусного полководца, особенно при том способе, который в последние войны турки нашли для себя выгоднейшим, именно: защищаться в крепостях, нападать легкими отрядами и уклоняться от генерального сражения. Кратчайший и удобнейший путь для покорения Константинополя показали нам древние наши герои Олег и Игорь. Содействие флота во всяких случаях необходимо, это доказала нам счастливая война 1770 года.

Замечания о воздушных явлениях ветров и погод

Архипелаг, находясь в умеренном климате, имеет только два времени года: лето и осень. В продолжение лета небо покрыто бывает прекрасной лазурью. Северный ветер столько прохлаждает и уменьшает большие жары, что воздух почитается здесь самым здоровым. По мере увеличивания зноя постоянно дующий летом северный ветер также увеличивается, исключая, что близ берегов около полдня делается тишина; ночью всегда дует береговой ветер. Причина сих перемен есть следующая: по захождении солнца воздух, наполняемый земными испарениями, навлеченными днев-

ным жаром, как жидкая стихия, разливается и течет к морю, от сего и происходит береговой теплый ветер, производящий росу. Сей ветер, начавшись около полночи, дует до тех пор, пока морской воздух, разжиженный жаром солнца, по той же причине обращается к земле, где воздух, освеженный ночной прохладой, снова начал согреваться. Однако ж сие постоянное течение ветров подвержено переменам; при южных ветрах небо покрывается тучами, зарница заменяет гром и молнию. Свежий ветер вдруг в несколько минут переходит в тихий, и когда небо сделается ясно, прежний ветер снова является. У Дарданелл же почти без всякой перемены дуют северные ветры. Начало осени есть прекраснейшая наша весна, в ноябре и декабре начинаются холодные и крепкие переменные ветры; небо чернеет тучами и бури с ужасными громами приводят в движение воздух. В сие время идут столь сильные дожди, что здесь в одну неделю падает воды более, нежели у нас в целый год. Льющийся дождь, особенно темной ночью, уподобляется шуму сильно падающего града. В сии зимние месяцы ясные после бури дни доставляют самую приятную прохладную погоду, солнце около полдня всегда имеет чувствительную теплоту. В Архипелаге нет тех продолжительных жаров и пагубного сирокко, опаляющего землю. Все произрастания всегда покрыты бывают зеленью, а зимой вся природа является в полном блеске. По причине многих островов, камней и подводных отмелей в бурное время плавание в Архипелаге становится опасным, но множество удобных пристаней не прерывают оного ни в какое время.

Возвращение фрегата «Венус» в Корфу. — Остров Тино

Получив повеление доставить в Корфу пленного турецкого адмирала и капитана корабля с их свитой, также лейтенанта Розенберга и фельдъегеря Федорова, отправленных с

донесением к государю императору, 6 июля мы снялись с якоря, а 8-го за противным ветром остановились у острова Тино. Город Сан-Николо или, как другие называют, Тино, стоит на берегу речки и защищается цитаделью, построенной венецианами на высоте. Рейд открыт северным и западным ветрам, глубина от 12 до 17 сажен, грунт песчаный и потому якорное стояние тут не надежно. В древние времена, по причине изобилия на нем воды, острова назывался Гидруза, а по множеству змей — Офиуза; на нем находился славный храм Нептуна, пещера Эола и гробницы Зефа и Калаиса, сыновей Бореевых. Тиносцы участвовали в сражении при Платее. Тино был последний остров, взятый турками от венециан. Длина его 12, ширина 5 верст, горист, весьма плодоносен, изобилует вином, маслом и хлебом. Делаемые здесь сырцовые шелковые чулки по прочности и сребристой белизне своей почитаются превосходнейшими. Хорошо обработанные поля и сады вокруг города показывают, что жители трудолюбивы. Тиносцы имеют свои суда и отправляют на них значительную торговлю.

Гражданские чиновники приезжали на фрегат засвидетельствовать свое почтение пленному адмиралу и предложить ему свои услуги. Они в знак уважения к прежнему своему начальнику доставили на фрегат все нужные съестные припасы без платы. Бекир-бей, сначала корсар, потом паша в Египте, почитался отважнейшим (хотя не знает грамоты) и знающим адмиралом. Слова, сказанные им при отдаче флага своего нашему адмиралу и разговор с лейтенантом, который был послан привезть его на корабль «Селафаил», доказывают его мужество и глубокое чувство чести. Когда корабль «Селафаил», подошед под корму корабля «Седель-Бахр», был готов дать ему залп, турки закричали: «Аман!» (пощада), и лейтенант В. Н. Титов был послан привезть адмирала и капитана, также и флаги на «Селафаил». Паша долго не согла-

шался отдать флаг свой капитану Рожнову, говоря, что он никому не сдастся, кроме самого адмирала; отпускал и возвращал лейтенанта несколько раз, наконец, призвав его в последний раз спросил: «За что русские так на него рассердились, что все корабль его били?» — «За то, — отвечал ему Титов, — что Ваше Превосходительство храбрее и лучше всех дрались». Ответ сей так понравился паше, что он, погладив свою бороду, тотчас согласился ехать на «Селафаил». Отдавая свой флаг Дмитрию Николаевичу, Бекир-бей с важностью сказал: «Если судьба заставила меня потерять мой флаг, то не потерял я чести и надеюсь, что победитель мой отдаст мне справедливость и засвидетельствует, что я защищал его до последней крайности». Я видел в Гибралтаре 4 испанских корабля, взятых в Трафальгарском сражении: они были сильно разбиты, но «Седель-Бахр» без реев, без снастей, с пробитыми бортами, наполненный в палубах щепами, убитыми и ранеными людьми, представлял самое ужасное состояние. Дмитрий Николаевич, приняв от Бекир-бея флаг, возвратил ему саблю, поместил его в своей каюте и ласками своими, вниманием и обхождением искренним в короткое время столь привязал к себе, что при прощании они расстались искренними друзьями. Бекир-бей очень бодр и остроумен: когда разбитый турецкий флот входил в Дарданеллы, и когда спросили его, почему на всех кораблях вместо носовых статуй помещены позолоченные львы, Бекир-бей, вздохнув, отвечал: «У добрых мусульман сердца львиные, жаль только, что головы ослиные». На вопрос, хорошо ли ходит ваш корабль? «Если б не хорошо ходил, не пришел бы сюда», — улыбнувшись, он отвечал. По прибытии в Корфу Бекир-бей помещен был в доме главнокомандующего. Генерал Бертье, новый наместник Ионической республики, сделав ему посещение, под видом дать ему дом более удобный и спокойный, перевел его в такой, в котором не только покоя,

но даже не было и необходимой мебели. Бертье, пришед к нему на новоселье, по обыкновению французскому нашел новое жилище его прекрасным, гораздо приличнейшим первого. Бекир-бей, удивленный, не отвечал ни слова; но когда Бертье с усмешкой прибавил: «Сожалею, что здесь не можно доставить вам таких прекрасных невольниц, которыми, конечно, ваш сераль в Константинополе украшен», тогда, огорченный, отвечал он ему самой колкой и невыгодной для французов насмешкой...

10 июля при свежем северном ветре снялись мы с якоря, выходя с рейды, встретились с английским фрегатом, с которого спросили, где наш флот? Объявили потом, что везут депеши к адмиралу Сенявину, и остановились на нашем месте близ Сан-Николо. Прошед каналом между Андро и Тино, на другой день между Цериго и Матапаном встретились с 2 английскими кораблями и бригом, один из них был стопушечный, на котором имел флаг свой контр-адмирал Мартень. Подошед под корму стопушечного, контр-адмирал поздравил нас с тремя победами: разбитием турецкого флота у Афонской горы и поражением французов под Гейльсбергом и Гутштадтом. Адъютант вице-адмирала лейтенант Розенберг ездил благодарить сэра Мартеня за поздравление и узнал от него, что семь кораблей, по повелению парламента, отправлены для соединения с нашим флотом, в распоряжение Дмитрия Николаевича, а в случае надобности сам Коллингвуд с 22 кораблями подкрепит наши действия. Сия доверенность к нашему главнокомандующему, конечно, приносит ему великую честь, ибо до сего времени ни один российский адмирал не начальствовал над английской эскадрой. Но усердное сие расположение британского правительства было уже не вовремя и много опоздало, ибо турецкий флот более не выходил из Дарданелл. Имея тихие переменные ветры, 18 июля прибыли мы в Корфу.

Переговоры о мире с турками. — Прибытие английской эскадры к Тенедосу. — Возвращение флота в Корфу

После осады Тенедоса турки в предместье его не оставили ни одного годного дома: одни разорили, другие выжгли, даже порубили фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников. По сей причине жители разъехались по другим островам, где нет турок, некоторые вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию. Как не было надобности удерживать крепость и дабы быть более свободным в действиях против неприятеля, главнокомандующий разместил гарнизон на корабли, пушки и снаряды отправил на «Ярославле» и «Седель-Бахре» в Корфу, и Тенедос 24 июля был взорван на воздух.

После Дарданельского сражения полковник Поццо ди Борго прибыл на флот под непосредственным руководством Сенявина производить переговоры с турками о мире. Адмирал письмом уведомил капитан-пашу о приезде на флот уполномоченного, но как он долго не отвечал, то послал другое и, дабы задобрить его, отправил к нему 20 пленных турок. Паша отвечал, что он отнесся о предложении адмирала Блистательной Порте. Наконец 27 мая, по причине восшествия на престол султана Мустафы, паша Сеид-Али, хотя и прислал ответ, но в нем, кроме учтивостей, ничего не было решительного.

После Афонского сражения главнокомандующий вторично требовал о допущении г. Поццо ди Борго к переговорам; капитан-паша отвечал по-прежнему, что он о сем предложении отнесется Дивану. 15 июля, после долгого ожидания, рейс-эфенди (министр иностранных дел) прислал ответ на письмо полковника Поццо ди Борго. В оном также ничего не было сказано утвердительного, кроме уведомления от рейс-эфенди, что визирь получил от генерала Милорадовича, главнокомандующего в Бухаресте, письмо касательно имею-

щего заключиться перемирия. Чиновник, привезший сие письмо, от имени капитана-паши словесно предложил Сенявину назначить место для свидания. Адмирал сказал на сие, что законы строго запрещают ему оставлять флот свой, а может послать вместо себя доверенного человека.

12 июля Сеид-Али прислал своего флаг-капитана с письмом, которым он думал оправдаться в разбитии своем при Афоне, по странности содержания оное довольно любопытно и для того помещается здесь от слова до слова.

«Высочайший, Высокопочтеннейший и просвещеннейший Адмирал Сенявин Дмитрий.

Осведомясь о здоровье Вашего Превосходительства, мы дружески представляем вам, в чем, конечно, вы и сами уверены, что во всякой вере запрещается говорить неправду. Приятель ваш не позволяет себе никакого обмана и не любит того, кто обманывает. Во время сражения вы сделали сигнал к прекращению битвы, выпалив пушку с холостым зарядом!! После другим сигналом велели приготовиться вновь к сражению. Три корабля ваши ответствовали, что готовы, но другие объявили, что не в состоянии[13]. Во всех правительствах постановлено и условлено, что после такого сигнала сражение не может начинаться прежде 24 часов, что я знаю и что ведает также Ваше Превосходительство. Вы сказали моему посланному, что сего не делали, но что я знаю, то знаю. Надеемся, что при получении сего письма, если Богу угодно будет, вы не оставите нас ответом. Впрочем, будьте здоровы.

Сеид-Али, Алжирский Капитан моря».

Сенявин на сию нелепость отвечал, что по европейским установлениям не только необыкновенно, но непозволительно в пылу сражения просить неприятеля для отдохновения о

---

[13] Таким образом турка мог понять сии сигналы, если б они и были.

прекращении боя. Что такого сигнала он никогда не думал делать и в сей хитрости никогда на месте его храброго капитан-паши не искал бы своего оправдания.

29 июля капитан-паша и анатольский сераскир уведомили Сенявина о заключении перемирия в Измаиле между большими армиями и требовали, чтобы и он со своей стороны прекратил военные действия. Адмирал отвечал, что он не прекратит военных действий, докуда уполномоченный не будет допущен до переговоров и нужных сношений.

После неудачного покушения на Египет при перемене министерства английское правительство решилось наконец исполнить трактат с нашим двором и назначило в помощь нашего флота эскадру под командой контрадмирала Мартеня. 29 июля корабль «Кент» с бригом привезли сию приятную новость, 15 июля пришли корабль «Репольс» и три фрегата: «Актив», «Аполлон» и «Тетис». Фрегаты немедленно отправились в крейсерство в Солонике и Смирне. И наконец, 18 июля контр-адмирал Мартень с двумя кораблями «Квин» и «Монтегю», первый о сто пушках, прибыл к Тенедосу и салютовал Сенявину 9 выстрелами, что удивило всех, ибо англичане, не обославшись, никому прежде не салютуют. Дмитрий Николаевич приказал отвечать равным числом и сказал при сем: «Это что-нибудь недаром, что-нибудь значит», но Мартень тотчас, как скоро стал на якорь, со всеми капитанами своей эскадры прибыл на «Твердый», явился по форме в команду. Такой чести еще ни один русский адмирал не получал. Кавалер Артур Поджет, бывший английским послом в Вене, прибыл на сей эскадре с уполномоченным трактовать с турками о мире. Корабль «Кент» послан был к Дарданеллам с объявлением о приезде английского посла; но турки прежним порядком учтиво принимали парламентеров и ничего решительного не сказывали. Дмитрий Николаевич имеет особый дар, так сказать, мгновенно заставить любить и

уважать себя. Он угощал Мартеня славным обедом, Мартень отвечал таким же; после сего на кораблях русских и английских начались балы и пирушки. Непринужденная веселость, откровенность и удивительное согласие водворилось не только между офицерами, но и матросами.

29 июля вице-адмирал Коллингвуд, наперсник и наследник славы Нельсона, герой Трафальгарского сражения, на стопушечном корабле «Оссиане» с двумя 80-пушечными, «Мальтой» и «Канопусом», соединился с нашим флотом. Сенявин послал своего флаг-капитана Малеева поздравить его с прибытием. Коллингвуд прибыл в Архипелаг, дабы силой флота увеличить влияние на переговоры и принудить турок, не слушая наветов французского посла Себастиани, скорее заключить мир. После взаимных посещений и приветствий Коллингвуд письмо просил в помощь двух кораблей, дабы посмотреть, нельзя ли напасть на турецкий флот в самых Дарданеллах. Сенявин немедленно отвечал ему, что он охотно готов содействовать ему всеми силами, и 1 августа обе эскадры снялись, лавировали вместе и стали на якорь у острова Имбро. Турки столько озабочены были сим движением, что на другой день на всех их кораблях подняты были белые флаги, а эскадра в осторожность перешла вовнутрь пролива и стала ближе к крепостям. Авангард соединенных флотов под командой контр-адмирала Грейга стоял пред входом в Дарданеллы. Английский посол вел переговоры, турки сообщали нам неприятные вести о военных действиях на севере; ветер постоянно дул из пролива и, к сожалению, ничего предпринять было невозможно. Соревнование на обоих флотах было столь велико и уверенность на мужество и решительность обоих адмиралов столь неограниченны, что не было сомнения в успехе всякого предприятия, но обстоятельства вдруг и совсем неожиданно переменились. 12 августа на корвете «Херсоне» прибыл барон Шепинг с рескриптом от государя и

копией с Тильзитского мира, заключенного и ратифицированного 21 июня.

Вследствие одной статьи, касающейся о прекращении военных действий с Турцией, Сенявин уведомил Коллингвуда, что не может содействовать ему своими силами. Английский адмирал, изъявив искреннее свое прискорбие о такой нечаянной перемене, принял на себя доставлять открытое предписание нашим судам, могущим по отбытии флота прийти к Тенедосу. Рейс-эфенди в то же время уведомил Сенявина о перемирии, подписанном тайным советником Лошкаревым, вследствие чего требовал сдачи Тенедоса и прекращения военных действий. Адмирал просил прислать уполномоченного для сделания условий. 14 августа соединенные флоты с крайним с обеих стороны нежеланием разделились. Английский остался у Имбро, российский перешел к Тенедосу. Адмиралы и офицеры расстались с изъявлениями искренних чувств дружбы; разлука сия тем более была прискорбна, что каждый из них разумел о последствии неминуемой войны. Наконец 23 августа прибыли из Тильзита два курьера, один чрез Триест и Катаро, другой чрез Неаполь и Отранто, с высочайшим от 28 июля повелением: оставить Архипелаг, сдать Катаро и Ионическую республику французам (о чем именное повеление уже особенно и прямо доставлено командору Баратынскому и генералу Назимову), а флоту немедленно возвратиться в балтийские и черноморские порты.

Вследствие сей высочайшей воли, не дожидая турецкого уполномоченного, эскадра 25 августа оставила Тенедос, 27-го прибыла в Идро, откуда для забрания призов, принадлежащих флоту, и для окончания других дел контр-адмирал Грейг с тремя кораблями послан в Специо, а адмирал с остальными шестью 28 августа, вышед из Идро, и на пути взяв на корабли бывший на острове Цериго маленький наш гарнизон, прибыл в Корфу 4 сентября. Шлюп «Шпицберген»,

также по пути, послан был от флота для забрания гарнизона из Санта-Мавры.

Пребывание в Корфу. — Тильзитский мир

По прибытии фрегата «Венуса» в Корфу в последних числах июля месяца получены приятные известия о победах под Гейльсбергом и Гутшдадтом, а вскоре за оными объявлено было о заключенном на месяц перемирии. Все к нам приверженные желали и надеялись, что война еще продолжится, обещали себе несомненные успехи и находились в мучительном ожидании будущего. Корфа походила тогда на улей, в котором пчелы роятся; все трактиры и кофейные дома наполнены были политиками разных званий; везде рассуждали о прошедших военных действиях, смотрели на карту, сомневались и предполагали. Слух о заключенном в Тильзите мире уменьшил сии прения, самые словоохотные принуждены были молчать или пожимать плечами и, несмотря на сие, каждый утешал себя каким-то призраком надежды. Наконец прибыл курьер с официальным известием о Тильзитском мире и с высочайшим повелением, как сказано выше, Ионическую республику и Катаро сдать французам. Войска наши долженствовали быть переведены в Италию, соединиться в Падуе и там ожидать дальнейших повелений. Нельзя описать того уныния, которым корфиоты поражены были, горесть изображена была на всех лицах. Прекращение торговли, угнетения от военного правления, страх от контрибуций побуждал каждого заблаговременно оплакивать свои несчастья. Богатые люди, купцы, капиталисты, англичане и кто только мог поспешно перебирались на суда и отправлялись в Мальту и Сицилию — последнее убежище, от ига французов свободное.

Если Тильзитский мир рассмотреть с другой стороны, а не с той, с какой он был в то время принят, то беспристрастный

историк откроет в нем мудрую предусмотрительность нашего монарха, приготовившую спасение Европы. Для сего стоит только обратить внимание, с какой благородной целью и каким бескорыстием императрица Екатерина, императоры Павел и Александр принимали участие в войнах против Франции, и потом сличить с оными поступки союзников, коим столь усердно Россия помогала. Я не стану говорить о революционной войне, в коей императрица, не полагая нужным принять деятельное участие, удовольствовалась только послать в Англию флот свой, а упомяну о кампаниях 1799, 1805 и 1807 годов. В первую Суворов освободил Италию, и, когда думал он перенесть театр войны в самую Францию, венский кабинет удаляет его в Швейцарию, где хотя российское оружие увенчалось неувядаемыми лаврами, но герой нашего века, не нашед обещанного содействия и помощи, принужден был отступить в Баварию. В то же время Анкона, покоренная российским флотом и высаженными с оного войсками, увидела на стенах своих вместо папского австрийское знамя. Англичане также покушались поднять свой флаг в Неаполе. Нельсон оспаривал славу освобождения сей столицы у адмирала Ушакова, и потом, когда войска наши выступили из Неаполя для покорения Рима, английский капитан, крейсировавший с кораблем своим у Чивита-Веккии, предложил французскому гарнизону капитуляцию и позволил нагрузить несколько судов сокровищами римских храмов и Ватикана. Сими поступками император Павел, справедливо огорченный, отзывает свои войска. В войне 1805 года французские войска безнаказанно проходят нейтральными землями, окружают генерала Макка, который с 60-тысячной армией без сражения кладет ружье. Сей славный придворный фельдмаршал еще в 1798 году отличился подобным же подвигом в службе у неаполитанского короля: он в продолжение немногих дней, также без сражения, но с

прекрасными расположениями действий на бумаге и словах растерял 80-тысячную армию. Прусский двор, долго колеблясь, наконец отступает от союза, и Аустерлицкое сражение решило участь войны. Пруссия, получив Ганновер и Лауенбург взамен княжества Невшательского и Верхнего Пфальца, поссорилась с Англией и Швецией, но вскоре увидела расставленные ей сети и необходимость действовать открыто. Александр, постоянный в своей политике, с тем же бескорыстием не отказал Фридриху в помощи, помирил его с Англией и Швецией, но одно Иенское сражение решило жребий войны. Королевство в шесть недель было завоевано, все крепости сдались без сопротивления и едва 15 000 прусаков успели соединиться с нашей армией; одна кровь русская лилась на берегах Вислы для спасения союзника. Австрийский двор, по примеру берлинского кабинета, сохранял строгий нейтралитет. Английское министерство вместо того, чтобы по обещанию освободить Данциг от осады, послало экспедицию для завоевания в Америке Буэнос-Айреса, и вместо того, чтобы действовать соединено с флотом нашим против Константинополя, предприняло покорить Египет. Сии обстоятельства наиболее благоприятствовали Наполеону, и он сделался непреодолимым. Война, чуждая пользам Отечества нашего, была прекращена Тильзитским миром, который долженствовал показать пагубные следствия несогласия и смут тех дворов, коих выгода состояла в продолжении войны. Европа предоставлена была судьбе ее, дабы между тем Россия собрала все силы свои и была готовой противостоять мощному Наполеону.

В сем положении дел Ионическая республика и Катаро сделались не нужными, ибо по превосходству английских морских сил и при войне с турками продолжавшейся, содержание в оных флота, и войска зависели от союзника, явно действовавшего по внушению своекорыстия. Британия, не

теряя в сражениях ни одного своего подданного, получила от войны чистую выгоду, возбуждала неприятелей против Франции, обещала всякому помощь и всегда с оной опаздывала, как между тем вся Европа оплакивала смерть сотен тысяч своих воинов. Потеря торговли, которую при других обстоятельствах представляла Корфа, также не была для нас чувствительна; ибо, невзирая на все поощрения и преимущества, собственно русские купцы нимало ею не пользовались. Мореходство наше и до сего времени находится в руках иностранцев, большей частью на правах гостей, имеющих свои конторы в наших портах и даже внутренних городах. Наше купечество постигает пользу внешней торговли, умеет соображать свои прибытки, предприимчивы и, конечно, охотно пошли бы искать богатства и за морями, но еще не приспело то время и не исполнилось желание Петра.

Сдача Корфы французам. — Отправление войск в Венецию

7 августа, на 30 лодках прибыл первый отряд французов с бригадным генералом Кордано, им не было никакой встречи от жителей, даже на другой день все лавки были заперты. В следующие дни прибывало французов по 200 и 300 человек. Английские крейсеры успели воспользоваться такими переправами, несколько лодок с людьми потопили, мало взяли в плен и захватили казну. С остальной частью войск 12 августа прибыл дивизионный генерал Цесарь (Сезар?) Бертье (племянник князя Невшательского), назначенный главнокомандующим Ионических островов. 14-го французы сменили наши войска и начали принимать крепостную артиллерию и магазины. С сего дня начались беспорядки и притеснения всякого рода. В несколько дней взято было три контрибуции: первая — для содержания пышного двора Бертье; вторая — граждане города должны были доставить каждому солдату на день фунт мяса, два фунта хлеба, бутылку вина, поставить

в казармы нужное число дров, свеч, возить воду и снабдить каждого постелью и одеялом; третья — французы вооруженной рукой захватили в лавках сукно, холстину, сапожный товар и, собрав в городе всех мастеровых, заперли их в казарму, и таким способом оборванные, почти босые войска их чрез несколько дней явились одеты как нельзя лучше. Не видно было ни малейшей подчиненности, солдаты и офицеры вместе ходили в театр, по лавкам и трактирам, везде бесчинничали, греков били без пощады. Таковые поступки их производили на нас отвращение, а для жителей были причиной оказывать нам явное предпочтение. Бертье напрасно жаловался на нашу к ним холодность; и самому страстному любителю французов невозможно было похвалить их поведения. Почти каждый день происходили ссоры и поединки, дошло даже до того, что ни один содержатель кофейного дома и трактира не хотел принимать французов. Бертье, дабы привесть в ужас честных граждан, и чтоб не смели они не только хвалить русских, ниже плакать о собственных бедствиях, набрал множество шпионов. Люди, воспитанные по правилам новейшей философии, атеисты без веры и нравственности, всемирные граждане, не имеющие отечества, бедняки, развращенные, надеявшиеся снискать благоволение правительства; словом, люди, отверженные от общества, самого низкого характера, картежные игроки, трактирные маклеры и даже публичные женщины подслушивали везде; а дабы начать разговор и узнать мнение другого, нарочно начинали осуждать французов, но как подобные сим хитрости заставляли каждого быть осторожным, то сии соглядатаи, будучи уже всем известными, дабы получить свое жалованье, по необходимости должны были клеветать. Кого же они предавали? Невинных, во-первых, благодетелей своих, потом знакомых и наконец всех честных и добродетельных граждан. Когда явным образом купленными злодеями правительство

угнетает лучших подданных своих, то какую пользу могут принесть сии доносчики и какое чрез их услуги можно предупредить злоупотребление? Оставляю решить всякому благомыслящему. Удивляться надобно, что в нашем просвещенном веке нация, похваляющаяся лучшей образованностью, терпит такое тиранство и, не соображая деяний своего Аттилы, называет его великим человеком, гением!

22 августа кончились все надежды жителей; на крепости поднят трехцветный флаг и республика объявлена принадлежащей Франции. Сенат распущен, и бедный народ даже из любопытства не хотел слушать прокламации, которую при барабанном бое читали на всех перекрестках. В день именин Наполеона 15 (27) августа Бертье, окруженный блестящим своим штабом, вошел в церковь Св. Спиридония с музыкантами и барабанщиками; однако ж, заметя удивление, написанное на наших лицах, догадался, приказал музыкантам выйти, а гренадерам снять шапки. Ввечеру, с примкнутыми штыками ходили по домам, чтобы принудить хозяев иллюминировать оные, однако ж только кое-где горели плошки, да и те мальчики потихоньку гасили. В театре не было ни одного из почетных граждан; переодетые солдаты, посаженые в ложах, во все горло кричали: «Vive Napol on!» Напротив того, день тезоименитства нашего императора был днем самого блистательного торжества. С утра все церкви были наполнены народом, во весь день продолжался колокольный звон, театр был полон зрителями; когда же зажглась иллюминация, город и корабли казались горящими, на всяком доме и лавке выставлены были прозрачные картины и надписи, беспрестанно на улицах раздавалось: «Да здравствует Александр!», «Да здравствуют русские!..»

4 сентября, лишь только эскадра, прибывшая из Архипелага, положила якоря, Бертье прислал чиновника поздравить с прибытием и просить о салютовании. Сенявин благодарил

за приветствия, а на последнее отвечал, что как у нас нет еще положения о салюте с Францией, то он и не может салютовать крепости прежде. С прибытием адмирала порядок немедленно восстановился. В городе поставлены наши караулы и буйство французских солдат усмирено, даже Бертье воздержался посылать военную экзекуцию, особенно в те дома, где стояли русские. Корфиоты на несколько дней отдохнули.

Сенявину предстояло множество дел, большей частью неприятных. От утра до вечера приезжали сенаторы и граждане свидетельствовать свою благодарность, просить защиты от французов, которые поступали с Корфой, как с завоеванным городом; другие приходили прощаться и плакать. Французы тайным образом делали все возможные помешательства в отправлении войск в Италию и разгласили, будто бы армия и флот наш останутся для защиты Корфы, что крайне нас беспокоило. Адмирал в 10 дней кончил все дела. В пристанях работали день и ночь, транспортные суда для перевоза войск были наняты, исправлены, снабжены нужным и чрез пять дней отправлены. Посланы повеления во все места: капитан-командору Баратынскому приказано с кораблями Балтийской эскадры поспешать соединиться со флотом в Корфе; командору Салтанову поручена Черноморская эскадра для отвода оной в Черное море, на которую должно было забрать все крепостные припасы и остальных людей, принадлежащих 11-й дивизии.

Когда первый отряд войск, собранных с островов, садился на суда для отплытия в Манфредонию или Анкону, прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельство народной к нам любви, никакое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло со крестами и святой водой. Протопоп, подав хлеб и соль генералу Назимову, начал речь, но

зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такой откровенностью раздражает новых своих властителей. С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался с своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. Я в первый раз увидел и поверил, что корфиоты имели причину любить русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что корфиоты и катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, не требуя от них никакого пожертвования. Великодушие, милости императора Александра никогда не должны изгладиться из памяти сих народов.

Благородный поступок сулиотов, служивших в нашем албанском легионе, достоин, чтобы упомянуть о нем. Они не прежде согласились вступить в службу Наполеона, как совершенно уверяясь, что они нам более не нужны, с условием никогда не быть употребленными против русских. Когда французский чиновник, приводивший албанцев к присяге, заметил, что таковое предложение условий с их стороны не у места, неприлично и не нужно, албанский начальник смело отвечал ему: «Напротив, оно необходимо, дабы вы наперед знали, что если вы будете в войне с русскими, то мы за них и против вас».

Получено известие, что Катаро также сдана французам. Генерал Мармонт по принятии сей области объявил забвение прошедшего и не требовал еще никакой контрибуции; он поступил благоразумно, ибо храбрый народ при помощи черногорцев, которые отказались от щедрых обещаний и по-

кровительства великого Наполеона, конечно, не стерпел бы притеснений, какие корфиоты невольно переносили. Пленные турки освобождены и перевезены на албанский берег. Адмирал Бекир-бей, боясь, чтоб и ему, подобно, как Шеремет-бею и другим не отрубили голову за то, что не умер в сражении, в ожидании милости султана остался в Корфе.

Плавание Средиземным морем до Гибралтара

14 сентября контр-адмирал Грейг с тремя кораблями прибыл из Архипелага; штили долго задержали его у Цериго. Корабли сии в двое суток исправлены, флот был готов, и мы ожидали первого попутного ветра. За неприбытием капитан-командора Баратынского оставлено ему повеление с кораблями «Петром», «Москвой», «Седель-Бахром», фрегатами «Легким» и «Автроилем» следовать прямо в Россию, не заходя ни в какие порты, а паче избегать английских. Такое же наставление дано было всем капитанам. Мелкие суда Балтийской эскадры, по неблагонадежности их к плаванию в столь позднее время и дабы они не задерживали в плавании линейных кораблей, причислены к Черноморской эскадре капитан- командора Салтанова.

19 сентября при тихом ветре эскадра, состоящая из 10 кораблей, тех самых, кои были в Архипелаге, из фрегатов «Венуса», «Кильдюина» и «Шпицбергена», снялась, оставила Корфу и навсегда с ней простилась. Площадь, бастионы крепостей были покрыты народом, множество яликов окружали корабли, корфиоты прощались с своими друзьями, иные желали нам доброго пути, другие — бури, которая бы возвратила нас к ним. Ветер начал свежеть, корабли полетели, ялики стали отставать. Корфа погружалась в море, темнела постепенно, исчезла, и все надежды корфиотов миновались, связи дружбы и сердец кончились.

По захождении солнца ветер очень усилился, сделался противный, и мы при великом волнении лавировали четверо

суток. Скорый и частый переход от удовольствий к разнообразным занятиям и заботам по службе разливает в обществах наших грусть, изъявляемую молчанием и пасмурным видом. Образ нашей жизни к тому немало способствует. На кораблях каждому есть свое дело и всему определенное время. В семь часов по свисту дудочки все встают; в половине восьмого офицерам подают чай; в девять барабаном свободных от должности приглашают к молитве; в десять подают водку и закуску; в половине двенадцатого обедают; в половине шестого в кают-компании в камине разводят огонь, и все садятся вокруг чайного стола, курят трубки, пьют одни чай, другие пунш, и беседуют как в своем семействе; в половине восьмого ужинают и ложатся спать. Распределение смен или вахт разделено таким образом, что каждый офицер и матрос занят должностью от 10 до 14 часов в сутки. Вставать в полночь, ложиться в 4 часа утра, не иметь никогда покойного непрерывного сна, быть всегда готовым выйти наверх, во время бури несколько дней сряду не сходить в каюту, дремать только несколько минут, прислоняясь к пушке: вот беспокойства и труды, вот наши биваки, которых неудобствам подвержены мы, не только против неприятеля, но и во всякое время.

В ночь на 23 сентября противный ветер дул очень сильно, от волнения фрегат весь трещал и, казалось, готов был разрушиться, но все были спокойны, и кроме голоса вахтенного лейтенанта и откликов урядников никакого шуму и смятения не было слышно. Вдруг раздался выстрел, спустя несколько времени еще три. Корабль «Уриил» ночным сигналом уведомил, что он терпит бедствие; «Селафаил» — что у него переломился грота-рей; адмирал отвечал им держаться в линии до рассвета. К утру ветер несколько стих, эскадре велено лечь в дрейф, «Селафаилу» исправить повреждение, «Уриилу» подойти для переговору. Адмирал на малом ялике, несмотря на великое волнение, поехал на сей последний корабль и, к немалому огорчению своему, нашел, что многие бимсы, дер-

жащие палубу, треснули, другие сгнили и корабль не мог в столь бурное время года идти в дальний путь, и потому капитану оного М. Т Быченскому приказано было возвратиться в Корфу, сложить артиллерию на корабли эскадры Баратынского и, исправясь сколько возможно, идти с ним или, когда найдутся другие важнейшие повреждения, отправиться в Черное море.

24 сентября ветер сделался попутный, мы подошли к Сицилии, обошли мыс Пассаро, и в виду Мальты и прекрасной Сицилии, представлявшей нам то города, то гавани, то селения, то монастыри, то уединенно стоящую на скале сторожевую башню. Места прекрасные сменялись другими лучшими, светлая ночь заступила ясный день, все предметы вокруг нечувствительно переменялись, и при столь благополучном плавании мы уже забыли беспокойства и скуку прошедших дней; не думали, что оные сей же час могут случиться. Морская служба, скажут, очень трудна, но для нас всегда в ней есть нечто нам нравящееся и сильно нас занимающее. Конечно, ни в какой другой службе нет столько занятий для воображения и души, как в морской. Кто из моряков во время жестокой бури не заклинал себя никогда более не вдаваться в опасность и, пришед в гавань, подать в отставку; и кто из них при первом благоприятном ветре не забывал клятв своих, скучал, стоя в пристани и с удовольствием не пускался опять в море. Окруженные бедствиями, даже претерпев кораблекрушение, хотя говорим мы о покое, но любим одни только бури. Мысли наши столько же в сем случае, как и жизнь наша, коловратны: мы походим на ревнивую жену, которая, лаская первой плод любви своей, дает супругу слово не быть более ревнивой; а там посмотришь, миловидная служанка впадает в немилость, изгоняется; супруг сердится; она раскаивается, снова дает слово и снова, еще более прежнего, становится ревнива.

26 сентября по приближении к западной оконечности острова Сицилии, ветер начал заходить к северу и усиливаться; почему, дабы быть сколько можно более на ветре и удалиться от берегов Африки, адмирал повел эскадру между Сицилией и Эгатскими островами. Ночь была темна, пролив имел подводные каменья. Не видя никаких предметов и руководствуясь только компасом и картою, мы блуждали, так сказать, ощупью в темноте, положение наше было не безопасно. При таких встречах, кои очень часто на море случаются, зрение и чувства находятся в неизъяснимом страдании. Не спуская глаз с адмиральского корабля, встречаясь то с тем, то с другим кораблем, всю ночь боролись мы с противным ветром, но по восхождении солнца ветер стихнул и отошел к востоку.

С правой стороны у нас виден был город Трапани, с левой — Маритимо, Фавоньяно и многие острова. Берег Сицилии у города низок, в некотором расстоянии видны горы, покрытые зеленью: на одной из них монастырь, на другой древний замок. Близ пристани видно было множество лодок с пестрыми парусами. Лодки сии употребляются для доставания кораллов, составляющих главный промысел жителей Трапани; кораллы бывают разных цветов, красного как кровь, телесного цвета, желтого, белого и полосатые. В Трапани достается коралл одного первого сорта. Чудное сие морское произведение растет подобно оленьим рогам, плотно и твердо, как камень. Ствол коралла разделяется на ветви, растет прилипши к камням; кора, покрывающая оный, вскоре по вынятии из воды легко слупляется, когда же высохнет, то бывает бугровата, как бы усеяна маленькими зернышками, имеющими малую скважину, чрез которую коралл получает растительный сок. Естествоиспытатели полагают, что животно-растение, называемое морская крапива, есть начало кораллов. Растение сие составляется из вещества вязкого, которое потом твердеет, прибавляется накипью и обращает-

ся сим образом в коралл. Доставать оный со дна моря не без труда и опасности. Машина, для сего употребляемая, очень проста и со времени изобретения оной коралловая ловля сделалась весьма прибыточна. К средине большого деревянного креста привязываются тяжелые каменья, могущие погрузить и держать машину на дне; к трем концам креста прикрепляются веревочные узкие сети. На прочной веревке, к четвертому концу креста укрепленной, машина бросается в воду; конец сей веревки привязывается на корме лодки, другие лодки берут первую на буксир, все вместе гребут или идут под парусами. Каменья, привязанные к средине креста, отламывают кораллы, которые запутываются потом в сетях и вместе с оными подымаются на поверхность. Жители Трапани почитаются трудолюбивейшими в Сицилии; галантерейные вещи и в особенности камеи доставляют им значительный доход. Камеи сии делаются на твердых раковинах, по слепкам лучших антиков и столь к ним подходят, что настоящий антик, вырезываемый на ониксе, никак нельзя отличить от поддельных, которые вошли в такую моду, что перстень или браслет продается иногда за 2000 рублей.

Эскадра, обошед Маритимо, пошла на фордевинд. Шлюп «Шпицберген», упав под ветры, не успел обойти западного мыса Сицилии и в прошедшую ночь отстал от эскадры. Погода установилась прекрасная, тихий попутный ветер не переменялся, и мы неприметно переходили 200 или 300 верст в сутки. Когда ветер несколько усиливался, адмирал, не задерживая плавания вперед, делал различные маневры. Движение флота для глаз человека, видящего оное в первый раз, суть совершенное очарование. Когда корабль стоит на якоре, то кажется тяжелой неподвижной громадой, но лишь появится на нем один парус, он переменяет вид свой, идет; прибавляется другой, третий, распускаются все паруса, и он бежит, летит подобно живому существу. Движения его при

нападении и защищении, когда из беспорядка в несколько минут флот строится в колонны, переходит из ордера в ордер, смыкается, распространяется, поражает сопротивника своего ужасным громом орудий, представляет зрелище поразительное, грозное и величественное. Корабль уподобить можно одушевленному телу, которое то летит, то уменьшает бег свой, и всегда с такой точностью и благоразумием обращается во все стороны, что сие огромное и сложное здание кажется быть разумным животным. Весьма вероятно, что Петр Великий, взирая в первый раз на эволюции большого английского флота, в восторге удивления сказал: «Если б я не был русским царем, то желал бы быть адмиралом».

30 сентября, продолжая благополучное плавание, пройдя Сардинию, адмирал, призвав капитана нашего к себе на корабль, приказал ему идти в Гибралтар за лоцманами до Копенгагена и для узнания положения нашего с англичанами. 4 октября, ночью, встретились мы с английским фрегатом «Юралием», блокировавшим Карфагену. Он почел нас за испанцев и был готов напасть на нас, но как мы успели прежде его подойти к нему под корму, и, так же будучи готовы к бою, спросили в одно слово: «Какой нации фрегат? Друг или недруг?» Капитаны наши успели в сие время хорошенько осмотреться. Спускаясь под корму английского фрегата, мы проходили его так близко, что задели его и сломали у себя бом-утлегарь. Английский лейтенант приезжал к нам за новостями и с новостями. Ни те, ни другие не очень были приятны. 4 октября пришли мы в Гибралтар.

Лишь положили якорь, тотчас приступили к исправлению некоторых повреждений. Ванты, которые довольно ослабли, были вытянуты; паруса починили. Сии попечения капитана были не бесполезны; они предупредили многие беды, встретившие нас в западном океане. В большом числе приключений, коим море служит позорищем, весьма мало

находится таких, кои можно было бы почесть подлинно неизбежными. Если корабль, выходя из порта, снабжен и исправлен всем нужным, то нет причины опасаться свирепства стихий. В противном же случае сомнительное положение корабля лишает бодрости капитана и, несмотря на все искусство и старание его, корабль гибнет и от малого повреждения или недостатка.

На другой день с тремя товарищами я съехал на берег с тем намерением, чтобы взойти на вершину Гибралтарской скалы; посмотреть, не виден ли наш флот, и полюбоваться отдаленными видами. Мы зашли в город только на минуту, чтобы нанять лошаков и купить несколько листов английских газет, которые теперь одни говорят правду и, не боясь, бранят Наполеона. Губернаторский сад с того времени, как я его не видал, очень распространен и украшен, виноград принялся и, кажется, деревья также примутся; однако ж кроме индийских фиг не было ни одного с плодом. Путешествие наше было неудачно: около полудня поднялся ветер, пошел дождь, и гора покрылась густым туманом. Изредка, когда солнце проглядывало между бегущих туч, показывались вершины испанских и африканских гор. Мы дошли, однако ж, до пещеры Св. Михаила; товарищи мои с факелами спустились в нее, я остался под навесом скалы. Под ногами моими, на необозримое пространство, океан покрыт был белыми волнами, восточный ветер с такой силой вырывался с вершины горы, что гнал по скату ее густые облака до самой поверхности моря, так что фрегат наш казался мне плавающим в тучах. Товарищи мои, вышед из пещеры, непременно хотели достигнуть вершины, я, боясь простудить еще не закрывшиеся мои раны, остался дожидать их в гроте, но они скоро воротились назад. Порывом ветра свалило с ног одного лошака, прочие заупрямились, не хотели идти вперед и с охотой пошли назад. Подъезжая к саду, перемена в теплоте воздуха

сделалась очень чувствительна. Чрез несколько минут мы перенеслись из холодного в умеренный климат, а в городе даже было жарко.

Здесь получили мы достоверное известие о взятии англичанами Копенгагена и о движениях французских войск, не предвещавших никакого спокойствия. Друзья тишины обманулись обещаниями Наполеона. Под видом восстановления спокойствия на морях, не имея ни одной лодки на море, император французов, по-видимому, стремился покорить всю твердую землю. Большая армия собиралась в то время в Байонне; другая, будто бы для лишения англичан выгод торговли португальской, заняла уже Мадрид. Английская министерская газета предвещала тогда, что для Европы готовится важное событие, долженствующее открыть глаза всем царствующим монархам. В то же время как Наполеон замышлял уничтожить испанскую монархию, 20 старых датских кораблей были камнем преткновения британского министерства. Английский флот без объявления войны вошел нечаянно в Зунд, напал и сжег Копенгаген.

Сия односторонняя политика была причиной неудовольствия не только их союзников, но даже всех праводушных англичан. Мы здесь стороной узнали, что император наш первый изъявил свое неудовольствие, но французский «Монитер» говорит, что война между Россией и Англией неизбежна. Хотя мы и могли надеяться, что война для сбережения столь важной части нашей морской силы не будет объявлена прежде весны, но пропустят ли нас англичане в Россию и захотят ли уважить флаг верных и всегдашних своих союзников, судя по прежним неискренним поступкам, весьма было сомнительно. Сия новость крайне нас опечалила, и в сем положении дел, в столь позднее время года, когда оставалось не более четырех недель до закрытия навигации в Балтийском море, мы почти не могли иметь надежды возвратиться в отечество.

Плавание Атлантическим океаном. — Шторм

Капитан наш был принят комендантом Гибралтара очень вежливо, однако ж под благовидным предлогом лоцманов не получили. Съестных припасов также мало могли достать, и то за высокую цену. В крепости, получающей хлеб свой из России, картофель и солонину из Америки, сарочинское пшено из Китая, уголья из Англии, воду и овощи из Африки, такая дороговизна неудивительна. 5 октября в 8 часов ночи в проливе показалась прекрасно освещенная плывущая улица. Это был наш флот. На адмиральском корабле сделан сигнал показать свои места, и когда, в свою очередь, мы зажгли фальшфейер[14], нам приказано держаться соединенно, а ежели на якоре, то сняться с оного. Небо было пасмурно, ночь оттого была очень темна. Восточный ветер в проливе был довольно свеж, а у Гибралтара, где мы стояли, совсем тихо; вверху же ветер дул с разных сторон, так что когда мы снялись с якоря и шли на фордевинд, вдруг все паруса положило на мачты, фрегат, от прибоя волн не могши поворотить против ветра, принужден оборотиться по ветру и в сем движении так приблизился к берегу, что гром волн, разбиваемых на подводных каменьях, привел нас в трепет: бросить якорь на каменистом дне было бы бесполезно, и если б, к счастью, ветер вдруг не затишил, и мы в сие время не успели бы гребными судами отбуксироваться от берега, то неминуемо брошены были бы на берег. В продолжение четырех часов, имея то попутный, то противный, то сильный, то тихий ветер, как в очарованной черте вертясь на одной месте, наконец, вырвались мы из-под скалы, вышли в пролив, легли в

---

[14] Состав для фальшфейеров есть русское изобретение, недавно принятое и в английском флоте, достоинство оного состоит в том, что оный и при сильном дожде горит так ярко, что в 20 верстах очень можно его видеть.

дрейф, с большим трудом подняли шлюпки и, поставив все паруса, пустились догонять эскадру. На рассвете с оной соединились.

Сильный благополучный ветер доставлял нам неописанное удовольствие: расчисляя по настоящему ходу, каждый определял день и час, когда можем прийти в Ревель, ибо Кронштадтский рейд в сие время должен уже покрыться льдом. В то время, когда мы предавались радости и твердо уповали, что странствие наше скоро и благополучно кончится, когда уже мечтали находиться в отечестве, в то самое время должны были в полной мере испытать, сколь предположения наши бывают тщетны, должны были убедиться, что в море и самые точные математические расчеты становятся неверны.

На рассвете 7 октября все наши радости и надежды исчезли, и все вокруг нас переменилось. Восточный ветер стих, от севера неслись мрачные тучи, туман спустился до поверхности океана, тифоны и смерчи, предвестники бурных ветров, явились. Мы с ними сражались точно, как с неприятелями, едва ядрами успевали разрывать один, подымались другие. К вечеру того же дня сильный шквал от севера принудил нас взять рифы и лавировать. В продолжение 27 суток противный ветер дул с равной жестокостью. Первые десять дней лавировали мы близ мыса Сан-Винцента, подходя и удаляясь от берега; ветер всегда заходил и сгонял нас ниже и ниже. Адмирал в надежде найти другой ветер и избавиться сильного противного течения, повел эскадру в открытый океан, и там, в 700 верстах от земли, тот же противный ветер дул с равной силой. Если иногда на несколько часов оный уменьшался, то ужасное волнение было гораздо для нас скучнее, а для кораблей вреднее, нежели самый крепкий ветер.

Корабли, в сражениях избитые во всех частях, находившиеся три и четыре года без починок на службе, при исто-

щении запасов, при столь продолжительных крепких ветрах были вообще все неисправны, другие даже ветхи. «Мощный» сигналом уведомил, что у него повреждена бизань мачта; «Рафаил» — что имеет такое повреждение, которое в море исправить не может. Беспрестанно то на одном, то на другом корабле рвало паруса, беспрестанно то один, то другой переменял или стеньгу, или рей, словом, в продолжение четырех недель ужасной качки, едва ли пять-шесть дней возможно было на кухне разводить огонь, и потому, не имея горячей пищи, не имея, где обсушиться, так сказать, по горло в воде, голодны и холодны, люди наши, живучи на открытой палубе, начали болеть. Капитан и все офицеры, не имея свежей пищи, ни сна, ни покою, были более или менее нездоровы; словом, все утомились до крайности, теряли терпение, и все были сердиты. Сие положение наше в сравнении с тем, что испытали в ночь на 27 октября, было ничто.

Заключенный в каюте, находящейся в подводной части фрегата (в кубрике), будучи в висячей моей постели зашнурован, несколько дней оставаясь без перевязки, раны мои, еще не закрывшиеся, расстроили здоровье, и воображению моему представлялись одни бедствия. Не имея возможности заняться должностью, которая избавила бы меня от печальных мечтаний, я каждый час посылал справляться, где мы находимся, и при слабом свете тусклого фонаря смотрел на разложенную предо мной карту. Скуку мою разделяли или, лучше, увеличивали лекарь и другой офицер, также незанятый должностью; они не могли сносить грозного зрелища бурного моря и в каждом колебании фрегата видели отверстый гроб. Крик работающих матросов, хлопанье парусов, скрип всех членов приводил их в отчаяние. Страх одного из них увеличился до того, что будто бы карта наша неверна, что на нашу беду какой-либо камень или остров возникает со дна моря, и мы в темную ночь на нем погибнем. Другой боялся

кита и думал, что сие животное столь сильно, что может проломить и даже опрокинуть фрегат. Товарищи мои, будучи праздными и бесполезными свидетелями средств и усилий, употребляемых для выгодного направления фрегата, не понимая, что вокруг их делается, видя во всем беду, были ничто иное, как самые жалкие страдающие существа. Сомневаясь во всем, заботясь о том, что не подлежало их власти и знанию, они ежеминутно трепетали от страха умереть здоровыми. Зависимость их от воли тех, которые не имели досуга толковать им причину каждого движения, конечно, в сие время была для них весьма прискорбна.

25 октября северный ветер начал стихать, пасмурность прочищаться, волнение смягчилось. Наутро 26 октября показалось солнце, сделалось тихо, и подувший южный ветер обещал хорошую постоянную погоду. В полдень по обсервации находились мы в широте 39 градусах 27 минутах в расстоянии от мыса Финистера 154 версты. Попутный ветер постепенно свежел, и после полудня эскадра по настоящему пути, на всех парусах шла по 18 верст в час. Все предано было забвению, прошедшее казалось страшным сновидением, душа каждого возрадовалась, скука и неизвестность заменились надеждой и удовольствием. Как к достижению в свои порты время уже прошло, то дабы избежать встречи с английскими эскадрами, в Канале крейсирующими, главнокомандующий решился держать далее от берегов, обойти Англию по западную и северную сторону и остановиться зимовать в одном из норвежских портов.

В три часа пополудни ртуть в барометре необыкновенным образом понизилась. Южный ветер так усилился, что, идучи на фордевинд, корабли несли рифленые марсели. Ясность неба вдруг померкла, мрачные тучи сгустились и опустились к морю. Солнце, подобное раскаленному ядру, и черно-багровые по краям светлые облака предвещали шторм, и самый жестокий. В 4 часа адмирал сделал сигнал распростра-

нить линию, приготовиться к буре и в ночь тщательно замечать движения его корабля. Солнце скоро исчезло, и в 5 часов дня наступила ночь непроницаемая. В 7 часов, когда развело большое волнение, вдруг юго-западный с жестоким шквалом перемог южный ветер, море от спорного волнения закипело, и белизна валов была единственным светом, освещавшим ужасную темноту. На всех кораблях изорвало паруса. Фрегат наш, идучи в бакштаг, так положило на бок, что нижние реи почти коснулись моря, и без парусов, в одни снасти помчался так, что лаг лопнул на 14 узлах; посему мы шли более 25 верст в час. Несмотря на темноту, вдруг увидели близ себя корабль; положили право руля, приблизились к другому, положили лево на борт и чуть не сошлись с адмиральским кораблем; на нем горело несколько фальшфейеров, видно было пламя, выходящее из жерл пушечных, но грома выстрелов слышно не было. Когда корабль сей опускался с высоты валов, то казался падающим прямо на нас — одно прикосновение, один миг, и оба на дне. Смятения нашего в сей момент описать невозможно. Наконец обогнав адмиральский корабль, мы вышли на свободу.

Когда буря была во всей силе, так что невозможно было предполагать перемены ветра, тогда в начале 9 часа вдруг прежний северо-западный противный ветер нашел с таким шквалом, что нижние стакселя прорвало в клочки; фрегат, остановленный в столь быстром ходе, пошел кормой назад, мачты затрещали, все члены заскрипели, несколько бимсов вдруг треснули, волна хлынула с кормы на нос и, подобно реке, разлилась по палубам. По особому счастью фрегат спустился по ветру без дальнего вреда. Новый ветер дул с такими порывами, что нельзя было поднять ни одного паруса, новое волнение, спираясь с прежним, произвело такую качку, что ни стоять, ни ходить, не державшись за веревки, было невозможно. Фрегат обоими бортами черпал воду, иногда волне-

ние ходило с носу на корму, стены отошли от палуб, самые палубы расселись, вода, проходя сквозь оные, начала прибывать в трюмы и, несмотря, что все люди обращены были к помпам, несколько времени не убывала. При таком ужасном волнении, от большого хода фрегат зарывался в волнах так, что нижние пушечные порты были в воде, и при наклонении на одну сторону подветренные руслени также погружались в оную. В 10-м часу ветер еще более усилился, небо загорелось молниями, но громовые удары от рева ветра и шума валов почти не были слышны. Небесная сила, ветер и море, казалось, соединились на наше погубление. На одном корабле от молнии загорелась мачта, вид сей никогда не истребится из моей памяти: минута сия, казалось, была последней. Смерть во всех видах своих грозила нам или потоплением, или сожжением; загоревшийся корабль скоро в темноте исчез, и судьба его угрожала нам подобной же участью. Ужасное борение стихий привело нас в то положение, когда уже нет надежды на спасение, фрегат заливало волнами, людей отбило от работ, и все в смертельном страхе, напрягая последние отчаянные усилия, ожидали неминуемой погибели. Но Бог и во гневе своем покрыл нас щитом своего милосердия. Ужасный дождь погасил молнии, смягчил ветер так, что в одиннадцатом часу мы могли уже править фрегат под нижними стакселями. Если б буря, или лучше, ураган сей продлился до света, то вся эскадра непременно должна была погибнуть.

Случайные обстоятельства бури сей достойны особого замечания. 26 октября есть день великомученика Димитрия и день ангела нашего главнокомандующего. Сего же дня в Петербурге объявлено было о разрыве с Англией, и в то же время, может быть, и в самый тот час, начался шторм, принудивший нас искать убежища в ближайшем порте. Сия буря спасла для России лучшую часть ее флота. По отчетам лордов Адмиралтейства на 1808 год видно было, что в октяб-

ре месяце в Плимуте готова была эскадра, состоящая из 14 кораблей, которая, буде бы наша эскадра миновала английскую, блокирующую Брест, имела назначение убедить или силой привесть нас в Англию. Если б попутный ветер продолжился один день, мы должны были бы сражаться с 20 кораблями Брестской эскадры. Если б при противном ветре остались в море еще 3 дня, то не могли бы без сражения войти и в Лиссабон, ибо сэр Сидней Смит с эскадрой в сие время прибыл бы уже к устью Тага, для блокады сей столицы. Положив, что нам, подобно юному Давиду, случилось бы победить гордого Голиафа; положим, что мы разбили бы англичан, но где нашли бы пристанище на зиму? Все порты в Атлантическом и Средиземном море блокировались сильными эскадрами. Положение наше было самое затруднительное, опасное и что же нас избавило от неминуемой гибели? — Шторм. — Велик русский Бог и судьбы Его неисповедимы. Предусмотрительность адмирала спасла нас еще в Архипелаге, когда контр-адмирал Мартень салютовал ему при положении якоря у Тенедоса, Дмитрий Николаевич думал, что англичане имеют какое-либо намерение, и когда корабль за кораблем собралась большая эскадра и наконец пришел сам Коллингвуд, Сенявин сделался осторожнее, и лишь получил известие о Тильзитском мире, тотчас, под видом удобнейшего сношения с турками, разделился английским флотом, перешел от Имбро к Тенедосу и немедля отправился в Корфу. Если бы мы несколько дней промедлили, то повеление английского министерства задержать флот наш, несмотря на мир, было бы исполнено.

На рассвете 27 октября ни одного корабля не было видно. Капитан, полагая, что эскадра должна быть под ветром, приказал спуститься на фордевинд, и чрез час встретились с «Скорым», а там увидели еще два корабля и скоро соединились с адмиралом. Не доставало «Рафаила» и «Елены». Неизвестность постигнувшей их участи заставляла нас трепетать о

товарищах. Каждый корабль, подходя к «Твердому», уведомлял сигналом о своих повреждениях. «Ярослав» давал знать, что не может держаться в море, и просил позволения идти в ближайший порт; «Селафаил», несмотря, что ветер довольно стихнул, показал, что имеет течь по 26 дюймов в час; «Ретвизан» поднял сигнал, что у него поврежден руль, и что он не может следовать за флотом; «Сильный» потерял грота-рей, и все прочие корабли имели важные повреждения; а как к тому противный ветер дул с сильными шквалами, и не предвиделось, чтобы оный скоро мог переменится, то адмирал, не смея более противиться неумолимой судьбе, в полдень, к общей всех радости, приказал эскадре спуститься от ветра и идти в Лиссабон.

28 октября ветер стихнул, но при великой пасмурности дул с той же стороны. 29-го в полдень, идучи впереди флота, увидели мы берег и дали знать о том адмиралу.

К вечеру открылся лиссабонский Рок[15], всю ночь под рифлеными марселями лавировали мы пред входом в Таго. 30 октября, несмотря на крепкий ветер и сильное волнение, по сигналу приехали лоцмана, и в восемь часов адмирал повел эскадру в реку. Здешние лоцманские лодки имеют странный вид. Они покрыты выпуклыми палубами, корма и нос высокие, острые и загнутые дугой. Нос убит длинными гвоздями, корма украшена резьбой, представляющей рыбий хвост, и вся их наружность некоторым образом походит на плещущуюся рыбу. Мачты имеют они низкие, паруса треугольные, латинскими называемые. Несмотря на видимое безобразие, заимствованное, кажется, с индейских лодок, они не только ходят легче на парусах дильских и норвежских лодок, но гораздо удобнее и покойнее на волнении английских лоцманских ботов.

[15] Северный мыс при устье Таго.

Крѣпость Стъ. Жуліано при Устье Таго

Лиссабон. Вид и выгоды порта

Густой туман, лежащий на берегах подобно завесе, начал подниматься, и по мере приближения эскадры к устью Таго предметы открывались, множество крепостей и самый город возникали из моря, и лишь прошли первую крепость, Сан-Жулиан называемую, то вошли в реку, и корабли после 40 дней беспрерывной качки перестали скрипеть. Мы остановились у крепости Белем. «Рафаил» и «Елена» прибыли сюда 28-го числа. На первом корабле от молнии загорелась бизань-мачта, однако ж огонь был потушен, кормовые обшивные доски отстали так, что корабль, качаясь, черпал кормой воду. Верхняя палуба от многих переломившихся под ней бимсов и книц осела, и корабль от сего был в крайней опасности. Несмотря на жестовую качку, с верхнего дека спущено было в трюм 18 пушек. Искусный тимерман с опасностью жизни успел обшивные доски прикрепить к винтранцу и тем корабль был спасен. Корабль «Елена», также поврежденный, по сигналу капитана «Рафаила», коим извещал он, что без конвоира до порта дойти не может, сопровождал оный до Лиссабона. Эскадре назначен был 6-дневный карантин, но по представлению адмирала о необходимости немедля исправить повреждения корабля «Рафаила» и других оный тот же день был снят.

На другой же день по приходе в Лиссабон адмирал, осматривая корабли, к сожалению, увидел, что вообще вся эскадра требовала необходимых исправлений, без чего в море отправиться было невозможно. Принц-регент повелел по требованиям на них отпускать из лиссабонского Адмиралтейства все нужное. Буря не только повредила корабли, но лишила нас нескольких людей. На одном корабле больной офицер был выброшен из койки и убит, на другом двух матросов убило молнией. На третьем с марса сбросило матроса ветром в море. Смерть ужасная.

Устье Таго стесняется двумя отмелями, Кашопо и Бужия называемыми. Оные образуют два фарватера: малый находится между крепостью Сан-Жулиано и Кашопо, большой — между Кашопо и Бужия. На последней построена цитадель, защищающая вход. Обошед Сан-Жулиано, должно держаться правого, а подходя к Белем — левого берега реки. Правильные приливы и отливы, переменяющиеся чрез шесть часов, делают лиссабонский порт, имеющий глубины от 10 до 25 сажен, грунт везде ил, одним из безопаснейших и лучших портов в мире. Прилив и отлив способствуют во всякое время входить и выходить из реки, они же доставляют удобность так называемым шестичасовым докам, в коих корабль во время отлива может быть исправлен весьма с малой издержкой. В сем одном отношении и самый Константинополь не может сравниться с Лиссабоном. При виде столь величественной реки, которая от устья до города на расстоянии 13 верст представляет залив шириной от 4 до 6 верст, наполненный линейными кораблями и множеством разных форм купеческих судов, нельзя не пожалеть, что наша Нева при всей своей красоте не имеет таких удобств, как Таго. Правый берег реки представляет вид очаровательный. На оном видно две крепости, множество батарей, домиков, садов и монастырей. За Белемом на семи горах длинный амфитеатр великолепных зданий представляется взору, и Лиссабон есть одна из столиц европейских, которая может похвалиться удобством и красотой местоположения.

Неприятная новость

Рука судьбы, сокрушив Данию, устремилась на Португалию. Наполеон, вызывавший на бой все народы твердой земли против зажигателей Копенгагена, в то же время решился прибрать к рукам Португалию. Принц-регент Португальский уступчивостью своей ничего не выиграл и, заплатив Наполеону пять миллионов крузадов за отеческие его попечения,

принужден был после того удовлетворить все его требования и 20 октября объявить против воли и пользы своих войну Англии, однако ж и после сего Наполеон сыскал новую причину для своего намерения; войска его под видом защищения Лиссабона от англичан переступили границу Португальский двор, поссорившись с Англией, не мог без нее ни защищаться против Франции, ни искать убежища в Бразилии, которая в сем случае могла быть легкой добычей для Англии. Оставалось одно средство — искать снисхождения последней, и Георг, великодушно забыв обиду, подал руку помощи царственной фамилии, столь необыкновенным образом обманутой и притесняемой. Двор и многие из именитых семейств поспешно готовились к отъезду, ожидали с часу на час эскадры Сиднея Смита и транспортов для принятия войск, но вместо английской пришла русская эскадра. Французские шпионы, обыкновенно предшествующие своим армиям, и оставшиеся в Лиссабоне англичане успели распространить неприятные слухи насчет прибытия нашего. Двор повергнут был в новое беспокойство. 3 ноября адмирал наш представлялся принцу-регенту, объявил причину нечаянного своего прихода; все сомнения тогда исчезли, и на другой день после аудиенции начали перевозить на португальскую эскадру, состоявшую из 7 кораблей, 3 фрегатов и 4 бригов, королевские сокровища.

Взгляд на город

Едва позволено было съезжать на берег, со всех кораблей шлюпки с офицерами пустились к городу. Толпа любопытных окружила нас на набережной, пестрота одежд и различность лиц удивляла меня. Мавры, негры, бразильцы-креолы, мулаты и жители обеих Индий в своих нарядах, вместе с португальцами, коих испанские плащи, треугольные шляпы и оливковый цвет лица, представляли самое необыкновенное разнообразие. Наружность Лиссабона обещает более, неже-

ли он есть в самом деле. Все улицы идут по скатам гор к набережной; иные из них широки, другие узки и большей частью кривы. Между гор улицы подняты на арках, так что, проходя под ними, над головами слышен стук экипажей. Вообще город нечист, по той причине, что сор никогда не вывозят, ибо первым дождем без труда сносит в реку. Следы ужасного землетрясения, бывшего 1755 года, в некоторых частях города еще видны; оные заставляют удивляться смелости человека, который, не боясь горящей под ним земной утробы, на развалинах и вулканическом пепле, долженствовавших напоминать ему плачевное происшествие, воздвигает огромные тяжелые здания; возносить оные одни над другими и в настоящем добре забывает временное зло. К сожалению, бедные строения, обращенные задним фасадом к набережной, отнимают у оной много вида; одна торговая площадь (Prasado Comercio) обстроена единообразными присутственными местами, пред коими поставлен бронзовый монумент Иосифа I, имеет вид с реки прелестный. Тут всегда множество народа. С площади направо проходят торжественными воротами, украшенными колоннами дорического ордера. В числе публичных зданий и частных домов нет таких, которые обращали бы на себя особенное внимание своей наружностью; вообще строения тяжелой архитектуры, со множеством балконов, высокими железными решетками загражденных. Все лавки и магазейны наполнены английскими товарами, которые по случаю скоро ожидаемых незваных гостей, господ-французов, продавались очень дешево. Английские купцы и конторы их никак не могут спасти всего своего имущества, ибо недостаточно было бы и 1000 кораблей для перевоза всех их товаров. Англия по сему обстоятельству понесет чрезвычайный убыток, ибо можно сказать, что Португалия до сего времени была у нее на аренде; не только нужное, но даже мелочи, все доставляемы были из Англии.

Сколько есть в Португалии фабрик, почти все из них принадлежат англичанам, которые, присвоив внутреннюю и внешнюю торговлю, и все обороты, точно так, как у нас в Польше евреи, сделались для народа необходимы. Посему судить можно, сколько бедные португальцы должны претерпеть с прибытием французов и с изгнанием англичан.

Собор, при всей своей огромности, уцелевший от землетрясения, готической своей наружностью, в коей нет ни правильности, ни вкуса, нравится взору; храм сей почитается богатейшим в Европе; сокровища его равняются эскуриальским. Я видел много золота, серебра, драгоценных камней и жемчугу, но в таком виде, что ценности их заметить не можно. В украшениях нет ни разборчивости, ни искусства, и все покрыто священной пылью, к которой, кажется, не смеют прикасаться. Церковь Св. Рока почитается лучшей в Лиссабоне. Мраморный сей храм собран в Риме и, после освящения оного папой, разобран и перевезен на кораблях в Лиссабон. Церковь сия построена на возвышении, открытом со всех сторон; передний фасад, обращенный к реке, украшенный 16 колоннами, а наиболее прекрасный купол и статуя, поставленные на крышке портика, отличают церковь сию от всех зданий лиссабонских; с которой бы стороны кто ни приблизился к городу, храм сей первый привлечет на себя внимание. Вошед в него невозможно не похвалить как изящество зодчества, так и расположение украшений, но множество серебряных колонн, бронзовых, финифтяных украшений и золотых, унизанных бриллиантами риз, закрывающих живопись, судя по другим образам, должно думать, очень хорошую, затемняют величественную и простую красоту храма сего. Снявши излишние украшения, открыв таким образом живопись и прекрасный мозаик, храм сей представился бы еще в лучшем виде, ибо такое множество драгоценностей излишеством своим скрывают самое в нем

лучшее и производят точно такое впечатление, как бы молодая девица, вместо простого легкого платья, вместо одного цветка на груди и одного солитера в серьгах, красила бы себя парчовой робой с огромным букетом цветов в обеих руках и обременила бы головной убор, руки и шею золотыми цепями, бриллиантами, жемчужным и вместе коралловым или янтарным ожерельем, словом, надела бы на себя все, что от бабушки ей досталось. В Лиссабоне считается 130 церквей и монастырей, все они вообще готической архитектуры, со сводами, очень темны, ибо окна загорожены толстыми решетками и находятся наверху, так что свет едва доходит вниз. Монахи, пользуясь великими преимуществами, очень богаты и живут роскошно. Женский монастырь, построенный благочестием нынешней королевы, только один, который можно назвать новейшей архитектуры. В нем нет ни излишества, ни недостатка в богатых украшениях; в большом числе образов хорошей живописи лучше всех Магдалина. В ней видно раскаяние истинное; глаза, от слез покрасневшие, и все черты лица столь верно изображают чувства, охладевшие для света и ревностно преданные Богу, что сомневаешься, чтобы она когда-либо испытала злополучие страстей. Набожный живописец желал представить святую, а не картину с изображением прекрасной женщины в горести и слезах, где прелести лилейной груди, едва прикрытые растрепанными волосами, где лицо, стан, руки, даже самое положение на одном колене показывают только причину раскаяния, а не самое раскаяние. Магдалины, виденные мною в Палермо и Мальте, хотя и почитаются чудом искусства, но я поставил бы их между картин, а сию поместил бы между образов и не усомнился бы возжечь пред ней свечу. В воротах мне показывали за редкость представление чистилища Альфреско. В самом деле, изображение огня пылающей Геены, многоразличные мучения грешников, ужасный вид демонов с острыми собачьими

зубами, с рогами и хвостами, порождают ужас. В вечном мучении, где каждому греху назначено особое наказание, ищет своего и, нашед его, трепещет.

Неожиданная развязка

Всякий день, употребляя часа два на прогулку, я столько узнал Лиссабон, что и теперь не заблудился бы в нем. В один тихий вечер с двумя товарищами согласились мы идти в театр. Улица, по которой мы шли, была освещена; двери, окна везде были отворены; в одном доме, услышав тихую музыку и прелестный женский голос, мы остановились, и как это случилось возле фонаря, то две дамы, сидевшие на балконе, нас заметили, встали, одна из них что-то нам сказала, потом сделала знак, чтобы мы вошли. Не желая понять такого приглашения, мы пошли прочь и едва сделали несколько шагов, как молодой человек, щеголевато одетый, на одной руке державший плащ свой, дабы тем показать, что он имеет длинную шпагу, на итальянском языке, едва для нас понятном, убедительно просил сделать ему честь посещением. Взглянув друг на друга, мы улыбнулись, согласились и пошли за ним. В передней комнате, весьма неопрятной, к которой лестница была весьма узкая и грязная, встретила нас старушка с двумя молодыми брюнетками; потом ввели нас в большую комнату, убранную шелковыми обоями, прекрасной мебелью, всю в зеркалах, под коими на мраморных столиках стояли в вазах цветы. Хозяйка посадила нас на двух канапе, девушки без всякой застенчивости сели между нами. Довольные сим приемом, мы вместо того, чтобы идти в театр, положили остаться тут часа два. Но какая неловкость, досада, мы не могли понимать друг друга. Кавалер говорил каким-то итальянским наречием, в которое вмешивал несколько английских исковерканных полуслов и был совершенно невразумителен; мы начинали говорить по-французски, по-

английски, по-немецки; дамы ломали руки, смеялись, отвечали нам по-португальски, а, может быть, и по-китайски; напрасно с обеих сторон трудились, дабы дать себя разуметь. Наконец кавалер, поговоря с дамами, взял шляпу и пошел. Старушка за чем-то вышла, девушки, взяв нас за руки, повели показывать комнаты, тут мы говорили всякий вздор, они или садились за клавесин, или показывали на реку, на которую окна были обращены; мы удивлялись, не знали, что подумать, рассуждали между собой, и хорошо, что они нас не понимали. Молодой человек скоро возвратился с другим, с которым мы могли говорить по-английски; тут мы узнали, что находимся в доме богатого купца, торгующего бразильскими алмазами, что молодой человек, званием бакалавр, сын старушки и брат двух девиц. Нам подали по сигаре, по чашке шоколаду. Мы, откланиваясь, принуждены были, жалея о театре, признаться в обманчивости наших мечтаний и к удивлению, узнали, что поступок сей ничего больше не означал, как женское любопытство видеть иностранцев, которых по слуху уважали, и узнать от них желали, точно ли мы пришли затем, чтобы убедить принца-регента защищаться против французов; точно ли, что мы для помощи им на 10 кораблях привезли 100 000 войска и прочее?

Приход наш в Лиссабон наделал много шума. Французские агенты старались пышными обещаниями успокоить народ, сыскать себе сообщников и, похваляясь тесным союзом Франции с Россией, осмелились уверять, что адмирал наш имеет повеление задержать португальский флот. Умы были в волнении, новости ежечасно переменялись, народ, видя приготовление к отъезду царской фамилии, по усердию и преданности к оной, требовал оружия. Правительство всеми мерами старалось предупредить бесполезное сие рвение. Принц-регент был очень деятелен, часто показывался народу, был принимаем с кликами радости, толпы провожали его

повсюду, при проезде его чернь становилась на колени, многие падали ниц, впереди и сзади его кареты часто кричали: «Останься с нами, не оставляй нас, мы готовы умереть за тебя и отечество». Несчастный принц с горестным видом в печальном молчании иногда обращал глаза к небу. Один раз, несмотря на тесноту, мне удалось видеть сие умилительное зрелище. Принц ехал через площадь, где войска стояли в параде, солдаты неумолкно кричали: «Да здравствует Браганский дом!» К сожалению, принц не остановился и проехал в карете прямо в дом Верховного Совета, где он каждый день занимался делами.

Театр

Наружность здешнего театра очень походит на наш каменный в Петербурге, только кажется еще огромнейшим. Ложи, отделенные одни от других перегородками, убраны с расточительной роскошью, везде зеркала, парча и атлас; каждый абонирующий погодно убирает свою ложу по желанию, и сия пестрота при освещении более занимает, нежели нравится взору. Итальянская опера всегда здесь была из отличных талантов, балет также составлялся из итальянских танцоров и танцовщиц. Я был в национальном театре, но как ничего не понимал, то ничего и не скажу о любовной интермедии, где Арлекин и Каролина, постоянная его приятельница на итальянском театре, под другими именами и здесь в великолепной одежде играли первые роли. Музыка португальская согласием и простотой сходствует с итальянской, пляска же, в коей есть много смелых и неприличных даже для театра движений, показывает, что португальцы в родстве с итальянцами и, подобно им, живут под жарким небом. Народный танец называется фосса, очень жив, исполнен сладострастных выражений; впрочем, без всякой нежности и заманчивости, как, например, в пантомиме нашей русской пляски и в итальянской тарантелле. Португальцы страстно

любят музыку и каждый тихий вечер на шлюпках, разъезжающих по реке, можно слышать прекрасную духовую музыку, а в городе часто встречаешь партии молодых и знатных людей, дающих под окнами своих любезных серенады. Гитара, мандолина, флажолета или гобой составляют трио прекраснейшее. Сей род волокитства в большом здесь употреблении; дамы с удовольствием слушают сии нежные песенки, уже давно сочиненные для всех родов любви, и, не стыдясь, бросают из окна или с балкона цветок или два, по которым модный селадон узнает мысли своей милой.

Водопровод

Время стало пасмурное и дождливое, будучи расстроен в здоровье от продолжительного бурного плавания, я не мог осмотреть все достопримечательности Лиссабона, но, дождавшись первого хорошего дня, я нанял за 4 крузада портшез, для услуг одного итальянца, и приказал нести себя к водопроводу. Ничего не может быть покойнее сего рода экипажа, сидишь, как в креслах, закрыт от дождя и пыли и, не чувствуя ни малейшей тряски, проезжаешь в час около 6 верст. Водопровод находится недалеко от предместья. Как река Таго при приливах получает большое количество вод океана, то вода ее имеет от того морской солоноватый вкус и в употребление не годится. Вот причина построения славного водопровода, которого прочность, красота и великолепие не уступают древним римским и арабским. Оный воздвигнут в 1748 году в царствование короля Иоанна V, известным архитектором Майем; говорю «воздвигнут», ибо высота его чрезмерна. Представьте себе канал воды, лежащий на аркадах вышиной от 30 до 38 сажен. Аркады сии соединяют возвышения и идут чрез долину Алкантарскую, со тщанием обработанную, покрытую лимонными и апельсинными садами и виноградниками, в тени которых разбросаны прекрасные за-

городные дома богачей, не щадивших издержек. По лестницам всходят на верх аркад, огражденных красивой железной решеткой. По обе стороны канала помост сделан из белого мрамора. В хорошие дни сюда приезжают лиссабонские жители для прогулки: вид прекрасных окрестностей обширного города, величественной реки, наполненной тысячами кораблей, приходящих и уходящих во все концы земного шара, и, наконец, вид необозримого океана представляют такую картину, что один взгляд на оную удивляет взор и воображение. Несколько времени стоял я на одном месте и, обращаясь вокруг, везде видел прелестные места, облагодетельствованные всеми дарами природы, зелень была так нежна, как у нас в мае месяце, померанцевые и апельсиновые деревья отцветали и, бывшим недавно дождем освеженные, наполняли воздух благоуханием.

Инквизиция

Проходя площадь, Рошио (Roscio) называемую, и увидя огромное готическое здание с малыми окнами, загражденными железными решетками, спросил я: «Не городская ли это тюрьма?» «Святая инквизиция», — отвечал провожавший меня чичероне. «Инквизиция!» — повторил я с ужасом, остановился и с негодованием смотря на строение, безмолвно рассуждал с собой: как, сей вертеп жестокого фанатизма, сие исчадие ада, противное кротости христианской веры, унижающее человеческое достоинство, оскверняющее алтарь Всемилосердого Творца, еще терпим в наш просвещенный век, еще льются слезы невинных? Неужели и теперь честолюбию тех, которые долженствуют подавать пример благости и терпения, тех, которые клялись бескровной молитвой быть посредниками наших слабостей, наших заблуждений, потребны кровавые жертвы для заклания во имя Бога? Содрогаюсь. Вот последний в Европе памятник лютости варвар-

ского суеверия. Вот один предмет в Лиссабоне, достойный быть истребленным, и первая причина, по которой можно желать скорейшего сюда прибытия французов.

Приговоры инквизиционного судилища, на коем основана была власть духовенства, история описана кровавыми чертами; раскроем несколько страниц сего суеверного периода и пожалеем о миллионах мучениках, погибших за мнение, не истинной вере, а честолюбию духовенства только противное. Когда папы, воспользовавшись случаями, кои суеверие им представило, соделались могущественнейшими светскими монархами, когда помощью проклятья без войск могли весть войну и заключать мир, когда разрешением клятв подданных могли лишать тронов царей и по воле своей располагать чужим достоянием, тогда духовенство получило великие преимущества, в числе первых — суд и расправу как духовную, так и гражданскую. Злоупотребления сей власти скоро дошли до чрезмерности. Папы, подобно Левиину колену, взимая десятую часть от всех доходов христианских государств, без труда собрали великие богатства. Все войны, в те времена бывшие, начинались с благословением пап именем Христовым, и посему были самые непримиримые и кровопролитнейшие. Вот почему Кортес и Писарро, покоряя Мексику и Перу, истреблением миллионов не католиков думали угождать Богу и в оскорбление милосердия сего всеблагого существа жгли и истребляли перуанцев, приписывая в честь себе то, чему мы теперь ужасаемся. Наконец соблазнительное поведение духовенства, его жестокость и справедливое желание государей освободиться от власти пап предускорило разделение и преобразование западной церкви. Изобретение книгопечатания и Реформация, происшедшая в 1517 году, была деятельнейшими средствами к ослаблению власти папы и духовенства. Для поддержания сей колеблющейся власти судилище инквизиции восприяло свое начало. Возжглись костры, на коих по злобе и частному мщению гибли тысячи,

и сими ужасами власть духовенства утвердилась. В Португалии оное судилище учреждено при Иоанне III в 1526 году.

По совершении Реформации продолжительные войны, за веру подъемлемые, повергли Европу в новую борьбу, жестокую и кровопролитную. Нетерпимость вер у католиков и лютеран остались в равной силе. В католических землях гонение других вер было поручено инквизиции, и гонения сии были ужасны. По единому подозрению, иногда по личному неудовольствию духовного с гражданином, одно слово насчет религии, а паче в порицание духовенства, в кругу друзей произнесенное, было достаточно, чтобы претерпеть пытку и смерть мучительную. Веронеистовство сей тайной духовной расправой до того было возбуждено, что в Испании и Португалии с нетерпением ожидали дня, в которой инквизиция сожигала несколько евреев в отмщение за смерть Иисуса Христа. Дела инквизиции не подлежали никакой власти, и потому-то нередко самые цари трепетали сего тайного суда. Ныне, по влиянию благотворного просвещения, власть инквизиции ослабела, нынешний принц-регент положил ей пределы, и суд сей только печется о сохранении и неприкосновенности веры.

Мысли и замечания

Морское путешествие, при многих неприятностях, доставляет одно удовольствие; так сказать, мгновенно переноситься из страны в страну и в короткое время ознакомиться с народами, живущими на противоположных концах земного шара, и в сем переходе мученики любопытства, если смею назвать так всякого путешественника, находят новую пищу для своих наблюдений. Давно ли были в Греции, видели ее развалины и вдруг находимся теперь в столице Португалии, где никогда не воображали быть. Видя везде новые обычаи, совершенное различие как в самой природе, так в одежде и нравах, мы скоро к оным привыкаем, и то, что сначала кажется

странным, впоследствии становится обыкновенным, но нигде взор и мысли мои не поражались таким разнообразием, как в Лиссабоне: мне казалось, что оный населен жителями других частей света. Причина сему очевидна; производя торговлю с Бразилией и Индией, португальцы приняли многие азиатские обычаи, смешали их с своими, и потому в образе жизни мало сходствуют с европейцами. Вот некоторые из них.

По гористому положению города, карет я видел мало, вместо них употребляются портшезы весьма богатые, снаружи раззолоченные, внутри обитые бархатом или парчой, со стеклами или зелеными занавесками; крик носильщиков и множества слуг, портшезы окружающих, представляет нечто необыкновенное, нечто азиатское. Здешние женщины, несмотря на оливковый цвет лица, очень миловидны, статны, имеют прекрасные черные глаза, живой быстрый взгляд, обнаруживающий чрезмерное их желание нравиться. Черная тафтяная, со многими складками роба, всегдашний и обыкновенный их наряд, к сожалению, лишает их многих приятств, к тому же обременяют они себя весьма не к лицу множеством драгоценных камней, перл и золотых привесок. Черные кудри, распущенные по плечам, перевиваются лентами и цветами. Когда дамы идут прогуливаться, черные служанки, одетые с такой же разборчивостью, для защиты от солнца с двух сторон держат над головами своих барынь чудной формы зонтики. Дамы здешние очень набожны, они не пропускают ни одной церемонии, ни одной обедни и вечерни, для препровождения времени переходят из церкви в церковь, и таким образом каждый день имеют случай показать пышность своих нарядов и похваляться многочисленной свитой, их сопровождающей. Если они не в церкви, то сидят у окошек или на балконах. Здесь мода возвела негритянку с курчавыми шерстяными волосами, с лоснящимся лицом, с толстыми отвислыми губами на степень красавиц. Креолки и

мулатки, при малом росте весьма стройные, имеют всегда открытую прекрасной формы шею и нежный взгляд, только временно сменяют арабок. На сию несправедливость бедные лиссабонки имеют всю причину жаловаться; несправедливо было бы упрекать их в свободном обращении, и если в карнавальные праздники они позволяют себе большие вольности, то в оправдание их служит то, что мужья имеют вкус самый испорченный.

Театр, маскарад, прогулка на шлюпках по реке и в садах, близ города находящихся, составляют любимую забаву большого света. Богатое дворянство живет с расточительной роскошью и, как везде, подражает чужим обычаям. Гордость вельмож, почитающих титла и родословные превыше всех достоинств, есть источник многих изящных качеств, составляющих истинное благородство. Гордость сия делает их щедрыми и добродетельными. Дворянин, даже и купец, никогда не позволит себе низкого поступка. Иностранец, в других землях всегда долженствующий быть осторожным, здесь может иметь доверенность к тому, кто носит шпагу. Политическая слабость государства, хотя и сделала португальцев не столь деятельными, хотя предприимчивость их почти утратилась, но дух их еще не упал; они не показывают того уничижения, которое есть последний шаг к ничтожеству; напротив, португальцы не забыли славу своих предков, мужество их, как искра, тлеется под теплом. И если только раздуть ее, открыть храбрости путь к чести, то наполеоновцы не так легко с ними управятся.

Вот несколько странных для европейца обычаев: женщины, вместо того, чтобы сесть спокойно на спину осла, садятся ему на шею. Портной работает в таком положении, как сапожник. Парикмахер распудренную голову покрывает треугольной шляпой, шпагу носит в руке и имеет двое часов или, может быть, только две цепочки. Плащи, которые носят

и люди низкого состояния, придают им вид благородных. Чернь весьма вежлива. Португалец не пройдет мимо дворянина и иностранца, не уступив ему правую руку как знак почтения, и всякому знакомому, встретившемуся на улице, он не упустит снять шляпу, поклониться и сказать: «Бог да сохранит тебя на многие лета». Сидят по обычаю мавров, поджав ноги накрест. Нищих здесь мало, и они не так докучливы, как в Италии, между ними нет убийц. Португалец только обиду мстит смертью. Поденщики и вообще весь народ, трудящийся на пристанях лиссабонских, по виду очень бедны, вся их роскошь состоит в табаке; кусок хлеба, треска или селедка и немного зелени составляет их ежедневную пищу. Сия бедность или, лучше, вид бедности есть добровольная. Народ, живущий в жарком климате, где природа с избытком расточает дары свои, не чувствуя холода, который принуждал бы его строить теплый дом и покрывать тело свое теплой одеждой, небрежет о наружности и носит одно платье во всякое время года; по той же причине с малым трудом достает пропитание, не боится голода, ибо если бы не родился хлеб, то плоды заменят оный, и лес представляет ему всегда готовую пищу. Там находит он питательный каштан и многие другие плоды. Словом, здесь ни замерзнуть, ни умереть с голода невозможно, и вот, кажется, источник лености вообще всех народов, живущих в плодоносных странах Юга. Португальцы почитают отечество свое земным раем, а Лиссабон чудом городов, величайшим и богатейшим в свете.

Историческое обозрение Португалии

Португалия в древние времена известна была под именем Лузитании. Баснословы дают ей сие название от Лизаса, сына Бахусова, который, как говорят они, завел здесь поселение. Новейшее название Португалии происходит от Каль (Kalle), древнего имени Опорто с прибавлением Порта, то есть га-

вань, по причине многих хороших пристаней, находящихся у берегов ее. Другие же имя Португалии производят от Portus-Gallorum, то есть порт галлов, потому что, когда Испания была во власти мавров, пристани португальские были тогда наиболее посещаемы галлами. Происхождение имени Лиссабона другие полагают от Улисса, который, по разорении Трои, построил, будто бы на устье Таго город и назвал оный Улиссипо. Еще менее достоверно, что город сей назывался Елисея (Elysea) от Елиса, брата Тюваля и сына Явана. По древним надписям имя его было Олисипо, когда же Лузитания сделалась римской колонией, они называли его Фелицитас Юлия (Felicitas Julia).

Португалия вместе с испанскими провинциями последовала одной судьбе. Будучи театром кровопролитных браней между карфагенцами и римлянами и по падении Римской империи, переходя от завоевателя к другому, попеременно видя своими властителями свевов, аланов, визиготов и, наконец, мавров, она освобождена от ига последних испанскими государями. Альфонс I, король Леонский, в 745 году по Р. Х. покорил собственно так называемую Португалию, спустя потом 300 лет Фердинанд Великий, носивший корону Леонскую и Кастильскую, распространил сие завоевание до реки Монтего. В конце XI столетия Альфонс V отдал Португалию в ленное владение графу Генриху Бургундскому, Гугона Капета потомку, и с сего времени Испания разделилась на два государства и Португалия навсегда осталась ей чуждой.

Граф Генрих, распространяя пределы области своей, успел сделаться независимым, сын его Альфонс в 1139 году с малым войском при Урике одержал знаменитую победу над многочисленным ополчением мавританским; он воинами своими на поле битвы был провозглашен королем, торжественно венчан в Ламего и, несмотря на препятствия от Кастилии, за ежегодную ей дань 4 унции золота, новому королю удалось склонить

папу признать его государем самодержавным. Потомки Альфонса, царствовавшие до 1383 года, привели в устройство королевство и имели уже небольшую морскую силу; из них Денис I построил многие города, украсил Лиссабон, учредил военный орден Христа, был во всех предприятиях счастлив и назван Отцом Отечества. На Фердинанде пресеклась прямая линия, и кастильский король предпринял покорить Португалию, но Иоанн I, магистр Авис ордена, разбил войска его при Лиссабоне; на поле битвы получил скипетр и сделался родоначальником нового поколения.

Иоанн I благоразумием и победами вознес Португалию на верхнюю степень благоденствия, науки и торговля процветали, войска его взятии Цеуту, флоты открыли Мадейру, острова Азорские и некоторую часть западных берегов Африки. В 1480 году при Альфонсе V открыта Гвинея, а при преемнике его, Иоанне II, открыт мыс Доброй Надежды. В царствование Эммануила Великого Васко де Гама обошел мыс Доброй Надежды и нашел кратчайший путь в Ост-Индию; Жуан Алварец де Кабраль, начальник другой эскадры, бурей занесен был в Бразилию. Сии два открытия доставили португальцам сокровища всемирной торговли, малое государство взошло на степень первой морской державы, мгновенно обогатилось, возвеличилось и усилилось. При Иоанне III славный Албукерк предприимчивыми и удачными завоевания в Ост-Индии прославил оружие Португалии. В 1578 году Себастьян предпринял крестовый поход против мавров в Африку, но был убит и сражение проиграно. Кардинал, дядя его, под именем Генриха II царствовавший, умер в 1580 году без потомства, и сим второе поколение царствующего дома пресеклось.

Могуществу и политике Филиппа II удалось покорить Португалию. В течение 60 лет она почиталась испанской областью, но португальцы думали иначе, в сие время англичане

и голландцы отняли у них многие владения в других частях света. Жестокие поступки испанского правительства возбудили в португальцах ненависть, и после многих усилий под предводительством герцога Браганца, провозглашенного королем под именем Иоанна IV, вспомоществуемые Англией и Голландией, возвратили свою независимость и вместе все прежние свои владения, кроме Цеуты. Альфонс, сын Иоанна IV, поссорившись с женой и братом своим Петром, по повелению папы принужден был развестись с женой и уступить ее вместе с короной Петру. Иосиф I был самый несчастный и жестокий из королей португальских. При нем в 1755 году Лиссабон и все королевство разорено ужасным землетрясением. Иезуиты, подозреваемые в заговоре против его жизни, были изгнаны, а имущество их взято в казну. Все меры сего короля поспешно вели к упадку, могущество и промыслы были на самой низкой степени, королевство подпало в зависимость Англии и зло казалось неизлечимым. К счастью Португалии, маркиз Помбаль в качестве первого министра получил неограниченную власть в правлении. Помбаль был из числа тех великих людей, которые, как говорит Шиллер, вызывают на бой свое столетие, которые сражаются не занятым, но собственным оружием, и всегда одерживают победу. Помбаль истребил зло в самом источнике, восстановил достоинство престола, ограничил силу вельмож и духовенства, ослабил влияние Англии, восстановил внутреннюю промышленность и, наконец, все части привел в устройство, но происки придворных лишили министра посторонней власти, и многотрудное дело, им начатое, осталось несовершенным. В 1762 году, когда началась война между Испанией и Англией, короли испанский и французский предложили королю португальскому соединиться с ними и принять их гарнизоны в свои приморские города. Иосиф объявляет им войну, испанцы без сопротивления переступили границу и, удоволь-

ствовавшись сим первым успехом, продолжали войну весьма недеятельно. Франция, ничего не предпринимая, только угрожала вторжением; почему граф Шаумбург, командовавший португальской армией, получив в помощь несколько английских батальонов, остановил успехи испанцев, выгнал их за границу и спас Португалию.

Мария Изабелла, нынешняя королева, дочь Иосифа, приняв правление в 1777 году, тотчас удалила знаменитого Помбаля, и все полезные перемены, им введенные, скоро были уничтожены; прежнее замешательство и бездействие привели внешние и внутренние дела Португалии в неприятное положение. По чрезмерной набожности королева впала в ипохондрию и в 1792 году заключилась в монастырь Мафру и, сделавшись неспособной к правлению, предалась набожным занятиям. С сего времени сын ее Иоанн именем матери управляет королевством. При начавшейся революции принц-регент, как союзник Англии, принимал малое участие в войне против Франции, а потом Испании. По миру, подписанному в Бадахосе 1801 года, крепость Оливенца уступлена Испании, а Франции — малая часть Гвианы. Ныне готовится Португалии последний удар, и двор, для сохранения своей независимости, решился исполнять отчаянный совет, поданный прежде Помбалем королю Иосифу, — на всегдашнее пребывание переехать в Бразилию.

Действия эскадры капитан-командора Баратынского в продолжение 1807 года до прибытия оной в Порт-Феррайо

По отбытии главнокомандущего в Архипелаг, капитан-командор И. А. Баратынский для блокады Рагузы и Далмации занимал четыре главные поста: в канале Каламото, при островах Курцало и Брацо, и мысе Често, так что всякое сообщение морем матерого берега с островами было пресечено. В первых числах января французы высадили на остров

Брацо 2000 человек, выжгли несколько обывательских домов, распространили слух, что Мармонт предпринимает покорить крепость Курцало, но в конце того же месяца оставили острова, начали свозить пушки в Зару и, оставя в прочих крепостях малые гарнизоны, большую часть войск корпуса генерала Мармонта вывели из Далмации небольшими отрядами чрез австрийский литораль в Италию. Слух носился, что по тайному трактату французы сдадут Далмацию австрийцам, которых, кроме 3000 стоявших под надзором наших судов у острова Жупано, еще 5000 готовились в Фиуме; почему командор взял такие меры, что австрийцы, лишаясь надежды чем-либо воспользоваться, наконец после долгого терпения 4 марта отправились с острова Жупано в Триест. Жители Далмации в случае отступления французов просили помощи и притом объявили, что они не примут в земле своей никаких войск, кроме российских.

Командир фрегата «Автроиля» капитан-лейтенант Бизюкин, дабы увериться, справедливо ли показание жителей, что французы из Спалатры перевезли большую часть пушек в Зару, 3 февраля при способном ветре спустился вдоль берега, на расстоянии, позволяющем осмотреть все части укреплений. Когда фрегат находился против города, то при стихнувшем вдруг ветре, зыбью приблизило оный под выстрелы. Неприятель открыл огонь с двух батарей, построенных на мысах гавани из 6 большого калибра орудий, две канонерские лодки также напали на фрегат, но скоро были прогнаны. Канонада с обеих сторон продолжалась час с четвертью, фрегат восставшим ветром отошел и, кроме пробитых парусов и перебитых снастей, не имел других повреждений, раненных щепой были 2 человека. Жители, приезжавшие из Спалатры, уверяли, что французы имели 5 убитых и 4 раненых, а на батарее повредило одну пушку.

Старшины герцеговинские, желая избавиться от ига турецкого, усилено просили помощи. Ст. Сов. Санковский также в том настаивал и поддерживал свое требование повелением министра иностранных дел Будберга, в коем сказано всевозможно защитить славян от турок. Командор, имея в виду предписание главнокомандующего не предпринимать никаких экспедиций против турок и французов, а стараться только в принятии лучших мер для защищения Катаро от двух столь сильных соседей, не был согласен с мнением г. Санковского, равно как и полковник Книпер, командовавший сухопутными войсками в Катаро, но на общем совете, где присутствовали митрополит, г. Санковский, полковник Книпер и командор, определено: напасть на турок двумя отделениями, 2 апреля отряд регулярных войск, состоящий из 100 человек под начальством подполковника Забелина, выступил из Ризано в Никшичу, город недалеко от нашей границы лежащий: в то же время в соединение с оным под начальством митрополита выступили черногорские войска. Отряд бокезцев занял пограничное местечко Зубцов, другой с 2 ротами регулярных войск выступил из Кастель-Ново в Требиньо и делал вид нападения на Рагузу. Командор, для отвлечения внимания французов, с двумя кораблями также прибыл к Рагузе. Экспедиция сия кончилась без предполагаемой пользы. Несмотря на запрещение митрополита, черногорцы едва вступили в Герцеговину, отогнали скот, начали грабить и даже отымать у жителей оружие; по сей причине и те немногие, кои с охотой соединились с нашим регулярным войском, удалились в крепость Никшич и готовы были обороняться против нас. Подполковник Забелин, обложив крепость, готов был ее штурмовать, но за недоставлением г. Санковским обещанного провианта, трое суток оставаясь без пищи и не видя возможности удержать черногорцев в повиновении, сколько о том митрополит не старался, по совету Его высокопреосвященства решился отступить в Черную

гору, что, несмотря на превосходное число собравшихся турецких войск, конницы и пехоты, беспрерывно сражаясь, с небольшой потерей совершил счастливо. Турецкие толпы при всей смелости своей не могли остановить его. Отряд бокезцев, подкрепленный 2 ротами егерей под начальством подполковника Радуловича, от стороны Кастель-Ново доходил до Требиньо и в легких стычках отнял у турок несколько знамен. Бокезцы сохранили порядок, сражались мужественно и в точности выполняли повеления наших офицеров, назначенных для начальствования ими. Вскоре по возвращении войск в Катаро старшины герцеговинские чрез посредство г. Санковского вторично просили о вспомоществовании им против турок; но как, не ослабив защищения Катаро, невозможно было для предприятия, в успехе которого не было бы сомнения, выслать достаточного числа регулярных войск; ибо от черногорцев, кроме замешательства ожидать помощи было ненадежно, то по решению военного совета, по недостаточным доводам г. Санковского и сомнению, чтобы герцеговины могли выставить достаточное число воинов для освобождения их области, в сей помощи было отказано.

При сем считаю нужным заметить, что здесь, как и во всех славянских землях, число воинов считается по числу могущих несть оружие, что составляет почти целое народонаселение; ибо от 16 до 60 лет в случае нужды все выходят в поле. Отдавая должную справедливость храбрости славян, усердию и преданности их России, не бесполезно, однако ж, иметь и осторожность, именно ту, чтобы никак не полагаться на многочисленность их и на обещания, которые хотя искренни, но по образу их войны не могут быть ими выполнены по следующим причинам: славяне никогда не предпринимают дальнего похода и более недели, много десяти дней, в поле не остаются. Дав сражение, победив неприятеля, предав огню селения, тотчас с добычей они возвращаются домой. С регу-

лярными войсками, особенно нашими, мужеством их можно воспользоваться, но только на одно сражение, ибо после оного, каждый из них, имея нужду в провизии, или по хозяйственным заботам возвращается домой, редко, кто согласится последовать за армией далее 50 верст от своего селения; посему при всей многочисленности сей народной толпы, которая приходит и уходит по своей воле, и которая не терпит никакой подчиненности, малое число регулярных войск в самом нужном случае, будучи вдруг оставлено одно, может подвергнуться крайней опасности, и даже после решительной победы, чрез их храбрость и помощь приобретенной, невозможно ничем воспользоваться.

Пребывание французов в Далмации останется навсегда памятным для несчастного народа. Тягостные налоги, конскрипции, остановка торговли и неимоверные притеснения за малейшее подозрение в преданности к русским не могли всеми ужасами военного самовластия унизить духа храброго народа, мера терпения его исполнилась, и славяне поклялись погибнуть или свергнуть тягостное для них иго. Жители от Спалатры до Наренто условились в одно время напасть на французов и послали доверенных особ в Курцало просить помощи, уверяя в искреннем и общем желании всего народа соединиться наконец с матерью своего Отечества Россией. Командор Баратынский, не имея возможности отделить из Катаро и 1000 человек, не смел обещать много; однако ж, для соображения мер на месте, посадив на корабль и два транспорта шесть рот егерей, 12 мая отправился из Катаро в Курцало. На третий день прибытия командора в Курцало иеромонах Спиридоний, бывший в Далмации для нужных сношений с жителями, уведомил, что бунт уже начался. Приготовления делались с такой тайностью, что французы ничего не подозревали, но один случай возжег пламя бунта прежде положенного срока. Курьер, посланный из Зары в Спалатро,

был убит. Французы расстреляли несколько крестьян и зажгли деревню, где совершено было убийство; пожар был сигналом общего восстания, ударили в набат, во-первых, в княжестве Полице, и в три дня знамя возмущения появилось во всех местах от Полицы до Наренто. Патриоты с бешенством напали, и малые рассеянные отряды французов были истреблены наголову. Славяне, решившись умереть, никому не давали пощады, но как некоторые округи не были готовы, другие не согласились еще в мерах, то деятельный генерал Мармонт успел собрать войска в большие крепости, потом выступил из оных с мечом мщения, расстреливая попавшихся в плен и предавая селения огню. Патриоты нападали день и ночь, не думали хранить жизнь и имущество: ни погибель многих из них, ни тактика, ни ожесточение французов не приводили их в уныние. Пожары и кровопролитие были ужасны. Командор Баратынский, получа о сем известие, удержан был в Курцало противными ветрами. Народные толпы, не имевшие главного начальника, могущего предводить их к определенной цели, начали уменьшаться, другие были рассеяны, и французы заняли по-прежнему весь морской берег.

22 мая командор Баратынский с десантными войсками прибыл в Брацо, откуда. Взяв с собой фрегат «Автроил», корвет «Дерзкий», капер «Стрелу», бриги «Александр» и «Летун», перешел к местечку Полице, в нескольких милях от Спалатры лежащее. Старшины сего места тотчас прибыли на корабль командора, умоляли способствовать им против неприятеля. Командор, не имея достаточного при себе войска, просил их взять терпение, но как уже не от их зависело воли прекратить возмущение, то и обещал им возможную помощь и покровительство государя императора. При появлении российских кораблей патриоты ободрились, собрались и 25 мая с мужеством напали на французов. Как сражение

происходило у морского берега, то эскадра снялась с якоря, приблизилась к оному и сильным картечным огнем принудила неприятеля отступить и заключиться в крепость. 26-го недалеко от Спалатры высажено было на берег 5 рот солдат и несколько матросов. Французы скоро явились на высотах в таком превосходном числе с двух сторон, что войска наши вместе с 1500 далматцев возвратились на суда. Хотя неприятель, рассыпавшись в каменьях, вознамерился препятствовать возвращению, но, поражаемый ядрами и картечью с близ поставленных судов и вооруженных баркасов, скоро отступил с видимой потерей. 27 мая, когда корабль «Москва» с остальными войсками, посаженными на 2 транспорта и на 2 корсара, соединился с эскадрой, командор, имея в предмете, как возможно беспокоить неприятеля и ободрить жителей, снялся с якоря и пошел к югу вдоль берега. Французы, опасаясь, дабы мы, сделав высадку, не заняли, какого важного и крепкого места, принуждены были, несмотря на палящий зной и трудность дороги, ведущей чрез кремнистые горы, следовать за кораблями, беспрерывно сражаясь с отрядами патриотов. Командор, упредив марширующего за ним неприятеля, 28 мая подошел к Алмисе, древней небольшой крепости, и, высадив 800 человек, взял и захватил в оной несколько французов. 30-го числа неприятель занял высоты, окружающие крепость, поставил в удобном месте два орудия и напал на оную решительно. Бриг «Летун», канонерские лодки и вооруженные баркасы, вошед в устье реки, на берегу коей стояла крепость, во весь день производили пальбу, войска наши со свойственным мужеством уничтожили все предприятия превосходного в силах неприятеля, который ввечеру еще получил помощь, в 2000 состоящую. Майор Лазовицкий, командовавший отрядом, будучи со всех сторон окружен, получил повеление ночью оставить крепость, счастливо обманул бдительность французов и с потерей одного убитого и

двух раненых возвратился на суда. Неприятель приметил движение наше только на рассвете, бросился к берегу, но, быв встречен картечным огнем, с видимым уроном отступил. При сем случае нельзя не заметить отважного поступка мичмана Фад. Тизенгаузена. Он еще прежде занятия крепости Алмисы с одним матросом вошел в город и, встретившись в оном с французским пикетом, решительно подошед к командовавшему оным сержанту, уговорил его с 12 солдатами отдаться в плен. Он же при отступлении из Алмисы успел перевесть на корабль две пушки, а третью заклепал, чрез что лишил неприятеля возможности вредить судам нашим, стоявшим пред крепостью.

31 мая, тотчас по размещении войск, эскадра снялась с якоря, пошла по ветру вдоль берега, производя по французам, спешившим за кораблями по высотам, пальбу. На другой день командор стал на якорь у города Макарска; когда же неприятель пришел в оный, то он 2 июня перешел к местечку Драшницы, откуда, по прибытии туда французов, возвратился к Макарску, где, поставив корабли, двое суток перепаливались с одной стороны ружейной пальбой, с другой картечным огнем. Патриоты сражались в горах и иногда привозили на корабли пленных. Командор, видя невозможность противостоять превосходным силам неприятеля, старался убедить начальников патриотов до перемены политических обстоятельств воздержаться от возмущения; но они отвечали, что и без нашей помощи поклялись освободиться от французов и подобно бокезцам повергнуть себя в верноподданство российского императора. 6 июня эскадра, идучи от Макарска и по-прежнему сражаясь с идущими по берегу французами, увидев близ села Тучети сильную перепалку между французами и жителями, стала на якорь. Тотчас свезены были на берег все войска, которые, заняв высоту и соединяясь с жителями, выгнали неприятеля из деревни и

с выгодой сражались с ним до наступления темноты. Патриоты беспокоили его во всю ночь. 7-го числа французы, получа подкрепление, превосходным числом своим старались окружить и отрезать отряд наш от берега, но оный после 3 часов упорного сражения в порядке отступил и под прикрытием кораблей сел на гребные суда. Несмотря на все усилия французской храбрости и искусства, наша потеря состояла из 10 убитых и 30 раненых; неприятель же от огня мелких судов наших потерял несравненно более. При отступлении 1000 человек жителей с их семействами приняты на корабли и перевезены на остров Брацо.

Наконец Мармонт, утомив войска своим беспрерывными маршами, видя силу свою, в половину уменьшенную, опасаясь прибытия большого числа наших войск, переменил повеление свое, перестал расстреливать жителей и жечь их дома, отказался от мщения и обещал прокламациями забыть прошедшее. Командор, не видя возможности с малой силой освободить Далмацию, также со своей стороны старался успокоить жителей, чем взаимное кровопролитие остановлено. Отряды патриотов начали возвращаться в города и деревни, более же упорные переехали на острова, нами занимаемые. Сим окончились военные действия в Далмации, которые хотя и не принесли нам предполагаемой пользы, но неприятель от беспрерывных сражений в продолжение шести недель, от утомительных маршей, палящего зноя и недостатка пищи претерпел столь великий урон, что превосходство сил его было уже неопасно для Катаро, которой сохранение проистекло из сей экспедиции. Намерение его напасть на Сербию также было сим уничтожено, притом французы получили полезный урок и с сего времени сделались снисходительнее к народу.

Мармонт, подкрепленный войсками, прибывшими из Италии, забыл обещание; лучшие патриоты были расстреля-

ны, имение их взято в казну, немногие спаслись бегством на корабли наши и прибыли вместе с нами в Санкт-Петербург. Преданность далматцев заслуживает особенную похвалу. Будучи неприятелями русских, они полюбили их, и усердие к России, несмотря на неблагоприятство случаев, было неограниченно и постоянно. В сие бедственное для народа время, когда мечтания быть русскими неумолимая судьба уничтожила, поэты сирой Далмации славили имя Александр как благодетеля и покровителя своего; память русских, толиких горестей им стоившая, навсегда и для потомков их будет драгоценна, и наши потомки с удовольствием узнают, что царь их врагами был обожаем, и имя русское было чтимо всеми народами.

4 июля сильный отряд французских войск появился на границе Кастель-Ново. Командор, незадолго пред сим прибывший из Брацо с войсками, тотчас поставил два корабля и корвет для защиты крепости, и неприятель, ничего не предпринимая, постепенно отступил. Сим кончились военные действия. 14 июля генерал Лористон из Рагузы известил о заключенном в Тильзите мире. 23-го числа фельдъегерь вместе с французским курьером привез высочайшее повеление сдать провинцию Боко ди Катаро французскому начальству, а войска немедленно перевесть в Венецианскую область, где в Тревизе или Падуе имеют оставаться до сделания условия с венским двором о доставлении им прохода чрез австрийские владения для соединения с армией генерала Михельсона, стоявшей в Молдавии. Вследствие сего тотчас по прибытии генерала Лористона с войсками Кастель-Ново сдана 29 июня; войска наши в окрестностях стали лагерем; 31 -го сданы были все прочие крепости. 1 августа часть войск посажена была на корабли и транспорты. Медленность в приеме крепостей и затруднения в найме частных судов, видимое желание французского начальства удержать войска наши, сколько можно

долее, при всей деятельности командора не прежде могли быть приведены к окончанию, как 14 августа, которого числа эскадра и войска отправились в Венецию. По особому договору войска наши во все время пребывания их в Италии долженствовали быть на содержании французского правительства, наши магазейны, артиллерия и другие запасы в крепостях катарских сданы по описи с оценкой их. В числе статей, до сдачи Катаро касающихся, утвержденных командором, полковником Книпером, статским советником Санковским и генералом Лористоном, греческой вере обещано свободное отправление без всякого стеснения, также дано слово не преследовать за политические мнения тех, кои были преданы России. По особому отношению г. Санковского к черногорцам, как к подданным российским, обещано всякое покровительство в их торговых сношениях с Катаро на тех же правах, какими они пользовались при венецианском и австрийском правительстве.

Противные ветры задержали плавание эскадры и причинили многие повреждения на транспортных судах. Для исправления, равно и для налития водой, в коей по малоимению на наемных судах бочек были настоятельная нужда, командор, отправив бриг «Летун» для привозу из Венеции лоцманов, остановился 23 августа у города Пирано, что в Истрии, куда вскоре прибыл английский фрегат «Юнити», начальник которого, капитан Кемпель, объявил, что он, блокируя Венецию, хотя и бессилен, но не иначе эскадре нашей войти в оную позволит, как только принужден к тому будет насильственной мерой, каковой поступок будет оскорбителен его двору. Командор Баратынский, соображая сие объявление с волей Его Императорского Величества, чтобы при доставлении войск в Венецию, до получения новых наставлений, «отнюдь ни в каком случае не действовать противу Его Величества Короля Великобританского», не желая следовать

только собственной мысли, пригласил на совет полковника Книпера и всех начальников военных судов и предложил им рассмотреть объявление английского капитана. По общему и согласному заключению военного совета признано, что в сих обстоятельствах насильный вход в Венецию может быть поводом к разрыву с Англией, почему командор Баратынский, перешед с эскадрой в Триест, отправил курьера в Вену к полномочному министру князю Александру Борисовичу Куракину, дабы испросить его разрешения, как поступить в столь затруднительном обстоятельстве. Чрез семь дней курьер возвратился с разрешением министра, чтобы, несмотря ни на какие английские суда, идти в Венецию и наискорее исполнить волю Его Императорского Величества. 9 сентября, получив удобный ветер, эскадра прибыла ко входу в Венецию и по мелководью в 10 милях от оной стала на якорь. Неблагонадежные транспорты с фрегатом «Автроилем» вошли внутрь Венеции и оставлены там для починки. По небольшому числу гребных судов, присланных от французского правительства, войска перевозили трое суток. После того командор, в ожидании прибытия оставленных в Венеции судов, перешел к Пирамо, где на другой день получил на бриге «Бонасорт» повеление главнокомандующего немедленно следовать в Корфу. Вследствие сего, для предосторожности от англичан и сопровождения транспортов из Венеции в Корфу, оставлен фрегат «Легкий», а эскадра, состоящая из трех кораблей и брига, 16 сентября вступила под паруса и 19-го числа благополучно прибыла в Корфу Командор уже не застал главнокомандующего в Корфе, а нашел повеление немедленно следовать в Балтийское море, ни под каким видом не заходить в английские порты, в случае же крайней нужды укрываться во французские и другие союзные нам гавани. Если же не успеет достигнуть Копенгагена, то остановиться зимовать в одном из норвежских портов. Корабли командора не могли в

короткое время исправить важных повреждений, почему корабли «Седель-Бахр», «Уриил», фрегаты «Легкий» и «Автроил» должны были после отправиться под начальством капитана 1-го ранга Белли, а остальные два корабля Балтийской эскадры, «Петр» и «Москва», оставили Корфу 2 октября. Проходя Мессину, командующий в оной расположенными английскими войсками генерал Мур [16] прислал офицера предуведомить командора Баратынского, чтобы он ни под каким видом не заходил в Мессину. Командор, не имея никакой надобности останавливаться в сем месте, поручил английскому офицеру сказать генералу Муру, что если б пожелал он войти в Мессину, то, конечно, не спросил бы на то позволения английского генерала. 9 октября между Сицилией и Сардинией жестокий противный ветер в продолжение десяти дней принудил командора держаться под нижними парусами, наконец, при великой мрачности сделался шторм, в обоих кораблях открылась течь, несколько бимсов треснуло, а мачты, уже с давнего времени поврежденные, оказались ненадежными, и командор имел ту же участь, какую и главная эскадра в Атлантическом океане, и против воли принужден был спуститься в ближайший дружеский порт. 17 октября прибыв в порт Феррайо (на острове Эльбе), командор по осмотре кораблей нашел весьма важные повреждения, с коими невозможно было пуститься в дальнее плавание, почему и решился зимовать в порте Феррайо. Ливорнский генеральный консул Каламан с крайним прилежанием успешно снабдил корабли провизией. Ласковое обращение и усердные пособия начальствовавшего на острове генерала Дерутта, пребывание на Эльбе соделало приятным. В декабре месяце командор Баратынский получил повеление

[16] Тот самый, который убит в сражении под Коруной.

сдать команду старшему по себе капитану и вскоре после возвратился чрез Италию и Австрию в Санкт-Петербург.

Действия эскадры капитана 1-го ранга Лелли в продолжение 1807 года.

Главнокомандующий пред отбытием в Архипелаг поручил защищение Ионической республики Военному Совету, составленному из трех следующих особ: командующий сухопутными войсками генерал-майор Назимов; начальствующий эскадрой, состоящей из 2 кораблей и 9 мелких судов, капитан 1-го ранга Лелли и уполномоченный министр при Ионической республике действительный стат. советник граф Моцениго. По определениям сего Совета производились все действия. Али-паша вскоре по отправлении адмирала из Корфы собрал 10 000 войска, вооружил шесть судов, кои вместе с двумя французскими корсарами угрожали нападением на крепости Санто-Мавра и Паргу, почему к устью залива Превезского, где стояла флотилия Али-паши, отправлены были две корветы и шхуна, в Паргу перевезена рота албанцев, и послан тендер для защищения ее с моря; к прочим Ионическим островам временно посылались для крейсерства корсары и малые военные суда, которые, наблюдая весь албанский берег и сохраняя сообщение между островов, лишили Али-пашу возможности что-либо предпринять против республики, даже не мог он воспрепятствовать подвозу съестных припасов к Корфу. Со стороны Италии не было опасности, ибо во всей Пули одни жители занимали караулы. Капитан 1-го ранга Белли, крейсировавший у Отранто, не нашел во всей той стороне и одной вооруженной лодки. По полученным вновь сведениям, что Али-паша в Лепантском заливе снова собрал 20 судов и 8000 войска, вероятно, для нападения на Зант или Санта-Мавра, капитан 1-го ранга Белли с кораблем «Азией» и фрегатом «Легким» был отправлен

туда для истребления сих судов. Капитан Белли 5 мая заходил в Зант и, взяв оттуда небольшой корсар «Ахилл», прибыл к Патрасу 9-го числа, как корабль по мелководью не мог подойти довольно близко, то фрегат и корсар, подошед к крепости, стали на якорь, открыли огонь и перестреливались до вечера, с нашей стороны весьма исправно, а неприятель отпаливался очень слабо. 12 мая турки поставили против наших судов три большие орудия, но капитан фрегата «Легкого» Повалишин, снявшись с якоря, сбил ее с видимым вредом. В заливе не было никаких вооруженных судов, кроме одного французского корсара и трех полак, на которых нагружен был экипаж Али-паши для перевоза, вероятно, в какое-нибудь ближнее место; оные суда стояли в узком заливе, укрепленном с обеих сторон батареями; напасть на них можно было только гребными судами, и то с крайней опасностью; ибо неприятель, по выгодному положению будучи совершенно защищен, с обоих высоких мысов мог бы перебить людей ружейными пулями. По сим причинам капитан Белли фрегат «Легкий» отослал в Корфу, прося вместо оного прислать мелких судов, но, как оных не можно было собрать вскоре из разных мест, то капитан Белли, увидев, что неприятель разоружил сии 4 судна и не имеет намерения вредить нам, получа повеление, возвратился в Корфу. С сего времени до получения известия о Тильзитском мире, Али-паша, боясь нашего нападения, не думал более о предприятиях, даже не беспокоил крепость Паргу, которая одна из принадлежащих республике находится на албанском берегу и в его владении.

19 сентября капитан-командор Салтанов по назначению главнокомандующего принял начальство над Черноморской эскадрой и над причисленными к оной малыми судами Балтийского флота. Командор остальные войска, прибывшие с острова Занта, с надежным конвоем 26 сентября отправил в Венецию и потом приказал всем судам собраться в Корфе,

дабы приуготовиться к отплытию в Черное море, но политические обстоятельства переменились, войска наши попрежнему занимали Молдавию и Валахию, мира с турками не последовало, а 30 ноября получено известие о разрыве с Англией и вместе с оным повеление эскадре перейти из Корфы в порт более безопасный. Командор, как для содержания, так и вернейшего сообщения с Россией избрал Триест и Венецию.

12 декабря эскадра, состоящая из 4 кораблей, 3 фрегатов, 4 корвет и 4 бригов, снялась с якоря. Командор салютовал крепости из 7 пушек, но один из трех французских фрегатов, прибывших из Тулона, принял салют сей на свой счет и отвечал. Командор послал офицера к генералу Бертье, который тотчас приказал отвечать с крепости равным числом. По причине штиля эскадра стала на якорь в виду Корфы, для дня рождения государя расцветилась флагами и с каждого корабля палили по 31 выстрелу. Ночью город великолепно был освещен. Корабль «Михаил», фрегат «Арминий», 15 призовых транспортов и все старые, неспособные к службе суда, оставлены в Корфе под начальством капитана 1-го ранга Лелли. Состояние эскадры командора Салтанова, в случае сражения с англичанами, заставляло всего опасаться: корабли были ветхи и никак не могли выдержать порядочного боя, однако ж гордые властители морей, как думать должно, имели повеление уклоняться от сражения, ибо встретившиеся с нашей эскадрой в Адриатическом море два английские фрегата, спустя флаги, тотчас удалились в противную сторону. Командор, также спустив флаги, продолжал свой путь. Англичане вообще, особенно морские, служившие с нами в Архипелаге, крайне недовольны были последними поступками своих министров, лишивших Англию самого верного и лучшего союзника. Парламентские речи наполнены были укоризнами по сему предмету. 28 декабря эскадра, состоящая из

кораблей «Параскевии», «Уриила», «Седель-Бахра» и «Азии», фрегатов «Легкого» и корветы «Диомида», прибыли благополучно в Триест, где находился уже фрегат «Михаил»; другая, состоящая из фрегатов «Автроиля», корветов «Дерзкого», «Херсона», «Днепра», катера «Стрелы», бригов «Летуна», «Феникса» и «Александра» под начальством капитан-лейтенанта Сальти, вошла в Венецию.

Конец третьей части,
заключающей происшествия от 10 февраля 1807
по 1 января 1808 года.

Часть четвертая

Уведомление к первому изданию

При издании четвертой части долгом почитаю предварить почтеннейшую публику, что щедроты государя императора, награды государынь императриц и великого князя, пособия Государственного адмиралтейского департамента и Российской академии, при таковом значительном числе пренумерантов, какового сначала не мог я ожидать, дают мне возможность не надбавлять цены на мои записки и по совершенном издании оных.

Принося чувствительнейшую благодарность за столь лестное внимание публики к трудам моим, обязанностью также поставляю повторить мою признательность особам, удостоившим меня своей доверенности сообщением частных происшествий, до предмета моего касающихся.

Благосклонным принятием первого моего сочинения поощренный, с надеждой на таковое же предприемлю я сделать извлечение из журнала, доставленного мне одним из товарищей моих с тем, чтобы я воспользовался оным при печатании моих записок. Но как журнал его заключает в себе события 1804 года, высадку наших и английских войск под предводительством генерал-аншефа де Ласси в Неаполе, описание великолепной сей столицы с ее окрестностями, также Гаэты, Венеции и многих других городов, в коих я не был, посему и советовал ему переложить журнал в письма и напечатать оные особо, на что он и согласился, предоставя издание оных моему попечению. Тем с большим удовольствием принял я на себя сей труд, что журнал его, как по оригинальности слога, так и по любопытным замечаниям, с некоторой уверенностью могу думать, доставит любителям словесности приятное, занимательное и полезное чтение;

и притом вместе с моими записками составит полное обозрение тех стран, в которых флот наш от 1804 по 1810 год находился. По выходе в свет сих писем, если обстоятельства позволят, надеюсь также отдать в печать продолжение сих записок, заключающее в себе путешествие мое от Триеста до С.-Петербурга.

В. Б.

Происшествия от объявления войны Англии до возвращения в Россию

Возвращение фрегата «Венуса» в Средиземное море

Как слухи о войне России с Англией подтверждались более и более и, как известно стало, что принц-регент, по невозможности защищаться против превосходного числа французских войск, вступивших в Португалию, решился переехать в Бразилию, то, по сим политическим обстоятельствам, также и по невозможности прежде весны возвратиться нам в свои балтийские порты, исправя важные повреждения кораблей, для коих принц-регент все нужные материалы приказал отпустить, главнокомандующий положил зимовать в Лиссабоне. Вследствие сего капитан фрегата «Венуса» получил повеление отправиться обратно в Средиземное море, сыскать там эскадру капитан-командора Баратынского и дать ему знать, куда идти для соединения с флотом, также отвезть депеши в Палермо к министру Д. П. Татищеву и повеления в Корфу. Капитану фрегата «Спешного», который с одним транспортом отправлен был из России для доставления на флот денег и запасов, и остановился в Портсмуте в ожидании прибытия туда флота, послано также повеление, чтобы он немедленно шел в Лиссабон.

По болезни капитана Е. Ф. Развозова фрегат наш поручен капитану К. И. Андреянову. 9 ноября, при тихом ветре, снялись мы с якоря, течением навалило нас на корабль «Ретвизан», однако ж разошлись с ним без всякого вреда. Никогда с такой неохотой не оставляли мы флота, как теперь: какое-то тайное предчувствие приводило каждого в скуку, и мы думали, что надолго разлучаемся с товарищами. Вышед в море большим фарватером, увидели в Каскайе английскую из 7 кораблей эскадру, стоящую на якоре, которую давно ожидали для способствования переезда королевской фамилии

в Америку. Шлюп, принадлежащий сей эскадре, подошед к нам, спрашивал именем своего контр-адмирала Сиднея Смита, куда идем и здоров ли наш вице-адмирал? Получив ответ, англичане пожелали нам доброго пути, а мы, поставив все паруса, при северном умеренном ветре скоро потеряли из вида все береговые предметы. Лиссабон, величественная река Таго со множеством кораблей, остались только в воображении, и мы, не видя ничего, кроме неба и воды, и вдали играющей зарницы, как осиротевшие, одни, без всякого товарищества, плыли к югу в необозримое пространство океана. Ночью зарница увеличилась до того, что вся небесная твердь покрылась багряным цветом и пламенела, подобно раскаленному металлу, и представляла зрелище великолепное и тихое, но вдруг нашел шквал от северо-запада, зарница угасла, темнота сделалась непроницаемая, скоро с крепким ветром началась гроза, удары грома были столь сильны, что, казалось, самый небесный свод колеблется. Сильный шум, по мере приближения увеличивавшийся, в осторожность принудил нас убрать верхние паруса, но мы обманулись, вместо ожидаемого с той стороны ветра был дождь столь обильный и благотворный, что чрез полчаса гроза умолкла: ветер уменьшился, небо очистилось, заблистали звезды и сребристая луна показалась во всем блеске.

10 ноября, при ясной погоде и умеренном ветер, обошед мыс Сант-Винцент, встретились мы с шлюпом «Шпицбергеном». Командир оного капитан-лейтенант Качалов был очень доволен, что ему идти в Лиссабон, а не далее, ибо он не знал, где флот находится. Шлюп сей, не успев обойти при крутом бейвинде остров Маритимо, поворотом на другой галс утратил время не более часа и отстал от флота на 45 дней, в продолжение которых в плавании Средиземным морем имел всегда противные ветры, а мы, напротив, шли всегда попутным. Вот пример, сколь драгоценны минуты для мореходцев. Шлюп для налития водой заходил в Гибралтар, где от ан-

глийских купцов получил несколько провианта, несмотря на то, что слух о войне почти был достоверный, они не усомнились отпустить припасов под расписку капитана на значащую для них сумму.

11 ноября, чем ближе подходили мы к Гибралтарскому проливу, ветер свежел, небо покрылось мрачностью. Гибралтарская скала показывается от стороны океана островом[17]; другая, находящаяся на Варварийском берегу, называемая Обезьянная гора, также издали кажется островом; почему в пасмурную погоду крайне остерегаться должно, дабы, приняв одну за другую, идучи из Средиземного моря, не найти на низкой перешеек Малбайя, соединяющий Гибралтар с матерым берегом, или не подвергнуться опасности в Тетуанском заливе, где Обезьянная гора возвышается в виде сахарной головы. Гибралтарский рейд очень неудобен, только у Новой Молы корабли могут становиться на якорь на 10 саженях глубины, грунт песчанистый и с раковинами перебивает канат. При западном ветре от большого волнения опасно оставаться на рейде, а при восточных бывают столь сильные порывы, что корабли срывает с якорей. В Новой Моле поместиться могут только пять кораблей, в старой же до десяти малых судов, что при недостатке воды и съестных припасов делает Гибралтарский порт неудобным и опасным.

Нам должно было из Гибралтара послать рапорт к адмиралу. Едва вступили мы в Средиземное море, воздух и небо — все переменилось, в океане погода постоянно была пасмурная и суровая, теперь же настала самая приятная: умеренные попутные ветры не заставили нас скучать медленным плаванием, небо было ясно, воздух тепел, а в полдень даже жарок. Вчера, будучи в той же широте, в океане было холодно, а сего дня, как бы нечаянно перешли в другой климат. Плавание наше Средиземным морем до Сардинии было

---

[17] Смотри вид Гибралтара.

благополучно, перемена предметов до мыса Гато занимала меня беспрестанно. Один раз ночью подошли мы столь близко к берегу, что заштилели, совершенная тишина нарушалась токмо всплеском волн, разбивавшихся о кремнистую скалу, грозно пред нами стоявшую. На вершине ее видно было несколько хижин, кое-где мелькали в окнах огоньки. С неизъяснимым удовольствием внимал я звонкому голосу сторожевых собак, воображал себе, что путешествую по земле и, утомившись от дальнего пути, спешу в деревню на ночлег. Все, что составляет противоположность с мятежной нашей жизнью, все, что связуется в мыслях с сельской бытностью, привлекает и нравится мореходцам, ибо и столь обыкновенные предметы редко им представляются; мы еще большую ощущаем радость тех, которые на короткое время летом переезжают из столицы в деревню.

У Сардинии встретил нас противный ветер, пять дней лавировали мы в виду оной и едва на сто верст подвинулись вперед, однако ж не без пользы провели сие скучное время, по точным наблюдениям нашли, что наша и английская карта неверны, по нашей Сардиния отнесена к северу на 2, а по английской на 4¼ немецких миль; островок Торо на первой отнесен на NO 50 градусов на 9 немецких миль, а на последней на NO 38 градусов на 6 немец. миль. 20 ноября при беспокойной зыби, оставшейся от крепкого ветра, усмотрено, что голова руля сгнила и сверху раскололась. После штиля, продолжавшегося по 21-е число, подул свежий попутный ветер, быстро перешли мы пространство, разделяющее Сардинию от Сицилии, 22 ноября великолепный Палермо, покрытый легким от испарений туманом, открылся, и мы бросили якорь между Молой и английской эскадрой, состоящей из 5 кораблей и 2 фрегатов. Вице-адмирал Торнброу имел флаг свой на стопушечном корабле «Роял-Соверин».

Видъ Гибралтара отъ Океана

Пребывание в Палермо. Порт и укрепления[18]

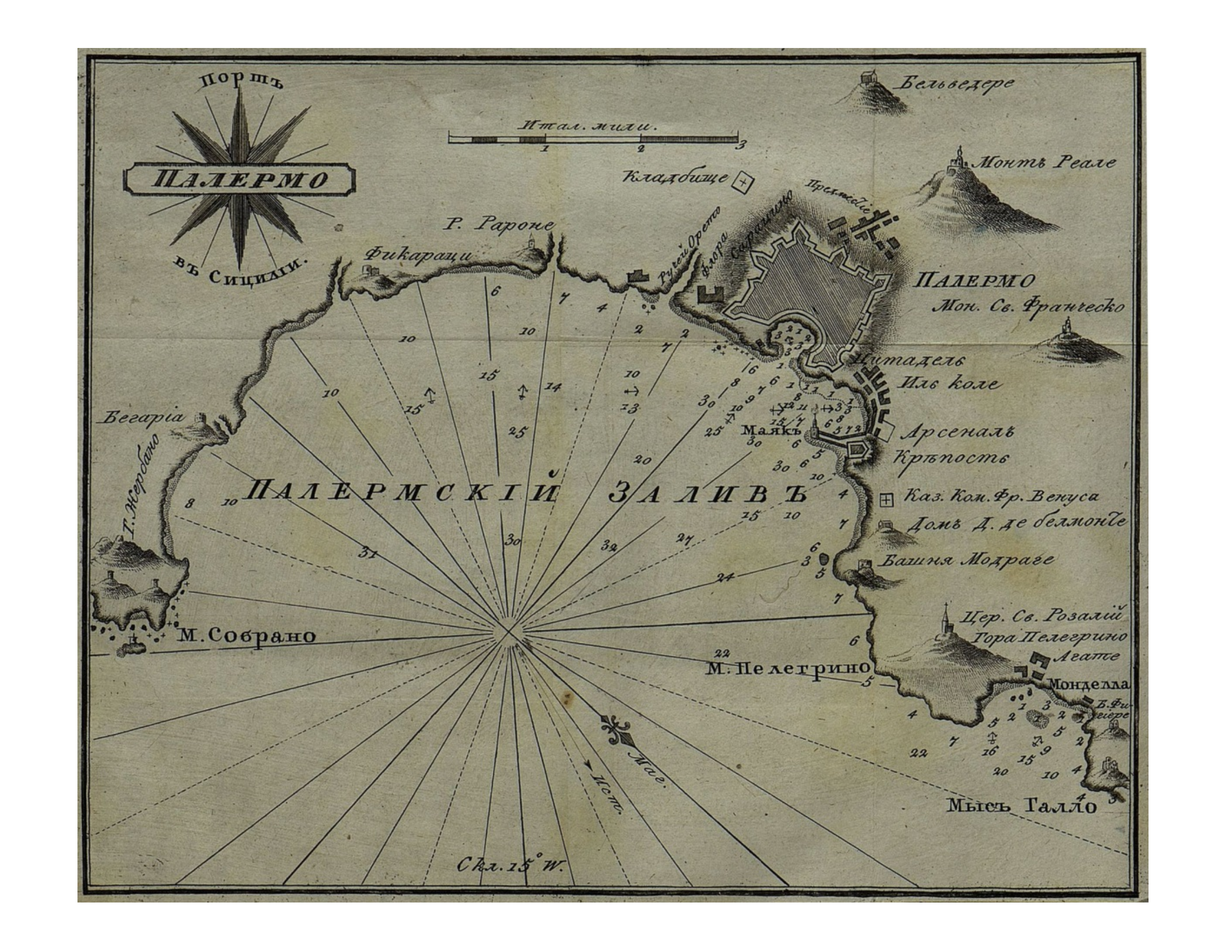
Обширный залив, заключенный мысом *Собран* от востока и горой Пелегрино от запада, открытый северным ветрам, делает палермский порт только в летнее время удобным. Корабли останавливаются пред городом на глубине 18 и 20 сажен, грунт ил с травой. Северо-восточный ветер разводит большое волнение; почему против него и должно класть фертоинг. В Моло длиной 200 сажен, укрепленной двумя малыми крепостями, из коих в крайней к морю зажигается каждую ночь фонарь, три или четыре корабля и столько же фрегатов на глубине 5 и 6 сажен могут укрыться от всех ветров. Город обнесен четырехугольной стеной, с башнями, имеет четверо ворот прямо на север, юг, восток и запад; пушек на стенах нет, и самая цитадель, подле северной стены находящаяся, и редут, на конце набережной построенный, могут защищать город, только с моря, и то слабо. Несмотря на неудобство порта, рейд всегда полон военных и купеческих кораблей. Палермо по торговле соперник Мессине и уступает ей только потому, что гавань последней искусством и природой сделана совершенно покойной. Из Палермо отправляется много хлеба, вина, масла, плодов, шелковых материй, манны и разных лекарственных трав.

Два знакомства

Под всеми парусами вошли мы в гавань и стали подле «Архимеда», одного токмо линейного корабля, оставшегося у неаполитанского короля. Множество любопытных собралось на моле. Несколько хорошо одетых господ просились взойти на фрегат, капитан им позволил, а я с четырьмя товарищами поехал на берег. Переезд был короток, стоило толкнуть ялик, и мы вышли на пристань, скорыми шагами прошли мимо

---

[18] Смотри карту.

Портъ
ПАЛЕРМО
въ Сициліи.
Итал. мили.
1
2
3
Бельведере
Монтъ Реале
Кладбище
Р. Рароне
Фикараци
Ручей Орето
Флора
Сарачино
Прекмейе
ПАЛЕРМО
Мон. Св. Франческо
Цитадель
Иль коле
Маякъ
Арсеналъ
Крѣпость
Каз. Ком. Фр. Венуса
Домъ Д. де Белмонте
Башня Модраге
Бегарія
Г. Жербано
ПАЛЕРМСКІЙ ЗАЛИВЪ
М. Собрано
М. Пелегрино
Цер. Св. Розалій
Гора Пелегрино
Агате
Монделла
Б. Фигере
Мысъ Галло
Маг.
Ист.
Скл. 15° W.

арсенала, потом широкую аллею, чрез главные ворота вошли в улицу Макведа и, лишь ступили на тротуар, толпа маленьких маклеров предложили услуги, кому что угодно? Мы не могли их от себя отогнать, вечер им благоприятствовал. «Куда идти», — спросил один из товарищей? «В саду, конечно, теперь никого нет, а в театр еще рано, разумею, что ты хочешь сказать, пойдем» — отвечал другой. И они пошли за замаранными амурами. Я остался один, вестники сирен вертелись предо мной, выхваляли, божились; я смеялся и продолжал идти, как вдруг некто сзади меня сказал: «Если позволите спросить, конечно, вы иностранец?» В первом движении я хватился за карманы, но при свете фонаря увидел щеголевато одетого молодого человека, в лице которого ничего не было злого. Успокоившись, отвечал ему, что я русский. «Tanto meglio, — продолжал незнакомец, — не верьте, сударь, этой городской чуме (Pesta di citta); наши сирены очень опасны». Поблагодарив за благой совет, я просил барона N., так он себя назвал, на чашку шоколада. Барон выпил не одну, не отказался и от рюмки вина и опорожнил целую бутылку. Слова текли рекой, комплименты, высокий титул Eccelenza! похвала моему благоразумию и, наконец, предложение взять ложу в театре нимало не подавали мне повода думать о нем иначе, как о самом благовоспитанном человеке. Почитая себя знающим физиономистом, я обращался с бароном с доверенностью, но обманулся, и обманулся жестоко. Мы вместе, рука с рукой, пошли в театр, взяли ложу в бенуаре. Занавес еще не поднимался, театр был полон, разумеется, что ж было делать, как не смотреть направо, налево, в раек и партер; заметив одно прекрасное лицо, спросил я друга своего (так он уже меня называл), не знает ли он этой дамы, которая сидела в противной от нас ложе. «Очень знаю, я некогда ей нравился, теперь в чистой отставке и числюсь в длинном списке ее друзей». Я покраснел от нескромного ответа и досадовал на Лафатера, однако ж не верил, чтобы прелестная

дама была так ветрена. Впрочем, не слишком желая, чтобы она была постоянна, скоро согласился на доводы ее старого друга, который тут же предложил познакомить меня с нею и ручался, что я хорошо буду принят. По окончании первого действия барон потчевал меня мороженым, ликером, конфектами и после второго действия пошел в ложу к даме. Вскоре по выходе его вошел слуга и просил с меня червонец за лакомство, я догадался, кто был барон, хватился за карман, и платка в нем не было. Барон больше не возвращался.

Две дамы, сидевшие в ложе подле моей, сожалели, что у них в столице так много плутов, которые весьма искусно обманывают добрых иностранцев. Это сожаление было достаточным вознаграждением за два червонца и платок. Разговор начался, в продолжение которого я подумал, что прекрасная Люкреция (имя маркизы) должна быть подобна римской, но скоро поссорился с Лафатером, и первое заключение было неверно. Театр кончился, я подал руку дамам, свел их с лестницы, помог войти в карету, меня поблагодарили и напомнили, что завтра в Флоре будет большое гулянье. Медленно возвратился я на фрегат, а на другой день очень заблаговременно пришел в сад и после трех часов скучного искания, наконец, встречаю маркизу с прекрасным молодым кавалером! Она меня рекомендовала ему, но так холодно, что я, поклонившись, хотел идти другой дорогой; к счастью, подруга ее была одна, надобно было подать ей руку. Маркиза изредка обращалась ко мне с двумя-тремя словами, и я, скоро исправясь от первого впечатления, увидел пристань, куда должно было мне править. Дама, которую я вел, была молодая вдова и сестра маркизы, дон Розарио, кавалер ее, богатый дворянин, ловкий и любезный молодой человек; он старался снискать мою доверенность, мы с ним в несколько минут познакомились так коротко, что, проводя дам домой, ужинали вместе и от всего сердца смеялись двум моим неожиданным знакомствам.

Монастырь Св. Мартына

Мы располагались пробыть в Палермо только несколько дней, но судьба, которая самонравно располагает всеми случаями, удержала нас несколько месяцев в сей мраморной столице Неаполитанского короля; я говорю «мраморной», ибо здесь оный употреблен, как у нас кирпич и дикий камень. В продолжение пятимесячного пребывания в Палермо я имел время заметить в оном много любопытного; выберу лучшие предметы и, во-первых, скажу, что монастырь Св. Мартына достоин особого внимания всякого путешественника.

Монастырь сей почитается из богатейших в Европе, построен в горах в расстоянии от Палермо в 12 верстах. Товарищи мои, бывшие в нем, рассказывали много хорошего, но жаловались на дурной прием. Сему была причина, они ошиблись в выборе провожатого, точно так, как я в бароне. Казначей монастыря чрез несколько дней посетил фрегат, объяснил причину прежнего холодного приема и просил сделать монастырю честь вторичным посещением, назначил день и прислал для сопровождения нас одного из своих собратий, монаха умного, веселого и говорившего по-французски и по-английски. Мы отправились в четырех наемных, весьма красивых колясках. Дорога чрез равнину, окружающую Палермо, шла между садов. Приблизившись к горам, столь величественно равнину облегающим, вдруг все предметы переменились. Излучистая битая дорога шла на крутую гору и между скал от часу становилась страшнее и затруднительнее: по одну сторону был высокий утес, по другую пропасть. Лошади часто останавливались, и отдых не укреплял их сил, мы шли пешком, скинувши кафтаны, и чрезмерно устали, наконец вдали открылось великолепное здание, оно скоро опять скрылось, и с ним трудная дорога переменилась в ровное, как пол, шоссе, мы въехали в широкую алею, которая привела нас к стенам монастыря.

Колокольчик зазвенел, железные решетчатые ворота на тяжелых вереях скрыпнули, отворились, монах, распрысканный духами, с благородной осанкой, встретил нас поклоном и просил оставить наши шпаги у привратника; в утешение наше он прибавил, что сам король делает то же[19]. Вошед на обширный, усыпанный песком двор, мы увидели длинный фасад монастыря, у которого фронтон и портик, лежащие на стройной колоннаде, делали его похожим более на царский чертог, нежели на скромное жилище. В сенях, ведущих к парадной лестнице, представляется взору монумент Св. Мартына. Конная статуя в сарацинской военной одежде, поставленная на камне, подобном подножию статуи Петра Великого, изображает святого Мартына, раздирающего свою мантию, подле него бежит нищий и принимает половину оной. Конь, святой и нищий хладны, как мрамор, из которого они сделаны; в монументе нет искусства, отделка очень посредственна. Столь огромный монумент в сенях, отнимая вид у себя и у оных, совершенно не соответствует красоте лестницы. В самых сенях встретили нас несколько монахов. По белой мраморной парадной лестнице, прикасаясь рукой к агатовым перилам, прошли мы к огромным дверям, они пред нами раскрылись, и мы вошли в длинную и высокую залу. Мраморный паркет, плафон раскрашенный, широкие карнизы и чрезвычайный свет, отражаемый от белизны мраморных стен, дают великое понятие о богатстве монастыря сего. Проходя потом длинным коридором, пересеченным накрест другим, где выставлены были портреты кардиналов, святых мужей и настоятелей сего монастыря; попирая ногами разноцветные мраморы, вошли мы в приемную комнату. Какое великолепие! Штучный пол, из зеленого, сероватого и

[19] Женщинам, какого бы звания они ни были, запрещен вход в сей монастырь, но монахам не запрещено видеть их вне оного.

черного мрамора составленный, порфирный камин, белые стены с розовой каймой, широкие промежутки между окон, украшенные огромными зеркалами, резная позолоченная мебель, и весь сей совокупный блеск изумил меня и в то же время возродил во мне мысль, что роскошь сия излишняя для монахов. Что же должен я сказать о том, что видел после? Согласиться, что монахи хорошо употребляют 300 000 рублей своего годового дохода.

Пред диваном, на котором мы посажены были, вдруг отворяются настежь множество дверей, одна за другой; в приемную вбегает малого роста монах в длинной шелковой мантии и четвероугольной шапочке; за ним вдали, с поникшим взором шли попарно человек 30 тучных румяных монахов. Он, не дожидая нашего приветствия, насказал нам тысячу вежливостей, садился, вставал, обращался с разговором то к тому, то к другому, весьма живо и ловко переменял все положения тела; потом жаловался, что уже дня три стоит дурная погода, что он не может сносить холода, и думает, что он в России замерз бы при первом утреннике, потом божился и уверял нас, что это есть редкая нечаянность, случившаяся с палермским климатом; наконец, переменив и понизив свой голос, который был довольно громок, продолжал медленно: «Я уверен, что почтеннейшие господа русские удостоят разделить с нами скудную нашу трапезу». Поблагодарив за приглашение и дабы не дать ему времени начать новый разговор, один из нас просил позволения осмотреть церковь и другие достопамятности монастыря. «Все, что вам угодно: располагайте мной, приказывайте; я сам бы за особенное удовольствие почел сопровождать вас, но старость моя и больные ноги тому препятствуют. Конечно, вы пожелаете, — продолжал настоятель, — прежде всего видеть нашу библиотеку: она имеет 40 000 томов и много древних рукописей. Музеумом, надеюсь, будете довольны, там приготовлена для вас

нечаянность...» Тут вступил он в ученые рассуждения, разгорячился, говорил весьма красноречиво, замысловато и открыл в себе ум, обогащенный великим познаниями.

Сперва привели нас в библиотеку, помещенную в большой зале. Библиотекарь с важным видом поднес нам каталог и потом, по требованию нашему, подавал классические книги во всех родах наук, а в заключение положил пред нами несколько рукописей греческих, латинских, еврейских и готских; мы перебирали листы в первых с видом учености, а на последние только взглянули; никто из нас, да и самые монахи, как я думаю, не разумели, что в них написано. Самая любопытная из рукописей была послание к римлянам апостола Павла, как уверяли нас, писанная им самим; наконец показывали нам какой-то славянский свиток, в котором, кроме некоторых букв, большей частью с пергамента стершихся, ни одного слова разобрать не могли. Мы думали, что рукопись сия есть болгарская, писанная в XII или XIII столетии.

Из библиотеки перешли мы в Музеум. Несколько зал исполнены всякого рода редкостями. Рассматривание каждой из них порознь заняло бы охотника до древностей несколько дней. Но мы на них только взглянули и обошли все залы кругом. Первая составляет арсенал, наполненный ружьями, пистолетами, разных родов кольчугами, шлемами, печами, секирами, бердышами и булавами. Вторая занята собранием редких древних произведений, как то чаш, слезохранительниц, обломков древнейших статуй, вывезенных из Греции, и между прочими туловище Юпитера, также некоторые египетские истуканы и греческих храмов карнизы, барельефы и рельефы. Тут же хранится редкое собрание медалей сиракузских, карфагенских, окаменелостей и множество этрурских (может, этрусских?) сосудов. В сей зале по обе стороны дверей поставлены две восковые статуи во весь рост императриц Екатерины II и Марии Терезии. В лице великой нашей

царицы-матери, к сожалению, нет никакого сходства, одежда же ее состоит из фуро на фижмах, корсет сделан из раковин наподобие чешуи, выдумка неудачная, и монахи обещали нам переменить головной убор и сделать статую повыше ростом. Статуя Марии Терезии еще хуже отработана, взглянув на нее нечаянно, можно испугаться. Третья зала наполнена произведениями моря и земли, в числе последних показывали нам на небольшом куске белого мрамора удивительную игру природы, которая изобразила на нем дерево столь сходно, что один английский путешественник, желая увериться, не нарисовано ли оно, купил кусочек, разбил оный и подарил обратно. В числе минералов находятся и сибирские. В четвертой, самой большой комнате видел и страусов, пеликанов, тигров, крокодилов, гиен, львов, Венер, девочек, стариков и детей в чучелах, статуях, наконец, уродов в спирте и видел их столько, что утомился смотрением, и в заключение признаться должно, что я почти ничего не видал; наконец монах, нас провожавший, с улыбкой выносит, кладет на стол богатый сафьянный футляр, вынимает из него черной глины сосуд и с важностью говорит: «Вот кубок, из которого Сократ принял яд! (Si, signori)! Да, милостивые государи! Сократ принял яд!» При сем приподнялся он несколько и близко к нашим глазам держал обеими руками сосуд. Товарищи его и мы улыбнулись. Хранитель редкостей, не переменяя лица, показал одному из нас греческую надпись на сосуде: Socratus и спросил: «Неужели и теперь вы сомневаетесь!» Чтоб не подать повода сему страстному любителю древностей еще сильнейшими убеждать нас доказательствами, мы согласились и вошли в последнюю комнату, занятую анатомическим театром, достойным особого внимания. Восковые части тела отделаны, каждая порознь, с таким искусством и точностью, что представляют в совершенстве бренный и мудрый состав внутренностей человека.

Из Музеума темными переходами привели нас в церковь. Какая мрачность, обширность и великолепие! Вот первые слова, которые скажешь при вступлении. Едва вышли мы на средину храма, сотряслись своды его, громкий марш остановил, привел меня в изумление. Роскошный блеск металлов, драгоценных мраморов и мусикийское согласие, перешедшее в тихий гимн, напоминали присутствие Того, Кого мы не постигаем, но ощущаем в самих себе и в каждом предмете. Органы, конечно, были делом великого мастера, они подражают 40 инструментам. Помощью механизма, надувающего мехи, действуют также литавры и гармоника двух родов: первая из металлических колокольчиков, вторая из хрусталя. На органах играют только два человека. Действие отголосков столь сильно, что, когда перестали играть, поющие звуки еще долго были слышимы. На главном приделе Св. Мартына замечательна прорезная серебряная доска, наложенная на малиновом бархате и служащая украшением престола; работа поистине искусная и прекрасная. Пред сим же алтарем стоят два больших золотых подсвечника, они только потому хороши, что стоят 15 000 унций (по нынешнему курсу около 200 000 рублей). Из множества картин и статуй, которым можно удивляться, три остались в моей памяти. 1) *Жертвоприношение Авраама*. Сия картина удивительна по действию, ею производимому. Патриарх подъемлет жертвенный нож для заклания сына; в лице его, обращенном к небу, видишь веру и надежду на Бога, и, хотя замечаешь ангела, спешного парящего, дабы удержать его руку, но при всем том цепенеешь от ужаса, боишься, что Авраам скоро кончит свою молитву, ибо ангел еще далеко, а патриарх, кажется, обращает голову к сыну. 2) *Иаков*, сидящий на одре, приемлет окровавленную одежду Иосифа. Горесть отца, сединами убеленного, растерзанная его одежда, одна рука, приложенная к слезящим глазам, выпадающая из другой руки иосифова одежда, притворная печаль одних, искренняя скорбь других, взаим-

ные укоризны, изображенные на лицах сынов, его окружающих, не имеют ничего себе подобного. Искусная кисть оживотворила тут различные чувства. Переходя взором с одного лица на другое, нельзя не плакать с одним, нельзя не гнушаться преступлением другого, а раскаяние третьего извлекает невольный вздох. Не можно даже сказать, что лучше изображено: горесть ли отца или терзание совести одного из сынов его? Самый жестокосердый, несострадательный сказал бы последнему: прощаю тебя. 3*) Статуя св. Севастиана,* подражание резцу Пуджетову. Выражение веры и кротости в очах, борение жизни со смертью тут удивительно; гонители пронзили прекрасное тело святого насквозь стрелой и хладный мрамор точно страдает. Моление святого за своих мучителей изображено во взоре его неподражаемо; нельзя без умиления видеть, с какой ангельской кротостью, смирением ожидает он последнего вздоха, той минуты, когда душа перейдет из временной в вечную жизнь. В церкви много превосходных образов и статуй, но после сих трех я сомкнул глаза, дабы не выронить из сердца первого приятного впечатления. Я не упомянул о наружности церкви. Вот три слова: мрамор, тяжесть и нестройность.

Провожавший нас монах спросил, не желаем ли видеть их кладбища. Товарищи согласились и пошли в подземелье; я, боясь сырости, туда не пошел и с другим монахом посетил трех воспитанников. Каждый из них был заперт в особой келье, от коей ключ у дежурного. «Неужели воспитанники ваши навсегда осуждены на столь строгое уединение?» — спросил я у приора. «О! нет; всему определено время, они каждый день, когда хорошая погода, могут гулять в саду и должны там, что кому угодно обработать своими руками; в дурное время есть зала для гимнастических упражнений, и там под надзором учителя позволены всякие забавы, приличные их возрасту; только на те часы, когда должны приготовлять свои уроки, они порознь запираются». Монастырь на

своем содержании обучает, кормит и одевает 21 воспитанника, кои принимаются девяти лет, а выпускаются 21 года. По истечении сего срока каждый из них волен избрать род жизни. По приглашению сходил я в кельи монахов; некоторые занимают шесть комнат, богато, но без вкуса убранных. Надобно знать, что все монахи из лучших дворянских фамилий, очень обходительны, хорошо воспитаны и большая из них часть люди ученые, посвятившие себя наукам.

В четыре часа сели мы не за скудную монашескую трапезу, а за обед самый роскошный, где Cassada, Mille foglie, piato di Priccia o di Premura, приправленный в сахаре цитрон и всякого рода сласти с ванилью и шоколадом, вина и плоды подавались одним за другими. Настоятель показывал остроту ума своего, шутил над Вольтером, превозносил нашего Ломоносова и Державина, шутил насчет женщин и бранил, наконец, Бонапарта; когда встали из-за стола, он приказал воспитанникам петь нежные арии Метастазия и уснул на диване. Мы потихоньку вышли в сад.

Растения в Ботаническом саду рассажены по Линнеевой системе. Монах, трудившийся над оным, с важностью, как бы с кафедры, толковал нам свойство каждого цветка и листка. Вычищенный лес лучше мне понравился, нежели правильный сад, еще не оконченный. Под кровом цитронных дерев, на зеленой площадке, в средоточии всех дорожек, излучинами как бы случайно пробитых, я остановился и с полным от удовольствия сердцем, сказал провожавшему меня монаху: «Вот поистине прекрасный сад и самый Армидин, конечно, не был лучше сего». «Не знаю, существовал ли оный когда, — отвечал мне монах, — но тот, который мы видите, есть плод столетних трудов». Мы вошли в беседку, построенную на холме, откуда открываются вокруг монастыря прекрасные виды.

С одной стороны показывалась часть песчаной долины, по коей извивалась речка со многими мельницами, с другой —

зеленые горы, поросшие лесом, а в промежутках их вдали блистали серебристые волны обширного моря. Беседуя с монахом, между прочим узнал от него о происхождении их братства. В IV веке, в память милосердия св. Мартына, которое объясняет статуя, поставленная в парадных сенях, основалось их братство. Неизвестно, в какое точно время построен на сем месте бедный монастырь; при владычестве испанцев оный получил богатые поместья, состоящие наиболее в мраморных ломках. Монахов считается ныне 80, из коих 30 живут в Неаполе; они бенедиктинского ордена. Настоятель имеет при дворе немаловажную доверенность.

Монахи приглашали нас остаться ночевать, но нам должно было возвратиться на фрегат; и так, изъявив нашу благодарность за вежливость и гостеприимство, мы сели в коляски, когда уже начинало смеркаться. Вечер был тихий и приятный, мы шли несколько пешком, в аллее; повара и слуги монастырские, как бы не нарочно, вышли пожелать нам счастливого пути и похвалить русскую щедрость. Я с удовольствием дал одному талер, другой с умильным видом просил не забыть и его, я дал сему несколько гарлин, но третий и четвертый также подставили руки, это мне не показалось, и я, не сказав им ни слова, сел в коляску. Кучера наши погнали под гору лошадей так скоро, что можно было догадаться, что и они также участвовали в монастырской трапезе, мы им в том не препятствовали и, хотя на частых поворотах могли сломить себе шею, однако ж скоро и благополучно проехали горд и прибыли к пристани.

Монт-Реале

Знакомство наше с гвардейскими офицерами, весьма благовоспитанными молодыми людьми, доставило нам многие удовольствия, каковых без их руководства мы не могли бы иметь. Внимание министра нашего Д. П. Татищева удоволь-

ствия наши соделало более разнообразными. Его Превосходительство рекомендовал нас многим вельможам, а в новый год в Королевском собрании представил королю и королеве. Их Величествам угодно было приказать открыть нам вход во все общественные заведения. Всякий почти день получали мы пригласительные билеты, то от театральной дирекции, то от благородного собрания, то от какого-либо клуба, то от монастыря на духовную ораторию, словом, мы не видали, как время протекало.

В один день, по приглашению гвардейских офицеров, мы поехали в Монт-Реале обедать. Древний город сей построен на горе в семи верстах от столицы; дорога к нему, высеченная на боку горы, ведет на вершину оной неприметно: с одной стороны сделаны каменные перила, с другой — в некоторых расстояниях красивые, мрамором убранные водометы и между ними насажены душистые кустарники. Близ города из отвесной голой скалы выходит быстрый ручей, текущий вниз по сторону дороги и с стремлением, переходя чрез упавшие с горы каменья, низвергается в обширный водоем, заросший водяными лилиями. На вершине скалы, из коей выходит ручей, поставлена статуя молодого человека, топором поражающего ползущую в воду змею; другой молодой человек с камнем в руках идет к нему на помощь; третья статуя изображает крестьянку, в страхе притаившуюся за пнем согнившего дерева. Сию прекрасную дорогу построил своим иждивением славный монт-реальский архиепископ Франциск-Мария Теста, который великое богатство свое употреблял на общеполезные и богоугодные заведения. Город, стоящий под навесом скалы, очень невелик и беден, но вид от него на Палермо бесподобен; название Царской горы[20] дано ему по справедливости. В городе трактира не было, почему

[20] Monte-Reale на итальянском языке значит Царская гора.

принуждены были занять замаранную хижину и послать своего повара на рынок, но там ничего не достали, и мы должны были бы остаться без обеда, если б градоначальник, посетивший нас, не вызвался прислать все нужное; мы пригласили его с собой обедать; пока оный готовили, пошли осматривать древнюю и славную некогда соборную церковь, которая и доныне почитается епархиальной одного из богатейших архиепископств сицилийских.

Готический храм сей, подпертый со всех сторон кирпичными подпорами, стоит на видном месте, на самом краю скалы, подмытой водой, так что, кажется, скоро должен упасть в пропасть. Частью раскрытая крыша, башенки на оной, разнообразные, узкие, с фигурными железными решетками окна, в коих стекла большей частью разбиты, мох и малые растения, проникшие и утвердившиеся в расщелинах на стенах, придают храму вид глубокой и почтенной древности. Два сильных человека едва могли отворить литые медные врата, лики святых изображены на оных выпукло. Какая жалость! Внутренность церкви представляет разрушение. Может быть, мы были последние, видевшие остатки готического великолепия древних греческих церквей, ибо сия есть одна из богатейших, построенных греками, кои и доселе имеют свои церкви и своего епископа в Палермо. Они суть униаты, признающие над собой власть папы. Храм имеет вид базилики. Древняя мозаика на стенах достойна особенного примечания. Оная состоит из самоцветных и составных камней, лики святых представлены во весь рост и очень высоки. Фигуры все греческие, в них нет соразмерности и вкуса, только тени положены с отменным тщанием. Главное достоинство сей мозаики состоит в позолоте. Все пространство, где должен быть воздух, небо и земля, составляет золотое поле, не имеющее и теперь ни одного пятна. Позолота положена на кремне; меня уверяли, что искусство сие ныне потеряно и

потому мозаика сия есть редкость, которую все путешественники нарочно приезжают видеть и выковыривать из стены по нескольку кусочков оного. Медный помост церкви: витые прямые толстые и тонкие гранитные, мраморные и медные колонны, одна на другую не похожие, украшающие иконостас резные рамы, из коих образа большей частью вынуты и оставлены только такие, с которых краски уже сошли, составляют нечто необыкновенное, нравящееся взору, может быть, потому, что, взирая на сие отсутствие вкуса, невольно переносишься на 800 лет, когда сооружено было сие здание. Архиепископство Монтреальское основано в 1174 году.

Сверх ожидания мы имели стол самый вкусный, после обеда пили кофе у градоначальника. В его доме собралось несколько провинциальных дам, которые были к нам очень ласковы, и немудрено — в числе наших товарищей были герцоги, князи и бароны; тут были соображения и надежды; одни не смели поднять глаз; другие ловили ласковый или что-либо значащий взгляд; с одной стороны, приглядывались, задумывались и старались казаться веселыми; с другой, робея, краснея, сами не зная от чего, переходили от клавесина на диван, проходя зеркало, будто нечаянно, поправляли шаль, и, кажется, одни сожалели, что имели оные, другие — что не имели. Добродушные старушки-матери, поправляя локон или поясную ленту у милых дочерей, как бы не нарочно, беседовали со своей соседкой о сватовстве, и почему-то, о чем бы разговор ни начинался, оканчивался всегда обручением, женитьбой и так далее...

Бельведер

В один прекраснейший день с тремя товарищами отправились мы верхами в Бельведер, отстоящий от Палермо в 15 верстах. В ущельях гор, в узком промежутке, окруженном отвесно стоящими голыми скалами, в прелестном уединении

лежит небольшая деревенька, в коей на краю горы построен летний домик, называемый Королевский Бельведер, обращенный лицом к городу. К сожалению, смотритель сего дворца был отлучке, и мы насилу могли сыскать в крестьянском домике одну свободную комнату, где могли бы поместиться. Servitor di Piazza (слуга), которого мы взяли для перевода сицилийского языка, достал дичи, хорошего вина, плодов и сам изготовил нам порядочный обед.

Хотя день был жарок, однако ж я тотчас после обеда взошел на вершину скалы, под навесом коей стоят несколько хижин, дерев и простой архитектуры Бельведер. Вид подлинно прелестный! Один взгляд, и взор умиляется. Невозможно избрать лучшего положения для столицы. Взор останавливается на громаде великолепных зданий, окруженных четвероугольной зубчатой стеной, там переходит оный к саду Флоры, на набережную (Marineo), к гавани и, наконец, с предмета на предмет блуждает по долине. Тут замок, там на видном месте дом с прекрасной колоннадой, здесь готический монастырь, инде хижины скрываются в тени садов, в коих олива, пальма, цитрон и писташные деревья, неизвестные у нас, составляют сплошную и яркую зелень. Водометы в виде столпов, пирамид и развалившихся башен издали кажутся обелисками, придающими отличный вид всем вообще предметам. Вдали показываются на необозримом пространстве моря рассеянные Липарские острова. Небольшой ветер, чуть пестривший море, нес окрыленные корабли по разным направлениям; одни спешили к пристани, другие удалялись от нее. Я не смел отвести глаз с той черты, где море, касаясь гор и долин, низких и высоких мест, искривленной чертой рисовало многоразличные мысы, излучины и заливы. Наслаждаясь созерцанием толикого множества прелестных видов, соединенной силой природы, искусства и вкуса произведенных, великолепное богатство сие казалось мне волшеб-

ством. Восхищенные чувства мои были беспокойны, жадный взор искал новых предметов, и один из них представился прямо под ногами моими. Подле дороги, высеченной в горе и ведущей к Бельведеру, быстрый ручей, вырываясь из скалы и падая с шумом, разбивается о каменья, препятствующие его течению. Внизу, в глубине ужасной, видна была мельница в положении опасном; ручей, прегражденный порогом, прямо с оного стремился на колеса и, раздробляясь в брызги и пену, кропил крышку мельницы и грозил залить ее. Такое приятное положение Палермо подало мысль сицилийским поэтам назвать ее золотой раковиной (conca d'oro), золотой долиной (Aurea Valle), садом Сицилии и, наконец, Felice, счастливой. При захождении солнца оставили мы Бельведер и при свете луны возвратились в город.

Пещера святой Розалии

Пещера, где найдены мощи св. Розалии, достойна благоговения христианина и внимания всякого путешественника. Святая, как полагают одни, были племянница короля Вильгельма Доброго; по мнению же других, дочь графа Синнибальди. В цветущих летах юности, быв еще 15 лет, отказалась она от утех света и в 1159 году избрала жилищем гору Квескино, а потом перешла на гору Пелегрино, где, питаясь одними только кореньями, всю жизнь провела в уединении, молитве и посте. По прошествии 500 лет совершенного о ней забвения, когда в Палермо в 1624 году свирепствовала чума, один праведный муж видел во сне, что если кости святой, лежащие в ущелине на горе Пелегрино, будут трижды обнесены вокруг города, то язва прекратится. Откровение сие сначала не было уважено, но когда праведник успел уверить в оном духовенство и народ, то правительство принуждено было согласиться на его представление. Нетленное тело святой было найдено, с благоговением обнесено кругом горо-

да, и зараза в оном вскоре прекратилась. С сего времени св. Розалия признается покровительницей Палермо: во имя ее начали строить церкви и сооружать монументы. В воспоминание избавления города от моровой язвы установлено торжество 20 мая, называемая молитва 40 часов. Кому не известен великолепнейший праздник, отправляемый 12 июня в память святой и продолжающийся пять дней сряду. Мне не случалось быть в Палермо в сие время и потому скажу только о пещере, ныне обращенной в церковь.

Дорога в пещеру, отстоящую от города в 9 верстах, очень трудна; гора почти отвесна, экипажам не можно по оной подыматься, мы проходили дефилеями, где сделаны тропинки, довольно покойные для пешеходцев; с каждым шагом открывались на долину, окружающую Палермо, новые виды, с вершины горы показалось море, но как скоро сошли мы на другую сторону, то вдруг все исчезло. Мы как бы нечаянно перенеслись в пустыню дикую, бесплодную и необитаемую, кое-где видны были козы, перебирающиеся с утеса на утес. Восходя на гору, мы чрезмерно устали и сели отдохнуть на грудах камней, которые сицилийские писатели называют развалинами одной крепости, будто бы построенной после потопа, еще в царствование Сатурна, славной во времена Пунических войн, где Амилькар, карфагенский полководец, три года защищался против 40 000 римлян. Глухой звон колокола нарушил печальное вокруг нас безмолвие; мы встали, пошли под гору, встретились со множеством пилигримов с посохами в руках, большая из них часть шли босиком, и наконец, увидели церковь и несколько близ нее домиков для монахов.

Вошед в двери, ведущие в пещеру, нельзя не почувствовать благоговейного трепета. В храме нет ни мозаики, ни драгоценных украшений: нет того великолепия, какого ожидать должно от великих вкладов и приношений. Представьте себе огромный и темный зал, со свода коего висели листья какого-

то растения, стены состояли из голых высунувшихся каменьев. Темнота, освещенная двумя лампадами, горящими пред престолом, где совершали службу, тихое шептание молящихся и наконец унылый гимн органов внушали уважение к месту и вливали в душу сладостные чувства веры. По окончании обедни мы подошли к одному из пяти алтарей, обнесенному серебряной позолоченной решеткой; престол оного украшен четырьмя серебряными колоннами, которые, как и образа, увешаны золотыми и серебряными изображениями рук, ног, глаз и проч. Нам подали по восковой свече и показали белого мрамора изображение святой Розалии, положенное под престолом. Она представлена в таком положении, как бы покоилась в сладком сне, в одной руке держит она крест, другая прижата к груди, пастырский посох лежит подле нее. Она одета в золотое парчовое платье, унизанное бриллиантами; лицо открыто и прекрасно. Монах уверял нас, что все черты очень близки к настоящим мощам, кои перенесены в Палермо и хранятся в Соборной церкви. Ангел-хранитель, также мраморный, стоит у изголовья гробницы и, наклонившись, держит над святой миртовую ветвь. По сторону алтаря монах показал нам простого камня памятник, поставленный тому праведнику, который отыскал тело святой, а несколько далее и ту ущелину, где святая дева покоилась точно в том положении, в каком она представлена в гробнице. Наконец привели нас к сделанному в стене пещеры мраморному водохранилищу, в котором со свода капала вода чистая, холодная и в таком изобилии, что из церкви вниз по горе трубами проведена в долину и в город. В монастыре нет ничего особенно достойного примечания, кроме ласковости монахов, кои ведут здесь хотя заботную, но безнужную жизнь. Во всякое время они обязаны служить молебны приходящим поклонникам. Покаяние некоторых необыкновенно строго: мне встретился один, который на руках,

ногах и на шее имел тяжелые вериги. В рубище, босиком, с открытой головой, тащил он их за собой с чрезвычайным усилием.

Маска скрывала лицо его, почему многие спрашивали: кто бы такой это был? Монастырь получает от приношений набожных великие суммы: потому-то я видел тут монахов весьма тучных, а молящихся очень тощих.

Китайский домик

В северной части долины, в пяти или шести верстах от Палермо, находится загородный дом короля, называемый Китайский домик. Прекрасная мостовая, ведущая к нему, обсажена деревьями; с обеих сторон видны сады и палаты вельмож. Король большую часть лета проводит в сем замке; для входа в оный мы имели билеты. Лишь только подъехали мы к воротам, то привратник ударил в колокольчик и лишь отворил оные, толпа придворных слуг в зеленых кафтанах с галунами выбежали к нам навстречу, приняли лошадей и тотчас послали за смотрителем. Старик с тяжелой связкой ключей скоро показался и, спеша идти, издалека еще, для перевода одышки делал нам низкие поклоны. Подошед, он не спросил у нас билета. Уверял, что король очень любит русских, и что он за особенную честь себя поставляет принять и показать нам все, что будет угодно. Мы уговорили его не беспокоиться; добрый старик раздал ключи служителям, поручил нас одному чиновнику и просил посетить его после прогулки.

На четвероугольном мраморном фундаменте поставлен восьмиугольный домик, весь в стеклах, покрытый изогнутой крышей, украшенной, вместо флюгера, вращающимся драконом. Крышка спускается далее стен фестонами с повешенными на них колокольчиками и поддерживается лакированными колоннами, что составляет внутри дома галерею. В

архитектуре нет ничего правильного, но самое сие разнообразие, будучи поставлено между легкой и приятной архитектуры европейских зданий, представляет Китайский домик как неким чудом, волшебством. Внутреннее расположение комнат совершенно ново. Чтобы перейти из одной в другую, должно сходить и подыматься по кривым лестницам. Мебель, фарфоровые куклы, драгоценные обои, обезображенные вышитыми на оных уродами, в коих нет никакого подобия человека, птицы или зверя, нет ни оттенка, ни перспективы, но цвет красок, вид домов, китайских храмов, мостов, беседок и прочего делают при первом взгляде сию пестроту приятной; смотря на все сии чучела, думаешь, что находишься в самом Китае.

Сад, находящийся подле дворца, подлинно царский. Обрабатывая его, не упустили ничего для украшения. Оный начинается партером, изукрашенным фигурным цветником, мраморными бассейнами и фонтанами. Далее разнообразные холмы покрыты плодоносными деревьями, кустарниками и цветами. Лаванда повсюду разливает ароматы, тут роща, там проспект, кронные деревья, на площадках и возвышениях стоят беседки, тут гладкая дорожка, тут на пруде фигурная лодка, там великолепный фонтан, а тут под скалой журчит ручей.

Королевское собрание

Так называется общество, содержимое по подписке знатнейшего дворянства, где король есть первый член. В доме сего собрания даются в неделю один или два бала, а для собеседования съезжаются каждый вечер. В первый день 1808 года Дмитрий Павлович Татищев представил капитана с четырьмя офицерами королю и королеве. Когда министр подвел нас к королю, то Его Величество, оставя карты, встал и, сказав: «Я люблю русских; надеюсь, что здесь не будет вам скучно»,

вошел в другую залу и, издали сделав знак рукой королеве, сказал ей: «Рекомендую вам господ русских офицеров». Ее Величество после министра весьма ласково разговаривала с капитаном, а потом и с офицерами. Следуя примеру столь благосклонного приема, вельможи в лентах и звездах, дамы в шелковых робах, одни за другими говорили нам пышные приветствия. Обошед придворный круг, выслушав все роды вежливостей, дежурный директор общества граф Сан-Жуани представлял нас некоторым господам, дал нам билеты для входа во всякое время в собрании и, наконец, когда начались кондратанцы, подвел нас к дамам и поставил с ними в первые пары.

В час по полуночи бал кончился. Королевская фамилия уехала, придворный штат начал разъезжаться. Мы приглашены были директором остаться ужинать. Скоро отворились двери, музыка заиграла марш, и все пошли в столовую. Оная была великолепно освещена, блеск от хрусталей, бронз и серебра ослеплял глаза. В окнах поставлены были прозрачные картины. На одной представлялось ночное морское сражение; на другой горело село; на третьей занималась заря и восходило солнце; а самая лучшая представляла вид Байи (что близ Неаполя) с развалинами, при лунной ночи. Дамы и кавалеры сели за общий стол, нас посадили за особый, и некто в шелковом шитом кафтане, в кошельке, распудрен, в башмаках со стразовыми огромными на них пряжками, подошел и с видом знатного господина спросил: «Чем могу служить господам русским?» Слуга подал длинный реестр, и мы догадались, что шелковый кафтан был хозяин трактира, он просил нас выбрать блюда; из оных более 20 были означены такими именами, каких я сроду не слыхивал. Мы приказали подать блюда самых пышных названий и вместо Bef alla mode, ели говядину, вместо Bombe di Sardanapalo сладкий фарш; тут даже хлеб имеет свое прилагательное и alla! В за-

ключение сам хозяин потчевал нас пирожными, подлинно прекрасными, за то и заплатили мы ему недурно. Слуга, получивший червонец, восхищенный такой щедростью, проводил нас до экипажей и на лестнице по секрету объявил, что хозяин его взял с нас втрое дороже.

В обыкновенные дни, когда балов не бывает, съезжаются для собеседования. По значению сего слова я ожидал, что в таковом собрании заниматься будут одними разговорами, но, вошед в первую залу, я не узнал оной: в ней все переменилось. Большие столы занимали обе стороны залы, кучи золота небрежно лежали на столах, мешки под столами: на одних наклеены были большие карты для игры в банк фаро, тут вертелась рулина, там считалось 31 и 36, тут выигрывал красный цвет, там черный, тут чет, там нечет, а счастливец, выигравший, например, 9-й номер и вместе на красном цвете, девятке и нечете, получал за несколько поставленных червонцев мешки с тысячами оных, так что 10 рублей выигрывают 7000 рублей. С одной стороны громко повторялось giogo fatto (игра готова), с другой провозглашали nero (черный), там чет, тут № 25-й, и червонцы, туда и сюда передвигаемые лопаточками, звучали по столам. Дамы и кавалеры шумными толпами суетились вокруг оных, ставили на карту горсть и более червонцев, другую на красный цвет, третью на номер и, не заботясь об игре, спокойно прохаживались по другим комнатам, посылали кавалеров осведомляться, выиграла ли их карта или проиграла, не оказывая ни в том, ни в другом случае ни радости, ни печали.

Прошед несколько комнат, я остановился в одной, где было не так шумно, сел на диван возле дверей и камина, так что все должны были проходить мимо меня. Комната уставлена была диванами и ломберными столами: на одних мелом с одного почерка чертили вензели; на других картами показывали проворство в руках, на иных писали двусмысленные ка-

ламбуры; подле меня вполголоса говорили о любви; другая пара, проходя мимо, шептала, кажется, о том же; там, в углу у окна, за занавесом, смеялись; тут декламировали стихи и восклицали: «Прекрасно!» «Бесподобно!» Одна дама, конечно, с намерением, уронила подле меня перчатку; я ее поднял, и она, поблагодарив меня, села на мой диван со своей подругой; они пригласили меня сесть и дали место между собой. Разговор начался, и сколько я ни робел, ни воздерживался в словах, но был увлечен вежливостью и снисхождением. Как диван был очень тесен для троих, то перешли мы на другой; там, не помню, почему, пересели на третий, и я увидел себя посреди общества герцогинь, княгинь и графинь; тут и мне досталось с горстями червонцев бегать к картежным столам, и на мою долю досталось несколько ласковых слов. Первые дамы занялись другими, другие заняли меня, и разговор, может быть, к удивлению многих, должен я сказать, не ограничивался приятными безделицами, суждениями о модах, городскими новостями и тому подобным, напротив, тут и очень молодые миловидные дамы разбирали сочинения, как литераторы, шутили приятно, замысловато и остро; никто не задумывался в ответе, обращение было просто и как бы между коротко знакомыми, все вообще и всеми способами искали путь к сердцу. Если дамы показывали желание нравиться, кавалеры быть им угодными, то весьма ясно было, что первые предпочитали один только ум и ловкость, а последние обращали внимание только на молодость и красоту. Всего для меня удивительнее было то, что тут говорили весьма смело: «Вы очень любезны!» «Ах, как он мил!» и «Vi Voglio Bene», которое, если перевесть слово в слово, значит: «Я вам желаю добра», но разумеется под сим «я вас люблю».

В двенадцать часов колокольчик зазвенел, червонцы пошли по карманам, игра кончилась. В сие время банк не платит за карты, которые только что были поставлены или шли

на два и три угла. После собрания обыкновенно ездят на Мариино и в сад Флоры для прогулки или по улице Кассеро, почему прогулка сия и называется кассариата.

Дворец

Толстые стены, кое-где треснувшие и почерневшие от времени, малые окна, два четвероугольные по краям отделения в виде башен, выше прочего строения тремя этажами, и между оными терраса, украшенная вазами цветов и малых плодоносных дерев, служащая крышей дворцу, придает ему отличный вид от всех зданий палермских. Вицерои Сицилийские, жившие во дворце, поправляя древнее здание, в разные времена пристраивали к нему новые, от чего и составилась безобразная смесь разного рода строений, в коих при остатках арабского зодчества видны башни норманнской архитектуры. Двор устлан белым мрамором, из четырех водометов неумолкаемо журчит вода. Чрез парадную лестницу темными переходами и открытыми галереями привели нас в дворцовую церковь. Купол и стены, как в Монт-Реале, украшены богатой греческой мозаикой. Выбор, красота и ценность камней заслуживают особенное внимание. Живописец ничего не найдет в ней отличного, ибо работа сия принадлежит времени готического варварства, когда художества были в упадке, но столько веков не сделали над ней никакого впечатления. Из всех художеств одна мозаика не боится ни стужи, ни зноя; она одна может противиться векам и стихиям. Церковь слабо освещена, но сия темнота при богатстве украшений, в коих серебро и золото потускло от времени, понравится набожному. Кто не любит тяжелой для взора древности, тот должен посетить церковь сию для Корреджио; его образ, представляющий Богородицу, младенца Иисуса и св. Екатерину, один стоит всей мозаики и полновесных паникадил; Спаситель лежит на подушке, окружен не сиянием, но

светом, доказывающим его божество. Богородица стоит пред ним на коленях, сложив руки; во взоре ее видно и материнская нежность, и благоговейное умиление; в сем взоре ясно изображены и ласки, и молитва Божией Матери. Взирая на ее положение, нельзя усомниться как в любви ее к чаду своему, так и в том, что молитва ее относится к сыну Божию. Спаситель Младенец с улыбкой смотрит на мать свою; она также ему осклабляется, и сии две улыбки совсем не похожи на те, какие я видел во многих картинах; они божественные, неподражаемые. Св. Екатерина, наклонив голову, с живейшим восторгом взирает на младенца. Чувства ее переливаются в зрителя, которого душа, потрясенная присутствием святыни, не смеет заметить красоту св. Екатерины, удивляться умиленности девы, и устремляется единственно к лицу Иисуса. Образ мученика св. Плацида работы Мореалезия и подле Корреджио привлекает к себе внимание. Тени и цвет красок имеет отличную точность, живость и ясность.

Из церкви прошли мы несколько комнат, убранных штофами и резной мебелью, везде старина без вкуса. В одной комнате остановились мы посмотреть двух статуй, вновь высеченных из камня, работы, как нам сказывали, славного Архимеда, они велики и больше ничего. Стены увешаны портретами королей и вицероев, правительствовавших в Сицилии. В оных, кроме старинных одежд, шишаков, лат и манжет ничего нет хорошего. В другой, подле сей комнаты, картины задернуты были завесами; это обещало нам что-нибудь хорошее. Смотритель, читая в первой комнате имена множества вицероев по портретам, заметив наше невнимание и здесь переходя от одной картины к другой, открывая покров за покровом, холодно говорил: «Даная» Тицианова, Каратиева «Венера», Гидов «Амур», Албанова «Рахиль», «Человеколюбие» Шидоня, ученика Корреджио, вот сам Корреджий, и мы остановились, устремили глаза, и скажу

только: сколько я ни видал девушек и детей, прелестных и милых, не мог бы, однако ж, без искусства Корреджио представить себе, чтобы можно было девицу и дитя изобразить на холсте живыми. Как от доброго сердца смеется это дитя! Ни одна мать, конечно, не пройдет его мимо, и ни одна женщина не оставит, чтоб не приласкать сего милого ребенка. Девица улыбается ему, и одна сия улыбка заставит задуматься и самого хладнокровного квакера. Корреджио писал с природы, писал из сердца, был человек чувствительный, конечно, любил, и сии нежные чувствования неподражаемо перенес на свои картины, пред которыми гордость древних и новейших живописцев должна смириться.

Товарищи мои пошли смотреть собрание медалей и монет, а я остался в галерее и продолжал рассматривать картины, замечал в них с большим вниманием, что первое, так сказать, бросалось в глаза, и чтобы не упустить и малейшего впечатления, наскоро записал свои мысли. Оные, конечно, будут неудовлетворительны для художников, ибо я описываю только то, что мне более нравилось. Несколько раз потом переписывал я мои мысли, старался привесть на память все впечатления, но был всем недоволен и, наконец, остановился на том, что означил в записной моей книжке. В Тициановой «Данае» лишь тело прекрасно, а души нет. Каратиева «Венера» полна, нежна, но нагота ее и распаленные страстью глаза показывают обыкновенную женщину, каких много в свете и на картинах. Не помню, где-то я видел один эстамп, очень близкий к сей Венере, с надписью Портофранко. Гидов «Амур» спит спокойно, розовые уста его сохраняют опасную, хитрую улыбку; если бы он проснулся, открыл глаза, красавицы со страхом убежали бы от него, но в сем положения ни одна из них не отвратит взора от наготы его. Албанова «Рахиль» есть совершенно земной красоты и искусства живописного. Юная Рахиль невинна и проста; прекрасные глаза ее

полузакрыты длинными черными ресницами; непорочность ее видна во всех чертах; словом сказать, на нее нельзя довольно насмотреться. Покрывало, накинутое на голову, так тонко, что сквозь оное видны волосы, которые, хотя бы прикоснуться к ним рукой, покажутся мягки и тонки, как шелк. «Человеколюбие» Шидония, с первого взгляда видно, что он был ученик Корреджио. Молодая женщина, изображенная, к удивлению зрителей, без всякой красоты, раздает детям кусочки хлеба, с милостью и душевной добротой, но разве прелестная женщина не может быть также добра? Или Шидоний думал, что красавицы весьма редко бывают не тщеславны? И потому изобразил женщину милосердую и кроткую. По чертам лица ее судить можно, что он писал сию картину в Англии. Добродушие, изображенное во взорах и положении, составляло единственную прелесть лица ее, блистало живо из ясных голубых и томных очей, изображалось в улыбке и во всех чертах. В детях ожидание и радость не совсем кончены, тут чего-то недостает, еще немного искусства и Шидоний был бы равен своему учителю.

Подле сих знаменитых памятников искусства живописного поставлены две маленькие картинки трудов одной благородной палермитанки. На первой изображены бабочки, на второй виноградная кисть. Дитя стал бы ловить сих бабочек; сам Пракситель, взглянув на виноград, сказал бы: он зрел, и его без вреда есть можно.

В собрании редких рукописей показывали нам одну древнюю, писанную на папире, другую на пергамине. Последняя содержит службу Богородице на латинском языке. Некто Кловио украсил ее миниатюрными виньетами: три века прошло, и сии розы еще не завяли, а сии персики только что сняты с дерева. Рукопись, сгоревшая в Геркулане, заслуживает особенное внимание. Нашли средство разделить попорченные огнем листы и с чрезвычайным трудом в про-

должение нескольких лет успели списать с нее несколько страниц. Слава терпению ученых, занимавшихся сей скучной работой.

В собрании сосудов, статуй, бюстов и разных инструментов римских, греческих и новейших, частью доставшихся королю по открытии Геркулана и Помпеи, каждая вещь показывает или удачную выдумку, или изящную работу, или драгоценное вещество. Вид сосудов, а особливо курильниц, слезохранительниц и подсвечников весьма приятен. Бронзовые бюсты и статуи все наилучшего вкуса и греческой работы. Из них фавн и два борца почитаются превосходнейшими. Фавн подлинно уснул. Нагие борцы, приготовляющиеся к борьбе, как ни малы в рассуждении обыкновенного роста, заставляют зрителей страшиться, что они вдаются в великую опасность. Во многих игрушках, с удивительной точностью представляющих различных животных, бронза и мрамор имеют жизнь. Между музыкальными инструментами лежит дудочка, на коей отаитяне играют носом, подле нее и одежда их, сотканная из нитей кокосовых орехов. В сей же зале показывали большие книги, в коих сняты списки и рисунки с недоделанных картин лучших живописцев древних и новейших. Мне более всего понравились картины греческого изображения: 1-я, нимфа, срывающая цветок; 2-я, спящая дриада, которую фавн нашел и обнимает; 3-я, старый Силен поднимает на руках ребенка, протягивающего ручонки к виноградной кисти, которую подает ему с веселым видом через голову старика молодая девушка. Не правда ли, что сими изображениями красоты, любви и трех возрастов человека греки умели объяснить свои мысли самым нежным образом? Вот три безделицы, которыми кончилось обозрение редкостей. Маленький фаэтон запряжен двумя пчелками, пестрая бабочка сидит на козлах вместо кучера и держит вожжи ножками. Другой, побольше, запряжен попугаем, а управля-

ем саранчой. Третий виньет представляет также фаэтон, в коем положен кувшин, обвитый розами, две стройные маленькие нимфы, смеясь, везут его с торопливостью. Вот как греки умели одушевлять любимые свои мечты.

Сошед в нижний этаж, в Оружейный, в трех залах я видел все убийственные оружия от Каиновой дубинки до итальянского кинжала, видел булавы ирокезцев, дротики жителей Новой Зеландии, видел, чем римляне, греки и скифы побеждали друг друга, и наконец, видел ту лестницу, по которой механические рукоделия восходили к совершенству, и злоба людей к утонченному искусству умерщвлять друг друга. Король, как страстный охотник и стрелок, собирает оружия знаменитых мастеров, и его ружейная поистине может назваться царской. Лучшие из них отличаются чистотой отделки, замысловатым механизмом и прочностью метала, худшие — золотыми насечками, перламутром, дорогими каменьями и богатыми футлярами. Охотники найдут тут много вещей, достойных их восторга. Я заметил только три: 1-е двуствольное ружье, вдруг, одно за другим, может сделать 24 выстрела. Помощью механизма 24 патрона вдруг в ружейный ствол кладутся; стоит только оборотить вниз дулом, и ружье заряжено. 2-е духовое ружье в трости, и 3-е, кинжал, который по вонзении в тело разделяется на три части, и в сие ж время производит выстрел из маленького пистолета, вделанного в рукоятку.

Больница бедных (Alberho di Poveri)

Здание по наружности своей просто, хотя и огромно; тут великолепие пожертвовано пользе. Позади строения сад с прекрасным фонтаном. Поднявшись по легкой для всхода лестнице, украшенной фонтанами и приличными статуями, вошли мы в средний этаж. Мужчины и женщины распределены по палатам; тут выздоравливающие, там тяжелоболь-

ные, а там неизлечимые и сумасшедшие. В огромной зале за общим столом более 300 выздоравливающих с жадностью поглощали куски хлеба, плавающие в жидком супе; они просили милостыню по привычке. Комнаты везде нечисты и если б не отворяли окон, то воздух мог бы быть вреден. Здесь лечат простыми средствами, покоем, пищей и лимонадом, которого употребление полезно в здешнем климате. Доктора славятся искусством, и больные, как меня уверяли, не умирают здесь преждевременной смертью. В приемной зале поставлен портрет Фердинанда IV во весь рост. Он очень похож, я взглянул на него с уважением. Фердинанд любим своими подданными и как добрый государь, заступник бедных и сирых, достоин преданности и благодарности народной.

В нижнем этаже по обе стороны длинного коридора, в низких комнатах со сводами, на одной половине доживают последние минуты жизни неизлечимые, на другой — сумасшедшие. Один из них в сенях под огромными аркадами прикован был к стене цепью, держащей его поперек стана. Руки и ноги обшиты были у него кожей, темя обрито, остатки волос стояли щетиной. При появлении нашем он бросился к нам, начал прыгать подобно лютой гиене, грыз цепь, руки и охриплым голосом произносил невнятные звуки, но, когда вошел его смотритель, он бросился в угол и зарылся в лежащей там соломе. Сей несчастный отвергает обыкновенную пищу и беспрестанно просит сырого мяса; бешенство его чрез каждые три месяца продолжается по две и по три недели, и уже другой год он находится в больнице. Войдя в коридор, нам отворили 1-й №. В нем лежал на постели кардинал, он со всей важностью благословил нас. Это нищий, сказал смотритель. Во 2-м № — сумасшедший от честолюбия; 20-летний студент сей называет себя генералом, беспрестанно чертит планы и располагает войска к сражению. Смотритель его обходится с ним ласково, докладывал о нашем приходе и,

принимая приказания, величал его Ваше Превосходительство! В 3-м № — промотавшийся барон, который помешался на том, что у него к 99 не доставало сотого жилета. Большая часть сумасшедших была от честолюбия, и более женщин, нежели мужчин. «Есть ли у вас сумасшедшие от любви?» — спросил я у лекаря. «Теперь нет ни одного; были, но они скоро у нас выздоравливают. Наши женщины человеколюбивы, — продолжал шутливо доктор, — они не любят сводить с ума и редко подают причины приходить в отчаяние. И так справедливо сказал Панглос, что «все в свете к лучшему, и в самом зле заключается добро». Наконец показали нам сумасшедшую девушку. «Конечно, от любви?» «Нет, — отвечал доктор холодно. — Она имела несчастье лишиться отца своего, казненного публично за доказанное преступление. Она взошла с ним на эшафот, сколько ни уговаривали ее сойти вниз, но она осталась при отце до последней минуты. Твердость, спокойствие духа ее обманули исполнителей приговора, но, когда голова отца покатилась по помосту, когда кровь брызнула в лицо дочери, тогда несчастная схватила голову, облобызала ее, завернула в шаль и тут же упала без чувств и лишилась ума. Чрез год она пришла в память, но лишь вышла из больницы, встретилась с солдатом, вспомнила о казни и снова лишилась ума. Теперь она выздоравливает, и когда совершенно оправится, королева приказала удалить ее в деревню, где она будет получать от Ее Величества достаточный пенсион».

Поле мертвых

Быв немного нездоров, в один красный день вышел я с квартиры моей, бывшей в предместье Саразен, подле Порта-Нуова, просто в сюртуке, с тем, чтобы поблизости несколько прогуляться. В городе благовестили к обедне, толпы богомольных с молитвенниками в руках шли со мной по пути.

Прошед с версту, вижу пред собой стену, растворенные ворота и кипарисную аллею, в конце коей монастырь; переменяю намерение и иду в церковь молиться. Набожное расположение мое награждено было неожиданным явлением; любопытство удовлетворено ужасным видом смерти. Аллея, по которой я шел, пересекалась накрест с другой; там кое-где печально стояли кипарисы; и надгробные памятники, большей частью весьма простые, занимали все пространство; мраморные плиты были исписаны стихами и надписями. Зеленая поляна отделяла монастырские строения от сада. Я просил шедшего подле меня, как монастырь называется? Он отвечал мне: «Вы находитесь на поле мертвых» (Campo di Morti). Такое название удивило меня, и сказанное незнакомым подтвердилось самым делом. Монастырский колокол несколькими унылыми ударами возвестил о прибытии покойного. Я остановился, обратился к воротам и увидел в оных несколько портшезов, пред коими несли на длинном древке черный деревянный крест; носильщики были в траурном платье, на портшезах нарисована Адамова голова. Вместе с портшезами вошел я в церковь, и представьте себе мое изумление. Посреди церкви, на катафалке, обитом черным сукном, наверху и на ступенях лежало более 20 тел без гробов: одни одеты были в приличных платьях, но без покровов, другие просто обернуты только холстиной. Я видел смерть во многих видах, не страшился ее по должности и чести, но, признаюсь, новое сие явление, какого я не ожидал, привело меня в трепет; слабость после болезни, печальные псалмы, музыка, раздирающая душу, горестные лица, вопли и слезы окружающих катафалк, заставили меня опасаться, что я не могу выдержать печального обряда погребения, но любопытство видеть оное побудило меня остаться. Обедня кончилась, родственники последним целованием простились с умершими, все вышли, церковь заперли. Мне ничего более не

оставалось делать, как просить проходящего мимо меня капуцина рассказать мне обряд их погребения.

Капуцин был ужасного вида, босиком, в толстой, рыжеватого сукна рясе и очень неопрятен. По такой наружности я не ожидал, чтобы он был вежлив, но вышло напротив, он был даже очень снисходителен. По первому моему вопросу капуцин с ласковым видом обещал удовлетворить мое любопытство; потом спросил, с кем имеет честь говорить, и, услышав, что я русский, поклонился и продолжал: «Очень рад, милостивый государь, что буду иметь случай чем-нибудь услужить русскому». Он тотчас приказал принесть себе ключи; между тем мы подошли к длинному строению, составляющему левый флигель монастыря, отперли дверь, отворили и, боже мой! Что я тут увидел. Тысячи человеческих остовов, стоявших и привязанных к стенам, сложенных на столах и валяющихся на полу. Я побледнел, содрогнулся, укорял себя за пустое любопытство, но уже поздно было раскаиваться, стыдно было отказаться, и я вошел за капуцином в длинную невысокую галерею, освещенную сверху, и то весьма слабо. На груди каждого скелета повешена была черная дощечка с надписью, кому принадлежали бренные сии остатки, год и число, когда родился и умер. Проходя далее, я видел несколько гробов или, лучше, серебряных и бронзовых ящиков, где лежали кости знатнейших вельмож. Гробницы сии были заперты, и ключ от оных обыкновенно хранится у ближайшего родственника. Жители Палермо часто посещают монастырь смерти; заживо выбирают себе места в галереях и плачут на гробах предков своих, умерших за 200 лет. В саду, только для виду, ставятся монументы. Я очень обрадовался, что мы скоро вышли из галереи, но капуцин повел меня к другому строению, обнесенному высокой стеной в углу ограды монастырской и в отдалении от жилых покоев. Служка отворил нам железную калитку. Посреди двора стояло низкое, не более двух аршин высоты здание, покрытое толстым

сводом. Небольшие вокруг оной окна заперты были железными ставнями. Вот общая могила все умершим в Палермо. Погреб наполнен известью, тела, привязанные к железным лопатам, на длинных древках утвержденным, спускаются в погреб, засыпаются известью и, когда тело будет истреблено, скелет ставят в галерею. Тела знатнейших господ, вынув наперед внутренность, засушивают в небольшой пещере, и труп сохраняет на себе кожу довольно долгое время.

В жарком климате такое погребение очень благоразумно; моровая язва, истребившая половину жителей Палермо, была поводом к оному; плачевный опыт научил брать сию необходимую осторожность. Уже более 200 лет постановлено законом умерших не отпевать в городских церквах, а тотчас без всяких церемоний из домов переносить в сей капуцинский монастырь, где, по совершении обряда погребения, тела из церкви переносятся сначала в погреб, где, из предосторожности, дабы не погребли лишившихся жизни от продолжительного обморока, оставляются оные на пять или на семь дней, смотря по обстоятельствам. Анатомить умерших прежде сего срока также запрещено.

Дворянское собрание

Пятимесячное пребывание в Палермо доставило нам многие знакомства. В саду не блуждали уже мы посреди пышного общества подобно отчужденным; на балу не сидели в дальнем углу без дела; в саду кланялись нам издали; на балу мужчины встречали нас ласково, дамы охотно с нами танцевали; наконец, в театре вместо того, чтобы заниматься представлением, уже должны были, следуя тамошнему обыкновению, ходить по ложам. В Дворянском собрании принимали нас, как своих родственников. Мы тем охотнее посещали сие общество, что в том друзья наши, гвардейские офицеры, и вся военная молодежь, обыкновенно назначали, как провесть завтрашний день и, приглася дам, собирались в

саду Флоре или в каком маскараде, духовном концерте, кофейном доме литераторов, любителей музыки и, наконец, в мещанском клубе. Читатель, не делай скоро заключения; если судить будешь по своим обычаям, то можешь ошибиться и быть несправедливым. Здешнее мещанское общество, состоящее из трудящихся купцов, простых ремесленников и цеховых мастеров, не то, что могло бы быть у нас. Здесь дочь портного, даже башмачника, танцует менуэт, кадриль, вертится в вальсе; говорит не областным, но благородным тосканским наречием. Здесь хотя нет, как в Королевском собрании, бриллиантов и многоцветных кружев, но все девицы одеты чисто, щеголевато и прилично; все цветут как майские розы; белы, румяны, нет почти ни одного дурного лица, нет той бледности, утомленного взора, которого стараешься избегнуть, и потому-то мы чаще были в мещанском и дворянском, нежели в Королевском собрании. Девицы в обхождении очень ласковы. Они, привыкнув к испанской гордости своего дворянства (которое, однако ж, охотно посещает их общество) и за малейшее внимание были признательны. Матери оставляли дочерям всю свободу, отнюдь ни в чем нас не подозревали; и случалось, что некоторые из них, заметив, что русский предпочитает ее дочь другим, охотно и часто с ней танцует, вставали с мест своих и искренне благодарили за честь, делаемую их дочерям.

В продолжение карнавальных праздников мы закружились в вихре большого света. За несколько дней приглашали нас на какую-либо прогулку, на концерт, на бал и маскарад. В сем последнем ясно виден характер и нрав шутливых итальянцев. О карнавальных увеселениях я буду говорить после; теперь скажу несколько слов о маскараде, называемом Veglione, продолжающемся во всю ночь. После театра зрители из партера вышли, скамейки были вынесены и в полчаса сцена сравнена с партером, что составило обширную залу. Пока делались сии приуготовления, в ложах ужинали, музы-

ка играла симфонию. Король с детьми был в своей ложе, при нем не было никакой стражи, любовь народная заменяла оную, присутствие его не мешало веселости, напротив, более одушевляло публику. Лишь зала была готова, ударили в литавры, музыка заиграла марш, и вдруг со всех сторон начали входить маскированные лица с ужимками, приличными своей одежде; зала скоро наполнилась, сделался шум, визг, все говорили не своими голосами, один ревел коровой, другой пел арию, тот мяукал кошкой, там в странном положении поэт декламировал стихи, все прыгали, кривлялись, кружились и ломались, и это так всех забавляло, что зрители смеялись от доброго сердца.

Маскированные рассыпались по ложам, входили даже в королевскую, забавляли Его Величество шутками, замысловатыми стихами, остроумием или только нарядом. Король в самом деле был очень снисходителен и милостив и, по-видимому, утешался сим.

Гримальди

«Скажите мне, кто так прекрасно играет на скрипке в театре Сан-Фернандо?» — спросил я однажды у профессора музыки Чичи лиано. «Это Гримальди, — отвечал профессор, — славнейший наш артист, камер-музыкант, гений, какого Италия едва ли когда имела, и притом чудак, милый, ленивый и беспечный. Неужели вы ничего о нем не слыхали? Его жизнь и странности обращают на него общее внимание; он очень известен, уважаем всеми и любим самим королем. Я вам расскажу об нем нечто, — продолжал Чичилиано. — Он имеет такой дар, что в театре, когда ему должно играть соло, вдруг по вдохновению восхищает всю публику и еще более удивляет музыкантов тем, что, когда ему вздумается, без приготовления и труда сочиняет важнейшую музыку; иногда пишет ноты на память, без помощи инструмента или, взяв оный, приказывает писать ноты другим, а как редко имеет он

терпение дожидаться, чтобы успели музыканты писать за ним, то он для всего держит при себе слепого ученика, который обладает таким редким слухом и привыкнул понимать своего учителя так, что перенимает у него длинную фантазию с одного раза. Гримальди делает все по первому движению, ни к чему себя не принуждает, даже играет у короля тогда, когда ему придет охота. Будучи не богат, он ни у кого не играет за деньги, подарков ни от кого не принимает; между тем живет на чужой счет, жалованье раздает нищим, словом, золотом не дорожит и о себе нимало не печется. Холостым он вел беспорядочную и самую беззаботную жизнь. Король, желая удержать его при дворе, приказал женить его. Сыскали невесту, ввели Гримальди в дом ее родителей и распустили слух, что он женится. Король поздравил его; удивленный чудак, поклонившись, спросил: "Разве Вашему Величеству угодно, чтоб я был рогоносцем? Лучше, нежели рассеянным и ленивым. Вы того желаете, я согласен". Король на другой же день приказал кончить свадьбу, щедро наградил Гримальди и прибавил ему жалованья. Что же сделал Гримальди, послушайте: он после обеда где-то встретился с своим приятелем, которого давно не видал, зашел с ним в кофейный дом и, увлеченный дружеской беседой, забыл, что невеста дожидает его в церкви. Когда он на рассвете воротился домой, то на упреки своих знакомых он холодно отвечал: "Друга своего я давно не видал, а жениться и ныне успею"».

«Как бы мне желалось послушать его вблизи», — сказал я. «Это трудно, — отвечал Чичилиано, — однако ж я постараюсь доставить вам к тому способ». По наставлению его, товарищ мой Н. пошел в кофейный дом, где часто бывал Гримальди, познакомился с ним весьма коротко, и Гримальди пришел с ним на квартиру, остался обедать, после театра в тот же день пришел ужинать и обещал без приглашения ходить к нам чаще. Он сдержал свое слово. Мы со своей стороны никогда не просили его что-либо сыграть, но в один

день Гримальди нашел у нас пятерых лучших в Палермо виртуозов. После обеда, растроганный одной пьесой сочинения Чичилиано, Гримальди послал за своей скрипкой и учеником, и наконец я слышал его игру. Не знаю, кому больше удивляться, ему ли или слепому его ученику, который, стоя подле одного музыканта, играл то же самое, что и сей, точно так, как бы пред ним лежали ноты. Гримальди, довольный похвалами своему слепцу, берет наконец свою скрипку, настраивает, делает пробу и начинает играть в полном расположении. Музыканты окружают его, один преклоняет ухо к его инструменту, другой берет бумагу, чтобы писать ноты, только Чичилиано осмеливается тихо аккомпанировать ему на мандолине; слепец играл только тогда, когда ему приказывали. Начинается адажио; инструмент издает живой голос, все звуки сливались, минор коснулся сердца; музыканты, устремив глаза на своего Орфея, не смели дохнуть, и если б печальный минор еще продолжился, то, конечно, заставил бы нас плакать, но рондо, веселое, плавное, взятое с народной песни, «Эспаньола» называемой, покатилось по струнам, оживило, обрадовало нас. Музыканты взяли инструменты, играли все вместе и каждый один за другим продолжал соло по своей фантазии и играл превосходно. После того Гримальди ударом смычка вдруг переменяет тон, начинает один новое аллегро, музыка утихает постепенно, он уходит в нише, и мы вдали слышим гобои, там арфу, скрип ворот, лай собаки и подражание голосам некоторых птиц, словом, шутя забавлял он нас более двух часов чудесами искусства музыкального, и все из головы или, лучше, из его души изливалось.

Рыбная ловля

В продолжение лета ловля рыба *тона* составляет лучшее удовольствие дворянства. Рыба сия идет из океана большими стаями, обыкновенно трется около берегов, и потому лов бывает очень прибыточен. Ее солят и потом отправляют за гра-

ницу; она составляет важную отрасль торговли палермской. Рыба тон имеет три аршина длины, несоразмерно толста, мясо ее сочно, красно и похоже на лососину. Способ ловли довольно замысловат и неизвестен в других частях Европы. Я нарочно ездил в Монделло видеть дом, так называемый tonnaro, составленный из толстых сетей, занимающий пространство от двух до трех и более верст, разделенный на несколько комнат, из коих каждая зовется по порядку, например, первая — приемная зала, вторая — столовая, третья — спальня и так далее, последняя всегда именуется комната смерти. Сеть сия, помощью грузил, опускается до дна и утверждается якорями. Когда рыба войдет в первую залу, то малое отверстие закрывается особенной сетью, караульный подает знак, несколько десятков лодок приближаются, составляют вокруг тонаро четвероугольник, и когда рыба, не имея выхода назад, обходя вдоль стен, находит другое отверстие и чрез оное переходит в следующую комнату, то, дабы все стаю скорее загнать в последнюю комнату смерти, старший рыболов дает знак, и промышленники все вдруг подымают радостный крик и, начиная от первой комнаты, бьют по воде веслами, когда вся рыба стеснится в последней комнате, тянут оную к берегу, осторожно и помалу, ибо рыба очень сильна; тут дается последний знак, рыбаки и зрители нападают, бьют рыбу острогами, другие бросаются в воду и плавают вместо с рыбами; одни поражают ее малыми дротиками, другие убитую вытаскивают на берег. Радостные восклицания, крик, шум и необыкновенное само по себе зрелище сие доставляют зрителям великое удовольствие. Тот, кому принадлежит тоня, приглашает к себе гостей и угощает их в раскинутых на берегу палатках. Участвовавшие в ловле рыбаки получают награждение, пляшут и поют, что и составляет самый веселый простой сельский праздник. Меня уверяли, что иногда в одну тоню попадается по тысяче и более рыб, и, хотя оная во время лова продается очень дешево,

со всем тем пять таких тонь близ Палермо, принадлежащих королю и четырем вельможам, приносят в год доходу до 800 000 рублей.

Ловля рыбы, известной под именем меча, также и многих других, меньших, как то: морены, большого рода угрей, золотой рыбки и проч. и проч. доставляет зрителям еще приятнейшее зрелище, тем более что оная, в малом виде, в точности представляет ловлю китов. По захождении солнца, в тихую погоду несколько лодок вдруг отваливают от берега, рассыпаются по заливу; на носу каждой один рыбак близ воды держит зажженный факел, другой с острогой стоит на ногах в готовности нанести верный удар. Свет факелов привлекает рыбу, она выходит на поверхность моря и вмиг поражается острогой в голову. Как меч-рыба сильна и велика, то рыбаки гонятся за ней иногда довольно долгое время и при каждом появлении поражают ее острогой и несколькими дротиками. Уязвленная таким образом, она бьется близ лодки, колет твердой шпагой своей, длиной около двух аршин и, поднимая хвостом воду, заливает оной лодку и угрожает потоплением; наконец, утомившись и изойдя кровью, умирает. Рыбаки берут ее на лодку или привязывают к корме оной веревкой. В светлую и тихую летнюю ночь, великое множество лодок, выходящих на сию ловлю, освещенных факелами, представляет на море большой город, великолепно освещенный. Ловля сия употребляется во всей Италии, и рыбаки, которые бьют рыбу острогами, очень ловки и искусны в сем деле, и потому пользуются общим уважением своих товарищей.

День модного света

В Палермо живут всегда в обществе, между чужими людьми, и домой возвращаются для того только, чтоб спать. Жизнь модного света есть вечное рассеяние; кажется, никто здесь не любит мирного семейственного уединения; роско-

шествуют чрез меру, нимало не думают о хозяйстве, везде и во всем ищут наслаждения, ищут оного с нетерпением, смеются, радуются всему, утешаются каждой безделицей, никогда не занимаются важными спорами о политике, вере и правлении, не осуждают никого, шутят, поют, танцуют, сочиняют стихи; нежнейшие из них читают дамам; словом, оба пола помышляют об одном и том же: как бы приятнее провесть время; и можно сказать, что сицилийское дворянство в театрах, маскарадах, церковных праздниках, народных зрелищах, прогулках и собраниях проводит время в совершенной неге, живет в непрестанном восторге и ведет жизнь самую веселую.

Чтоб дать понятие о препровождении времени модного света, последуем за бароном светским, человеком молодым, хорошо воспитанным, нежным почитателем прекрасного пола, любезным, милым и знающим жить. Поутру до десяти часов не слышно стука экипажей; один только народ, купцы и ремесленники толпятся на улицах, и как Палермо очень многолюден, то улицы, а особливо площади, походят всегда на ярмарку. В полдень начинают показываться экипажи; полусонные горничные служанки открывают жалюзи, подымают гардины в окнах. Наш молодой барон, не вставая, пьет в это время в постели шоколад; в три или четыре часа, если не слишком жарко, выезжает, посещает, например, знакомую ему маркизу, которая в небрежной одежде, прикрывшись шелковым одеялом, принимает его, роскошно лежа на постели. Скромные читательницы, краснеющие при чтении сих строк, побранят, может быть, меня, что я выставляю сие нескромное обыкновение. В оправдание свое скажу: здесь такая мода, а мода везде есть закон; к тому же в этом соблазнительном для нас обыкновении здешние мужчины, даже застенчивые, не видят ничего дурного и смотрят на хорошую только оного сторону; женщины стыдливые, застенчивые и самой

строгой нравственности также скоро к оному привыкают, ибо в неловком для них сначала сем положении они скоро открывают верное средство понравиться. Последуем за бароном далее. От маркизы он приезжает к герцогине, которая уже встала, сидит за туалетом, перебирает листки нового сочинения и с улыбкой слушает ловкого парикмахера, рассказывающего ей городские новости. Барон прибавляет что-нибудь и от себя, хвалит головной убор, находит, что синий или розовый цвет идет ей как нельзя лучше к лицу, бегает, суетится, упреждает служанку, подает герцогине духи, помаду, шпильки или прозрачный платочек, словом, одевает ее, спорит с горничной, хвалит черные плутовские ее глазки; герцогиня, прищурив свои с хитрой и как бы недовольной миной, смеется, наконец, встает и говорит: «Addio Caro! (до свидания)». После сих утренних посещений барон заходит в лавки, модные магазины, посещает кабинет скульптора и живописца, которые обыкновенно живут в нижних этажах и оконченные свои работы выставляют на улицу у дверей. Барон, как знаток, замечает недостатки, дает совет и, видя что-либо изящное, с восклицанием оставляет художника и отправляется в великолепно убранный кофейный дом, более других посещаемый.

Тут многочисленное общество волнуется, знакомые и незнакомые составляют одно шумное семейство: тут спорят, шутят друг над другом, не оскорбляются острым словом, отражают его замысловатыми речами, забавляются смешными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключениями. Стихотворцы, литераторы, профессоры и аббаты в углах читают свои сочинения, если они дурны, другие зевают; если хороши, бьют в ладоши и кричат: «Бесподобно!» «Неподражаемо!» Толпы переходят беспрестанно от одной двери к другой, продавцы галантерейных вещей, игрушек и безделушек, румяные поселянки с корзинками цветов, с по-

клоном предлагают букеты тому, кто на них взглянет. Капуцин с крестом в одной руке, с тарелочкой в другой, с поникшим взором, читая молитвы и прославляя милосердие к бедным, принимает со смирением полушки! Голодные нищие, стоя у открытых дверей и окон, вопиют и просят милостыни; слуга, нося по залам курильницу, заставляет их молчать или прогоняет от дверей. Наш барон, как знатный господин, для лучшего тона, не снимая шляпы, сидит на софе небрежно, приказывает слуге подать себе маленькую чашку кофе или мороженого и, перебирая листы в газетах, не читая их, слушает разговоры других; любуется своим бриллиантовым перстнем или стройностью своей ноги, с притворным нетерпением смотрит часто на часы и, чтобы убить время, рассматривает на стенах дурные эстампы, поправляет пред зеркалом галстук и манжеты или, наконец, ласкает миловидную служанку, которая на позолоченных креслах сидит за буфетом и кокетствует. Сим заканчивается утро.

В пять часов барон возвращается домой; одевается, едет в лучшую ресторацию обедать, где за общим столом старается сесть подле какой-нибудь пригожей женщины, а не успев в том, с удовольствием разговаривает с двумя незнакомыми соседями, потчует их и каждый платит за себя. После обеда барон, раздевшись, отдыхает обыкновенно до седьмого часа на постели. Как только зажгут на улицах фонари, то начинается ужасный шум. Кареты, коляски, гики[21] и фаэтоны, освещенные двумя пылающими факелами, потрясают мостовую, скачут, перегоняют одна другую, встречаются, разъезжаются; одни едут смотреть трагедию, другие оперу, иные национальный дивертисимент и т. д. В 9 часов барон едет в Королевское собрание; отсюда жена его одна посещает дворянские и мно-

---

[21] Гик — в Англии (в Италии?) употребляемый экипаж, подобный кабриолете.

гие другие клубы, занимается там игрой в карты, охотно слушает и принимает нежные слова кавалеров, остроумие награждает милым взглядом, а любезному назначает рандеву.

В полночь стук и шум увеличиваются до чрезвычайности. В Палермо сие время почти то же, что у нас полдень. Вся публика съезжается на Марино и в сад Флору. Набережная (Marino) имеет еще лучший вид, нежели наша Дворцовая или Английская. С одной стороны, ее обширный залив, всегда покрытый линейными и купеческими кораблями; с другой — часть городской стены и длинный дом, которого нижний этаж покрыт широкой террасой, на оную вход из второго жилья, над которым находятся еще два. Посреди набережной построен круглый павильон с куполом и красивой колоннадой: тут большой оркестр музыки играет симфонии и концерты.

Пешеходы идут по тротуару, экипажи теснятся между оным и стеной. Нельзя не заметить, что здесь на экипажи еще большая роскошь, нежели в наших столицах. Все вообще кареты и коляски, даже наемные, в последнем английском вкусе; дворянин, если бы осмелился показаться на улице пешком, был бы неминуемо осмеян. Кроме королевы и архиепископа, все ездят парой в шорах, у богатейших ливреи залиты золотом, некоторые употребляют еще скороходов. Лошади, особенно верховые, прекраснейшие, варварийской и лучших сицилийских пород. Многолюдное общество, сделав несколько кругов по Марино в экипажах, выходит из оных в сад Флоры; экипажи возвращаются к Порто-Феличе, лакеи гасят факелы, в сад с оными и с фонарями никому входить не позволяется, нищий и никто, дурно одетый (исключая музыкантов), также в оный не допускаются. В четырех беседках по углам и на средней площади сада пять оркестров духовой музыки разливают сладостную гармонию. Не можно представить себе занимательнее сей прогулки для всех вооб-

ще и выгоднее для молодых людей, особенно влюбленных. Тут все состояния смешиваются; блестящие наряды дам, красота их, ласковое обращение даже незнакомых, представляют, как для взора, так и сердца, приятный обман. Я не видал, чтобы тут кто-нибудь сидел, задумавшись; тихий топот и шорох ног, улыбка или вздох развлекли бы и самого невнимательного человека. Сам Флоры приличнее было бы назвать садом Венеры: оный в самом деле есть храм любви и волокитства; князья и графы, военный, статский и духовный, маркизы, баронессы, актрисы, горничные и лучше общие красавицы ищут в нем приключений, веселой ночи, наслаждения и прибыли. Тут не различить, кто кого преследует; все чего-то ищут, у всех, думать должно, от нетерпения сердце бьется; одни заглядывают под шляпки, другие всматриваются в лицо; две подруги садятся в густой тени; два кавалера робкими шагами к ним приближаются и, если красавицы благосклонно улыбнутся, они тотчас подают им руки и идут вместе в большую аллею, где разносят прохладительные, которые, кажется, только увеличивают жар. В темноте крытых проспектов встречаются иногда замаскированные; почти перед каждым, проходя, шепчут они вполголоса пароль, который понять может один избранный счастливец; словом, в больших прямых аллеях с открытым лицом, с невинной улыбкой гуляют супруги и девицы непорочные, в крытых — замаскированный порок и распутство. Отсюда-то, завернувшись в длинный плащ, надвинув шляпу на глаза, опустив вуаль и наклонив как можно голову ниже, пара за парой выходят из сада чрез калитку, где с потаенными фонарями Servitori di Piazza предлагают услуги. В переулке ожидают легкие коляски и фаэтоны, садятся в них и скачут в средину города к западным дверям домов тех добродушных старушек и содержательниц модных магазинов, которые из сострадания к женам ревнивых мужей на час отдают в наем прекрас-

но убранный кабинет, где на свободе и в тишине, как здесь говорится, можно Cavare il Capriccio! После двух часов за полночь оканчивается музыка; барон отыскивает свою жену, не спрашивает, где она была и что делала, ибо на вопрос сей и сам не знал бы, что отвечать. Вот почему такие мужья бывают очень снисходительны и охотно позволяют женам своим всякие вольности. С восхождением солнца одни едут домой, другие ужинать в ресторацию, мало-помалу стук от карет умолкает, и все ложатся спать.

В большие жары летом дворянство живет на дачах в Бегарии и Иль-Колле, однако ж Марино от того не бывает пусто. Зимой в пасмурные и дождливые ночи вместо прогулки по саду экипажи после собрания ездят взад и вперед по улице Кассеро, и на оной иногда бывает так тесно, как у нас под качелями. В зимнее время гулянье в саду начинается в полдень, но лучшее общество собирается там в 6 часов пополудни.

Нечто о нравах и обычаях

Сицилийцы проницательны и понятливы, любят праздность, увеселения, имеют навык в обманах и по происхождению от греков не уступают им в хитростях и тонкости ума. Небо, временно бурями помрачаемое, почти всегда покрытое светлой лазурью, разность годовых времен делает едва приметной; зимой, равно как и летом, можно жить здесь на открытом воздухе, отчего тело, получая гибкость, воображению представляет более идей и, наиболее способствуя действию разума, наполняет его огнем кротким и плодоносным; посему-то, может быть, характер сицилийца ясно изображается в умных говорящих глазах его. По чрезмерной живости своей предпочитая приятные упражнения важным, они не брегут об усовершенствовании своих мыслей, ибо не любят глубокомыслия, совсем не имеют того хладнокровия, которое необходимо для окончания работы трудной и продолжи-

тельной. В изящных науках и ремеслах, ваянии, архитектуре, музыке и живописи они наиболее упражняются; в изделиях их художников виден хороший выбор мыслей, но отделка всегда не кончена; к механическим рукоделиям они не имеют склонности, и если что работают, то очень посредственно. Будучи расположения беспокойного, нетерпеливого и горячего, они в добродетелях и пороках чрезмерны. Страсти их касаются двух крайностей. Нежны в любви, снисходительны к супругам, но если кто ревнив, то мщение его ужасно. В несчастии тверды, переносят потери без уныния, любят короля, покорны постановленным властям, но малейшие угнетения не могут снести без явного ропота. Набожность их есть суеверие; добродушие кажется им обманом ума, искренность только живостью сложения, хитрость значит искусство жить, подлог принимает вид добросердечия. Мужество есть смесь жестокости и великодушия. В Италии сицилийские разбойники славятся возвышенностью чувств и благородством духа; если бы правительство пожелало направить дух сей к надлежащей цели и воспользоваться им к чести отечества, то военные доблести народа, ныне неприметные, могли бы быть блеском истинного геройства.

Сицилийцы имеют приветливый взгляд, услужливы, очень внимательны к иностранцам и всегда веселы. Кто в первый раз увидит их пантомиму, то ловкость, живость их театральных движений неминуемо должно его удивить и рассмешить. Если бы доброго, смирного немца со всей его неповоротливостью и флегмой вдруг перенести в Сицилию, то он, не примечая той постепенной расторопности, которая, идя от северу к югу, очень заметна в народах, подумал бы сначала, что он находится между шутами, вечный восторг коих, вероятно, в короткое время заставил бы его двигаться скорее и наконец он стал бы с ними плясать, диким голосом петь и смеяться от доброго сердца. Самая низкая чернь в пантомиме гораздо искуснее даже неаполитанцев. Сицилий-

цы, не говоря ни слова, движением глаз, рук, ног и всего тела объясняют мысли свои столь ясно и сильно, что даже иностранец, не знающий их языка, легко поймет, о чем идет речь. Начало сего обыкновения приписывают тиранам сиракузским, которые, боясь заговоров, запрещали на сходбищах говорить друг с другом. Сие, как думают здесь, подало повод сообщать мысли чрез немые знаки и живые чувства, пламенное воображение сицилийцев искусство сие довело до совершенства. Сии безмолвные изъяснения, влюбленные, находящиеся под строгим надзором, употребляют с удивительной ловкостью и объясняются чрез оные столь же удобно, как разговором и письмом. Например, положив палец на верхнюю губу, означают сим мужчина; показав обеими руками на длинное платье, означают женщина; показав одной рукой на косу — девица; сложение пяти пальцев и поцелование их, значит прекрасная; поцелование ладони и дуновение с оной значит целую тебя; согласие объясняется также. Еже ли кто утрет уста платком, это значит отказ; опустить глаза вниз, сие означает сомнение; движение головой после сомнения значит: не верю, что любишь меня, а перед оным означает: не понимаю или вопрос: что такое? Повтори еще. Ревность означается грызением ногтей; укушение пальца значит злобу или угрозу. К таковым и другим сим подобным знакам прибавляются цветы, из коих каждый имеет свое значение, и особого рода телеграф, делаемый посредством пальцев; к облегчению любовных сношений и к сообщению мыслей и желаний придуманы все возможные средства.

Женщины вообще прелестны. В Италии, особенно палермитанки и катаньезки, почитаются красавицами; их называют: Bel Boccone! В лице обоих полов сохраняется и доныне нечто греческое. Сициалианки подлинно прекрасны: они высокого роста, статны, имеют полные живости пламенные черные глаза и, что удивительно для столь жаркого климата,

очень белы; сему, конечно, обязаны они чистоте, свежести и тонкости воздуха. К тому (говоря о палермитанках, которых больше знаю) все они любезны, ловки; всегда веселы и милы в полном смысле сего слова. Несмотря на то, что девиц 11 и 12 лет отдают замуж; несмотря на то, что слишком рано начинают здесь чувствовать нужду любить, несмотря даже на расточение, женщины и в 30 лет столь же свежи и прелестны, как и в восемнадцать. Напротив того, девицы около сих лет очень бледны и томны. Красота, сей дар неба, конечно, сохраняется благорастворенным воздухом; в Сицилии же, как мне кажется, наиболее к тому способствует нега, образ праздной и беззаботной жизни, страсть к удовольствиям и всякие удобности к удовлетворению склонностей сердца. Женщины почти вступили здесь в права мужчин, в любви господствуют здесь своенравие, прихоти, иногда мода, редко тщеславие, а еще реже корыстолюбие; напротив, мужчины не стыдятся жить на счет увядших прелестей. Любовь большого света есть пламенник, непродолжительно горящий, редко освещает он несколько месяцев, еще реже год или два; чаще же всего погасает в один день или в две-три недели. Быть неверным почитается здесь большим преступлением, нежели быть неверной. Мужчине непозволительно здесь отказаться от любви прежде, нежели его уволят от оной, однако ж на сие непостоянство немногие жалуются, ибо переменчивый вкус обоим полам равно нравится. Модные дамы свободно говорят о своих любезных; мужья благосклонно принимают друзей жены; мать добродушно признается, что дочь ее влюблена, и выговаривает сие не краснея, точно так, как бы у нас она сказала: у нее болит голова.

Супружеские обязанности не имеют никакой цены. Счастливые супружества случаются более в нижнем классе; редко, и как бы невзначай, в знатном; наложничество же в среднем классе почти общее. Отцы, матери, мужья и братья

не дорожат честью дочерей, жен и сестер; многие даже явно ими торгуют. Родители, выдавая замуж дочерей малолетних, не допускают делать выбора по сердцу. При подписании свадебных контрактов выговаривается, что она может впоследствии избрать себе кавалер-сервенте, или тут же с ее согласия назначается в сию должность один из двоюродных братьев. Кавалер-серевенте есть законный посредник между мужем и женой, попечитель и ходатай по всем ее делам; приданое жены муж должен обеспечить залогом своего имения. По сим связям кавалер-сервенте, получая некоторую власть над мужем, конечно, удобнее других соискателей может приобресть благосклонность его супруги. Но склонности сердца не подлежат законам, и кавалер-сервенте ничего более не значит, как родственник или друг, участвующий в домашних делах. О чичисбеях у нас толкуют превратно. Чичисбей, по-русски сказать, есть обожатель, которого, однако ж, не всегда обожают. Под общим именем чичисбеев разумеются здесь пять-шесть или более особ, которые составляют круг знакомства дам большого света; каждый из них имеет свою должность или роль, например, знатный старик для поддержания связей, богатый для займу, кавалер-сервенте для услуг, ученый, поэт или любитель музыки для препровождения времени; если в числе сего домашнего штата находится миловидный молодой человек или два-три, то настоящего чичисбея, в милости находящегося, легко отличить можно: он обыкновенно сидит, раскинувшись на софе, плюет на шелковый ковер или насвистывает двусмысленную арию. Наконец один из чичисбеев называется il Patito (страдалец). Учась сего селадона подлинно жалости достойна: вздыхая, сгорая страстью по-пустому, он должен с терпением сносить насмешки других угодников. Сие множество соперников большей частью довольствуются одним ласковым взглядом, живут мирно и не смеют ссориться. Ловкость есть свойство общее здешним женщинам. Если они таким образом на сво-

боде и от скуки забавляются, то и самая виновная жена не прибегает к обману и лжи, ибо неверность не почитается здесь смертным грехом, и развращенность сия никаким дальнейшим преступлением не обезображивается. Но, спросят, что ж такое кавалер-сервенте? Какие его права и до какой степени оные простираются: Комедия «Жена двух мужей» служит сему лучшим ответом. Здесь столько жен, имеющих двух мужей, сколько есть женщин. Для дамы столь же неприлично показаться в обществе без кавалер-сервенте, сколько прийти в собрание с мужем. Кавалер-сервенте обязан сопровождать даму всюду, должен увеселить или наскучивать ей везде, иметь во всякий час свободный к ней вход, и мужья нимало о сем не беспокоятся. Сии полусупружеские связи бывают по любви, но чаще по расчетам. Модный муж имеет свое общество, и между тем, как жена окружена молодыми людьми, он ищет занятий вне дома, ищет случая воспользоваться чужой собственностью; почему и справедливо, если жена платит ему той же монетой. Словом, супруги с общего согласия живут независимо друг от друга: каждый следует своим склонностям, и вот одна причина, по которой тишина семейственной и общественной жизни нимало у них не нарушается.

Такой обычай имеет, однако ж, великие неудобства. Отец не может назвать детей жены своими, и сия неизвестность часто не подлежит и малейшему сомнению: холодность к детям есть следствие оного. В таких супружеских союзах, кои делают для приличия и продолжаются по нужде, в коих нежная любовь не имеет никакого участия, в таких, говорю, союзах нет никакого удовольствия супружества, ибо они не связуются детьми, которых только одна жена, а не муж, может назвать своими. Трудно найти союз, не имеющий ни сладостей любви, ни утешения брака. Итальянцы нашли его, они называют сие чичизбеизмом.

Впрочем, некоторые модные дамы окружают себя чичисбеями только потому, что так водится; другие же и, конечно, многие, из одного кокетства, только для того, чтобы нравиться, кружить головы и дурачить старичков, которых иногда на порожнее место избирают они своими кавалер-сервентами, дабы они берегли их от наглецов, и к сему обыкновенно избираются такие почтительные люди, которые уже давно перестали быть дерзкими. За всем тем и при таком упадке нравственности истинная любовь и здесь случается; вопреки общего разврата пламенник непорочной страсти также воспламеняет сердце и счастье супругов также бывает здесь продолжительно, как и везде.

Знатные девицы воспитываются под надзором матерей наставницами; только достаточные отцы, следуя общему в Италии обыкновению, отдают дочерей до возраста в монастырь. Сицилийские баронессы[22], имея хорошее воспитание, очень любезны в обществе; они привыкают к людкости с малолетства, имеют полную свободу в обращении и преступления, столь частые в монастырях, в большом свете не слышны или очень редки. Родители не боятся здесь, чтобы дочь ушла, ибо несчастье сие случается только с теми, которые не позволяют дочерям своим и словечко молвить, не смеют выпустить их из виду, в общество привозят только на показ. Такие родители, конечно, не думают о том, что ничто столько не возбуждает молодых особ к пороку, как запрещение невинных забав. Потому-то монастырки, в строгом заключении своем ни о чем более не помышляя, как бы только скорее вырваться на волю, предаваясь мечтательности, как дети, наряжающие куклу, в воображении своем сотворяют себе близкого к оной суженого и, вышед в свет, влюбляются в первую живую куклу, которая им встретится.

---

[22] Здесь дворянство вообще присвояет себе название баронства.

Поэзия в таком здесь уважении, что, хотя невесты и уверены, что объявление любви прозой бывает искреннее, нежели стихами, однако ж жених, делающий предложение стихами, получает преимущество пред тем, который объяснился бы прозой. Поэзия сицилийская, подобно пламенному их небу, дышит нежностью, сладострастием, украшается прелестными вымыслами, обнаруживающими дух народа, страстного к изящному, и сицилийцы в излияниях лести, столько нравящейся прекрасному полу, по справедливости должны почесться природными и удивительными стихотворцами.

При браках дворянства нет никаких суеверных обрядов, но пышность и расточение на свадебных пирах по законам моды есть более, нежели суеверие. Между простым народом наблюдается следующее: по совершении бракосочетания дружка подносит жениху и невесту большую ложку меду, приговаривая: «Живите в согласии и любви, будьте так счастливы, как сладок сей мед». Очень бы недурно, если бы к меду примешивали чего-нибудь горького, дабы чрез сие вразумить молодых, что в редком супружестве не встречаются неприятности, что путь жизни усеян терниeм и что нет розы без шипов. По выходе из церкви новосочетавшихся сажают на обвешанных цветами и лентами ослов; сельская музыка, состоящая из волынок, кларнетов и флажолет, или гитары, начинает играть веселые песни; сват и дружка, в предвещание, что супруги будут иметь многих детей, беспрестанно до самого дому жениха бросают на молодых горстями пшеницу. Сие предвещание самым делом исполняется, ибо сицилийские женщины очень плодородны; многие имеют по 20 детей, а другие, как уверяют Фацелло и Каррера, рождают до 40. Обычай посыпать новобрачных пшеницей сохранился от языческих времен, ибо то же самое употреблялось при служении Церере, которая почиталась первым божеством

острова Сицилии. Наконец, в ознаменование терпения и умеренности, молодые за столом не должны есть, после же обеда, дабы напомнить мужу, что он в новой жизни приемлет на себя трудные обязанности и заботы, отец молодой подает ему кость с сими словами: «Обгложи ее и ведай, что та кость, которую глодать тебе предстоит, гораздо тверже и труднее к сварению». Жениться в мае месяце, почитаемом несчастным, крайне стараются избегать. Суеверие сие перешло от римлян ко многим европейским народам, и, хотя не верят сему точно так, как первому числу апреля, однако ж оно и доныне в употреблении.

Сицилийцы в пище умеренны и воздержаны: мяса употребляют очень мало, зелень, плоды, рыба и разного рода сладкие кушанья составляют самый роскошный их стол. Большое употребление мороженого и лимонада в столь жарком климате служат к прохлаждению, и, как врачи уверяют, к укреплению желудка, но излишество разных прохладительных, приправленных пряными зельями, производят болезнь, называемую здесь Umori Salsi, от скопления кислот происходящую. Продажа льда и снега доставляет великую выгоду, ибо сохранение оного стоит больших трудов. В зимнее время, когда на горах выпадает снег, лежащий только несколько часов, крестьяне как некую драгоценную манну сметают и набивают оным пещеры, на вершинах гор находящиеся, и помощью воды и соли тотчас претворяют снег в ледяную массу, который, будучи тщательно закрыт от солнца, сохраняется довольно долгое время, но как не каждый год выпадает на горах снег, то и неудивительно, что лед бывает иногда столь же дорог, как сахар. Пьянство почитается величайшим пороком, и, хотя с первого взгляда на народ, судя по их восторгу и веселости, покажется оный иностранцу причастным сему пороку, но мне никогда не случалось видеть, даже из черни, пьяного, валяющегося на улице.

Дворянство одевается по-английски; дамы следуют парижским модам. Палермская чернь и вообще во всех приморских городах носят матросское платье и красный шерстяной колпак; крестьяне же и в самые жары не скидают своих толстых бурок с капуцинским капюшоном, который очень удобен в дождливую погоду; в холодное время надевают по две и по три бурки. Таковая одежда предохраняет их от опасных в сем климате простуд, ибо в горах, во время сильного зноя, простирающегося до 70, при сирокко до 80 и более градусов, теплый ветер вдруг переменяется на холодный. В женском наряде сохранилось нечто греческое. Поселянки весьма ловко носят покрывала и стан перевязывают кушаком.

Сицилийцы, как в чертах лица, так и характере, сохраняют какую-то суровость; судя по наружности и делам, это еще тот самый народ, который обагрил руки на Сицилийской вечере. В 1800 году, когда французские войска возвращались по договору из Египта, одно транспортное судно остановилось в Агосте; 93 французских солдата, не умевших снести грубых насмешек, были побиты каменьями и кинжалами. В Палермо с турками случилось подобное же несчастье, и если бы не было там адмирала Ушакова, командовавшего тогда соединенным российским и турецким флотом, то приведенные в бешенство турецкие матросы, из коих у одного вор среди дня в лавке вырвал из рук кошелек с деньгами, могли бы произвести ужасное кровопролитие. Народ, хотя и зависит от дворянства и духовенства, однако ж страх кинжалов воздерживает несправедливость и притеснения и делает господ их кроткими и снисходительными. Поселяне не столько ленивы, каковыми почитают их некоторые путешественники. Порок сей принадлежит черни, скитающейся в больших городах, убийство и воровство которой происходят не от избежания горести или нужды, но от привычки к рассеянной и разврат-

ной жизни. Многие преступники признавались, что они совершили убийства единственно для того, чтобы на один вечер доставить себе удовольствие. Сии так называемые лазарони бродят по улицам, просят милостыню и если иногда в нужде вырабатывают что-нибудь на пристани, то все деньги несут в шинок, нанимают подругу, которых весьма много, пьют с ней, поют и пляшут, и как говорят, они «наслаждаются жизнью». Печальная мысль, что болезнь и старость лишит пропитания, никогда не беспокоит его воображения, ибо состояние нищего старца, по похвальной набожности богатых, есть самое беззаботное в рассуждении пищи и приюту. Правительство, не имея способов занять работой такое множество тунеядцев, не в силах отвратить многие убийства, ими совершаемые, однако ж со времени пребывания короля в Палермо оные случаются не так часто, как прежде. Ночью по всем улицам и переулкам стоят драгуны на лошадях и с заряженными ружьями; в 10 часов запирают шинки, чернь прогоняют в подвалы и никому без фонаря не позволяют ходить по улицам. При правлении вицероев нанять убийцу стоило не более 100 и 150 рублей, теперь же по строгости полиции и за тысячу такое злодейство редко купить можно.

Сицилийцы, несмотря на то, что столько преданы удовольствиям и праздности, не утратили еще, подобно итальянцам, военного духа. Они, любя забавы, не потеряли из виду отечества, и, хотя военное звание не в таком уважении, как бы надлежало ему быть, однако ж на храбрость солдат и усердие народа король может надеяться и в случае нужды может оными воспользоваться.

Церковные обряды на Страстной и в неделю Пасхи

Народ набожен и церкви всегда полны, но как служба отправляется на латинском языке, то исповедоваться и приобщаться, не пропускать обедни или вечерни, особенно, когда бывают освещения и концерты, значит иметь веру и быть

усердным католиком. Как наибольшая часть народа не читает почти никаких книг Священного писания, то духовенство почитает нужным занимать его наружными обрядами, как то: ходами, фейерверками и музыкой. Каждый городок имеет особенную какую-либо церемонию своего изобретения и не входящую в постановленные общие всем церковные торжества. Если такая вера не просвещает народ, то в сем наружном богопоклонении он находит все нужное, дабы без ложных умствований, в простоте сердца быть христианином.

В Палермо, кроме 46 мужских и 25 женских монастырей, считается 121 церковь; они принадлежат разным орденам монашества. В престольные праздники всякий почти день бывает в городе пальба и церемониальный ход, причем монахи того прихода убранством церкви или музыкой, из лучших виртуозов, первых певиц и певцов составленной, стараются привлечь более народа и, дабы превзойти или сравняться с богатейшими монастырями, расточают на сии праздники великие суммы. Я не стану говорить о многих торжествах, как то: о празднике тела Божия (Corpus Domini), Рождества Христова, умовения ног, общих всем католикам, не упомяну о славном торжестве святой Розалии, а замечу только об обрядах, на Страстной и в неделю Пасхи совершаемых, как таких, которые не были еще описаны ни одним путешественником.

В первую неделю поста чрез повестки объявляется, во-первых, о нужном покаянии, запрещении или позволении употреблять в пищу мясо или молочное; потом извещают о прибытии в город какого-либо славного и известного проповедника, который в такой-то церкви, например, и в такой день будет говорить на такой-то текст. Проповеди начинаются со второй недели и бывают каждый день по очереди во всех церквах. Как оные говорятся на итальянском языке, то посему стечение народа бывает великое. Один прибывший из

Мессины проповедник, не помню его имени, имеет истинный дар слова: он говорил всегда от глубины души так убедительно, так притом красноречиво, что слушатели не один раз приведены были в умиление и плакали. В первой речи о покаянии он с таким чувством бросился на колени перед распятием, с таким жаром прижал оное к груди, заплакал, зарыдал, что я, не привыкнув еще к столь смелым движениям, невольно со всеми прочими со скамьи опустился на колени. Упомянув о смелых движениях, прибавлю, что если бы оные употреблялись только в исступлении восторга, то были бы приличны, но как итальянские проповедники почитают нужным помогать себе во всех случаях пантомимой, то по святости места оная кажется не везде кстати. К чему, например, служит, когда проповедник, обращаясь к алтарю или распятию, представляет, будто он ходит по кафедре, длиной не более 5 или 6 шагов; если говорит он к слушателям, то иногда совсем перевешивается чрез перила или, угрожая грешникам, машет на них платком; если же речь обращает он к одному лицу, то, положив пред собой на поручень свою шапочку, делает вид, будто садится, облокачивается и, разговаривая, переменяет голос... Словом, если проповедник не искусен, то сия пантомима не только неприлична, но даже непозволительна.

В чистый четверток с утра началось в городе великое движение. У некоторых церквей и по большому проспекту поставлены были восковые статуи в группах, изображающие страсти Христовы: тут Искупитель молится в вертепе, там Иуда продает его воинам, тут приводится он на суд к Пилату и так далее... Апостолы, архиереи, книжники, римские воины и народ облечены в великолепные и настоящие того времени одежды; статуи отличным образом обработаны и все кажутся живыми. Когда архиепископ, читая Евангелие, произнес: «Земля потрясеся и завеса церковная раздрася», в соборе ударом колокола возвестили о начале церковного траура. С

сего времени до воскресения Христа не позволяется выезжать в экипажах, звон умолкает, все дамы и кавалеры являются в глубоком трауре, из окон вывешиваются черные ковры. Король с непокровенной главой и вся королевская фамилия, в сопровождении придворного штата, в траурных робах, пешком посетили собор и другие церкви; вечерню слушали в женском монастыре Св. Цецилии. Хор молодых воспитанниц, скрытых от любопытного взора за непроницаемым занавесом, певших на хорах, восхитил всех слушателей. В 9 часов, когда я вышел из церкви, в самой средине города находящейся, был я остановлен и изумлен блеском освещения двух главных улиц. Между тротуаров поставлены были аркады, а между оными в равных расстояниях пирамиды и столбы, первые увешаны были разноцветными фонарями, последние уставлены плошками, вдали четверо палермских ворот горели сплошным огнем. До двух часов ночи на улицах была такая теснота, что везде надобно было с трудом продираться, дворянство сопровождаемо было множеством слуг, несущих пред ними пылающие факелы, служение продолжалось до света, и все церкви, несмотря на то, что беспрестанно переходили из одной в другую, были полны народа.

В пятницу, в четыре часа после обеда, началась великая процессия погребения Христа. Обряд сей вкупе благочестив и великолепен. Я был изумлен освещением собора, восхищен пением и музыкой, и до глубины души тронут погребением. От дворца до собора войска поставлены были в две линии: знамена, пушки и барабаны увиты были черным одеянием; дорога, где должен был идти король и его фамилия, устлана была красным сукном. Несмотря на то, что я пришел в собор еще за два часа до службы, едва мог протолкаться до хорошего места. Церковь была убрана и освещена так, что, признаюсь, я никогда не видал ничего сему подобного. Обращая вокруг себя изумленный взор, казалось мне, что я находился в чертоге небесном, где солнце и все планеты, в обширных сво-

дах церкви помещенные, освещали оную. Церковные огромные своды увешаны были зеркалами, окна закрыты прозрачными картинами, изображающими страдания Христовы; стены обиты черным сукном, усеянным звездочками, из золотой и серебряной бумажки с фольгой; колонны увиты белой и чертой тафтой. Посреди церкви против главного алтаря на обитом бархатом под балдахином катафалке, усыпанном перлами и драгоценными каменьями, несомом херувимами и ангелами, стояла из камня иссеченная гробница в ней лежал Спаситель в терновом венце. Богородица у подножия гробницы в глубокой горести на ступенях катафалки пала ниц, Иосиф поставлен у головы, два апостола стоят с боков также в печальном положении. При таком убранстве надобно представить себе по крайней мере 10 000 восковых свеч, горящих под сводами в хрустальных люстрах, пред тринадцатью алтарями и вокруг катафалки в больших канделябрах; свет сей, отражаясь от зеркальных сводов, разливал такой ослепительный блеск, что церковь казалась быть объята пламенем. Архиепископ встретил Его Величество в портике, и служба началась. Я был вне себя от музыки, но когда пели стих «Благообразный Иосиф», то я до того был растроган, что едва мог удерживать слезы. По окончании службы гроб вынесли из церкви и поставили на погребальную колесницу. Король, архиепископ и два принца крови подняли с престола драгоценную плащаницу, унизанную бриллиантами и жемчугом, и покрыли оной гроб Спасителя. Шествие началось следующим порядком: впереди шли со знаменами цехи ремесленников, за ними дворянство, градоначальники; потом духовенство, за которым эскадрон римских всадников; евреи и римские воины окружали огромную колесницу, везомую двенадцатью лошадьми, за гробницей непосредственно шел король со своей фамилией, за ним отряд гвардии; и наконец народ. Представьте себе несколько тысяч факелов, представьте себе мелодические звуки тысячи инструментов и

голосов, представьте более 100 000 народа, толпящегося по улицам, стоящего у окон и на крышах домов, и можете вообразить благоговейное впечатление, какое в душе христианина должно произвесть сие священное шествие, толь близко напоминающее о смерти Спасителя нашего. По чрезвычайной тесноте я не мог идти за колесницей, которая, объехав главные улицы, возвратилась в собор, и церемония кончилась. Служба, как и в четверток, продолжалась во всю ночь; народ, переходя из церкви в церковь, прикладывался к плащанице, и самые бедные клали на оную что-нибудь в пользу нищих, даже и сии уделяли от милостыни своей; духовенство, к чести их сказать должно, не только не пользуется сим значительным сбором, но прибавляет еще свои деньги, дабы в день Пасхи, наделить оными всех нищих своего прихода.

В субботу, в три часа после обеда, пушечные громы с кораблей и крепостей, ужасная стукотня Марсова огня у каждой церкви, возвестили о воскресении Христовом. В Италии для пальбы употребляются чугунные мортирки, называемые масколи; их заряжают малым количеством пороха, забивают дуло мягкого дерева клином и кладут в один или несколько рядов, так что между каждыми девятью малыми помещается большая мортирка, отчего мушкетный огонь малых и пушечная пальба больших происходит совершенно правильно. Для произведения Марсова огня кладут масколи в улиточную черту или в четвероугольники, сходящиеся в один центр; помощью расстояний соблюдается мера времени, звук грома увеличивается как величиной мортирок, так и постепенным от краев к центру прибавлением числа оных. Проводник, напитанный мякотью, кладется на затравки и зажигается с конца; огонь бежит по нитке, отчего не может случиться, чтобы какая масколи не выстрелила. За недостатком чугунных употребляются глиняные мортирки. По причине дурной погоды, а более боясь в тесноте повредить раненую руку, я не

видал церемонии, в день Пасхи совершаемой. Освещения, продолжавшиеся во всю Святую неделю, были с отменным вкусом. На Толедо и Кассаро во всех домах и в каждом окне поставлены были транспаранты, которые, будучи освещены сзади поставленными лампадами, представляли по обеим сторонам улицы картины столь хорошие, что думаешь, будто бы находишься в Эрмитаже.

В понедельник на Святой, переходя из церкви в церковь, рассматривал я убранства оных и не мог одну другой предпочесть; однако ж соборная понравилась мне более прочих. Колонны в оной увиты были гирляндами искусственных цветов, алтари и образа душистыми цветами, стены обложены зеленью, перемешанной блестящей фольгой и разноцветными бумажками. В продолжение семи дней Пасхи во всех монастырях и приходских церквах собирается милостыня для бедных, обычай, достойный общего подражания. Пред окончанием литургии и в продолжение концерта три прекраснейшие девицы, по собственному ли благочестию или по выбору, того не знаю, подходят к алтарю; священник подает одной серебряное блюдо, покрывает ее покрывалом и, благословя, налагает на голову цветочный венок; другие две украшаются чрез плечо гирляндой из роз; все три вместе ходят по церкви, и кто положит на блюдо монету, то две крайние, держащие концы покрывала, одна за другой, потупив взор, кланяются и идут далее. Следуя здешнему обыкновению, я приготовил несколько грошей; но, признаюсь, по мере, как девицы ко мне приближались, я прибавлял гривну к гривне, а когда они ко мне подошли, положил червонец и тем заставил всех трех взглянуть на себя. Между тем, пока собирается милостыня, на дворе монастырском или позади церкви нищие приглашаются на общую трапезу, пред окончанием которой девицы, как ангелы-утешители, выходят к ним и разделяют собранное каждому поровну. Другой способ со-

бирания милостыни доставляет бедным значительнейшее пособие. Знатнейшие дамы, пользующиеся наибольшим уважением, принимают на себя обязанность приглашать к сему благородному делу всех желающих к подписке. В сем году собирала милостыню принцесса Патерно; я встретил ее однажды, едущую по Толедо в открытом ландо и в шесть лошадей; она имела на себе черное покрывало, пред ней поставлено было распятие; народ сопровождал ее благословениями; она часто останавливалась, входила в дома и принимала даже от проходящих всякую безделицу; и таким образом, как меня уверяли, в неделю собрала 100 000 рублей, которые в воскресенье розданы были ею неимущим, частью деньгами, другим ссудой, иным одеждой и хлебом; сверх того она угощала на дворе своего дома три тысячи нищих.

В субботу на Страстной вместо статуй, изображающих страсти Христовы, в богатых альковах поставлены были восковые, отличной работы изображения Богородицы со вкусом и великолепно одетой. Пред сими альковами от утра до вечера, в продолжение недели Пасхи, музыка, состоящая из калабрийских волынок, не умолкала, а в перемену оной нищие пели гимны и просили милостыни. Театральные, полковые и церковные музыканты, также как у нас на новый год, ходят по домам поздравлять с праздником. В заключение замечу об одном обряде, достойном особого внимания. В субботу на Святой неделе король по представлению Уголовного суда прощает (исключая смертоубийц) несколько преступников. Обряд сей, называющийся очищением преступления, совершается следующим образом. На площади против тюремного замка ставится виселица, окруженная войсками. 12 избранных преступников, в цепях и за конвоем, выводятся из тюрьмы таким точно порядком, как бы они ведены были на казнь. Чиновник Уголовного суда читает им смертный приговор. Палач надевает на голову каждого холстинные колпаки и, од-

ного за другим подводя к виселице, надевает петлю на шею; по данному знаку тянут веревку, которая снимает с преступника колпак, тут объявляют ему, что король берет на себя его грех и дарует ему прощение; войска делают на караул, бьют в барабаны и вместе с народом кричат: «Да здравствует король!» После сей церемонии преступники идут в церковь, приносят покаяние, молятся с коленопреклонением, приобщаются Святых Тайн и увещеваются быть впредь честными, полезными обществу гражданами, и дабы тем заслужить царскую милость. В церкви надевают на них белые саваны и с музыкой водят по городу собирать подаяние.

Дворянство

Граф Рожер, в 1130 году признанный папой королем Сицилии, разделил оную на три части; первую отдал духовенству, вторую начальникам своего войска, третью оставил себе и сим положил основание феодальной системы, которая давно уже не существует в Европе, но в Сицилии сохранилась и до сего времени. Дворянство или, как его здесь называют, баронство, составляя военное сословие, за право владения обязано по первому требованию короля выходить в поле с определенным числом своих вассалов и за сию обязанность имеет преимущества Mero et Mixto Imperio, то есть власть осуждать на смерть своих подданных, только с тем ограничением, что прежде исполнения приговора должно известить короля. Владетельного баронства, имеющего сие право, считается 378 особ. Старший сын имеет титул отца, младшие называются дон, дочери донна, что соответствует немецкому фон или английскому лорд и леди. В Сицилии очень много дворянства, не имеющего сих преимуществ, почему первенствующее очень дорожит своей родословной; титулы оных суть следующие: князь (principe), герцог, граф и маркиз. Хотя первые два и почитаются старшими последних, но как имею-

щие княжеские и герцогские титулы возведены в сие достоинство в новейшие времена Филиппом II и Карлом V, испанскими королями, а графы происходят от древнего норманнского дворянства, маркизы же жалованы еще в XV столетии от короля Альфонса, то посему важность сицилийского титула с их древностью находится в обратном содержании.

Сицилийское дворянство, подобном английским лордам, любит странствовать по чужим странам. Там, занимая полезные знания и обычаи, дворяне возвращаются домой без предрассудков и столько же, как духовенство, упражняются в науках, наиболее в словесности. При таком воспитании и образе жизни они в обращении не имеют высокомерной испанской гордости, напротив, они очень внимательны к иностранцам и в вежливости не уступают французам, в гостеприимстве же равняются русским. Щедрость их к бедным всякой похвалы достойна, роскошь в убранстве домов или, лучше, своих дворцов, в собрании статуй, картин, библиотек, музеумов, особенно же страсть иметь лучший экипаж и ливрею производит удивление в каждом путешественнике, и должно отдать им справедливость, что во всех родах расточения они показывают много знания и более вкуса, нежели соседи их неаполитанцы.

Духовенство

В Сицилии считается три архиепископа и восемь епископов. Архиепископ Палермский, примас Сицилии и глава духовенства в парламенте, имеет 16 000 талеров [23] годового дохода; в его епархии состоят епископы Жиржентский, Матцарский и Мальтийский. Архиепископ Мессинский имеет наибольшую епархию и меньший доход; епископы Цефалу, Липари и Патти принадлежат к его епархии. Архиепископ

[23] Талер ценой в один рубль 20 копеек серебром.

Монт-Реальский при малой епархии есть богатейший прелат королевства. Годовой его доход простирается до 72 000 талеров. Епископы Катанский и Сиракузский принадлежат к его епархии. Губернатор Монт-Реальский избирается от архиепископа, ибо город есть его собственность.

Духовенство, получа от короля Рожера третью часть острова, обладает великими капиталами, кои не приносят государству никакой пользы. В числе 17 000 000 полного населения Сицилии 500 000 полагается одного священства; в Палермо в числе 180 000 жителей считается 40 000 монахов; в Мессине в числе 40 000 граждан почти половина монахов; потому и не должно удивляться, что в городах улицы темнеют от черных их одежд. Такое множество праздных, почти без всякого занятия людей, изъятых всякой повинности, живущих, так сказать, на счет народа и ни в чем не вспомоществующих правительству, кроме частных и произвольных нищим подаяний, от которых класс сих тунеядцев нимало не уменьшается, не только могут назваться бесполезными членами общества, но такое великое число монахов есть причиной слабости правления и многих беспорядков, от оной происходящих. Светская власть духовенства, бывшая причиной многих зол, ныне очень ослаблена, и, хотя оно в поместьях своих, подобно дворянству, может решить частные ссоры, но приговоры его не имеют силы.

Народ

По малому населению Сицилии и по редкому плодоносию ее можно судить о крайнем утеснении народа, который не столько ленив, как вообще о том думают. Народ платит дворянству известную подать; зажиточные крестьяне берут поместья их на откуп; земля, на которой другие крестьяне поселены, есть их собственность; контракты на откуп заключаются не менее, как на 20-летний срок. Если при сем поло-

жении не затрудняемы были бы средства к возможности приобретать и умножать стяжание, то сицилийцы могли бы почесть себя счастливыми, но дворянство, чрез происки с давнего времени присвоив хлебную торговлю и сделавшись монополистами, разорило землепашцев; и хотя со времени пребывания короля в Палермо употребляются все средства к истреблению сего закореневшего зла, но, с одной стороны, продолжающаяся война на твердой земле препятствует благому намерению короля, а с другой, народ, обнищавши, не может так скоро поправиться. При всех употребляемых поощрениях земледелец, испытав, что в продолжение нескольких лет запрещение и позволение вывозить хлеб не подлежит постоянному закону, и ныне, по мере ходатайства английского министерства у двора, иногда мгновенно переменяются, то неизвестность, принесет ли урожай какой прибыток, побуждает поселянина не слишком стараться об улучшении земледелия. Леность и небрежение его суть необходимые следствия слабости правления и злоупотребления власти высших чиновников.

Народ, живущий на земле плодоносной, влачащий жизнь в крайней бедности, ищет других средств к пропитанию своему. Праздность, как мать пороков, порождает злодеяния. Правительство, не искореняя их в самом источнике по медленности судопроизводства, в некотором отношении поощряет преступления, и многочисленные шайки разбойников на свободе грабят внутренние провинции Сицилии. В уездных городах, принадлежащих дворянству и духовенству, нет никакой земской полиции, ибо сии властители почитают себя в замках своих безопасными. Кроме приморских городов, во всех других нет ни одной роты солдат, малые отряды полицейских сыщиков, находящихся в городах, королю принадлежащих, будучи не в силах воспрепятствовать разбоям, чрез послабление только обогащаются; потому-то здесь быть

разбойником и сбиром почитается выгодным ремеслом. Путешественник не может иначе сохранить жизнь и имущество свое, как наняв для сопровождения себя сильный отряд молодых людей, которых во всяком селении находится достаточное число и на честность и храбрость которых совершенно положиться можно. Многие из природных жителей платят разбойничьему атаману за пропуск и получают от него билет для безопасного проезда чрез известное расстояние. Если бы что у них было отнято, то по предъявлении билета все без малейшей утраты и замедления будет возвращено или уплачено деньгами.

Правление[24]

Король Рожер по изгнании сарацинов из Сицилий, верховную власть поручил парламенту, состоящему из следующих трех государственных сословий: 1-е, *поместного дворянства*, предводитель которого князь Бутеро есть наследственный президент и непременный генерал-капитан военной силы; 2-е *духовенства*, состоящего из трех архиепископов, всех епископов, аббатов, приоров и депутатов от разных орденов числом до 70; архиепископ Палермский есть глава духовенства; 3-е *представителей народных*, назначаемых депутатами от 42 главных городов и 310 малых, принадлежащих баронам. Каждый подданный, имеющий собственность, при избрании депутатов подает голос. Глава сего сословия (Braccio Dominicale) есть претор или градоначальник Палермо. Достоинство сие в великом уважении, ибо претор в отсутствие президента заступает его место и, кроме того, как глава народных представителей, имеет великое участие в правле-

[24] Статья сия заимствована из краткого описания острова Сицилии неизвестного сочинителя, которая во французском издании прибавлена к письмам г. Брайдона о Сицилии и Мальте.

нии. Парламент сей есть верховное судилище и все власти ему подчинены; он налагает подати и назначает суммы расходов. Король имеет право созывать и распускать парламент по своей воле, чрез канцлера он предлагает на совещание оного всякий новый закон. Канцлер (il Protonotario), предложив волю короля и избрав 12 депутатов, называемых защитниками народа, выходит из присутствия. Несмотря на сей обряд, власть королевская соделывает решения парламента бессильными.

Гражданское правление состоит из четырех трибуналов. 1-й *Королевская палата*, разделяемая на гражданский и уголовный суд, решит окончательно все дела. 2-й *Трибунал королевских имуществ* (Patrimonia del Re, o Della Ragia Camera) управляет королевскими доходами. 3-й *Юнта* есть мессинское городовое правление, учрежденное с того времени, как город сей лишен за возмущение великих своих преимуществ. 4-й *Консистория* решит апелляционные дела или рассматривает определения первых двух трибуналов. Советники сих четырех трибуналов, судья, президенты, адвокаты и фискалы назначаются королем.

Папа Евгений IV предоставил королю Рожеру права своего легата; почему короли сицилийские издревле и одни из католических королей в духовном и светском отношении почитаются от пап независимыми.

Вследствие сего преимущества владетели Сицилии для управления дел, папскому легату присвоенных, учредили духовный трибунал, называемый la Monarchia Regia. Трибунал сей состоит из четырех духовных министров, доктора канонических прав, называемого Monsignor della Monarchia, адвоката, фискала и прокурора. Апелляционные духовные дела окончательно решатся в сем трибунале. Другое духовное судилище называется Трибунал крестовых походов. В 1095 году папа Урбан II предоставил тем подданным христианских гос-

ударей, которые пойдут в Палестину для завоевания гроба Господня, многие преимущества, между прочими позволение в посты есть молочное. Папа Александр VI новой буллой, по особенной благосклонности к королю Фердинанду Католику, подтвердил сие преимущество для его подданных королевства Испании и Сицилии. Архиепископ Палермский, как примас духовенства, есть генерал-комиссар сего трибунала, коему подлежат другие, во всех городах учрежденные. За позволение в пост употреблять молочное трибунал сей получает ежегодного дохода до 600 000 рублей, которые обращаются на содержание галер или на выкуп христиан, в плену у турок находящихся.

Инквизиция существует только по одному названию; власть сего судилища очень ограничена и пресечены все способы к злоупотреблениям. Несмотря на сие, никто, однако ж, не смеет похваляться своим безверием или превратно толковать принятые обряды веры. Судилище сие и при первоначальном своем учреждении испанскими королями не смело употреблять тех жестоких средств, кои были в обыкновении в Испании и Италии; народ противился сему, дворянство не терпело, чтобы испанский монах самовластвовал над ними. Все слишком ревностные инквизиторы за малейшее насилие, особенно когда они дерзали входить в разбирательство поведения и мнений баронства, неукоснительно были умерщвляемы рукой убийц.

Город Палермо, по древним своим преимуществам, управляется особым сенатом, состоящим из претора и шести сенаторов. Претор сверх того управляет хозяйственной частью и есть глава народных представителей в парламенте. Сенаторы, избираемые из грандов испанских первой степени, подобно римским сенаторам носят пурпуровые тоги. В уголовном суде председательствует так называемый юстиц-капитан; он же и предводитель дворянства. В Преторианском

суде заседают трое судей, избираемых погодно королем из палермских граждан; они присутствуют также в уголовном суде и, участвуя в распоряжении городовых доходов, состоят в повелении претора.

Законы и судопроизводство

Сицилийские законы рассеяны и смешаны во многих старых толстых томах и кипе новых указов, которые в руках судей, подобно хамелеону, принимают на себя всякий цвет и изменяют оный в тех вещах, к коим приближают они сие животное, ибо одна власть, которая превыше всех законов, не судит, а только соглашается, что всякий цвет хорош. Власть сия иногда видит, что беспорядки со дня на день умножаются, что болезнь в теле государственном укореняется; слышит вопли страдающих; знает, что для пресечения сего зла надобно принять на себя некоторый труд или стоит только пожелать оного, но предполагая от излишнего напряжения сил своих более вреда нежели пользы, не делает никакого движения... И таким образом, борясь между предположениями и сущностью, не замечает смятения, не внемлет стонам, привыкает к немощи и излечения оной ожидает от случая или поверяет его таким людям, кои для польз своих единственно стараются о продолжении болезни.

Судопроизводство в Сицилии есть самая недостаточная, самая запущенная часть народоправления. Прежде, нежели дело достигнет трона, оно должно пройти, считая от баронского, чрез шесть судов, и часто случается, что государственный секретарь (Maestro Secreto), заметив малейшее отступление от приказного обряда, отсылает оное назад для рассмотрения снова, начиная с нижней инстанции, и потому дела праведные и неправедные продолжаются целые веки. Посему-то тяжбы здесь бесчисленны, ябеда составляет игру, изощряющую хитрость, подлог и обман; все небогатое дворянство в оной упражняется для того, чтобы чем-нибудь себя

занять, избавиться военной службы, где нельзя нажиться страстью богачей иметь без нужды надобность в человеке, знающем ябеду для защищения их в суде от напраслины.

Стряпчие называются здесь докторами прав, и название сие им весьма прилично; они лечат сутяг точно так, как у нас лекари притворно больных — берут деньги и дают только пить воду с сахаром. Несмотря на то, что докторов здесь очень много, каждый из них нередко получает в год от 20 до 30 000 рублей, и сие делается, однако ж, законным образом по условию. Если дело сомнительно или запутано, приглашаются на совет другие правоведцы, общее мнение скрепляют они подписью, и доверенный доктор по сему наставлению ведет дело. Заботы докторов состоят в том, чтобы согласить судей, которые, получив за труды свои воздаяние наличной монетой, без труда убеждаются в том, в чем кому угодно. Судьи, а более секретари, на коих судопроизводство вращается как шар земной на своей оси, с давнего времени сделав привычку получать великую прибыль, не берут мало и считают за грех нажить в год менее 60 000 рублей. Они всякими способами спешат набить свой карман, ибо король переменяет их чрез каждые два года. Судьи и секретари получают малое жалованье и избираются из стряпчих.

Я один раз ходил в Королевскую палату. Какой шум, теснота, нечистота и духота; это храм неправды, где все ябедники, криводушные толкователи законов, приказные пройдохи стремятся отличить себя на поприще обманов. Президент, адвокат-фискал и трое судей сидели вокруг стола; всем им вместе было не менее 400 лет. Один из них потел под тяжестью большого парика, другой прохлаждал себя веером, третий зевал, четвертый спал; стряпчий, поднявшись на носки, держа в руках толстую тетрадь, кричал во все горло: «La senta! La senta! Послушайте! Послушайте!» И никто его не слушал, ибо дела читают только для одной формы. Решения

суда, будучи основаны на сбивчивых и сомнительных законах, не имеют силы, и только одна воля и желание короля приводится в исполнение. Судьи, обязанные давать отчет в своих мнениях высшим чиновникам, зависящим от самопроизвольной власти, не могут быть беспристрастными хранителями законов и никогда не страшатся наказания за несоблюдение оных, ибо когда бы законы были ясны и точны, то не нужно бы было столь часто испрашивать королевские повеления, и судьи, так сказать, на каждом шагу никак не смели бы ошибаться. Тогда и самый хитрый правоведец из противоречий указов не мог бы извлечь своего оправдания, ибо наказание немедленно бы следовало бы за преступлением.

Приказный слог учен и надут; в нем столько повторений, столько «вышереченных», «нижеименованных», «дондеже», «паки», «убо» и «сугубо», столько выходок из римских прав и примеров из древней и Священной истории, что, читая или слушая дело, как говорится, уши вянут; нет никакой связи, нет силы, красноречие самое педантическое; ибо дела пишутся единственно для того, чтобы длинным, бестолковым разглагольствованием наскучить судьям, принудить их скорее подписать оные, что и делается ими, ибо они знают, что дело после них будет рассматриваться еще несколько раз и что за сумбур им ни слова не скажут; ибо и самые злоупотребления остаются без внимания. Они, не входя в обстоятельства дела, не внимая даже здравому смыслу, подписывают только те из них, за которые отсчитано им звонкой монетой.

В уголовном суде дела текут столь же медленно, как и в гражданской управе. Сажают в тюрьму без разбора; почему иногда невинные, еще до рассмотрения их обвинения, от заразительного пара и омерзительной нечистоты умирают в оных. В сравнении совершаемых здесь убийств смертная казнь очень редко бывает. В уголовном преступлении, несмотря на несомнительные обличения, закон требует добро-

вольного признания, но доколе преступник не признался, его сажают в тюрьму, и если в сей гробнице, лишенной света и воздуха, высидит он четыре года, то отсылают на галеры. Тому несчастному, которому уже прочтен смертный приговор, дается для оправдания отсрочка на месяц; тут нельзя не заметить благотворной цели законов. В сию ужасную для осужденного отсрочку к защите его является так называемый стряпчий бедных, на которого праводушие и честность всякий несчастный положиться может, ибо король на почтенное звание сие обращает особенное свое внимание и избирает в оное наиболее мужей бескорыстных, богатых, а более всего кротких и великодушных.

В столь многих недостатках, в сем хаосе гражданского управления, которого беспорядки, конечно, угнетать могут подданных более самой войны, есть и нечто доброе. Я разумею сословие стряпчих, которые, не подражая и не следуя правилу собратий своих: «любить ябеду и жить на разорении тяжущихся», имеют свое честолюбие и свою славу. Первостатейные стряпчие добрыми делами своими заслужили в обществе великое уважение. Они, имея надзор над младшими, без просьбы берут на себя защищать бедняка от неправд богатого; берут на себя все издержки судопроизводства и ни под каким видом и малейшего знака признательности за труды в таком случае не принимают. Другие не иначе принимают на себя ходатайство по делу, как по убеждении в правоте и справедливости просящего, и если сии получают условленную плату, то равно, как и первые, могут гордиться именем защитника невинности. Объявление судебных приговоров рождает удивительное соревнование и есть основание той чести и правоты, которая без робости в благородном стремлении заслужить одобрение и похвалу благомыслящих, в судах смело возвышает глас истины, часто изъясняется в оскорбительных выражениях на счет правительства, и к чести

короля должно сказать, что он сих достойных людей особенно уважает и старается отличать их своей милостью и лаской. Пример такого поведения первостепенных стряпчих имеет благотворное влияние и на подчиненных, видящих, что одно средство нажиться честным образом есть заслужить доверенность публики, которая не иначе приобретается, как прилежанием, знанием и бескорыстием. Труд их не остается без награды, ибо более известные доктора прав, имеют значительные имущества.

Власть короля. — Доходы. — Войска

Власть короля не ограничена, она подкрепляется любовью народа, и ныне, со времени пребывания его в Сицилии, от феодальной системы едва ли тень осталась. Могущество дворянства от многих причин ослабло, и королю для присвоения законным образом власти баронства препятствуют нынешние его стесненные обстоятельства, политическая его зависимость от англичан, а наиболее то, что от лишения дворянства вдруг всех преимуществ народ неминуемо был бы разорен; престол лишился бы сильной опоры, казна от своевольства праздного народа лишилась бы большой части доходов, и король, вместо беспорядков, от малого числа дворян происходящих, долженствовал бы бороться с буйством толпы невеж, которые до сего времени удерживались в должном повиновении только властью и попечением дворян. Освободить народ от всякой подчиненности, к которой он уже привык, значило бы дать ему оружие и против самой самодержавной власти, от которой неминуемо он стал бы требовать не одних повелений, но и причин, побуждающих к объявлению оных, ибо вольность народа с самовластием несовместна.

Государственный годовой доход, состоящий из разных податей и сборов, простирается до 5 000 000 рублей. Регуляр-

ных войск, включая и гвардию, считается 22 000. Солдаты, хотя и не так выправлены, не так ловко маршируют, однако ж стреляют исправно и очень метко. Конница легка и на прекрасных лошадях. Войско одето красиво и даже богато; содержание получает безнужное, но, что всего важнее, оживлено духом мужества. Многие полагают, что итальянцы вообще не способны к военной службе, но сие, говоря вообще, несправедливо. Италия во все времена славилась хорошими генералами, и, хотя итальянцы не походят более на римлян и изнежены до того, что солдаты не имеют воинственного вида; однако ж, если они подчинены будут искусному генералу, то никакому народу не уступят в храбрости. Итальянские войска под предводительством Наполеона, столько отличившиеся во многих сражениях, особенно в Ваграмской битве, мнение о их неспособности могут совершенно опровергнуть. Сицилийские гренадеры под начальством герцога Гессен-Филиппстальского, защищавшие Гаэту, также заслужили имя храбрых даже и от самых французов, которые не всегда и не очень охотно отдают справедливость своим неприятелям.

В начале 1808 года, когда в Неаполе готовилась экспедиция для покорения Сицилии, Фердинанд объявил об опасности отечества. Народ, дворянство, духовенство, все сословия вообще изъявили неожиданную многими готовность умереть за короля. при сем обнаружилась закоренелая ненависть сицилийцев к неаполитанцам.

Народ гласно просил дать им начальников из природных сицилийцев, и когда король снизошел на просьбу сию, то в три недели явились добровольно на службу 52 000 человек подвижной милиции, кои иждивением дворянства были уже одеты, а оружием снабжены англичанами. Нам приятно было видеть, что мундир и экзерциция сего народного ополчения были точно такие, какие наша пехота имела в царствование императрицы Екатерины II.

С некоторого времени носились слухи, будто британское правительство вознамерилось воспользоваться бессилием короля и предложить ему за корону пансион, но едва милиция стала под ружье, все неприятные вести умолкли, и конечно, оные были неосновательны, ибо англичане, занимавшие Мессину, Катаньо, Сиракузы и Мелацо, будучи малочисленны для защищений сих крепостей от французов, и как сохранение Сицилии было им необходимо для удержания Мальты, то все укрепленные места, против Калабрии лежащие, были сданы без малейшего сопротивления королевским войскам, и англичане, до сего бывшие господами, сделались гостями; войска их остались в тех же крепостях под названием вспомогательных; сверх того от английского парламента назначено королю пособие для содержания в готовности всей его армии. Со всей вероятностью сказать можно, что Наполеон в покорении Сицилии встретит многие препятствия, он не найдет здесь своей партии, ибо хотя и есть недовольные правительством, но сии, равно как и преданные, страшатся его владычества. Сицилийцы еще не забыли тиранства нормандских пришлецов, и они еще те же самые, которые на Сицилийской вечере обагрили руки в крови французов.

Флот неаполитанского короля состоит из одного корабля, 3 фрегатов и 20 канонирских лодок.

Фердинанд IV есть самая благость; ясное, всегда веселое лицо изображает всю кротость души его. Судьбе угодно было обременить его многим несчастьями и потерями, но он не унывает, надеется на Бога и переносит все неприятности с непоколебимой твердостью. Когда Наполеон пророческим тоном объявил армии своей, занимавшей Неаполитанское королевство, скорое завоевание Сицилии, то добрый Фердинанд в шутку тогда сказал: «Наполеону не удастся согнать меня с земного шара, я с оружием в руках и моими Борбона-

ми[25] всегда буду королем». Сим Его Величество хотел сказать, что он как царь будет защищаться и умрет с честью Бурбонов. Король обожаем народом. Некогда проезжал он городом на любимую свою охоту, птичную ловлю, народ так столпился на улице, что коляска его насилу могла двигаться. Король с добрым видом, дав поцеловать руку ближайшему к нему лазарону, едва успел сказать: «Перестаньте же кричать и дайте мне дорогу», как народ расступился, клики: «Да здравствует отец наш!» умолкли, и что ж я увидел? Едва король несколько отъехал, чернь обратилась к тому нищему, который удостоился поцеловать королевскую руку, и все стремились обнимать его, как освященного прикосновением помазанника. Конечно, думал я в себе, и самые победы не заставили бы любить короля более, сколько теперь любят его в несчастии. Король ездит всегда без свиты, просто в сюртуке, редко в мундире. Он так близок народу, так доступен, что благодушие его иногда делает лазаронов слишком докучливыми и наглыми. Один раз, когда в Неаполе вздорожал хлеб, народ, бежал за его экипажем, кричал: «Отец наш! Хлеб дорог!» Король так же ехал на охоту, и что же он сделал? Велел везти себя в городовое правление и, вошед в присутствие, спросил: «Почему хлеб так вздорожал?» Президент объяснил и доказал, что цена очень умеренна и уменьшить оной невозможно. «Очень хорошо, — отвечал король, — уменьшите от фунта ползолотника и объявите цену полбайоном меньше».

Фердинанд, будучи уже в преклонных летах старости, с некоторого времени большую часть забот правления предоставил королеве, и Каролина, обладая высоким умом матери своей Марии Терезии, имеет и ее характер и так же управляет Сицилией, как сестра ее Мария Антуанетта управляла

[25] Борбон — так называется здесь царская рыбка. Известно, что король любит охоту и рыбную ловлю.

Францией. Она искусной рукой твердо держит бразды правления; она распоряжает всем; дает повеления министрам; располагает движениями войск; строптивость дворян обезоруживает лентами, ласками и призыванием их ко двору; своевольства палермской черни воздерживает строгой полицией: она все знает, что вокруг нее делается; знает, что делают и думают в Неаполе, соображает свои действия с обстоятельствами и тайными сношениями с прежними подданными, более беспокоит Неаполитанского короля, нежели опасается его силы. Будучи в видимой зависимости от английского министерства, она не иначе уклоняется пред необходимостью, как с достоинством. В сношениях с неприятелем она непреклонна. Наполеон предложил чрез бракосочетание дочери ее с Мюратом соединить в потомстве их наследство короны обеих Сицилий. Королева изъявила несогласие свое таким тоном, что униженный, пристыженный оным победоносный рыцарь в движении гнева положил во что бы то ни стало покорить Сицилию и в прокламации своей к Неаполитанской армии употребил неприличные выражения. Несмотря на представление, что без покровительства флота невозможно украдкой высадить на рыбачьих лодках достаточного числа войск для покорения Мессины или какой другой крепости, защищаемых значительной армией и сильным корабельным и гребным флотом, Наполеон дал решительное повеление исполнить его намерение, и из десятитысячного корпуса ночью, во время штиля, перевезенного из Реджио, к югу от Мессины, едва ли третья часть спаслась; прочие несколькими канонерскими лодками без защиты были потоплены в проливе и весьма малое только число досталось в плен.

Королева поступки свои с французами соображала по точной взаимности с их действиями, и сия мысль, как известно, очень тревожила Наполеона, ибо он опасался, чтобы и другие его неприятели не вздумали так же с ним обходиться;

тогда, конечно, пришлось бы ему от многих выгод отказаться. Фра Дьяволо, славный партизан калабрский, по несчастью, попался в плен. Неаполитанский король определил, как преступника, замучить его лютой казнью; королева, узнав о сем, предупредила, что она за смерть своего генерала прикажет казнить тем же образом 6 французских штаб-офицеров, находящихся у нее в плену. Иосиф не послушал; Фра Дьяволо был колесован и четвертован в Неаполе; 6 несчастных французов в Палермо как преступники казнены были на эшафоте. Мюрат, сменивший Иосифа, определил всех солдат и офицеров, уроженцев Неаполитанского королевства, оставшихся в службе короля Фердинанда и попавшихся в плен, как изменников расстреливать. Королева уведомила его, что она ранг за ранг и число за число будет расстреливать французов, находящихся у нее в руках...

Древности

В заключение описания достопамятностей Палермо считаю не бесполезным для пополнения моих замечаний предложить нечто о древностях Сицилии, о которых в русском переводе прекрасных писем г-на Брайдона ничего не упомянуто, вероятно, потому, что г. Кампе, издавший путешествие Брайдона на немецком языке, статью о древностях выпустил.

Большая часть сицилийских писателей согласно утверждают, что сицилийцы происходят от Хама, сына Ноева, который есть Сатурн, построивший великий город Камезену. Бероз думает, что оный от испортившегося первого имени назывался потом Камарина; напротив, Гварнери, Каррера и другие уверяют, что Камазена была у подошвы горы Этны, между Ачи и Катаньей, против трех голых скал, кои и доныне сохранили имя Циклопов. Каррера упоминает об одной надписи, виденной им на развалинах Ачи, оправдывающей его предположение. Он к тому прибавляет, что Хам был великий злодей и прозван за то Esenus, то есть бесчестный. Фа-

целло говорит, что он женился на родной своей сестре Рее. Церера, дочь их, царствовавшая в Сицилии, не имевшая пороков отца своего, славилась красотой, кротостью и мудростью. Она из пшеницы и винограда, кои сами собой в великом изобилии тогда произрастали, научила подданных своих приготовлять хлеб и делать вино. Прозерпина была столь же прелестна и добродетельна, как мать ее Церера. Оркус, царь Эпирский, желал иметь ее своей супругой, что и подало грекам случай к вымышлению басни о похищении Прозерпины Плутоном, богом Ада, ибо Оркус был нрава сурового и угрюмого.

Церера была первым божеством Сицилии. Говорят, что и ныне находятся медали с прекрасным изображением богини, а на обороте с хлебным колосом. Она построила свою столицу на вершине высокой горы в средине острова и назвала оную по имени горы — Энна. Ныне на месте сем стоит город Кастрожовани, в коем никаких остатков от Энны не видно.

Цицерон, по местоположению Энны в самой средине Сицилии, называет ее Umbilicus Siciliae; страну же вокруг оной уподобляет земному раю, наполненному тенистыми рощами, чистыми ручейками и лугами, кои во всякое время года покрыты душистыми цветами. Храм Цереры, в Энне находившийся, был в великом уважении. Фацелло повествует, что когда город был взят рабами и варварами, то они не смели коснуться к сокровищам храма, которых в оном было гораздо более, нежели во всем городе. Развалины сего капища ныне едва приметны. Храм Венеры Еречинской (Erecine), только славный и известный во времена идолопоклонства, построен был на вершине горыЕрикс или, по сицилийскому произношению, Ериче.

Ныне гора сия называется Сан-Жулиано. Греческие, римские и сицилийские историки согласуются, что храм сей столь же древен, как и храм Цереры в Энне. Диодор пишет,

что Дедал после бегства своего из Крита украсил здание сие многими статуями. Эней, по разорении Трои прибывший со флотом своим в порт Дрепани (ныне Трапано), находящийся у подошвы горы Ериче, по смерти отца своего Анхиза принес храму сему богатые дары. Вергилий, недовольный щедростью своего героя, вопреки мнению всех писателей, утверждает, что Эней положил и основание храму, который впоследствии и римляне столько же уважали, как и греки. Число жрецов и жриц было при оном столь велико и издержки на храм сей столь непомерны, что 17 городов едва могли содержать оный с надлежащим приличием.

Большие стаи голубей, почитавшихся, как известно, спутниками Венеры, перелетая в начале осени и весны из Италии в Африку или возвращаясь оттуда, для отдыха садились на горе Ериксе вокруг храма. Суеверный народ, думая, что сама богиня посреди них находится, в сие время приносил ей жертвы. Женщины обязаны были исполнять в точности обряды, на сей случай установленные, боясь прослыть лицемерками; и самые целомудренные из них охотно оным следовали и не подавали повода упрекать себя в уклонении от жертвоприношений. Уверяют, что женщины ерикские и дрепанские с нетерпением ожидали появления голубей и, чтобы удержать их долее близ храма, они приносили с собой для них корм. Красота женщин сих мест, и поныне прелестных, конечно, подали мысль на горе Ериче, а не в другом месте, как говорит в описании древностей Сицилии барон Риедезель, установить сей особенный обряд в честь богини любви, точно, как и в древней Греции по причине красоты женщин в Книдах чествовали Венеру подобным же бесстыдием.

Храм святого Жулиана заступил ныне место капища Венеры. Сицилийцы имеют большую веру к сему святому, ибо думают, что когда Трапани был стеснен осадой, в то время св. Жулиан, вооруженный, явился на стенах и явлением своим

толико устрашил неприятеля, что оный обратился в бегство; и с тех пор город никогда не был угрожаем нападением.

На горе Ериче и ныне находят медали, но, кроме кусков мрамора с едва приметными следами надписей, нет никаких более остатков, свидетельствующих о существовании храма Венеры. Светоний уверяет, что оный в царствование Тиверия кесаря был возобновлен; напротив, Страбон утверждает, что оный в его время был оставлен, и сие более вероятно; ибо остатки многих зданий, воздвигнутых при Тиверии, еще сохранились.

Сицилийские писатели, согласно с Вергилием, полагают, что Эней, оставшись после сожжения кораблей своих на суше, построил город Ериче, в честь матери своей Венеры; другие же утверждают, что храм сей богини построил Эрикс, другой сын ее, старейший Энея, тот самый, который был убит Геркулесом. Место сие и доныне называется Геркулесово поле (il Campo d'Hercole).

По причине удивительного плодородия долин, окружающих Палермо, город сей в древние времена назывался Панормус, что на древнем греческом языке означало Всесад; другие же с большей вероятностью утверждают, что оный именовался Pan-ormus от греческого слова Все-Порт, по причине обширности и удобности гавани его, которая даже и в тех местах, где ныне могут приставать только небольшие суда, была столь глубока, что Велизарий во время войны с готами, обладавшими Сицилией, поставил корабли свои под самыми стенами Палермо. Последнего названия теперь по значению слов Все-Порт не можно приписать Палермо, ибо малая гавань обмелела от ужасного наводнения, коему Фацелло был очевидец. Сей историк говорит, что вода, с ужасным стремлением вырвав часть стены подле дворца, разрушила до основания две тысячи церквей, монастырей и домов, поглотила три тысячи человек, и малая гавань наполнилась развалинами домов.

После Камезены Палермо почитается древнейшим городом Сицилии. Епископ Луцерский полагает, что он основан был во времена патриархов. Он доказывает сие одной халдейской надписью, найденной 600 лет тому назад в царствование Вильгельма II и переведенной на латинский и итальянский языки. А как и ныне находят в окрестностях Палермо остатки надписей на сем языке, то епископ и заключает, что город построен был халдеями в первых веках от создания мира; вот буквальный сей надписи перевод: «Когда Исаак, сын Авраама, царствовал в долине Дамской и когда Исайя (Ejaii), сын Исаака, управлял Идумеей, тогда великое число евреев, последуемых жителями Дамаска и Финикии, пристало к сему треугольному острову и поселилось в сем прекрасном месте, которому и дали имя Pan-ormus».

Епископ перевел другую халдейскую надпись, находящуюся на древних западных городских воротах; перевод сделан на латинском. Здесь сообщается оный от слова до слова на русском языке: «Нет другого Бога, кроме единого Бога; нет другой власти, кроме сего самого Бога. Нет другого победителя, кроме того Бога, которому мы поклоняемся». Начальник сей башни есть Сафю (Sapru), сын Елифара (Eliphar), сына Исайи (Esaii), брата Иакова, сына Исаака, сына Авраама. Имя башни сей есть Баих (Baych), а к ней ближайшей — Фарат (Pharat). На первой башне были и другие надписи, но так изгладились, что оных, при всем старании, Фацелло разобрать не мог.

Один ученый палермский антикварий уверяет, что Panormus на халдейском, равно как и на еврейском, значит «рай» или «прекрасный сад», и что греки, поселившиеся на том месте, где жили первые, оставили городу прежнее его имя. Он присовокупляет к тому, что Pan-ormus на арабском языке означает «Все-Вода», почему и арабы, обладавшие оным, сохранили городу тоже древнее название.

В архиве хранятся толстые тома о достопамятных древностях Палермо. Вот еще одна и последняя басня, которая, как относящаяся к чести женщин, достойна быть здесь помещена. Историки сицилийские повествуют (неизвестно точно, в какое время и в какое царствование), когда Палермо осажден был сарацинами, терпел голод, и у воинов не доставало материалов для делания тетивы к лукам, и когда город был уже в том состоянии, что не мог долее сопротивляться, одна женщина (имя также пропущено) из любви к отечеству предложила другим женщинам пожертвовать для спасения оного волосами, дабы воины могли употребить их на тетивы. Палермитанки обрезали прекрасные свои волосы и, как уже известно, что нежный пол есть и будет первой побудительной причиной для возбуждения храбрости в мужчинах, то воины палермские, одушевленные сей великой для красоты и прелестей жертвой, с таким мужеством продолжали защищаться, что сарацины были утомлены, разбиты и город освобожден от осады. Палермитанки могут гордиться сим славным для них происшествием, воспетым, как того и ожидать должно, многими им преданными поэтами. «Волосы наших женщин, — сказал один из них, — всегда употребляются для той же цели, но они ныне бросают только те стрелы, кои приуготовляются самим Купидоном, и употребляются только для любовных связей».

Минеральные воды. — Произведения. — Торговля

На всем пространстве Сицилии находится много минеральных вод: одни из них слишком горячи, другие столь холодны, что восходят одной степенью выше точки замерзания и, однако ж, никогда не обращаются в лед.

Во многих местах острова находятся источники, на поверхности коих плавает род масла; земледельцы жгут оное в своих лампадах и употребляют на многие другие надобности.

Источник при Никосии, называемый il Fonte Canalotto, заслуживает особое примечание. Он всегда покрыт бывает толстой, смоленого свойства пеной; поселяне употребляют оную как самое действительное лекарство от сильных простуд и других болезней. Вода одного небольшого озера при Назо, будучи чиста и прозрачна, как стекло, имеет удивительное свойство чернить все вещи, в оную погружаемые. Серных бань в Сицилии очень много; в Тремити находящиеся почитаются лучшими. Оные бани славны были во времена римлян. В некоторых местах Сицилии и на островах, близ нее лежащих, из недр земли выходят испарения. В большом отдалении от Этны находят лаву, пемзу и ноздреватые камни, извергаемые огнедышащими горами, почему и должно заключить, что Сицилия, так как и Липарские острова, произошла от подземного огня. В трех верстах к западу от Палермо, у самого морского берега, находятся многие горячие ключи, которые со дна моря с такой силой выбиваются, что песок там волнуется, вода высотой до двух аршин очень горяча, а далее холодна, как лед. Где глубина невелика, там испарения выходят от холодной, а не от теплой воды.

Главное произведение и, можно сказать, богатство Сицилии, есть пшеница. Почва земли без унавоживания и при дурном возделывании столь плодоносна, что одна жатва обыкновенного урожая дает для продовольствия всего народонаселения на семь и на восемь лет вперед. Сицилийцы молотят хлеб, как у нас крымские татары, лошадьми, сохраняют же оный совсем особенным образом. В сухом грунте высекаются погреба, пшеница тотчас, как обмолотят, ссыпается в сии кладовые, которые на поверхности земли имеют небольшие отверстия; а дабы внешний воздух и дождь не могли проникнуть в погреба, отверстие со тщанием закрывается и хлеб таким образом гораздо долее, нежели у нас, сберегается.

Растение, которого зола почитается наилучшей для делания стекла содой, с большим тщанием здесь возделывается и

приносит поселянам большой прибыток. Дикий мед, особенно вокруг Этны собираемый, предпочитается другим и высоко ценится. Сахар не составляет еще предмета для внешней торговли, но для домашнего употребления в довольном количестве расходится. Солодковый корень и сок, из оного выжимаемый, также составляет предмет, выгодный для промышленников; манна же есть, конечно, полезнейшее произведение Сицилии. Сие драгоценное лекарство извлекается из дерев, известных здесь под именем морских ясеней. В июле месяце в продолжение наибольших жаров на коре оных дерев делают насечки, откуда вытекает густой сок, подобный прозрачной смоле и скоро твердеющий на солнце. Зернистая манна, сама собой вытекающая из дерева, как наилучшая с большим тщанием укладывается в небольшие коробочки. Крестьяне насекают деревья всегда с одной стороны, а другую оставляют для следующего лета. Каждое дерево дает в год полфунта и целое столетие может таким образом приносить пользу.

Торговля, несмотря на войну, со времени пребывания короля столько улучшилась, что произведений мануфактурных и необработанных отпускается уже вдвое более прежнего. Сицилийцы имеют достаточное число своих судов, но по преимуществам, данным англичанам, оные большей частью остаются в гаванях без всякого дела.

Сицилия, бесспорно, есть наилучшая страна в Европе: по справедливости, назвать ее можно садом Европы. Почва земли от множества вулканических частиц чрезмерно плодоносна. Провинции Валь да Ното и Валь ди Мацара изобилуют хлебом, а Валь ди Демона плодами. Повсюду произрастают превосходнейший виноград, сахарный тростник, финиковые, писташные, масличные, апельсинные и цитронные дерева, а обыкновенные, как то: персиковые, миндальные, фиговые, шелковичные и пр. растут без призора в лесах. Удивительное

множество источников и ключей, орошая и украшая сию прелестную страну, конечно, немало способствует изобилию. Пажити в окрестностях Этны, близ Катаньи, столь тучны, что скоту, дабы он не слишком ожирел, принуждены бывают пускать кровь. Луга и леса во всякое время года покрыты цветами и душистыми кустарниками; лаванда, розмарин, лилеи, ясмин и множество других растут здесь на открытом воздухе. Этна есть первой причиной такового удивительного плодородия.

Море, окружающее Сицилию, доставляет изобильную ловлю рыб. В Мессине в великом уважении угри, в Палермо тон, во всех других портах борбони, макрель, меч-рыба и множество других. Реки и малые источники также изобилуют рыбой. Из дичи почитаются за лакомство бекафиги и дикие павлины.

Царство ископаемых столь же богато: одних мраморов считается 51 сорт. Златоцветные, зеленые, черные с золотыми искрами почитаются лучшими. Яшмы, агатов, порфиров, карниолов, ляпис-лазури и других драгоценных камней считается до 300 родов. В недрах гор хранятся богатейшие жилы металлов и полуметаллов. Король обратил ныне особенное внимание на обрабатывание рудников, которые в правительство вицероев большей частью были оставлены. Сера, квасцы, купорос, киноварь, пемза и прочие произведения огнедышащих гор приносят значительный доход. Каменная, добываемая из озер при Марсала — фрапаникс — и вывариваемая из морской воды соль составляет наибогатейшую ветвь торговли. Мыльный камень, который есть и у нас в Крыму, по свойству своему употребляется крестьянами вместо мыла.

Словом, Сицилия, изобилуя всеми потребностями для жизни и роскоши, в руках морской державы, обращающей всегда наибольшее внимание на внешнюю торговлю и промышленность, могла бы скоро достигнуть до прежнего своего

величия. Народонаселение ее, столь ныне малое по пространству, скоро умножилось бы, и Сицилия, не имея нужды заимствоваться от других земель чем-либо, приобрела бы чрез отпуск своего излишества великие богатства. Пребывание короля в Палермо, конечно, принесло уже значительные пользы, но многие злоупотребления в правлении требуют постепенного исправления. Война с сильным соседом требует пожертвований, несоразмерных с доходами, и благое намерение короля к улучшению всех частей народоправления сим немало затрудняется. Сицилийцы тогда только могут почесть себя счастливыми, когда торговля будет освобождена от стеснительных, самопроизвольных и часто переменяемых налогов; когда для облегчения внутренних сообщений будут сделаны дороги, которые в гористых местах едва проходимы только для вьючных ослов; когда гражданская управа будет основана на коренном и постоянном законе; когда власть королевская не будет иметь препятствий делать добро, а права дворянства и духовенства будут поставлены в надлежащих пределах, и когда, наконец, богатство дворянства и нищета народа придут хотя в некоторое равновесие.

Война с Англией. — Сдача фрегата «Венус» сицилийскому правительству

20 ноября, прибыв в Палермо, к крайнему сожалению нашему, по осмотре найдено, что фрегат имел столь многие и важные повреждения, без исправления коих невозможно выйти в море. Командующий фрегатом капитан-лейтенант Андреянов, представя российскому при Сицилийском дворе министру тайному советнику Дмитрию Павловичу Татищеву о необходимости приступить немедленно к починке фрегата, просил для скорейшего окончания оной нужной помощи от порта. Вследствие сношений с сицилийским правительством, по свезении пороха в королевские погреба, фрегат вошел в

гавань, разгрузился и к 10 декабря руль был сделан новый, гротмачта, бушприт и бимсы, треснувшие во время шторма, первые укреплены шкалами, последние подперты новыми пиллерсами, пробоины, полученные в сражениях, были забиты и обшиты новой медью, трюм перегружен, крюйт-камора[26] исправлена, и фрегат внутри и снаружи весь выконопачен.

По таковом исправлении, получа на два месяца провиант, мы готовились идти в порт Феррайо, где находился капитан-командор Баратынский с кораблями «Св. Петром» и «Москвой», как вдруг слухи о разрыве между Россией и Англией подтвердились официальным сообщением, полученным английским министром в Палермо г. Друммондом от товарища его из Вены. Известие сие крайне опечалило двор и особенно тех жителей, кои равно привержены были как к русским, так и к англичанам. В самое сие время возвратилась в Палермо и английская эскадра, крейсировавшая у острова Маритимо для недопущения французской эскадры возвратиться из Корфы в Тулон[27]. Министр наш поручил доверенной особе разведать, почитают ли себя англичане вправе, по одному сообщению посла своего, пребывающего в Вене, начинать военные действия? Друммонд положительно объявил, что война за разрывом воспоследует непременно, что вице-адмирал Торнброу завладеет нашим фрегатом, отправит оный в Мальту и после сего, почитать ли оный пленным или свободным, ожидать будет дальнейших предписаний от лордов Адмиралтейства.

---

[26] Пороховой погреб.

[27] Французский адмирал Гантом, снабдив Корфу военными снарядами, ускользнул от бдительности английских крейсеров и счастливо возвратился в Тулон.

Объявление столь ясное и решительное соделывало выход нашего фрегата невозможным. Посланник Татищев старался узнать от сицилийского министра иностранных дел маркиза Чирчелли, что намерен делать двор его в случае начатия военных действий между Россией и Англией? Ответ его сперва был двусмысленный, но, когда спросили у него, может ли в нынешних обстоятельствах оставаться безопасно российский фрегат в Палермском порте, он дал удовлетворительный ответ. Желая еще более убедиться в чувствах двора сего, Татищев объяснился с королевой, которая ему ответствовала: «Будьте уверены, что король никогда не поднимает оружия против России; император Александр был всегда нашим покровителем, и мы того никогда не забудем».

Между тем, хотя российская миссия 17 декабря и получила из Петербурга официальное известие о разрыве между Россией и Англией, но оное содержала в тайне в той надежде, что какое-нибудь неожиданное происшествие, принудя английскую эскадру выйти в море, подаст фрегату возможность беспрепятственно отплыть в Порт Феррайо, в Неаполь или в другую какую дружественную гавань. Ожидание сие было, однако ж, тщетно; английский министр весьма упорно домогался, чтобы фрегат «Венус» и все российские купеческие суда, в сицилийских портах находившиеся, были ему выданы. Король, изумленный таким смелым требованием, с неудовольствием и решительно отказался от поступка столь противного чувствам его, но англичане настояния свои начали подкреплять угрозами. Друммонд отказался от продолжения субсидий, платимых его двором, а главнокомандующий английскими войсками генерал Мур грозил, что не будет ограждать Сицилию от покушений, делаемых Иосифом Бонапарте, присовокупить остров сей к Неаполитанскому королевству. Российский посланник, видя, что ему долее в недоумении оставаться было нельзя, отнесся письменно к си-

цилийскому министру и, препроводя к нему печатный экземпляр с манифеста, в коем изложены были причины разрывы с Англией, требовал прямого и точного объявления, какое участие примет его сицилийское величество в войне сей. Ответ маркиза Чирчелли состоял в том, «что король, его государь, не может отделить выгод Англии от своих собственных, что порты Его Величества будут впредь заперты для российского флага и что присутствие фрегата „Венуса“ в Палермо не совместно ныне с настоящими обстоятельствами».

Ответ сей ясно обнаруживал бессилие короля Фердинанда и невозможность, в коей он находился, противостоять воле англичан, войска коих занимали Мессину, Сиракузы и почти все главные порты и крепости Сицилии. Поведение сицилийского двора было, следственно, последствием положения его и несчастной для него необходимости, ибо, без сомнения, союз с императором Российским столь же полезен был Фердинанду, сколько разрыв сего союза вреден для Его Сицилийского Величества. Россия же не имела надобности ни искать дружбы, ни отвращать разрыва с бессильным союзником. Одно токмо желание спасти как-нибудь фрегат «Венус» и доставить нам, служившим на оном, случай поддержать честь российского флага, заставило прилежно действовать почтенного посланника нашего. Видя, что маркиз Чирчелли, при всем своем благоразумии, верности к своему государю и преданности к России, не может свергнуть ига англичан, министр наш, для скорейшего достижения цели своей, обратился прямо к королю и королеве. Но маркиз, не получивши еще ответа на первую ноту свою, по настоянию англичан, подал новую, коей требовал, чтобы фрегат непременно оставил Палермо в течение одного дня. На сие министр наш ответствовал, что фрегат не может выйти из порта, когда на рейде стоит неприятельская эскадра, что последствия сражения между силами столь неравными не могут быть сомнительны,

что фрегат, пришед в порт дружественный, в оном останется, и что, наконец, Его Сицилийское Величество будет императору Российскому отвечать за всякое оскорбление, причиненное его флагу.

Во время сих переговоров капитан наш, видя, что покровительство короля, зависящего от англичан, было очень ненадежно, решился, дождавшись крепкого попутного ветра, ночью оставить Палермо и, полагаясь на легкость фрегата, достигнуть другого, более безопасного союзного порта, почему и потребовал возвращения своего пороха. Сицилийское портовое начальство, сделав в оном сначала некоторое затруднение, наконец приказало доставить нам порох на своей канонерской лодке; но английский адмирал, несмотря ни на какое приличие, лодку с порохом задержал у своего корабля. Вскоре после сего насилия, того же 27 декабря, служащий при посольстве статский советник Петр Иванович Карпов, прибыв на фрегат, уведомил нас, что англичане вознамерились ночью напасть на фрегат, почему от имени министра просил капитана взять свои меры и для безопасности секретные сигналы и повеления поручить ему.

На рейде, на картечный от нашего фрегата выстрел, стояли 5 линейных английских кораблей, из коих два были стопушечные, а два фрегата нарочно для нас ходили под парусами при входе в Палермский залив. В сем крайне затруднительном положении, когда ни уйти, ни получить пороха было совершенно невозможно, капитан пригласил офицеров на военный совет и, прилежно разобрав все меры и средства, служащие к защищению фрегата, мы согласно положили и общим подписанием решение совета утвердили: 1) остаться в Моле; 2) на собственные деньги купить в городе такое количество пороха, которого было бы достаточно для мелкого ружья и верхнего дека пушек; 3) если англичане

нападут на фрегат линейным кораблем, а не на шлюпках и не абордажем, тогда, расстреляв весь снаряд, фрегат сжечь.

Лейтенант Насекин послан был уведомить о сем министра, что капитан, офицеры и весь экипаж положили защищаться до последней возможности и решились лучше взлететь на воздух, нежели сдаться английской эскадре. Дмитрий Павлович, восхищенный сим извещением, пожав руку Насекину, отвечал: «Скажите вашему капитану, что я узнаю в нем русского! Намерение ваше самое героическое; но я надеюсь отвратить смерть храбрых людей, сколько бы, впрочем, ни славна она была для них. Если же не успею, то сам буду на фрегат и, оконча дипломатическое мое дело, за счастье почту разделить с вами вашу опасность».

Для приведения в исполнение решения нашего главнейшее затруднение было в покупке пороха. Уже вечерело, времени оставалось не более трех часов. Мы разослали всех наших знакомых покупать в городе порох. Капитаны бокезских корсаров, два брата Петровичи, первые привезли нам своих три бочки, за ними один за другим датские и греческие шкиперы доставляли нам, кто сколько имел, и таким образом в короткое время получили мы столько пороху, что могли действовать верхним деком и 3 пушками нижнего. Датские шкиперы вызвались помочь нам своими людьми; бокезцы по ревности не хотели уступить им сего преимущества, и мы, в самом деле, не имея нужды в людях, отказались от сего предложения и просили снабдить нас только одним абордажным оружием; оного столько на фрегат доставлено, что каждый стрелок имел по три ружья и по два пистолета, а дабы они могли стрелять скорее, 40 человек определены были только заряжать и подавать готовые ружья стрелкам. Бокезские, греческие и датские шкиперы дали нам слово, что в то время, когда английские шлюпки пристанут к фрегату, они нападут на них своими, и как скоро фрегат будет зажжен, они зажгут свои суда и пустят их прямо на город.

По захождении солнца фрегат, снабженный достаточным количеством пороха и числом оружия, был обращен, так сказать, в сухопутную крепость. На верхней палубе для удобного стреляния из ружей сделаны подмостки, на марсах и русленях из офицерских постелей брустверы; ненужные порты нижнего дека наглухо заколотили; между нижних реев на веревках подвешен был балласт, который, когда неприятельские шлюпки пристанут уже к борту, должен был упасть прямо на оные. Пистолеты, сабли, копья, бердыши, ломы и аншпуги — все орудия смерти, были положены под руками. В таком оборонительном состоянии мы надеялись, что нелегко будет взять нас абордажем. После примерного ученья, когда всякий уже знал, что должен будет делать в сражении, капитан приказал собрать всех людей на шканцы и просил офицеров внушить им, сколь необходимо в глазах чужестранных народов при первой встрече и по объявлении войны в первом сражении с англичанами пожертвовать жизнью для спасения чести флага русского, и если в неравном бое мы погибнем, то англичане, по крайней мере, не могут похвалиться, что победили нас, что взяли наш «Венус»: храбрые матросы наши, из которых некоторые отличились еще в прошедшую с шведами войну, на убеждение сие охотно отвечали: «Рады умереть, Ваше Благородие! Не выдадим нашего „Венуса“, пока будем живы».

Намерение сжечь фрегат произвело в городе великое беспокойство, и как между тем всякий желал видеть, как англичане будут нападать, а фрегат и все суда, в гавани стоящие, будут гореть, то множество экипажей и народа до света стояли на набережной и на Моле. Маркиз Чирчелли сначала не верил сим слухам, но, когда министр наш объявил ему словесно, что нападение англичан на фрегат будет сигналом всеобщего пожара в Палермском порте, он столь был сим озабочен, что немедленно поехал к Друммонду и уведомил

его об угрожавшем бедствии. Оба министра, нимало не желая, чтобы угрозы сии сбылись на самом деле, сообщили о намерении сжечь фрегат адмиралу Торнброу. Адмирал столь же, как и министры, был изумлен и, чтобы в точности увериться, около полуночи осматривал фрегат и, должно думать, что он не нашел возможным взять фрегат абордажем; ибо, хотя около 2 часов пополуночи и собрались английские шлюпки с солдатами у корабля «Кента», всех ближе к нам стоявшего, но когда у нас ударили тревогу в барабаны, то ни опять разъехались.

На рассвете 29 января, Ровлей, капитан 84-пушечного корабля «Орла» (Eagle) привез письмо, которого перевод от слова до слова здесь предлагается:

Его Британского Величества корабль «Роял-Соверт». Палермо

Государь мой!

Объявление войны между Великобританией и Россией дает мне право требовать от вас сдать Российский Императорский фрегат «Венус», под вашей командой находящийся, эскадре Его Британского Величества, под моими повелениями состоящей.

При обстоятельствах, в которых вы находитесь, побег и сопротивление ясно невозможно и следствием бесполезного защищения будет только верная потеря храбрых людей, вам подчиненных. Потому надеюсь, что не принудите меня к прискорбной необходимости поддержать мое требование силой оружия. Ожидаю немедленного ответа и есмь

Государь мой!

Ваш послушнейший
покорный слуга

Эдвард Торнброу.
Вице-адмирал синего флага и Командующий эскадрой Его Британского Величества в Палермском заливе
1808 года января 10 н. ст.

Капитан Ровлей, вручив письмо, изустно притом объявил нашему капитану, что он имеет от своего адмирала предписание дать время на размышление не далее, как токмо до полудня; что ежели фрегат в срок сей не будет сдан эскадре Его Британского Величества, тогда принужденными найдутся употребить силу. Капитан Андреянов, подав руку Ровлею, сказал ему: «Я ответом не замедлю, но вот вам мое честное слово, что фрегат мой никогда не будет вашим!» Потом, оборотясь к собравшимся на шканцах офицерам и служителям, продолжал: «Господа! Ребята! Мы вчера дали друг другу слово и теперь, когда наступает решительная минута, конечно, не отступим от него...» На сие офицеры и весь экипаж отвечал: «Умрем все и не сдадимся». Английский капитан, удивленный сим кликом, не спрашивая, что оный значит, и не вступая в разговор, пожелав нам доброго утра, уехал.

Мне поручено было отнесть письмо Торнброу к нашему министру. Пришед в дом последнего очень рано, я разбудил людей, но Дмитрий Павлович не спал и, услышав шум, тотчас ко мне вышел. Министр, пробежав письмо английского адмирала, спросил: «Что ж вы намерены теперь делать?» — «Капитан просит Ваше Превосходительство приказать написать по-английски или по-французски ответ, что мы ни под каким видом не сдадимся». — «На что писать по-французски, — возразил министр, — отвечайте ему по-русски, пусть себе читает[28], а я чрез то выиграю часа четыре времени, постараюсь избавить вас от беды и, надеюсь, что фрегат не будет в руках неприятеля. Попросите капитана, чтобы переговоры старался сколько можно замедлить, а я сейчас еду к королю и королеве предложить им последнее средство сохранить фрегат, честь флага и вашу. Будьте по-

---

[28] Сие тем более было справедливо, что англичане сами ведут все переписки с чужестранными державами на своем языке.

койны и тверды в своем решении, может быть, ныне же вечером мы вместе посмеемся над англичанами».

Вот ответ, который поручено мне было отвезть английскому адмиралу:

Ваше Превосходительство.

Находясь в гавани Его Величества Короля Сицилийского, союзной и нам дружественной; знав права нейтралитета и гостеприимства, кои доселе от всех просвещенных наций почитаемы были священными и ненарушимыми; я почитаю себя безопасным от вас. Имею честь быть

Вашего Превосходительства
Милостивого Государя!
покорный и послушный слуга

Кондратий Андреанов.
Его Императорского Величества
моего Всемилостивейшего ГОСУДАРЯ
Капитан-Лейтенант и Командующий фрегата «Венуса»
в Палермской гавани
1807 года декабря 27 дня с. ст.

Имея в шлюпке белый флаг, пристал я к «Роял-Соверин». Капитан корабля, встретив меня у лестницы и не допустив караульного офицера завязать мне глаза, пожав мне руку, сказал: «Вот как обстоятельства переменяются, и мы теперь неприятели; но, однако ж, никогда, конечно, не будем врагами. Англичанин и русский всегда будут уважать и любить друг друга». Между тем подошли мы к двери, шесть часовых с офицером отдали мне честь, мы вошли в каюту. Адмирал выступил вперед, поклонился, разорвал пакет, развернул письмо, наморщил брови, поднес письмо ближе к глазам, потом подошел к окну, еще раз посмотрел, хладнокровно улыбнулся и, подавая оное капитану, сказал: «Похоже на гре-

ческие литеры». Потом, обернувшись ко мне, продолжал: «Я не умею читать по-русски; вы говорите по-английски, то чтобы скорее кончить наше дело, объясните, в чем смысл письма вашего заключается?» — «Мне поручено только вручить его Вашему Превосходительству». — «Так вы хотите весть дипломатическую переписку». — Я молчал. Адмирал взглянул на меня и, уразумев, что я отвечать не хочу, закинул руки на спину и начал ходить по каюте; при каждом обороте окидывал он меня с ног до головы суровым взором; я смотрел в окно или опускал вниз глаза. Адмирал остановился и, подумав несколько, наконец отрывисто сказал: «Пожалуйста, обождите, я позову вас, когда будет нужно». Я поклонился; вышел, меня проводили в кают-компанию. Знакомые офицеры, обступя меня, спрашивали: «Чем вы кончили?» — «Ничем», и разговор обратился на посторонние предметы. Подали чай, завтрак и газеты. Каждый офицер приглашал меня в свою каюту, потом водили меня по всему кораблю, считали, сколько ядер попало в него в Трафальгарском сражении, и, наконец, показали прекрасный арсенал на кубрике. Ружья, сабли, пистолеты, чистые и светлые как стекло; гвозди, рымы, блоки и прочие принадлежности расположены по стенам точно так, как в галантерейной лавке. Вышед наверх, я посмотрел на часы, и четыре часа уже прошло. Как англичане и у министра своего не могли, видно, сыскать, кто бы перевел письмо, то меня в сие время позвали к адмиралу в каюту.

«Садитесь. Вы не хотите сдаться? — так начал Торнброу. — И конечно думаете, что я не имею права взять фрегат ваш силой, или на что-нибудь надеетесь?» — «Мы сначала полагали, — отвечал я, — что вы для одного фрегата не нарушите должного уважения к королю, которому невозможно, как казалось, предать нас в руки неприятеля; надеялись, что Его Величество не потерпит, чтобы в его гавани, в его глазах, оскорблен был флаг того императора, который

два раза возвращал ему престол, но теперь мы знаем ваше намерение и его мысли, не ожидаем ни от кого никакой помощи и почитаем себя обязанными исполнить то, что долг нам повелевает». — «Оставим рассуждения, — возразил адмирал, — и заключим тем, что вы должны сдаться, ибо переговоры наши иначе кончиться не могут». — «Одно средство, которое от имени капитана осмеливаюсь предложить Вашему Превосходительству, может вас и нас избавить нарекания: позвольте фрегату выйти из Палермо; позвольте нам воспользоваться принятым морскими державами правом и после 24 часов, не нарушая сих прав, не оскорбляя короля, мы в море, а не в гавани, сражаясь, решим, кому пред кем спустить флаг». Адмирал, никак не ожидавший такого предложения, взглянув на «Венус», видный в окно, сказал: «The bird, which is in a cage, more walue than in air (Птичка в клетке всегда лучше, нежели на воле). Не правда ли, что фрегат ваш весьма легок на ходу? Но неужели вы думаете ускользнуть от целой эскадры? Я не могу, однако ж, — продолжал адмирал, несколько подумав, — согласиться на предложение ваше, во-первых, что обязался бы ответом моему правительству за напрасное пролитие крови тогда, когда могу и без оного достигнуть своей цели; во-вторых, из личного уважения к русскому мужеству и щадя жизнь храбрых ваших людей, в других случаях могущих с пользой служить своему Отечеству, я не отнимаю у вас чести, предлагая сдаться целой эскадре; а не одному кораблю». — «Вашему Превосходительству уже известно, что мне поручено только доставить вам письмо и с ответом вашим возвратиться». — «Очень хорошо, я дам ответ, но последний, после которого не приму никаких возражений и предложений».

Капитан, пригласив меня в свою каюту, как кажется, имел поручение уговорить меня. Вот разговор мой с ним: «Неужели в самом деле вы хотите защищаться против пяти кораб-

лей первого ранга; мужество в сем случае не у места; любящему свое Отечество должно беречь жизнь для лучших обстоятельств. Сдаться превосходному в силах неприятелю отнюдь не бесчестно, я вам мог бы привесть многие на сие примеры, но скажу только один: в прошедшую войну два наших корабля в тумане сошлись с испанским флотом и сдались без драки». — «Русские, — отвечал я на сие, — без сражения никогда не сдаются». — «Но в нынешнем положении, — возразил капитан, — кому-нибудь из нас надобно уступить, и это, конечно, вам. Если капитан и офицеры согласятся, — продолжал капитан, — сдаться без сражения, то не будут иметь причины жаловаться на плен. Вы в Англии будете в гостях, везде хорошо приняты, и особенно с моей стороны предлагаю вам дом мой в Лондоне». — «Свободным, а не пленным, я был бы обязан благодарить за вежливость вашу, г. капитан, но теперь повторяю вам, что я не уполномочен весть переговоры и, чтобы не тратить напрасно слов, прошу позволить мне возвратиться на фрегат». Тут доложили капитану, что едет министр Друммонд.

Я прохаживался на шканцах с офицерами, как вдруг подняли сигнал, и вскоре со всех кораблей баркасы с верпами пошли к кораблю «Эгль». Это значило, что решились взять «Венус» силой. Подошед к капитану, я просил его доложить адмиралу, не угодно ли ему будет дать мне, не медля, ответ. «Его Превосходительство, — отвечал мне капитан, — желает, чтобы вы остались здесь, а шлюпку вашу можете отпустить». — «Остаться здесь? Неужели, г. капитан, вы хотите задержать меня? Напомните Его Превосходительству, что я парламентер, и кто поверит, что меня задержали? Товарищи мои подумать могут, что я сам, по своей воле, у вас на корабле остался. Надеюсь, что английский адмирал без нужды и без причины так бесчестить меня не пожелает». — «Успокойтесь, — пожав мне руку, сказал капитан. — Поезжайте; очень,

впрочем, жалею, что вы, будучи уже ранены, не хотите избавить себя опасности, которой могли бы избегнуть».

Во время, как я находился на английском адмиральском корабле, капитан наш ездил к министру, прося его не оставить своей помощью. Дмитрий Павлович отвечал ему: «Я с своей стороны по долгу службы сделаю все, что будет возможно; еду сей час к королю и предложу ему последнее средство избавить вас от рук англичан; впрочем, вы люди военные, и если предложение мое королем принято будет, а вы не рассудите оному последовать, в таком опасном случае сами собой располагать должны».

По возвращении моем на фрегат во 2-м часу по полудни, когда корабль «Эгль» начал уже завозами тянуться к гавани, из города показалась скачущая конница, потом артиллерия и, наконец, пехотная гвардия короля Сицилийского; на всех крепостях, чего прежде не делывали, подняли флаги. Множество экипажей стояли на Марино, окна и террасы домов, обращенных к гавани, покрыты были народом. Как фрегат стоял у оконечности Молы и мог быть атакован с левого борта, то мы, дабы закрыть корму, подтянулись ближе к пристани и, носом упираясь на корабль «Архимед», стали в таком положении, что корабль сей и за ним стоящие два неаполитанские фрегата при зажжении «Венуса» должны были вместе с нами лететь на воздух. Министр наш, воспользовавшись замедлением переговоров, успел спасти нас от алчности англичан. Он предложил королю фрегат наш взять лучше себе, нежели отдать его в своей гавани англичанам. Его Величество, объемлемый страхом и желая сохранить дружество с обоими своими могущественными союзниками, с благодарностью принял сие предложение г. Татищева. В третьем часу пополудни, когда корабль «Эгль» был уже от гавани на своем выстреле, прибыл к нам на фрегат уполномоченный от сицилийского министерства, полицеймейстер палермский кавалер Кастрони и вместе с ним от министра нашего секре-

тарь посольства Александр Яковлевич Булгаков. Первый именем короля объявил: что фрегат со всеми принадлежностями, какие приняты будут, по заключении мира возвратится нашему правительству, офицеры и служители, когда согласятся сдаться без сражения, которое должно быть пагубно всему Палермскому порту, не будут почитаться пленными, а гостями, и при первом случае, по получении от императора Российского соизволения, или останутся до заключения мира с Англией в Палермо, или возвратятся в Россию; доставление и содержание по русскому штату король берет на себя. Секретарь посольства подтвердил, что Дмитрий Павлович исходатайствовал для нас сию капитуляцию и мы можем оной воспользоваться. Капитан, призвав всех офицеров и служителей на шканцы, объявил о предложении короля и требовал согласия. Матросы отвечали, что они согласны, если предложение будет принято капитаном и офицерами. Как условие было самое удовлетворительное, то капитан, по общему согласию, объявил полицеймейстеру, что фрегат на сбережение вручается королю Сицилийскому. Кавалер Кастрони призвал с корабля «Архимеда» 10 человек солдат, и в то самое время, когда английский корабль «Эгль» оборачивался бортом к «Венусу», дабы открыть огонь, вместо нашего поднят был на фрегате сицилийский флаг. Оставя на фрегате своем караул[29], мы переехали на Молу, взяли с собой флаг и отдали ему честь залпом из ружей и криком: «Ура!». Наследный принц Леопольд с герцогом Гессен-Филиппстальским первые подъехали к нашему фронту и благосклонно разговаривали с капитаном и офицерами, бла-

---

[29] Фрегат после был сдан сицилийскому правительству по описи, за общим подписанием уполномоченного от порта чиновника, нашего капитана, ревизора и секретаря посольства Александра Яковлевича Булгакова.

годарили нас, что избавили короля от большого неудовольствия, и тотчас приказали бригадиру начальнику порта поместить матросов в упразднившемся монастыре, близ Молы находившемся, а для офицеров нанять дом в городе.

Англичане, видя себя так искусно обманутыми, все негодование свое обратили на сицилийский двор, а особливо на королеву, которую они называли душой русской партии. Друммонд, оскорбленный неудачей, жаловался Ее Величеству, но королева отвечала ему: «Мы поссорились за Англию с Россией и должны с сей сильной державой нести бремя войны; справедливость требует, чтобы мы пользовались и преимуществами, с войной сей сопряженными, а потому и требовали мы, чтоб фрегат "Венус" сдался нам. Кто может у нас оспоривать сию добычу?»

Министр наш, возвратившись от короля и королевы в то самое время, когда на «Венусе» подняли сицилийский флаг, подал ноту маркизу Чирчелли, в коей между прочим было сказано, что предложение, сделанное сего утра капитану фрегата «Венуса» английским адмиралом, и две ноты от сицилийского двора служат доказательством, что он действует с Англией совокупно против нас; что сколь велика ни была бы храбрость русских, фрегат, не имеющий даже пороху, не может сразиться с пятью линейными кораблями и не может противостоять морским и сухопутным силам целого государства, что пролитие крови в сем случае было бы безрассудно и что по сим уважениям русский фрегат вручается Его Сицилийскому Величеству. Министр оканчивал ноту, что слагает с себя звание посланника, снимает с дома своего герб российский[30], оставаясь в Сицилии токмо до времени, как частное лицо.

---

[30] Во всей Италии дипломатический агент выставляет обыкновенно на воротах дома, им занимаемого, герб своего государства.

Король искренне благодарил г. Татищева за то, что доставил Его Величеству средство дать государю императору довод своей нелицемерной преданности, не подвергая себя мщению англичан. ««Что делать нам, островитянам, — сказал король, — где много воды, тут много и англичан!». Хотя чрез несколько дней, по настоянию г. Друммонда, прислали к монастырю, матросами нашими занимаемому, сицилийский караул и предложили ружья сложить в магазейн, тут же в казарме находившийся, но солдатам позволили носить тесаки, в инструкции же караульного сицилийского офицера было сказано: охранять нас от англичан, не допускать подозрительных людей в казармы и быть в полном распоряжении у дежурного российского офицера. Посему при сменах сицилийский офицер рапортовал нашему, а солдаты его, которые стояли на часах у ворот монастыря, повиновались нашим матросам, вместе с ними отправлявшим караул. Словом, с нами обходились как с друзьями и не почитали нас пленными. Таким образом кончилось к удовольствию обеих сторон дело, которое без присутствия духа российского министра и решительности капитана Андреянова могло бы иметь весьма невыгодные для нас последствия. За таковой подвиг тайный советник Татищев, при возобновлении дружественных сношений, был награжден от короля орденом Св. Фердинанда, а секретарю посольства А. Я. Булгакову пожалован орден Св. Константина.

До отъезда Дмитрия Павловича обходились с нами очень снисходительно; всеми удовольствиями, какие имели в продолжение пребывания нашего в Палермо, обязаны мы достопочтенному сему министру. Он представил нас королю и королеве, рекомендовал некоторым особам двора, которые в отсутствие его могли удовлетворять нуждам нашим, любил, чтобы мы чаще были у него, и старался доставить нам приятное времяпровождение. По отъезде министра мы сей час почувствовали, что лишились ходатая и

защитника. Едва оставил он Палермо, людям уменьшили положенную порцию, потом временно стали удерживать и сию, так что матросы наши принуждены были искать работой пропитания. Дюку де Бельмонте, которого загородный дом находился близ казарм, русские оставили по себе памятник, ибо то, что предполагал он окончить в год, команда наша сделала ему в два месяца. Каменный утес был взорван, обделан и обращен в английский сад, долженствующий, по предполагаемому плану, служить наилучшим украшением окрестностей Палермо. Офицерам не давали никакого содержания и стороной подсылали подговаривать матросов в английскую службу. Неприятность следовала за неприятностью. 3-го морского полка рядовой Епифанов, по старому знакомству с английским сержантом зашед с ним в трактир, выпил лишнюю чарку. Англичанин, заметив, что товарищ его довольно весел, предложил ему принять английскую службу и в задаток давал ему несколько червонцев. Епифанов понял, для чего так усердно его потчевали. Приняв червонцы, бросил оные ему в глаза, вылил на голову изумленного сержанта остальное вино и вытолкал его из трактира на улицу. Английские наборщики, никакими хитростями не успевши подкупить ни одного из матросов наших, осмелились, наконец, брать их силой на корабли свои, и один раз, схвативши трех матросов, не успели увесть их, ибо караул, близ арсенала бывший, вступился за наших; англичане, получивши помощь со своего брига, прогнали было сицилийских солдат, но тут подоспели из казармы наши матросы, началась драка, которая, к счастью, кончилась только тем, что дерзких изрядно поколотили, принудили бежать и, отняв у них шлюпку, изломали оную в щепы. В другой раз в самом городе схватили было нашего матроса, но чернь отбила его, тут едва не дошло до кинжалов и каменьев; к счастью, полиция подоспела вовремя и до драки не допустила. Сии поступки не могли быть скрыты от короля; они возбудили в нем справедливое него-

дование. Его Величество приказал караул при казарме нашей удвоить и не пускать английских матросов далее арсенала.

По необходимости принуждены мы были, кроме работы в саду Дюка де Бельмонте, запретить людям нашим выходить из казарм; они хотя чрез сие и лишились многих других выгод, однако ж не только не роптали на нужду, но с твердостью отказались от предложений, делаемых им даже чрез караульных у казармы сицилийских солдат, вступить в английскую службу, и напоследок к концу пребывания нашего в Палермо, повинуясь приказанию капитана, не выходили даже за ворота. Когда стороной дали знать матросам, что если они хотят, то, несмотря на запрещение капитана, им позволят выходить для своих работ, кому куда угодно будет, и даже отпустят их одних без офицеров в Россию, то к чести всего экипажа должно сказать, что они предложение сие отвергли с неудовольствием и объявили, что они из повиновения своих начальников не выйдут и без них, и в Россию возвратиться не хотят. После сего неудачного опыта с людьми нашими, под видом недостатка денег, предложили офицерам выдать только им одним жалованье, но мы также объявили, что одни без служителей не хотим иметь против них никаких выгод и, хотя в деньгах имели крайнюю нужду, но от принятия оных отказались. Все наши беды, как мы полагали, проистекали от маркиза Чирчелли, действовавшего в угодность англичанам. Он, услышав, что мы отказались от жалованья, и опасаясь, чтобы жалобы наши не дошли до королевы, призвал к себе лейтенанта Насекина, по знанию итальянского языка рекомендованного ему от Дмитрия Павловича для нужных сношений наших с правительством, ласково предложил ему отправить капитана с офицерами, для коих, как он сказал, и судно уже готово, а людей, как скоро сыщется другое, отпустят вслед за нами с условием, чтобы мы, офицеры, наперед дали честное слово не служить в продолжение войны против англичан. Насекин, поняв, к чему кло-

нится такое предложение, отвечал: «Офицеры без людей, равно и они без нас, как уже вам известно, не могут и не должны согласиться одни без других отправиться куда-либо, и мы не только не дадим честного слова не служить против англичан, но и против вас, ибо мы сицилийцам не сдавались, мы здесь не пленные и слово короля отпустить нас при первом случае, без всякого условия, должно быть свято исполнено».

Министр, огорченный таким ответом, начал угрожать. Насекин повторил ему, что он, равно и его товарищи, привыкли уже не страшиться и самой смерти; конечно, не убоятся одних угроз министра, которому должно знать, что всякое насилие, от стороны его правительства русским сделанное, будет не только несправедливость, но и неблагодарность; и что он, полагаясь на праводушие короля и королевы, смело отвергает и впредь не примет никаких сих подобных предложений. Маркиз столько смутился сими последними словами Насекина, что, выходя из своего кабинета, во гневе ему сказал: «Если так, то могу уверить вас, что может завтра же перемените вы тон римлянина; я имею средства заставить вас делать то, что мне нужно».

Угрозы сии ничего не обещали нам хорошего. Капитан, знавши, что министр может обвинить нас пред королевой, в угодность англичан, поступить с нами, как ему вздумается, пригласил к себе на квартиру всех офицеров, дабы согласиться, как отразить сии нападки маркиза. В сие время дежурный офицер прислал сказать, что команда просит всех офицеров прийти в казарму. Это нас очень удивило. Капитан, будучи нездоров, поручил старшему лейтенанту Мельникову разыскать, кто первый осмелился сделать такое предложение и наказать в пример другим. Но должно представить наше негодование, когда караульный сицилийский офицер, встретивший нас за воротами монастыря, с торопливостью и в великом страхе объявил, что он не знает, что делать; что

матросы наши не слушают его и нашего дежурного офицера, что самовольно отперли магазин и разобрали по рукам сложенное в оном оружие. Едва вошли мы в казарму, беспорядочный шум при первом голосе начальников утих, и все без малейшего нехотения, по приказу г. Мельникова, тотчас стали во фрунт. Когда мы, разумеется в великом гневе, начали выговаривать и спрашивать, кто осмелился подать голос к неповиновению и бунту... Матросы Коптев, Афанасьев, солдат Епифанов первые вышли перед фронт, за ними сам боцман и еще человек десять лучших, исправнейших и доброго поведения людей. Первый из них, Коптев, так начинает: «Напрасно, Ваше благородие, называете нас бунтовщиками, извольте выслушать, и вы увидите, что мы никогда не думали выйти из повиновения, ибо очень знаем, что без начальников как без головы, а паче здесь, на чужой стороне, мы все пропадем. Правда, мы без спросу взяли ружья и порох, но взяли его для защиты вас, а не для другого чего. Вам известно, что мы отказались одни, без вас, отправиться в Россию, теперь мы слышим, что всех господ офицеров хотят посадить в тюрьму, а нас силой отдать на английские корабли; мы опасались исполнения того или другого, и как квартиры ваши в городе слишком от казарм удалены, то мы и осмелились просить вас к себе с тем, чтобы или защищаться против притеснения, или неразлучно с вами идти в тюрьму, и что теперь прикажете, мы все готовы исполнить». После угроз наших, когда уже все было приготовлено к строгому наказанию начинщиков, изумление, переход от гнева и огорчения к радости и удовольствию представить и описать невозможно. Когда Коптев простыми словами, но смело объяснил мысли всех своих товарищей, и когда некоторые из офицеров промолвили: «Однако ...», то он, положив шапку наземь, сказал: «Я начинщик, меня одного и наказывайте». При сем слове и самые строгие из нас невольно опустили глаза вниз. После

нескольких минут красноречивого молчания, когда с одной стороны поражены были справедливостью представления, с другой со смирением ожидали приговора начальнического и наказания, никто из офицеров не смел в другой раз повторить многозначащее «однако»... Я едва мог удержаться, чтобы не обнять Коптева, и дожидал с нетерпением, что скажут старшие меня, а когда сии, как бы по невольному движению, сказали: «Коптев, ты прав!», то я, подошед к нему, сказал: «Коптев, ты молодец, славный матрос, ты благородный человек». Все офицеры, переменяя потом тон, смягчив голос, как бы не смея приказывать такой команде, которая благородной решимостью и преданностью заслужила нашу признательность, старались ласковыми словами внушить, что взяться за оружие было бы дело безрассудное, что такой поступок будет нам пагубен, и что мы до решения нашей участи останемся в казарме и на квартиры не пойдем. После сего матросы без малейшего противоречия сложили оружие на прежнее место. Сицилийский офицер, ожидавший дурных для себя последствий, будучи в восхищении от такой скорой перемены в расположении людей и для него непонятной подчиненности, ломая руки, восклицал: «O! che Gente, che Gente! (какой народ!)». Когда бригадир, которому мы поручены были, по уведомлению караульного офицера приехал, то мы ему объявили об угрозах министра и о своем намерении остаться с матросами в казарме и ни под каким видом с ними более не разлучаться. «Будьте покойны, — отвечал бригадир, — король и особенно королева вас столько уважают, что министр не осмелится употребить против вас насилие; он по печальной для всех нас зависимости от англичан старается угрозами побудить вас к какому-либо беспорядку, дабы представить оный королю, разлучить вас с людьми, сделать тем угодность Друммонду, а более Торнброу, которому очень хочется иметь на своих кораблях русских матросов».

Дабы и впредь оградить себя от нападков маркиза Чирчелли, на другой же день по болезни капитана пять офицеров пошли во дворец с просьбой. Королева удостоила принять нас первых. Когда мы введены были в ее кабинет, Ее Величество уже ожидала нас у самых дверей и, взяв бумагу, не читая ее, милостиво сказала: «Объясните мне, в чем ваша нужда, я за удовольствие почту во всем удовлетворить вас». Когда Насекин в коротких словах пересказал разговор его с министром, то королева отвечала: «Я не понимаю, почему сделали вам эту неприятность; впрочем, кажется, когда отпускают французских офицеров, то они очень охотно дают честное слово, но и то правда, что они никогда его и не держут». Насекин в ответ на сие осмелился представить Ее Величеству, что в царствование Екатерины II был пример, что один офицер, находясь в плену у шведов и давши слово в продолжение войны не служить против них, по прибытии в Россию был за то отставлен от службы. Ее Величество, благосклонно выслушав, отвечала: «Очень вам верю, и сие ваше обыкновение не давать честного слова похваляю, но вы у меня не пленные; надеюсь, что вы сами такими себя не почитаете, боюсь, однако ж, не огорчили ли вас чем-либо более, нежели словами, ибо нам невозможно русских почитать своими неприятелями; один Бог и ваш император моя единая надежда; «Так, один Александр, — продолжала она с чувством, подняв к небу глаза, — один только он твердая опора притесненных и только ему одному возможно прекратить сей хаос... Успокойтесь, я отпущу вас без всякого условия, как моих друзей; выбирайте гавань, куда будет способнее вас доставить, и вы немедленно отправитесь». Обещание королевы было в точности исполнено; нам выдали все, что следовало, сверх положенного по нашему морскому уставу. Король за доброе и примерное поведение людей, которые в пятимесячное пребывание в Палермо заслужили общую похвалу, пожаловал

нам особенно на путевые издержки, и наконец после многих неудовольствий, по желанию нашему, на двух нанятых купеческих австрийских судах 12 апреля 1808 года мы отплыли в Триест, где стояла эскадра капитан-командора Салтанова. Таким образом, с честью, с оружием и барабанным боем перебрались мы на суда, на которых на большой мачте подняли мы российский, а на передней белый переговорный флаг.

На пути от Палермо до Триеста. Нечто о Мессине

При тихом ветре и пасмурной погоде оставляли мы Палермо. Обширный город сей, в некотором от него удалении, представляется в наилучшем виде. Гавань, наполненная кораблями, великолепные здания, обнесенные стеной, вид и все окрестности столицы в 10 милях от оной имеют прекраснейшее положение. Ввечеру мы проходили остров Устику, напоминающий смелость варварийских разбойников и слабость неаполитанского правительства. Корсары обыкновенно приставали к сему острову, на коем есть солдаты для стражи и небольшая крепость для охранения солдат; несмотря на сие, до водворения англичан в Сицилии алжирцы безнаказанно брали суда в самой гавани Палермской.

Ночь была прекраснейшая, мы плыли с попутным ветром и располагали завтра быть в Мессине, но небо определило иначе и море также. При рассвете 13 апреля, когда находились мы между Липарскими островами и Сицилией, ветер сильный и противный развел большое волнение, горизонт покрыт был мрачными тучами; мы лавировали у острова Липари, где, как говорят, Эол заключил в пещеру ветры, но в этот день они были на свободе. Шкипер наш, подошед весьма близко к берегу, от прибоя волн не успел поворотить против ветра (чрез оверштаг) и, спускаясь по ветру, чуть не посадил судно на камень. От неудачи сей шкипер потерял голову; кричал, суетился и не знал, что делать; матросы его вынесли

la Madonna (образ Богородицы), поставили ее к мачте и начали молиться о прекращении бури, но в самом деле ветер был не так силен; неловкость матросов и торопливость шкипера были причиной напрасного шума. Капитан наш прогнал шкипера в каюту, итальянцев его оставил молиться, а своим матросам приказал отправлять должность. К полудню ветер отошел, сделался попутный, и мы, смотря то на одну, то на другую сторону, наслаждались скорым ходом и с удовольствием глядели на снежную пену, которая клубилась и клокотала вокруг судна. К вечеру ветер начал уменьшаться, мы шли вдоль зеленеющего берега Сицилии. На одной стороне мелькали города, деревни и монастыри, а с другой синелись Липарские острова, из которых четыре извергали дым, наподобие курильниц, поставленных на гладком столе. Ночь была темна, но тиха и приятна. Стромболи изредка выбрасывал пламя. Вид сей представлял взору такую картину, для изображения которой трудно найти художника. Извержение огнедышащей горы делает сильное впечатление в том, кто еще не привык к оному. Непонятно тому покажется, как итальянцы могут шутить и весело петь близ оных. Что может быть в природе ужаснее землетрясения? Твердейшего гранита горы, коих вершины в облаках, до основания разрушаются, переменяют вид и даже место, а человек, сия персть земная, несмотря почти на ежегодное разрушение, вокруг него распространяемое, бодрствует против всего и близ таких гор спокойно наслаждается жизнью. Должно согласиться, что ничего нет храбрее привычки.

14 апреля. Когда мы вошли в Мессинский пролив и находились посреди пучин, ветер, бывший до сего времени довольно свеж, вдруг уменьшился. Наше судно, держась ближе к Фаро, успело обойти косу благополучно, другое же, на коем находился лейтенант А. М. Мельников с половиной экипажа, попало в самый водоворот и было выброшено на Калабрский

берег. Французская батарея, построенная на сем берегу, несмотря на то, что на судне подняты были российский и белый переговорный флаги, открыла огонь сначала ядром, потом картечью. В защиту нашего судна англичане начали стрелять из одной пушки большого калибра, поставленной у маяка Фаро; каждое ядро из оной падало прямо на французскую батарею. Таким образом, союзники приняли нас, как врагов, а неприятели, уважая переговорный флаг, защищали как друзей. Оставлю всякому судить, что мы при сем чувствовали. Хотя судно стояло уже на мели и, следовательно, было во власти французов, но они стрелять не переставали; почему капитан Андреянов послал на шлюпке лейтенанта Насекина для объяснения с французами. Лейтенант, несмотря на ружейный и картечный огонь, пристал к берегу и тогда с батареи перестали стрелять. Французский офицер, командовавший батареей, извинялся, что он третьей дивизии наш флаг почел английским. Прекрасное извинение! Судно повреждено в мачтах, два итальянских матроса, спрятавшихся в трюм, были там убиты ядром; а из наших, стоявших на палубе, ни одного не убито и не ранено.

Прибыв в Мессину, капитан послал меня с письмом к английскому генералу, командующему гарнизоном и крепостью, просить, чтобы позволил послать несколько лодок для снятия судна с мели; если же сие окажется невозможным, то команду нашу перевесть в Мессину, откуда для отправления в Триест нанять другое купеческое судно. Я приехал сначала на брандвахту. Капитан брандвахтенного фрегата сказал мне, что он не имеет еще повеления пускать нас на берег, что он для испрошения сего сей час едет к генералу и может пакет от капитана нашего вручить ему и немедленно доставить ответ. Английский капитан вскоре возвратился и объявил мне, что генерал охотно согласился удовлетворить все наши желания, но, сомневаясь, чтобы французы так же благосклонно

приняли наше предложение, ибо они, не уважая никакого флага, берут все суда, какие по несчастью течением бросает на их берег, находил за необходимо нужное отобрать наперед мнение французского генерала, командовавшего авангардом в Реджио; и если капитану нашему угодно для сего сношения послать своего офицера, то, для перевозу его в Реджио будет дана лоцманская лодка. Лейтенант Насекин в тот же день был отправлен и 18 апреля возвратился с неблагоприятным отзывом. Французский генерал не хотел верить, чтобы англичане с добрым намерением оказывали нам свои услуги, и думал, что за такое снисхождение они, когда оба судна будут в Мессине, задержат оные и нас возьмут в плен; и что он сам собой не может решиться на удовлетворение просьбы нашего капитана. Курьер, посланный в главную квартиру, в Козенце бывшую, привез следующее решение главнокомандующего генерала французской армии: «Австрийское судно задержать, людей же наших, на нем находящихся, отправить чрез Неаполь, Рим и Анкону в Венецию, где стоит наша эскадра. Для сопровождения дать французского офицера, коему приказать, по требованию лейтенанта Мельникова, доставлять все нужное. В сем неприятном для нас обстоятельстве открывается некоторым образом причина действий и поступков англичан и французов. Ненависть сих двух наций, конечно, происходит от самолюбия и соперничества. Кто много думает только о себе, тот не может быть справедлив к другому, и вот причина, вот источник довольно мутной ненависти, унижающей оба народа. Англичане винят французов; французы бранят англичан; и те, и другие и правы, и виноваты. В некоторых, однако ж, случаях должно оправдать англичан: они иногда уважают права народные и бывают вежливы; французы, подражая Наполеону, пренебрегают всеми уставами и бывают вежливы только на словах.

Едва мы вошли в гавань, как граф Кауниц (сын министра), австрийский посланник при сицилийском дворе, первый по-

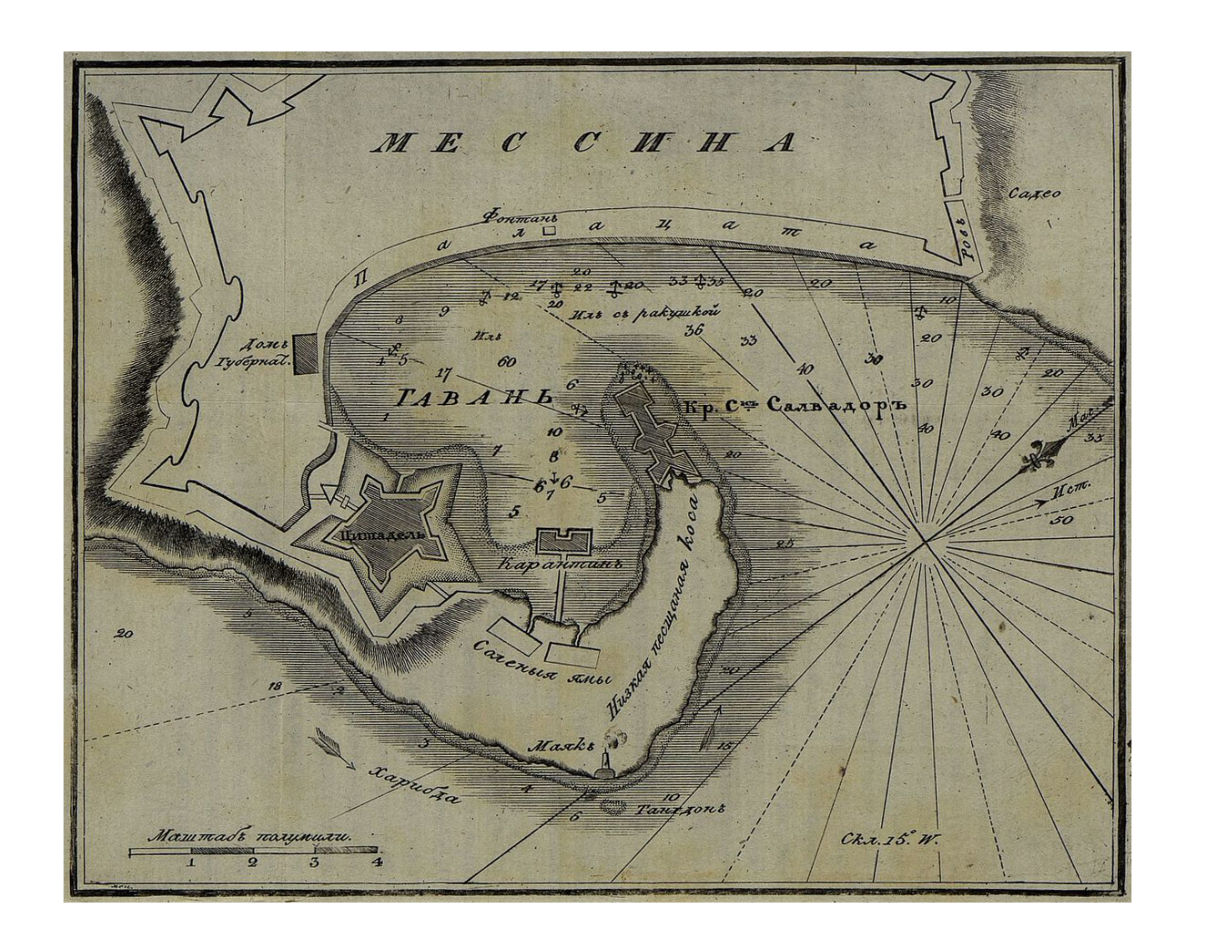
сетил нас и предложил свои услуги. Капитан с благодарностью оные принял, ибо хотя и оставался в Мессине наш консул Манзо, но он, будучи частным лицом, не смел к нам показаться. На другой день мы сами отыскали его квартиру, у него денег не было, и помощь графа была очень кстати.

Приготовление французов сделать высадку на Сицилию остановило торговлю. Английские купцы были в великом беспокойстве. Некоторые из них колониальные свои товары продавали за бесценок; другие, более дальновидные, скупали оные и не обманулись в расчете. Наполеон делал великие приготовления в Калабрии для покорения Сицилии, точно с той же целью, как после Амьенского мира, из Булони, не имея корабельного флота, на канонерских лодках (быть может, и на воздушных шарах) хотел высадить войска в Англию и вдруг со всей армией обратился на Австрию; и Сицилия была также только отводом для нападения на Испанию.

Иждивением и трудами англичан все укрепления Мессины ныне приведены в лучшее состояние. Вместо прогулки я пошел осматривать порт и крепости. Гавань Мессинская[31], подобная ковшу, есть наипрекраснейшая по местоположению, безопаснейшая по удобности и, конечно, может почесться из числа лучших в свете. Против Палацаты, составляющей полкруга, закрепившись канатами за набережную, стоят военные и купеческие корабли. Грунт повсюду ил, глубина близ берега к городу от 8 до 55, посредине гавани простирается до 60 сажен. Узкая песчаная коса[32], загибающаяся против набережной также в полкруга, образует обширный бассейн с единственным входом шириной в 220 сажен.

[31] Смотри карту.

[32] Баснословные греческие писатели повествуют, что Сатурнова коса, упав на сие место, начертила сию фигуру.

МЕССИНА
Палацата
Фонтанъ
Садео
Ровъ
Домъ Губернат.
Иль
Иль съ ракушкой
ГАВАНЬ
Кр. Св. Салвадоръ
Цитадель
Карантинъ
Соленыя ямы
Низкая песчаная коса
Маякъ
Харибда
Тангдонъ
Ист.
Маг.
Машщабъ полумили.
Скл. 15° W.

Пучина Харибды сильным своим течением иногда затрудняет вход в гавань, но корабли могут останавливаться и вне оной, имея только одну осторожность, а именно, когда положат якорь, тотчас должно укрепиться канатами за берег, ибо с оного ветры дуют сильными порывами. Карантинное здание по назначению своему построено в удобном месте: оно соединяется с косой подъемным мостом. Мессинский фарос (маяк), зажигаемый каждую ночь, поставлен для показания плавателям отмели Танхдон, которой крайне беречься должно, потому что Харибда, здешними жителями Гарафаро называемая, действует в сем месте весьма сильно. Укрепления с морской стороны составляют сильную защиту; но с сухого пути, хотя город обнесен стеной и сухим рвом, а на горе построена цитадель, не может, однако ж, выдержать порядочной осады.

Мессинцы почитаются в Италии за наилучших плавателей, в искусстве сем они достигли до невероятности. Мальчики на глубине 30 сажен, ныряя, достают устрицы со дна моря. Здесь рассказывают про некоторого Коласа, уроженца сего города, будто бы он мог ходить по морскому дну против течения, мог ловить рыбу и несколько дней мог плавать, не выходя на землю, отчего и прозван был рыбой. Если бы происшествие сие не утверждено было многими сицилийскими писателями, то оное можно бы почесть за басню греческого воображения. Король Фридрих, посещая Мессину, желал быть очевидным тому свидетелем. Колас учинил два опыта и своим долгим пребыванием под водой привел зрителей в изумление. Любопытство короля стоило наконец бедному Коласу жизни. Фридрих, желая наградить его, приказал большую золотую чашу бросить в самую Харибду. Колас нырнул и погиб.

Окрестности Мессины очень приятны; кругом города видны прекрасные гулянья. Дороги в Палермо и Таормины обсажены тенистыми деревами. Возвращаясь из цитадели в

город, взошел я на вершину одного холма и остановился, дабы насладиться прелестным видом, оттуда открывавшимся. Город был под ногами. Пролив представлял глазам величественную реку, между двумя хребтами гор медленно текущую. Оба берега покрыты тучными нивами, виноградниками, городами, селами, монастырями и двумя красивыми фаросами. С каждой стороны зрение ограничивается высокими горами, одетыми плодоносными рощами. Все поля, луга и холмы около Мессины покрыты тучным трилиственником, душистыми растениями, кустарниками роз и других цветов, которые наполняют воздух приятнейшим благовонием. В самой гавани нет того неприятного запаха, от морской воды происходящего, который во многих приморских городах беспокоит обоняние. Сильное движение воды в проливе, конечно, тому причиной.

Проходя городом, я зашел в одну старую готическую церковь, что на площади, где стоит монумент Карла III, отца нынешнего короля Фердинанда IV. Церковь сия украшена греческой мозаикой, очень посредственного вкуса, а несколько статуй, кажется, нынешнего дела и довольно изрядны. На мозаическом полу проведена полуденная линия, разделенная на знаки зодиака и числа. В стене церкви пробит узкий прорез, лучи солнца, проникая в оный и досягая полуденной черты, показывают вместе месяц, число и истинный в Мессине полдень.

В Италии каждый город имеет особенный свой церковный праздник. Мессина отличается торжеством, отправляемым в день Успения, 15 августа. Один из моих сослуживцев был очевидцем сего странного обряда; я предлагаю здесь его замечание. На горе, в конце большой улицы, сооружается деревянная машина в виде конуса, вышиной в 7 сажен. Основание машины утверждено на катках, к которым приделаны шестерни, обращающие нижний круг, а за ним и все другие

круги, на одной оси с нижним укрепленные. Машина украшается померанцевыми ветвями, цветами в горшках и разноцветными бумажками. До ста мальчиков в белой длинной одежде, с привязанными на плечах крыльями, представляющие ангелов, садятся между цветами на горизонтальных колесах, изображающих небесные круги. На верхнем круге, над хором херувимов, старец в пурпуровой одежде, с подделанной седой бородой представляет Вседержителя; подле него сидит юная дева, облеченная в драгоценные ризы, какие у нас пишут на образах Богородиц; девица, представляющая главное лицо, Божью Матерь, должна быть прекрасна и непорочна; и для сего избирается девица десяти или одиннадцати лет из бедных. Народ, сколько может поместиться на улице, взявшись за веревки, тащит машину под гору к соборной церкви. Лишь только машина тронется, круги начинают двигаться; представляющие ангелов одни поют, другие едят апельсины, иные резвятся, а большая часть, закружившись, засыпают. Пушечная пальба возвещает начало процессии, народ теснится на главной улице, по коей везут машину; набожные бросаются ниц на мостовую, и машина чрез них проезжает. Из окон домов вывешивают разноцветные шелковые покровы, женщины осыпают цветами машину, она представляет вид огромного движущегося замка, занимающего всю ширину улицы. Процессия сия останавливается на каждых ста шагах; народ обращается к сидящей наверху девице и становится на колени. Оркестры музыки играют в сие время гимны в честь Богородицы. По окончании обедни, когда девица выходит из церкви, отдается ей честь залпом из маленьких мортирок, называемых масколи; она ходит потом по всем церквам и домам, где дарят ее деньгами или вещами на приданое. В сей день девица имеет право освободить преступника, хотя бы он приговорен был к смерти. Сия девушка вздумала посетить и русские корабли. Хотя таковое посеще-

ние и запрещено Петром Великим, однако ж ей не можно было отказать, и она получила в подаяние гораздо более, нежели другие предшественницы ее в прежние годы. Посему сопровождавшие ее говорили: «Наша Богородица счастлива, что русские пришли к ее празднику». На другой день два бумажных великана прогуливаются по городу. Один из них представляет мужчину, другой женщину в престранном наряде. Народ, а более женщины, кланяются в землю сим бумажным куклам. О происхождении сего обряда сказывают следующее: когда граф Рожер завоевал Сицилию у сарацинов, в то время находился в Мессине начальник оных с женой исполинского роста, весьма любимый народом. В честь им установлена сия процессия. Непостижимо, как в католической земле позволяют народу такие шалости, но везде свои обычаи, их осуждать не можно.

19 апреля. Оставя Мессину и обошед мыс Спартивенто, мы держались близ берега. Ветра были тихие, погода приятнейшая. Этна три дня была у нас в виду; над ней неподвижно стояло густое облако дыма. Крутые и высокие Калабрские горы с обожженными вершинами, касающимися облаков; дикие скалы, нависнувшие над морем; скаты гор и долины, между ними заключенные, покрытые зеленью, плодоносными дубравами, виноградниками, замками, селениями, монастырями и крепостями, разнообразя местоположение, представляют попеременно веселые и грозные виды. Природа является здесь во всем своем великолепии и богатстве и посреди ужасов своих нравится взору, но жить в сих эдемских садах совсем другое дело. Признаюсь, я чувствую великое отвращение от здешних землетрясений, и можно ли спокойно оставаться на такой земле, которая почти беспрестанно трясется под ногами? С чем можно сравнить опасение быть раздавленным собственным домом?

23 апреля прошли Отранто и вступили в Адриатическое море. Поелику ночью ветры дуют здесь с берега, то держались мы к оному как можно ближе. Тихая ночь при полнолунии делала плавание наше очень приятным. Судно, движимое легким ветерком, наполнявшим верхние паруса, плыло и утухающие огоньки в хижинах набережных селений мелькали, появлялись и исчезали. Иногда подходили мы так близко к берегу, что слышен был говор людей. Матросы наши от бездействия, собравшись на палубе в кружок, пели заунывные песни. Печальные звуки оных, сливаясь с тихим журчанием воды, производимым бегом судна, напоминали мне о милой родине. Кому не приятно знакомыми звуками, простыми выражениями народных песней переноситься в отечество и на минуту забывать разлуку с оным?

В полночь я сошел вниз, но, от жару и духоты не могши уснуть, скоро вышел наверх. Кто привык плавать на военном корабле, тому на купеческом судне очень не понравится. Первый уподобить можно большому дому, имеющему все удобности и выгоды; второе — низкой хижине, где тесно, грязно и все бедно. К утру 24 апреля ветер немного посвежел. Волны, то взбегая на берег, то сливаясь с оного, шумом своим напомнили нам, что мы должны несколько от берега удалиться. Алый блеск зари открыл пред нами прекрасные виды. На востоке сумрак уступал свету; небо горело пурпуровым огнем. Море было гладко, как зеркало; на западе близ нас виден был низменный берег, покрытый красноватым песком. Мы проходили Бриндизи, облака дыма, выходя из труб прямым столбом, клубились вверх. Туман лежал на отделенных полях; но лишь солнце показалось на горизонте, вид сей начал изменяться. Земные испарения и теплота верхних слоев морской воды, восходя в окружающий ее холодный воздух, подымались к небу легким прозрачным туманом. Золотые лучи солнца, проникая туман, расширялись; свет увеличи-

вался, пары сквозь флеровый завес, отдаленные предметы постепенно освещались; мрак уступал свету и наконец весь берег открылся в настоящем виде.

Под всеми парусами, тихо, незыблемо плыли мы, извиваясь близ берега, то обходили мыс, то входили внутрь небольшого плеса. Неаполитанское королевство со стороны Адриатического моря представляет взору обширную равнину, разделенную полями и лугами. Цепь Апеннинских гор синеется вдали. Провинция Пулия, которую мы проходили, очень плодоносна; из нее отпускается большое количество пшеницы. С великим нетерпением желали мы видеть Бар, где почиют мощи чудотворца Николая. Небольшой городок сей мы проходили очень близко. В честь великого угодника, как покровителя плавателей, мы сделали три выстрела, в монастыре отвечали на наше приветствие звоном колокола; итальянцы пали на колена, все наши матросы также молились. Мы очень жалели, что не могли остановиться, дабы отслужить святому молебен. За Баром беспрестанно встречались селения и города, места классические и любопытные; но ветер довольно освежел, и мы только глазами мерили город Канны, где гордые римляне были разбиты славным Аннибалом. Долина, где было сражение, ныне называется кровавое поле (Pezzo di Sangue); у Манфредонии равнина оканчивается горой Сан-Анжело, которая по высоте своей очень издалека открывается и служит мореходцам лучшей приметой для определения места на карте.

Из Сифантского залива, что у Манфредонии, мы пошли поперек Адриатического моря. Миновав ос. Пелагос, переменили путь к северу и, прошед между островами Сант-Андрея и Лисса, стали держать вдоль Далматского архипелага. Остров Помо, лежащий посреди моря, по виду и положению своему заслуживает особенное внимание. Когда море тихо, он открывается небольшим плавающим шаром, а по

приближении к нему показывается похожим на яблоко. Он находится к северу от Сант-Андреа и к западу от Лезины[33] в равных расстояниях по 30 ит. миль; на многих картах означен далее или ближе сего; посему в пасмурную погоду и ночью крайне беречься должно, дабы не найти на него. Острова Короната, Гросса, Премеда, Санего, Юния и Оссеро[34] с моря представляют одни голые камни, изредка видна на них зелень и признаки обиталищ. Для кораблей нет в них пристаней, но для малых судов весьма много. На сих-то островах в древние времена жили либурнийцы, кои на своих легких лодках прославились морскими разбоями. Страбон повествует, что нравы сих либурнийцев и вообще всех иллирийцев не различествовали от других варваров; они сражались подобно гетам, были очень храбры и долго сопротивлялись римлянам. Когда сии принудили их перейти на твердую землю в Далмацию, а потом далее в горы, то они для пропитания своего занялись земледелием. Наиболее обрабатывали виноград, а из овса делали крепкое пиво, называемое сабая. От сего-то император Валенций, родом иллириянин, в насмешку назывался Сабаярус.

Проходя Поло (что в Истрии), близ коей еще видны остатки римского театра, мы встретились с английским шендером[35], блокирующим Венецию. Англичане, опросив нас, пожелали счастливого пути. Остров Лисса, занимаемый англичанами, представляет великую удобность к наблюдению

---

[33] Лезина древле назывался Фария (Pharia): на нем родился Димитрий Фалерский.

[34] Оссеро некоторые древние географы называют Абсиртум (Absyrtium) и производят имя сие от Абсирта, брата Медеи, которая, дабы убежать от отца своего, за нею гнавшегося, убила на сем острове брата и раздробленные члены его разбросала по дороге.

[35] Малое военное судно с одной мачтой.

всего Адриатического моря; ибо остров сей, находясь в центре моря, имеет весьма покойную гавань (Жоржио) и небольшую крепость, которую защищать можно одной ротой солдат. Когда обошли мы мыс Салвор и когда открылись Тирольские Альпы, то из Пирамо, также для опроса, выходила французская канонерская лодка. 30 апреля, имев в продолжение всего плавания тихие и переменные ветры, бросили мы якорь в Триесте. На рейде стояла тогда эскадра под начальством капитан-командора Ивана Осиповича Салтанова. Оную составляли следующие корабли: 1) «Параскевия» о 74-пуш., капитан-командорский; 2) «Уриил» 80-пуш., капитан Михаил Вычевский; 3) «Сед-эль-Бахр» 80-пуш., капитан Сульменев; 4) «Азия» 66-пуш., капитан Вороци; фрегаты: 5) «Легкий» о 44-пуш., капитан Повалишин; 6) «Михаил» о 44 пуш., капитан Саксарев; 7) корвет «Диомид» о 24 пуш., капитан Палеолого.

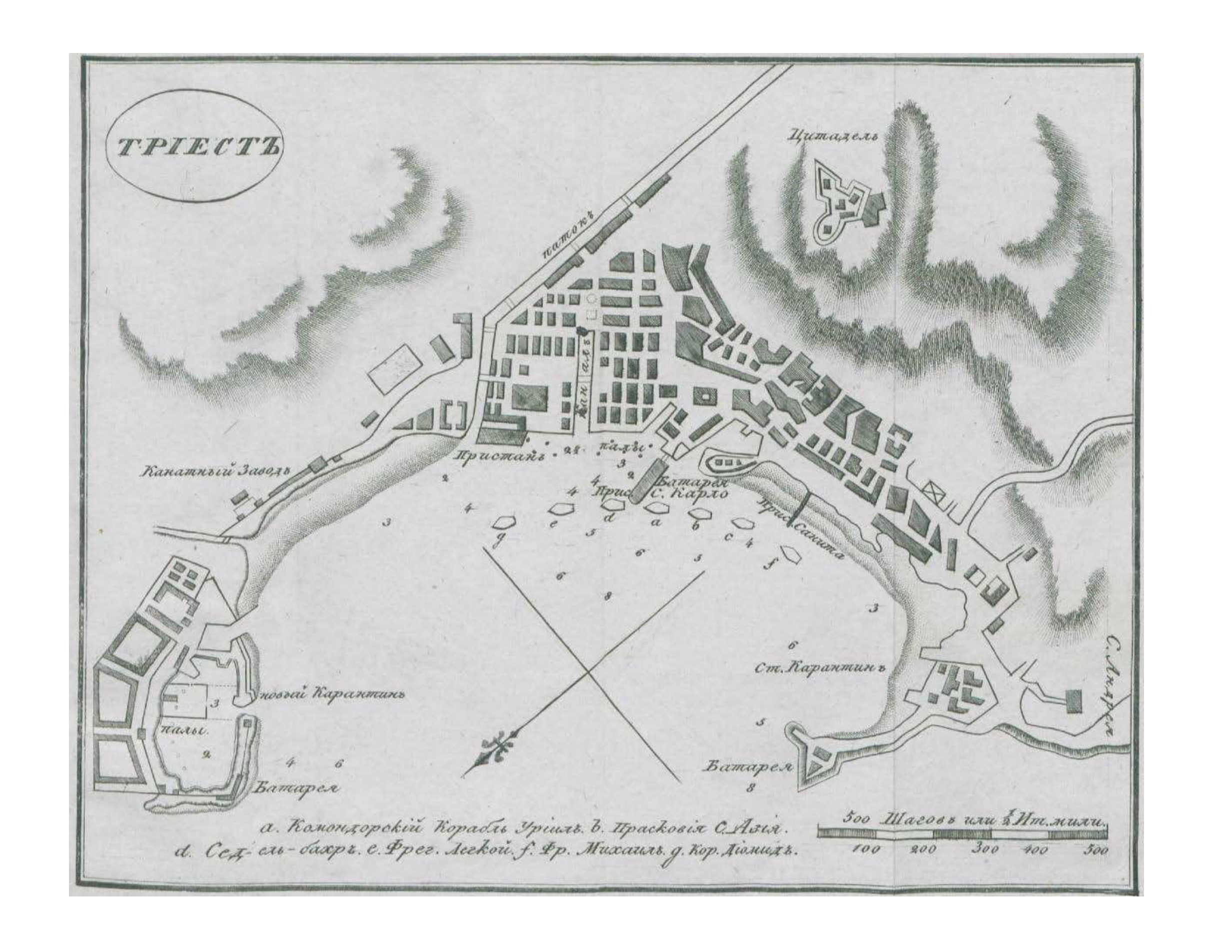
Пребывание в Триесте. Порт и укрепления

Венский двор с давнего времени желал иметь военный порт, искал средств, дабы что-нибудь значить в числе морских держав. Политика его постоянно стремилась к утверждению своего могущества силой флота и внешней торговлей; но прекрасное сие предположение, по обстоятельствам, долго оставалось без исполнения. Наконец императрица Мария Терезия решилась воспользоваться выгодным положением Триеста, который был тогда небольшой город. В 1750 году положено в нем основание корабельной верфи; построены магазейны для складки товаров, казармы, гошпиталь; выданы великие суммы для сооружения укреплений и других общественных зданий; и в короткое время австрийский флаг явился на Средиземном море и возвестил о существовании Триеста. В царствование Иосифа II город объявлен вольной гаванью; множество иностранных и

австрийских купцов со значительными капиталами поселились в нем. Произведения южной Германии, Леванта, Египта, Италии и Сицилии обратились к нему, обогатили и украсили его; и Триест сделался опасным соперником Венеции, которой торговля с сего времени начала упадать.

Залив, образуемый мысом Салвора (что в Истрии) с одной, а венецианским берегом с другой стороны, называется Триестским. Город лежит в самом углу Адриатического моря, по наблюдению, учиненному в 1806 году генералом бароном Цахом, в широте 45 град. 38 мин. 8 сек., и 11 гр. 26 мин. 56 сек. долготы восточной, считая от Парижского меридиана. Построенная на отмели каменная насыпь[36], с батареей на краю оной, примыкающая к старому карантину, мало прикрывает гавань от морских ветров, которые разводят в оной неправильное волнение, причиняющее немалые убытки. Не проходит года, чтобы сильными юго-западными ветрами не разбило от 20 до 30 судов. Бора, по причине высоких гор, окружающих Триест, дует прямо с берега с такой ужасной силой, что, несмотря на малую глубину и твердый грунт, корабли иногда срывает с трех якорей и ломает мачты. В зимнее время боры продолжаются по две недели сряду, и, хотя по чрезмерной жестокости сего ветра волнения в гавани не бывает, но поверхность моря покрывается седой пеной, брызги, срываемые с воды, несет в высоту на три сажени. В окрестностях Триеста ветер сей причиняет ужасные опустошения, в городе срывает крыши с домов, на улицах опрокидывает экипажи. Новый карантин, или иначе Санта-Тереза называемый, определен для судов, приходящих из зараженных чумой мест. В бассейне, разделенном на три части, не более 20 кораблей помещаться может; глубина его три сажени, а ворота для входа в оный очень узки. В канале, находящемся

[36] Смотри карту.

ТРІЕСТЪ
Цитадель
Канатный Заводъ
Пристанъ
палы
Батарея С. Карло
Прис.
Прис. Сантта
новой Карантинъ
палы.
Батарея
Ст. Карантинъ
Батарея
С. Андрея
a. Комондорской Корабль Уріилъ. b. Прасковія С. Азія.
d. Седъ-ель-бахръ. e. Фрег. Легкой. f. Фр. Михаилъ. g. Кор. Діомидъ.
500 Шаговъ или ½ Ит. мили.
100 200 300 400 500

посреди города, глубины две сажени; в оном суда нагружаются и разгружаются. Несколько пушек, поставленных на моле старого карантина и вокруг бассейна нового, защищают город и гавань с морской стороны. Два ветхих укрепления, называемых цитаделью, построенных на крутом холме над самым городом, не могут ни себя, ни город защитить, ибо подле цитадели есть высоты, господствующие оной, а город почти кругом открыт. Смотря на укрепления Триеста, сказать можно, что оные построены для одного вида.

Карантин

Сколь приятно переходить из страны в страну, столь иногда и малое препятствие огорчает нас. С крайним нетерпением считали мы минуты, когда придем в Триест; пришли — и могли только на него смотреть. Лишь бросили якорь, карантинный чиновник с консулом нашим г. Пеллегрини объявили нам неприятную весть, что мы должны целые три недели сидеть в карантине и ни с кем не сообщаться. Канонерская лодка, защищавшая брандвахтенный пост, к нам приблизилась; сторож, называемый здесь гвардиано, взошел на судно, приказал шкиперу ввести оное в бассейн, а нам с людьми перебраться в старый лазарет. Мы повиновались и тотчас начали перевозиться. На первом дворе, куда нас ввели, было довольно народу, но все от нас бегали; сам наш гвардиано отчаянным криком напоминал, чтобы мы не приближались к чужим людям. Это сначала нас забавляло, а потом крайне наскучило, ибо ходили за нами, так сказать, по пятам; малейшее движение замечали и ни на одну минуту не упускали из виду. Карантинный начальник просил нас убедительнейше с терпением покоряться карантинному уставу, ибо за малейшее упущение нарушивший закон подвергается лишению жизни. В самом деле, что может быть ужаснее чумы? От одного зараженного не только город, но целое государство может пострадать; от единого прикосновения могут погиб-

нуть тысячи народа. Посему чрезмерная осторожность и строгость есть в сем случае благоразумна.

В 1812 году, по справедливости названном годиной испытания, когда любезное Отечество наше терзаемо было лютыми врагами, в то самое время, когда Москва занята была французами, в Одессе и Феодосии открылась чума. Служа тогда в Черноморском флоте, я был, по несчастью, свидетелем и очевидцем печальных следствий сего бича человеческого рода. Язва постепенно заражала все члены тела, знаки ее были ужасны, распространение скорое, следствия почти всегда смертельные. Человек, получивший заразу, сначала чувствует тошноту, кружение головы, потом начинается рвота, тело покрывается красными пятнами, которые скоро чернеют, и когда в пахах покажется карбункул («Черный чирей»), тогда уже во внутренностях существует антонов огонь и смерть неминуемо последует. При первых припадках человек лишается рассудка, душа теряет свои силы, тело же, кажется, получает от того новые, и больной, совершенно расслабленный, переносит жесточайшие мучения. Сильные судороги, рвота, непрестанное икание, бессонница терзают больного. Но это еще не все: несносный жар сжигает их внутренность; с воспаленными навыкате глазами, стесненной грудью, помертвелым лицом, издавая зловонное дыхание, с запекшейся на устах нечистой кровью, отчаянным воплем требуют они воды, льда и, не возмогши утолить палящей их жажды, в исступлении рвут одежды, грызут зубами тело свое и в бешенстве валяются по земле. Большая часть умирала в пятый или седьмой день, иные чрез одни или двое сутки, а некоторые в три или четыре часа. Слабое утешение тому, кто выздоравливал от сей болезни; он представлял взору несчастный только остаток самого себя. Анатольцы, вызвавшиеся лечить больных, без боязни ходили по лазаретам, лечили разными средствами и замечено, что одно лекарство производит действия спасительные и вредные; многие зараженные

были, однако ж, ими возвращены к жизни, и ни один из сих великодушных людей не погиб. Когда оказались явные признаки чумы; когда город окружен был военной стражей и прекращено сообщение с окрестностями, никаким пером невозможно описать ужаса, объявшего жителей. При начале видимы были достойные подражания примеры материнской нежности, детской привязанности и великодушных пожертвований. Из многих я приведу только один. Полковник Ребок, приметив на ребенке своем знаки заразы, спешил подать ему помощь, вымыл его уксусом, употребил все другие предохранительные средства, но скоро почувствовал и сам припадки. Он объявил о том полиции, заперся в своей комнате, затопил печку, сжег свое платье и все принимающее заразу, и на другой день умер. После такового печального опыта, лишь только в каком доме оказывалась чума, тотчас полицейские служители, вымазанные дегтем и в кожаных платьях, разделяли здоровых от больных и под сомнением находящихся. Может ли быть что жалостнее, когда дитя отрывали от груди матери, сына отлучали от отца, и почтеннейшие узы не были уважаемы. Было много трагических и чувствительных явлений. Здоровые одни запирались в домах, другие жили за городом в палатках и землянках. Город обратился в пустыню; некоторые дома сожгли, у других выбиты были окна, никто не смел выйти на улицу и страшился встретиться с другом. Одна бедная чернь раздирающим голосом требовала пищи. В сии несчастные дни умирающему некому было закрыть глаза, и жестокая смерть не извлекала уже более слез.

После многих несчастных случаев, происшедших от дурного разделения карантинов в больших торговых городах Италии, Франции и Испании, построенных несообразно назначению и цели оных, можно сказать, что триестский карантин, как по удобству строения, так и по порядку и точности, в нем наблюдаемому, справедливо почитается в числе

лучших в Европе. Тут все придумано к лучшему: разделение комнат для людей и магазейны для товаров сделаны так, что и при самом покушении нет возможности перейти из одного отделения в другое; везде своды, высокие стены, рогатки, дворы, калитки и замки. Некоторые подробности об устройстве триестских карантинов, думаю, не будут бесполезны многим читателям. Они построены по краям города и каждый обнесен высокой стеной. Новый карантин разделен стенами на два квартала. Чумной квартал с кладбищем совсем стоит особо. В других дворах чумного квартала в одном помещаются люди, в другом кладутся товары. Товары и экипаж одного судна помещаются раздельно от других. Матросы и пассажиры, если в числе их есть подозрительные, до совершенного уверения, что они здоровы и чумы в них нет, сажаются каждый особо в комнату, пред которой есть небольшой дворик, запираемый железной калиткой; подле калитки сделано окно, в которое приставы на длинной железной лопате подают пищу. Словом сказать, чумной квартал представляет острог. Когда на пришедшем судне шкипер объявит, что у него есть чума, то судно, введя в бассейн, тотчас разгружают. Товары развешивают в решетчатых сараях. Люди, оставя свое платье (которое сжигают), вымывшись, выстригши волосы и окурившись, занимают каждый по одной комнате, где они находят новое платье, курильницу, дрова для камина и все нужное. Судно остается пустое, на нем открывают люки и для лучшего сообщения воздуха в трюм прорубают борты и каждый день снаружи и внутри обливают морской водой. С хлопчатой бумагой, как наиболее удерживающей в себе заразительность, поступают с великой осторожностью. Каждый пак разбивается по столам и полатям, а пряденая развешивается на жердочках в решетчатом магазейне, стеной огражденном. Ворочают бумагу каждый день, не входя в магазейн, а сквозь двери или решетку, длинными железными вилами.

К сей опасной работе, равно как и к выгрузке судна, окуриванию оного и товаров каждый день на счет хозяина определяются преступники, осужденные на смерть, или, по согласию, для выгрузки товаров допускаются матросы того же судна. Во втором квартале, разделенном на два двора, назначенном для судов, пришедших из зараженных чумой мест, сделаны такие же сараи для товаров и такие же разделения в доме, для людей назначенном, с той только разностью, что экипаж одного судна, если нет на матросах никаких признаков чумы, помещается в большой комнате. Во втором квартале есть часовни, колодезь с прекрасной водой и особый двор, назначенный для сада. Карантинные чиновники живут на отделенном дворе. Они входят в чумной и во второй квартал особыми дверями, наблюдают везде порядок, доставляют пищу, но всегда с той осторожностью, что к больным или выдерживающим карантин близко не подходят. Приставы и работники чумного квартала по прекращении заразы не прежде отпущаются в город, как выдержав сами карантин.

Старый лазарет, находящийся на западном краю города, определен для пассажиров и людей, пришедших из портов, в коих нет никакой заразительной болезни. На первом дворе построен двухэтажный дом, разделенный на восемь отделений, по четыре отделения в каждом этаже. Четырьмя воротами входят на двор, который перегорожен на 4 части. Окна нижнего этажа обращены на галерею внутрь сих дворов. Вход в комнаты сего этажа также со двора. Входы в верхний этаж и окна оного обращены на улицу. Таким образом, в восьми отделениях могут поместиться пассажиры с 8 судов; а если нужно, то каждое отделение может разделено быть на две части так, что в каждое из 16 отделений будет особый выход. Внутри двора к оной стене пристроена небольшая церковь, куда входит один только священник; а живущие в доме могут молиться каждый в своей галерее, обращенной на двор. Во

всякое отделение помощью труб проведена вода. На втором дворе старого лазарета построено двухэтажное здание, разделенное на 4 большие комнаты, в коих помещаются люди, принадлежащие одному судну. Вместо окон сделаны в стенах жалюзи. По очереди позволяют выходить для прогулки на двор, наблюдая, чтобы люди одного срока не мешались с другими, кои после или прежде поступили в карантин. Впрочем, никто не лишается удовольствия видеться со своими приятелями. Переговорное место есть длинный узкий четвероугольник, коего одна сторона отстоит от другой на 5 сажен; по одну сторону становятся пришедшие из города, а по другую из карантина. Желающие говорить наедине, входят в домик, перегороженный двумя решетками, при выходе городской житель подвергается осмотру. Трактир построен вне карантинной стены; сквозь малое окно, огороженное решеткой, на железной лопате подают кушанье и все, что кому угодно. Вещи, принимающие заразу, прежде должного очищения из карантина не выпускаются.

В продолжение политического нашего заключения, хотя мы и ни в чем не имели нужды, но, лишась свободы, терпели большую скуку. После 10 дней наш консул г. Пеллегрини выхлопотал и сам объявил нам о нашем освобождении. Мы так сему обрадовались, что обнимали консула и карантинного директора как своих друзей, которых давно не видали. За нами с эскадры прислали катеры, и мы определены были на корабль «Седель-Бахр», куда команда и офицеры, исключая двух, были перевезены.

Взгляд на город

Отрасль Альпийских гор, называемых Юлиевы, коих вершины представляются обнаженными; крутые скалы, покрытые зеленью и украшенные загородными домами, амфитеатром величественным и приятным спускаются к гавани. Мало городов столько деятельных, каков Триест. Большие

фуры беспрестанно движутся по улицам, обозы одни подымаются, другие спускаются под гору в город; у Саниты (карантинная контора), где корабли отдают и принимают груз и таможенных магазейнах, в которых складывают товары для отправления за границу и вовнутрь империи, можно видеть почти все произведения Италии, Леванта, Англии и Германии. На бирже суета и сборище такое, какого вообразить себе не можно. Купцы, которые спешат отправить свои товары, теряют терпение от вялости немецких извозчиков, множество любопытных толпится на площади, и все это вместе составляет вид разнообразный и одушевленный. Я тут заметил, что поденщики, называемые здесь фактами, переносят товары с пристани на повозки с отменной ловкостью. Двое или четверо из них на шестах подымают тяжелые бочки и, ступая с ноги на ногу в лад, бегут с ними, как с легкой ношей. Свободная торговля обогатила здесь все состояния граждан, особенно ремесленный и трудящийся класс народа. В Триесте не видно нищих и все дышит изобилием. Как в город позволено все привозить, то расчетистые продавцы запрещенных товаров, чрез тайную продажу оных не находят выгод делать свои обороты; купцы не имеют нужды прибегать к хитростям, а таможенные смотрители по необходимости собирают[37] и отдают все сполна в государственную казну, которая сим благоразумным постановлением пользуется и выгодами своими ни с кем не делится.

Триест отличается от итальянских городов опрятностью и простотой. Наружность домов, во вкусе новой архитектуры, не уступает лучшим нашим петербургским зданиям. Жалюзи, которые в жары закрывают окна вместо ставней, придают домам особенный вид. Дворы здесь очень малы, многие дома

---

[37] Пошлины с товаров, вывозных из Триеста, взимаются только при отправлении оных во внутренние города Австрии.

и совсем их не имеют, почему хозяева принуждены содержать свои экипажи и лошадей в общей конюшне, построенной за городом. Триест разделяется на старый и новый город, первый расположен по горе вокруг цитадели, улицы в нем узки и грязны, дома низки и малы. Тут живут большей частью евреи и бедный народ. Новый город построен вокруг гавани на ровном месте; в нем улицы широки, вымощены плитником и всегда очень чисты. Главная улица, идущая вдоль города, называется strada del Ponte Rosso (Улица красного моста). Площадь st. Antonio украшена хорошим водометом. На восьмиугольном подножии поставлен коринфский столб со статуей св. Антония, вокруг подножия несколько мраморных фигур, кои беспрестанно источают воду. На другой площади близ канала водомет бьет воду чрез Нептунову статую. Два сии фонтана снабжают жителей прекрасной водой, которая подземными трубами проведена из водохранилища, находящегося близ города по дороге в Боскетто. Театр, биржа и дом Карчиотти отличаются от прочих зданий как огромностью, так и изяществом архитектуры. Наружность театра проста; а внутренность и маскарадная зала с хорами не последние были бы и в хорошей столице. Биржа, где купцы каждый день собираются для своих дел, есть здание огромное и великолепное. На куполе виден сгорающий феникс, окруженный эмблемами торговли. Между красивой колоннадой портика, обращенного на площадь, стоят две колоссальные статуи, очень изрядной работы. У одной, к сожалению, нос немного поврежден. Дом Карчиотти занимает целый квартал по каналу и набережной. Он имеет простую и приятную наружность, все украшения оного составляют два портика, поддерживаемые ионическими колонами. В 1770 году, когда граф Орлов командовал флотом, сей Карчиотти, избегая мщения турок, оставив отечество свое Морею, с 100 пиастрами поселился в Триесте и, торгуя сначала бурка-

ми[38], потом, служа приказчиком, трудом и прилежанием приобрел в 30 лет столь значительный капитал, что почитается теперь богатейшим купцом в Триесте.

Соборная церковь Св. Августина, признаваемого покровителем города, находящаяся на горе близ цитадели, есть древнее готическое здание, весьма простое и ничем не украшенное. Здесь все веры терпимы, каждое исповедание имеет свою церковь; но оные вообще очень небогаты; я ни в одной не заметил ничего отличного.

В Триесте строятся купеческие суда. Отлогость берега заменяет стапели[39] и суда спускаются совсем вооруженные. Здешние мастера строят большие шлюпы и бриги, очень красиво и прочно. Мачтовые сараи наполнены пилеными деревьями, по большей части кленовыми и масличными, несравненно тверже и легче нашего дуба; доставляемый сюда из Далмации горный дуб очень тяжел и крепок. Триестские суда, кроме красивой наружности, близкой к военным судам, легки на ходу и подымают грузу более идриотских, а менее датских и английских.

Триестские жители представляют смесь народов. Их составляют немцы, итальянцы, греки, славяне, французы и жиды. Каждый живет по-своему и вообще очень расчетливо. Кроме немногих дворянских фамилий и нескольких выходцев, от всех краев Европы сюда пришедших и здесь поселившихся, прочие граждане занимаются торговлей. Везде множество лавок, наполненных товарами. Трудолюбие и промышленность ходят здесь с веселым лицом. Купечество в образе жизни сообразуется с дворянством; дети их воспитываются наилучшим образом. Самые небогатые имеют хороший вид и обращение. Молодые люди честного поведения

---

[38] Матросский капот с капюшоном.

[39] Покатый помост, на котором строятся корабли.

и прилежные к должности очень скоро приобретают независимое состояние. Они сначала определяются к богатым негоциантам писцами, и когда научатся порядку дел и бухгалтерии, тогда поручается им груз одного судна, вместо жалованья определяется им десятая часть прибыли. После одного удачного оборота они уже имеют маленький капитал, который при каждом рейсе[40] увеличивается. И таким образом случается, что чрез десять лет и менее не имевший ни копейки приобретает до ста тысяч рублей.

Двухлетнее наше пребывание в Триесте доставило нам многие знакомства; но, кроме славян, которые принимали нас как родных, мы редко пользовались приглашением других. В лучших дворянских домах, где бывают вечерние собрания, новому гостю, еще не коротко знакомому, покажется очень скучно. Тут обыкновенно старушки садятся играть в лото, старики в карты, молодые люди разговаривают о погоде или много что о театре. Все это так принужденно, что если бы влюбленные не имели в сих собраниях полной свободы клясться в своей любви, нимало не обращая на себя сим внимания других, то немногие были бы в состоянии выдержать столь скучное положение. Всего удивительнее есть то, что хозяин, хозяйка и дети поочередно выходят в другую комнату потихоньку кушать, а гостей, кроме воды, ничем не потчивают. О, благословенная матушка Россия! Если б ты была и не мое отечество, я всегда бы похвалил твое гостеприимство! Напрасно мы ищем оного на чужбине, там нет ни тени русской приветливости. Путешествовать, бесспорно, полезно и доставляет многие разнообразные удовольствия; но жить только на своей родине хорошо и приятно.

---

[40] Рейс — значит возвращение судна в свой порт. Говорится «на один рейс» — то есть туда и обратно.

Приглашать в дом на завтрак или обед здесь и в обычае нет; посему-то заведено множество трактиров и кофейных домов; они от утра до вечера наполнены людьми. Каждое сословие купцов по нациям имеет свой казино (кофейный дом), куда собираются они читать газеты, пить кофе, шоколад, играть в карты, на бильярде, толковать о своих делах и о политике. Здесь, как и в Италии, можно сказать, ведут трактирную жизнь. Немногие держат стол дома; целые семейства обедают и ужинают в ресторациях. Женщины также следуют сему обыкновению и не думают, чтобы это было для них неприлично; напротив, они находят в сем много выгод. Тут прелести их всегда на позорище, кокетство в действии, и ум их приобретает ту гибкость и светскость, которые научают их ни от чего не краснеть и все обращать в шутку или смех. Красавицы придумали какие-то общие выражения, с помощью коих и обыкновенный их разговор делается приятным и занимательным.

От образа жизни, какую здесь ведут женщины, происходит, как мне кажется, другой обычай, достойный замечания. Чтобы избавиться шума и крику и быть более свободной, мать (не думаю, однако ж, чтобы всякая) детей своих с утра отпущает с нянькой в пансион, в котором за весьма умеренную плату остаются они весь день, а ввечеру возвращаются домой. Я любил смотреть на сии магазейны детей. Представьте себе группу прекрасных малюток трех, четырех и пяти лет, ползающих и прыгающих на мягко настланном коврами полу, и дабы они, падая, не могли ушибиться, то и стены на аршин от пола также обиты. Девочки больших лет, под надзором мадамы, в другой комнате занимаются рукоделием, к какому которая способна; другие резвятся или играют в куклы.

Боскетто. — Сант-Андреа

В Триесте мы имели все удовольствия, какие можно найти в больших городах. Театр, балы, маскарады и прогулки в Боскетто и Сант-Андреа в продолжение года следуют одни за другими. Наемные кареты и коляски хотя и очень дешевы, но их употребляют только в дурную погоду; ибо дамы не стыдятся здесь ходить пешком. Чтобы не потерять нити обыкновенного времяпрепровождения, я начну с летних прогулок и кончу зимними увеселениями.

Летом на восходе солнца торговки в крахмаленных чудных чепцах расставливают на площади столики и скамейки, раскладывают на них зелень, плоды, сливки, масло и мягкие хлебцы разных видов и форм. Хозяйки в утреннем неглиже, сопровождаемые горничными с корзинками и кувшинчиками в руках, приходят для покупки; за ними являются молодые люди, и площадь скоро обращается в залу собрания. Ходят взад и вперед, разговаривают, кавалеры предлагают дамам свежие плоды или приглашают в кофейный дом, и часто чашка шоколада доставляет неожиданное знакомство. Должно, однако ж, признаться, что тут предпочтительно гоняются за миловидными служанками, которые очень искусно успевают для своих госпож покупать запас для обеда на счет волокит. Белокурые, с голубыми глазами и розовыми щеками немки с своей холодностью и скромностью много выигрывают у живых и ловких итальянок, и скорее приискивают себе пастушков. Впрочем, и те, и другие, сколько я мог заметить, не возвращаются домой с пустыми корзинками.

Каждый праздник в Боскетто, небольшой роще, находящейся в двух верстах от города, собирается множество людей. Одни, сидя в кругу, услаждают вкус мороженым, жареными цыплятами, спаржей и сладкими пирожными, курят табак и пьют пиво, другие по дорожкам скромно прогуливаются с своими семействами, иные, сидя под тенью дерев, читают, не

удостаивая проходящих взора своего. Молодые поселянки одни продают свежие сливки, масло и плоды; другие на лугу кружатся в хороводах или вальсируют; девочки в красивых корсетах подносят тому, кто им приглянется, букет цветов; музыка в разных местах гремит, танцующие платят музыкантам по два гроша. В трактире читают газеты, шутят, пьют вино или играют на бильярде. Все это вместе представляет простой сельский праздник. Не доходя Боскетто, стреляют из ружей в цель, тут гарнизонные офицеры, большей частью тучные собой, с философским взором и гордым видом, наставляют молодых негоциантов, очень щеголевато одетых, как держать ружье, как прицеливаться и проч. Днем дамы и кавалеры ходят только одни за другими, молчат и довольствуются одними взорами; к вечеру же, когда лучшая часть публики разъедется, между оставшимися начинаются разговоры и скоро водворяется счастливое согласие. Когда музыка умолкнет и сумрак вечера увеличит тени в роще, повсюду начинает показываться пара за парой, и скорыми шагами скрываются они в разные стороны; одни идут на гору, другие под гору, иные возвращаются по дороге в город, а другие, севши в наемную карету, едут далее в ласе. Не столь счастливые, с электрическим потрясением в сердце, кланяются красавицам очень низко, и если у которых из них нет чего дурного в мыслях, то она, закрасневшись или взглянув важно, красноречивым молчанием изъявляет отказ. Если же которая взглянет умильно и ласково, то предлагают ей услуги проводить домой или идти в трактир вместе ужинать. Здесь и самые записные прелестницы не иначе сдаются, как только тому, кто им понравится, или, наконец, тому, кто им надоест своей решительностью.

В Триесте довольно сего рода вакханок, но они не нападают как фурии на проходящих, напротив, имеют свой тон, вкус, разборчивость и в своем классе могут почесться настоя-

щими смиренницами. Здесь живость и пылкость итальянская примерно умеряется немецкой холодностью. Природные триестинки или приезжающие из окрестностей так свежи лицом, так белы и румяны, что если встретится счастливый случай, то поневоле обрадуешься.

В Сант-Андреа ходят прогуливаться всякий день, летом ввечеру, зимой в полдень. Тут нет ни сада, ни рощи и никакой зелени. Простая дорога идет близ берега; вид на море отсюда очень хорош, и по сей причине, и по близости места сего от города собираются туда гулять лучшие общества. Кроме устриц, только что пойманных, молодого вина, называемого Рифоско (Rifosco), ветчины, сыру и пива, которыми потчевают в небольшом трактире с двумя комнатами и о двух этажах, ничего другого достать не можно; нет никаких других увеселений. Сюда ходят только для того, чтобы ходить, видеть море и корабли.

Окрестности Триеста очень приятны, вокруг видны сады и уютные загородные дома. В некоторых садах я видел много статуй; в одном, кажется, было оных более, чем деревьев. В убранстве домов не видно роскоши. Вкус здешних господ ограничивается простотой и опрятством. Я часто выходил за город любоваться прекрасным его положением. Зеленые холмы, за ними дикие голые горы на одной стороне и величественный город, и грозный вид на море с другой составляют великолепную картину. Здесь в большом употреблении так называемый пикник. Небольшое число приятелей соглашаются провесть день в какой-либо деревне. Приглашают дам, и каждый в назначенный час приезжает на место с узлом, в коем, по условию, должно быть или жаркое, или пирожное, вина и конфекты. Дамы обязываются привозить только то, что своими руками они могут приготовить. Кавалеры должны доставлять вина и тому подобное. Располагаются в какой-нибудь хижине, в саду или на лугу. Одна из дам избирается

хозяйкой; она повелевает всеми и каждый делает то, что умеет. Один носит воду, другой рубит дрова, третий жарит артишоки или накрывает стол. В сих занятиях прекрасная женщина все одушевляет; с каким удовольствием каждый старается угодить ей. От ее взора, кажется, и сад без тени, и луг без зелени получают новые прелести.

Театр

Быть в Италии и не сказать чего-нибудь о театре, о том удовольствии, которое есть лучшее и приятнейшее времяпрепровождение, было бы непростительно. Италия по справедливости должна назваться отечеством театральных зрелищ. Здесь чествуют славного певца или певицу более, нежели инде искусного и счастливого генерала. Актеры разделяются на классы; они воспитываются в театральных академиях; первоклассные служат образцом хорошего обращения. Знатнейшие господа принимают их в своих домах с отличным уважением, и все другие считают за честь иметь актеров в своем обществе. В Италии в редком городе нет театра, лучшие только принадлежат правительству, прочие строятся и содержатся или по подписке, или одним частным лицом. Сии последние почти всегда разоряются; ибо наем лож, кресел и мест в партере очень умерен. В Триесте, когда червонец ходил по 18 флоринов[41], за вход в партер брали 48 крейцеров (48 коп.), ложа в первом ярусе стоила 5 рублей; для бенефисов цена не возвышается, но при входе в театр каждый дает актеру, сколько рассудит. По причине низкой цены за вход, театры всякий день бывают полны, и актеры самые посредственные получают достаточное жалованье. Первоклассные же, по мере их искусства, приобретают большое состояние. Вот почему хорошего певца или певицу

[41] Рубль.

редко можно слышать вне Италии, ибо в сем царстве изящных искусств умеют ценить и поощрять таланты.

Трагедии ограничиваются представлением опер Метастазиевых, из которых выпускаются арии. Сочинения других авторов суть слабые подражания или переводы. Трагедии Метастазия наполнены высокими мыслями и трагическими красотами; стихи его благородны и величественны; в них столько же гармонии, сколько в музыке, и столько нежности, что его оперы могут служить образцом для стихотворцев нежного и тонкого вкуса. Сколь ни славны творения Метастазия, но если трагедия должна трогать или ужасать душу важностью приключений, чрезвычайными, но не романическими положениями, то итальянская Мельпомена должна уступить преимущество английской и немецкой. Кажется, хлад севера более способен производить истинных трагиков, нежели благорастворенный воздух юга. Для трагедий Местазиевых до сего времени не было в Италии хороших актеров и, кажется, не будет; они рождены для опер. Сколько мне ни случалось видеть актеров, хорошими здесь называемых, они были все очень посредственны. Большей частью говорят с большим напряжением, в поступи их и телодвижениях есть нечто благородное, но слишком много живости, кажется, они очень торопятся кончить, в чем и правы. Итальянская публика не весьма уважает трагедии и драмы; во время представления оных приезжают в театр не для того, чтобы слушать, но чтобы видеться с знакомыми. Обыкновенно, по окончании представления театральная дирекция разыгрывает лотерееюю, удерживая для себя из собранной суммы четвертую или пятую часть. Тут зрители, отвечая или спрашивая, какой номер вынулся, сами становятся актерами.

Комедии Гольдония, называемого итальянским Мольером, имеют много жару в действии и связи в происшествиях, но для итальянцев, как они сами замечают, мало комическо-

го. Сочинения других авторов также хороши, но слабы против Гольдониевых. В Италии вообще мало актеров с истинным талантом, но буфов самых смешных и презабавных очень много. Оригинальные и чудные в своем роде фарсы, где Арлекин играет славную роль, есть поистине странное произведение веселого ума. В сих национальных комедиях большей частью только четыре действующих лица: синьор Панталоне, богатый венецианский купец в маске с большим красным носом; Бригелла слуга; Арлекин в дурацком пестром платье, с валеным колпаком на голове, в черной полумаске и с деревянной шпагой за поясом; Коломбина, постоянная его приятельница. Роль Арлекина трудна потому, что он, как любимое чадо публики, должен всеми родами шуток испорченным итальянским наречием во что бы то ни стало смешить зрителей, и должно отдать им справедливость, что они очень хорошо в том успевают. Во время сих представлений рукоплескания почти не умолкают, и Арлекин заслуживает и приобретает оные, как говорится, в поте лица своего, ибо большей частью они говорят роль свою собственно от себя, не заимствуя от сочинителя. Это, однако ж, не так трудно, как сначала показаться может; Арлекин затверживает десятка два или три самых глупых, низких, простонародных шуток, пословиц и острых слов, в которых столь много двусмысленного, столько оскорбительного для женщин, что я не понимаю, как имеют терпение их слушать. У нас, конечно, запретили бы их и в лубочном театре под качелями. Например, Арлекин объясняется в любви Коломбине самым необыкновенным образом, и когда она ему отказывает, он хочет умертвить себя. Затрудняясь в выборе рода смерти, по обыкновению Арлекинов притворяясь всегда голодным, глуповатым и трусом, он пишет себе надгробную самую непристойную... Обращение его с Коломбиной слишком бесцеремонное, он ее обнимает и бьет деревянной шпа-

гой или руками по чему бы ни попало... Острые слова Арлекина большей частью ограничиваются сравнениями, иногда самыми плохими. Однажды, рассказывая товарищу своему Бригелле, как он украл капот, лежавший в одном доме на постели, капот сей уподобляет он женщине, и публика ему аплодирует... Впрочем, такое бесстыдство актеров нимало не удивительно, ибо и в обществах говорят очень вольно, хотя и не во всех вообще; ибо благовоспитанные итальянцы в разговорах своих строго наблюдают благопристойность. Я не смею упоминать о роде клятвы, на которую и дамы отвечают такого же рода восклицанием без малейшего замешательства. Многие Арлекины очень хорошо и легко танцуют, и в сем роде я видел пресмешных и забавных. В роли Арлекина бывают фарсы истинно комические. Всего забавнее видеть его королем. Представьте себе, что Арлекин сидит на троне, судит народ, распоряжает; но по какому-то случаю несут мимо него блюдо с макаронами, и Арлекин забывает, что он царь, стремглав оставляет престол, с жадностью бросается на любимое свое кушанье и оставшееся на блюде кладет в карманы на запас.

Страсть к театральным зрелищам до того в Италии распространилась, что и самый католицизм ей уступает. В великий пост представляют комедии, драмы или трагедии; право, не знаю, как их назвать, ибо они ни то, ни другое. Пьесы сии заимствуются из Библии или из жития святых. Я видел на театре св. Терезу; содержание пьесы было самое грешное; были явления противные вкусу и нравственности. Непонятно, какая цель, какое намерение было сочинителей подобных сим трагико-комикодрам? Весьма полезно, ежели христианские добродетели, искреннее покаяние угодников Божиих описываются в наилучшем виде, искуснейшим пером; но пороки, погрешности их, как мирских людей, выведенные на сцену пред взоры публики, оскорбляют веру и верующих.

Можно ли без нарушения должного уважения к святыне, без нарушения пристойности видеть на сцене распутную женщину, сгорающую порочной страстью, кающуюся тогда уже, когда грех ее оставил; видеть святую, в первом действии беседующую с любовником, а в последнем отказывающуюся от сует мира сего, и, наконец, видеть ее при смерти, окруженной ангелами, чертями и вместе арлекином. Конечно, таковые пьесы суть порождение вольнодумства, и порождение самое безобразное.

В трагических операх итальянская музыка является в своем блеске. Тут чувства, производимые трагическими явлениями, очаровываются согласием музыки. Трагическая опера по декорациям, столь близким к натуре, и по своим блестящим одеждам, без всякого увеличивания, поистине есть нечто весьма великолепное. Мало городов, которые могли бы собрать нужные издержки для сих представлений. Велютти, первый сопрано, получал в Триесте за каждое представление 1000 флоринов; из 40 представлений два бенефиса и сверх того экипаж, стол на шесть персон и гардероб. На декорации и одежды не щадят издержек. К сожалению, самые богатые костюмы иногда не приличествуют представляемому лицу; но главный недостаток сих опер есть тот, что сопрано, так названные получеловеки, занимающие первую степень на театре, по своей телесной нестройности и более женскому, нежели мужскому голосу, совсем не способны представлять роль знаменитых героев древности. Всего страннее, пока к тому не привыкнешь, покажется то, что герой, уже заколовшийся и умирающий, продолжает петь так громко, что голосом своим покрывает и гром оркестра, и гром рукоплесканий. Страсть к пению была причиной обычая жестокого и бесполезного. Родители, забывая природу и человечество, желая доставить детям своим славу и богатство, отдают их в театральные академии, где из 20 жертв едва ли удаются две с

хорошими голосами. Сии полумужчины имеют всю силу и звонкость мужеского и всю нежность гибкость женского голоса. Велютти, воспитанник Сан-Карловского в Неаполе театра, первоклассный сопрано, удивлял Триест своими героическими ариями; в нежных и любовных он оказывал верх искусства; рулады его, трели, понижение и возвышение голоса столько необыкновенны силой, приятностью и выражением, что по окончании им лучшей армии осыпают его из лож цветами, конфектами и бросают на сцену кошельки с червонцами. Но, признаюсь, я не всегда был согласен с этими восторгами партера; мне казалось, что если бы Велютти в некоторых выходках своих пел более обыкновенным голосом, то он с своим искусством скорее и лучше тронул бы сердца слушателей. Велютти не только пением, но и самой игрой приобрел себе славу; два таланта, которые редко бывают вместе; ни одна лучшая певица не смела на театре петь с ним вместе. Корея, так же, как и он, состоя в первом классе, решилась наконец состязаться с ним, и, может быть, опять ошибаюсь, но думаю, что никакой полумужчина не может петь с такой душой, с таким чувством, с каким она в трагедии «Траян в Дакии» пела с ним арию: «Se tu mi lasci, o caro, oi morom nel tu opatur mi sento, mi sento morir (Если ты меня оставишь, о милый друг мой, я умру, расставаясь с тобой, чувствую, чувствую уже смерть в груди моей)». Представьте себе Корею, высокого роста, статную и полную женщину в великолепной царской одежде, осыпанную жемчугами и драгоценными каменьями, прелестную, в горести и слезах, имеющую голос сладкий, приятный, нежный, выразительный, и судите, может ли какой бы то ни было получеловек так сильно тронуть, потрясти сердце? Может ли сам Велютти не уступить преимущества госпоже Сеси (Imperatrice Sessi), когда она поет в опере «Меропа» арию: «Cari mei figli venite! (Милые дети! придите в мои объятья)».

Опера-буффа есть, может быть, лучшее украшение итальянского театра. В сих операх выводят на сцену

все сцепления хитростей любви и волокитства. Один в них недостаток, что разговоры, которые поют враспев (recitativo), крайне утомительны и скучны. Слова в ариях часто не имеют никакого смысла, но при громе прекрасной музыки, к счастью, никто их не слышит. На каждую из сих опер сочинено по несколько музык славнейшими композиторами. Достоинство музыки в операх и балетах столь велико, что оно только одно превосходит все другие. Итальянцы рождены музыкантами; они имеют от природы нежнейшие чувства к музыке, и то, что у нас приобретается учением, у них, даже у простого народа, кажется природным. Талант сей у итальянцев никто оспоривать не может; музыка их в превосходной степени изображает нежность, любовь, печаль, страх и ревность; но в других, более героических страстях, есть нечто томное, женоподобное; и если итальянцы уступают французам в военных маршах, немцам в некоторых трудных пьесах с вариациями, то они во всех других родах музыки далеко их превосходят. Искусство музыкальное, конечно, наиболее итальянцам обязано совершенством.

Балеты не уступают в славе операм. Блестящие одежды, превосходные декорации, а более всего неподражаемая небесная музыка приятнейшим образом действуют на зрителя. Первоклассные танцоры и танцовщицы легкостью и приятностью движений очаровывают взоры; пантомима их имеет чувства. Известные гротески легки, смелы и сильны; им удивляются и повсюду похваляют; но мне не нравятся их так называемые смертные скачки (Salto mortale). Они мешают наслаждаться танцами второклассных танцовщиц. Сии театральные грации прекрасные, стройные, полуобнаженные, весьма опасны для сердец. Взоры отличают одну за другой. Сердце не может избрать, не может одну другой предпо-

честь, и воображение представляет чувствам каждую из них попеременно красавицей. Розины, первая певица оперы-буффа; и Каролина, первая танцовщица, как роза и лилия между цветами, отличались от прочих красотой и вместе непорочным поведением. Нет правила без исключения, и в Италии есть 17-летние милые актрисы, осмеливающиеся не любить. Басси, первый буф в опере, превосходный актер, каких в Италии мало. Он Феникс в своей роли. Шутки его исполнены остроты, в них нет ничего непристойного; двусмысленные слова он никогда не договаривал, красноречивая его пантомима дополняла наилучшим образом то, что ему должно было сказать, и милые девицы могли восхищаться его игрой, могли смеяться от души, не имея причины краснеть от стыда. В опере Пертантино Басси отличался пением; в другой же опере, где он играл роль Дурандо, превосходил всех и игрой, и пением. В наше время в Триесте были лучшие, самые дорогие труппы. Выходя из театра, который посещал почти каждый день, я чувствовал себя всегда в хорошем расположении.

Театральные труппы обыкновенно нанимаются на два или на три месяца; в продолжение сего времени по 40 представлений сряду, исключая комедий и трагедий, играется одна и та же пьеса; посему-то избираемые актерами новые пьесы для своих бенефисов очень много выигрывают. Каждая труппа имеет своего профессора музыки или композитора танцев, или поэта. Сей последний есть самое жалкое и бедное творение. Я не смею объявить обыкновенную цену, платимую за их оперу-буффа, ибо тогда принужден буду сказать, что творения сии и того не стоят. Они обыкновенно выбирают по несколько актов из лучших сочинений и на скорую руку сшивают несколько действий вместе. Превосходная музыка заменяет собой все недостатки. Здесь даже и не любопытствуют об имени сочинителя новой оперы, а спрашивают, чья музы-

ка? Авторы комедий и трагедий получают более; но как драматические творения не весьма уважаются, то новое сочинение хорошо принимается только потому, что оно ново, и самое лучшее редко переживает два-три представления и почти никогда более не возвращается на сцену.

Карнавал

Карнавальные увеселения продолжаются от Рождества до великого поста. С нетерпением ожидают сего времени. Маскарад, главная забава карнавала, выдуман только для любовных шалостей и всякого рода дурачеств. В продолжение сих дней бесстыдства молодые люди имеют все удобности к удовлетворению страстей; разврат, прикрытый маской, не удерживается более приличностями. Женщины от утра до вечера заняты бывают приготовлением нарядов из магазейна хитростей; они выбирают лучшие для обмана и ни о чем более не помышляют, как об одних способах нравиться и привлечь на себя внимание.

Лишь наступает вечер, маскарадные лавки, великолепно освещенные, наполняются дамами и кавалерами. Маскарадный бал открывается по окончании театрального представления; но обыкновенно приходят в маскарад при наступлении ночи, а расходятся с рассветом. Нигде, как только в Италии, не можно видеть такого разнообразия и замысловатости в одеждах. Гогартовы карикатуры суть только слабое подражание итальянского маскарада. Ничего не может быть забавнее, как видеть в смешении все народы мира в своих одеждах: римлян, греков, монахов различных орденов, индейцев, диких американцев, богов, богинь, амуров и чертей, между которыми ходят ветряные мельницы, башни и Харон в лодке разъезжает по зале. Из характерных масок знатный господин с большой свитой играет первую роль. Штат его составляют разного звания особы: поэт следует за

ним с кипой стихов; он иногда читает забавные сатира, Арлекин и Паяцо отличаются острыми шутками, избранными из лучших сочинений; музыканты имеют головы индейского петуха; конюший, егерь и кухмистер, каждый играет свою роль, которую знатный господин в удовольствие публики заставляет их говорить, что походит на некоторый род комедии, составленной из разных смешных сцен. Всякая маска претворяет свой голос и вообще соглашает лицо свое с одеждой. Доктор раздает двусмысленные рецепты от всех родов болезней, следующий за ним аптекарь предлагает лекарства погашать или воспламенять любовь. Оракул несет урну, из которой желающие вынимают на заданное ими ответ в стихах, какие у нас пишутся на конфектных билетах. Из всех масок в продолжение карнавала одна заслужила громкое рукоплескание. Это была женщина, одетая по последней моде, с зеркалом в руках. На розовых ленточках, привязанных к длинным носам, она вела за собой семь мужчин, из коих каждый представлял щеголя, философа, воина, купца, доктора, судью и царя.

В полночь маскарадная зала наполняется до того, что с трудом можно ходить. В такой тесноте пришедшие вместе разлучаются в разные стороны, многие дают волю рукам. Женщины, ходящие без мужчин, нимало тем не обижаются, почитая, что в маскараде такие непристойности должны быть терпимы. Желающие избегнуть оскорблений, масок не надевают и к сим оказывают должное уважение. Свободное обращение в маскарадах простирается до того, что женщины под смиренной одеждой монашенки смело говорят то, чего от их пола никак ожидать было бы нельзя. Мужчины нимало не затрудняются в словах, и предложения их принимаются или отвергаются почти вслух. Замаскированные скоро сыскивают знакомства, выходят в другую залу пить кофе или шоколад, потом, в маскарадной лавке переменив наряд, в

наемной карете едут, куда им угодно; или в театральном трактире берут особую комнату… В два часа за полночь маскированные возвращаются в залу в прежних нарядах, сыскивают своих подруг, и ни матери, ни отцы, ниже мужья нимало не беспокоятся, где они были и что делали.

Вот, как мне кажется, истинная причина того, почему с таким нетерпением ожидают карнавала. Счастливы мы, что все наши увеселения чужды сей развратности нравов.

В продолжение масленицы бывает общий маскарад, увеселение очень странное и забавное. После обеда весь город в экипажах, пешком и верхом на ослах и коровах является в масках. Обыкновенные и маскарадные экипажи в несколько рядов ездят по главной улице. В маскарадные экипажи запрягают различных животных, как то: быка и козла, корову и лошадь; все они обвешиваются попонами, цветами, побрякушками, к иным приделывается по две головы и проч. Балконы и окна, украшенные вывешенными коврами, занимаются дамами. Кавалеры, запасшись мелкими сухими конфектами, фасолью, бобами, цветами и стишками, бросают то или другое (смотря по красоте и уважению) прямо в лицо дам. Сильный град конфект предпочтительно сыплется на красавиц, и удивительно, как в продолжение сего сражения остаются у них целы глаза. При наступлении вечера дамы, замаскировавшись, ходят из дома в дом с посещением, стараясь, сколько можно, чтоб и самые коротко знакомые не могли их узнать. В сие время делаются знакомства с такими людьми, коих никогда лица не увидишь. Бывают обманы довольно забавные; встречаются случаи, которые всегда оставляют приятное воспоминание.

В продолжение карнавала фокусники забавляют народ различными представлениями. Собачий балет, кукольная комедия, кабинет восковых статуй показываются на площадях. Балансеры, несгораемый человек и тому подобное ино-

гда показывают свое искусство на театре. Ученые канарейки наиболее мне понравились. Тиролец под музыку заставляет их маршировать, берет ими бумажную крепость, из которой стреляют из пушек. Взяв крепость, расстреливают дезертира, который по учинении из пушечки выстрела падает мертвым, но когда тиролец положит его к себе на руку, канарейка вдруг вспорхнет и запоет. Удивительно, как столь малую птичку успевают приучить к повиновению и к различным движениям, не свойственным ее породе. Всего приятнее, когда они числом до тысячи все вместе поют под орган и умолкают вдруг, когда тиролец погрозит им тросточкой.

Подземный грот в Липцах

Удивительный подземный грот в Липцах, в 24 верстах от Триеста по дороге к Фиуму, возбудил во многих любопытство. Согласившись, наняли мы коляски и в числе одиннадцати человек рано утром отправились к гроту. Дорога сперва вела нас мимо загородных красивых домов, между приятными садами; но скоро принуждены мы были подыматься

на высокую каменную гору, состоящую из плитника, совершенно голого. Солнце пекло, зной был несносный, шагом встащившись на вершину, мы остановились, дабы дать отдохнуть уставшим лошадям. Мы укрылись под тенью трех или четырех дерев, с нами были трубки и пиво. Отдых был приятнейший. Вид с горы вокруг представлял различные предметы. К востоку тянулся хребет гор, изредка поросший мелким лесом, почва земли близ нас состояла из бесплодного камня. Бедные жители сих гор имеют свое пропитание от продажи угольев; почему и называют их карбонариями (угольниками). К северу вдали виден был седой хребет Фриульских гор, также черных и нагих, какова и та, на которой мы находились. Близ Триеста часть моря, окруженного

высокими скалами, от преломления солнечных лучей в спокойной воде блестела как зеркало. До деревни Безовицы не было никакого признаку обитаемости. Везде виден был голый камень, кремнистые скалы печально стояли посреди пустыни, мрачная тишина царствовала вокруг нас. Проехав Безовицы, я вдруг перенесся из ада в рай; тут взору моему представились плодоносные сады, прекрасные рощи и многочисленные, по зеленым лугам пасущиеся стада, и я, не скучая более палящим зноем, не приметил, как прекрасной аллеей приехал в Липцы, небольшое селение, очень красиво выстроенное. Напившись кофе и заказавши обед, мы с проводником пошли в грот.

На ровном, усыпанном множеством каменьев поле проводник показал нам глубокую яму, вокруг обросшую мелким кустарником и сухой травой. Один за одним начали мы спускаться в грот. Я спустился на несколько шагов вниз, и непроницаемый мрак принудил меня идти осторожнее; придерживаясь за неровности высунувшихся каменьев, я не прежде спускал ногу вниз, как ощупав место палкой. Слыша голоса, а не видя никого, боясь, чтобы сверху кто не поскользнулся и падением своим не увлек бы в пропасть меня и впереди идущих, с беспокойством начал я кликать товарищей. В сие время проводник зажег факел и вдруг разлился вокруг нас свет. С полчаса мы шли извилистыми переходами, стены пещеры то сближались, то распространялись столько, что пламя факела не освещало дальних углов. Наконец сошли мы на самый низ грота в глубину до 300 сажен, и зрелище чудное и великолепное поразило взоры наши. Стены грота, покрытые накипью окаменевшей воды, отражая огонь факела, горели ослепляющим, неподражаемым светом, только для мудрой руки природы возможным. Мы находились в кристальном подземном чертоге, великолепно освещенном. Своды грота, местами восходили до такой высоты, что свет не

достигал оных; несколько не весьма толстых столбов из чистого хрусталя поддерживали всю тяжесть обширных сводов, с коих, как бы прилепленные к ним, висели другие столбы, угрожающие падением. Игра природы образовала на стенах многие фигуры, подобные бюстам, птицам и животным. Посреди грота куча каменьев, чистых и прозрачных, как стекло, походит на колоссальную статую, поставленную на круглом подножии. Сталактиты сии такой разливали свет, такими яркими горели огнями, что невозможно было долго на них смотреть. Холод и сырость, происходящие от капающей со сводов воды, были столь чувствительны, что мы скоро все передрогли и поспешили выйти из грота. Палящее солнце скоро потом принудило нас снять мундиры, и мы, пришед в трактир, снова искали прохлады, чтобы с удовольствием пообедать.

Поступки французов в Триесте

Когда намерение Наполеона лишить Бурбонов последнего трона ему удалось, тогда великодушный испанский народ, не могши перенести столь наглой обиды, именем короля Фердинанда VII решился с оружием в руках защищать свои права и свободу. Революция, жестокая по действиям, но справедливая по оскорблению, возбудила геройское мужество в душах благородных испанцев. По объявлении Иосифа Бонапарта королем Испанским не было уже сомнения, что Наполеон, уничтожая царство за царством, предположил покорить всю Европу. Император Австрийский, в обеспечение своей независимости, нашел необходимым составить сильное земское войско, которое в случае войны могло бы с пользой служить вместе с армией его. Дворянство, духовенство, купечество и народ не жалели пожертвований, ревностно и охотно исполняли волю своего императора. 18 июня 1808 года эрцгерцог Иоанн прибыл в Триест для формирова-

ния земского ополчения; Его Высочество удостоил посещением наши корабли и принят был с надлежащей сану его почестью.

Наполеон, не успев в одну кампанию покорить Испании, в марте месяце 1809 года требовал, чтобы австрийский император распустил свое земское войско, и военные громы раздались близ нас. При открытии военных действий австрийское оружие увенчано было блистательнейшим успехом. Эрцгерцог Иоанн при фонтане Фредо (что в Фриуле) разбил принца Евгения столь сильно, что французы до самого Адижа не могли ни на одной позиции остановиться. Жители Италии[42] с радостью приняли австрийские войска; не было сомнения, что королевство Итальянское в непродолжительном времени было бы освобождено; но судьба повелела иначе. Наполеоново счастье вскоре вознаградило ему сию потерю. Поспешно подкрепив отступившие в Баварию свои войска новыми корпусами, он разбил у Регенсбурга эрцгерцога Карла, главнокомандующего большой австрийской армией. Потеря Вены и отступление принца Иоанна из Италии в Венгрию было следствием несчастной битвы у помянутого города: 6 мая французы вступили в Триест с условием не требовать от города никакой контрибуции, кроме 800 порций в день; но едва австрийская армия несколько удалилась от Триеста, требования со дня на день начали увеличиваться: то нужно было несколько лошадей, то несколько бочек вина, то сухарей. Начали ходить полки, один другого хуже, солдаты оборванные, босиком и в ветошках, с одним ружьем на плече, требовали одежды. Когда граждане Триеста потеряли терпение, когда австрийские гражданские чиновники, остававшие-

[42] В Триесте Гофер, в Вестфалии майор Шиль, в Италии многочисленные толпы народа восстали против французов; неоспоримое доказательство их тиранского правления.

ся в городе и утвержденные новым правительством в своих должностях, напомнили об условии, то французы сняли с себя личину и начали брать все силой. Во-первых, объявили, чтобы жители всякое оружие сдали в арсенал, и когда таким образом обеспечили себя от бунта, на первый раз потребовали только 50 000 флоринов, но не прошло дня, еще 100 000. Потом с оружием в руках обобрали в лавках сукно, полотно, канву и сапожный товар, собрали всех портных и сапожников и пока они не обмундировали двух полков, держали их под караулом в казарме. В прежнюю войну (1800 года) Массена придумал для скорейшего обмундирования солдат еще лучшее средство. Для какого-то торжества вход в маскарад позволен был без платы. Когда маскарадная зала наполнилась, гренадеры с примкнутыми штыками выгнали кавалеров вон из залы, а женщинам, вместо увеселения, предложили, снявши маски, заняться шитьем рубашек. Благородных дам, до тех пор не выпускали из залы, пока они вместо себя не представили служанок и несколько денег. Бедные женщины сидели в зале под караулом целую неделю, а после отосланы были мыть казармы... Каждый генерал, который приходил на короткое время в Триест, налагал контрибуцию для своего содержания. Один из генералов, взяв оную, пригласил австрийских чиновников к себе на обед; и когда после стола президент магистрата откланялся генералу, то на лестнице был остановлен адъютантом, который вручил ему счет с приказанием заплатить по оному за стол и угощение. Офицеры не уступали своим генералам, они брали у хозяев своих все, что им нравилось, иногда дарили его теми вещами, кои затруднительно было им взять с собой. Один офицер проходящей партии, увидев на балконе дам, вошел в дом и без обиняков сказал хозяину, что он любит хорошеньких женщин и потому у него ночует. Адвокат Розетти (хозяин дома) спросил у него билет на квартиру. «Что за билет? — отвечал

француз. — Приготовь мне на шесть персон ужин, и чтоб было шампанское и бургундское». На другое утро французский офицер, взяв несколько белья, уложил в свой чемодан, надел новые хозяйские сапоги, а свои, изношенные, в знак дружбы, подарил адвокату.

Когда Жуберт, генерал-интендант французской армии, прибыл в Триест, то бедствия еще большие, притеснения неслыханные, отяготели на бедных жителях. Я желал бы умолчать о хищнических поступках, весьма печальных и невыгодных для чести нации, называвшей себя великой и просвещенной; и как такого рода злодеяния происходят всегда от правительства или, лучше, правителя-деспота, то хотя по пословице «Лежачего не бьют», я должен бы покрыть завесой происшествия, коих был очевидец и коими сердце мое тогда раздиралось; однако же почитаю нужным дать соотечественникам моим понятие, что могли бы мы претерпеть тогда, когда, подобно немцам, остались бы в своих домах? Чего жители Москвы должны были бы ожидать, если бы наши гражданские чиновники остались при своих должностях и были бы обязаны грабить своих друзей, отца, мать и себя самих? Сравнивая бедствия всей Европы с потерей нашей и испанцев, пусть читатели сами скажут, лучше ли или хуже мы сделали, что предали огню свои дома, что, оставляя занятые неприятелем города пустыми, лишили его средства содержать себя в чужой счет; и наконец, не от того ли мы победили почитавшего себя непобедимым Наполеона, что наше правительство, подобно мужественным испанцам, приняло другие меры и способы для сопротивления ему?

На другой день прибытия в Триест Жуберта французы конфисковали английские товары; вместе с оными отняты были частью и немецкие, по произволу французских комиссаров названные английскими. Дабы за сии товары выручить наличные деньги, продали часть оных с аукционного торга.

Купившим выдали свидетельства и билет на свободный сих товаров пропуск и продажу без пошлины во французских владениях. Триестские капиталисты, думавшие сим оборотом обогатиться, обмануты были самым необыкновенным образом. На границе Итальянского королевства товары их были остановлены; свидетельство, данное Жубертом, таможенные чиновники объявили ничтожным, и бедные купцы очень еще довольны были и тем, что за половинную цену против аукционной покупки могли продать свои товары маршалу Массене и некоторым другим французским генералам... разумеется, что товары, принадлежащие маршалу, были тотчас пропущены.

По взятии Вены Наполеон наложил на Триест 50 миллионов флоринов контрибуции. Хотя сначала полагали, что город едва ли четвертую часть сей суммы может выплатить, однако же Жуберт доказал противное; в два месяца он собрал более 20 миллионов, частью деньгами, а прочее съестными припасами и другими потребностями. Жуберт систематически и постепенно, так сказать, высасывал деньги. Во-первых, наложена была небольшая контрибуция, которую в три дня удобно и уплатили, потом под разными предлогами в три раза взято было еще несколько денег, и когда у бедного и посредственного состояния нечего уже было брать, тогда приступил Жуберт к насильственным займам, то есть у богачей отняли до половины их капитала, предоставя им чрез посредство своего магистрата, сделать уравнительную раскладку и со временем взыскать с своих сограждан. При сих насильственных займах, если кто отказывался платить, то, дабы принудить его, употребляли так называемую военную экзекуцию. В первый день приходили в дом пять человек солдат с унтер-офицером, хозяин, кроме пищи, слишком прихотливой для солдата, должен был в тот же день заплатить каждому из них по 5 флоринов. На другие сутки при-

бавлялось еще пять солдат, кои получали по 10 флоринов. На третий день 15 солдатам выдавалось по 15 флоринов каждому, и так далее. Если чрез пять дней хозяин не вносил положенной на него контрибуции, то на шестой комиссар брал у него серебро или какие другие вещи, которые удобнее и выгоднее можно было продать. Не случалось почти никогда или весьма редко, чтобы кто мог в продолжение пяти дней выдержать все грубости и неистовства солдат. Они обыкновенно располагались в лучших комнатах, развешивали по стенам ружья и сумы, портили мебель, заставляли чистить себе сапоги, мыть белье, брали, что им нравилось, женщинам не было от них покою, и самые жесточайшие оскорбления оставались без наказания.

Когда лавки и магазейны были начисто ограблены, в домах едва ли что оставалось для пропитания; когда из 40 тысяч жителей оставалось только 20 тысяч, то Жуберт для вынуждения значительнейшей суммы употребил следующее средство: 24 богатейших капиталистов посажены были под стражу, причем объявлено было им, что если чрез 10 дней не внесут нового наложенного на них насильственного займа, то будут расстреляны. Денег ни у кого не было, и сии несчастные отправлены были в крепость Пальма-Нову для исполнения над ними смертного приговора. Не могу описать уныния и отчаяния, объявшего триестцев. Некоторые благородные французы были чувствительны к бедствиям народа, некоторые с негодованием порицали жестокие поступки, происходящие от алчности к деньгам. Дюк де Нарбон[43], дивизионный

---

[43] Дюк был из числа тех эмигрантов, которые, возвратясь во Францию, вступили в службу. Мать и сестра его, потеряв все свое влияние, жили в Триесте в крайней бедности и неизвестности. Нечаянная встреча обрадовала престарелую мать, но она запретила сыну посещать ее во французском мундире.

генерал, бывший в сие время губернатором в Триесте, старался, сколько можно, облегчать участь угнетенных; но по причине полной власти для взыскания контрибуций, данной Жуберту, благородные усилия его большей частью оставались безуспешны. Жуберт, сколько по обязанности и долгу службы, столько сообразуясь характером своего деспота, как кажется, получил навык ничем не трогаться и употреблять крайние меры жестокости с удивительным хладнокровием. Вот тому пример: Карчиотти, старец 80 лет, вместе с прочими купцами отправлен был в Пальму-Нову. Сын его, представя Жуберту, что имение ему, а не отцу принадлежит, просил генерала, чтобы ему вместо родителя позволил умереть. Жуберт равнодушно и с насмешливой улыбкой отвечал сему достойному сыну: «Твое намерение похвально, годится для трагедии; заплати сверх положенной на отца контрибуции 20 тысяч флоринов, и я сей час прикажу расстрелять тебя вместо твоего почтенного родителя». К счастью, мир вскоре был заключен, и страдальцы, просидев в тюрьме, были освобождены.

Таковы-то были средства, для взыскания контрибуций употребленные; но были еще другие, адской душой обдуманные злодейства, коим и сам Аттила, и самый неистовый разбойничий атаман должен был бы уступить. До вступления французов в Триест коронные суммы и всякое казенное имущество были вывезены, но капиталы несовершеннолетних и вдов, под опекой находящихся, оставались; Жуберт, для пополнения контрибуций, не усомнился потребовать и сии суммы. Президент городового правления долго тому противился. Жуберт в сем случае не хотел употребить явного насилия и для получения сих денег прибегнул к следующей хитрости. Сыскал такого человека, который, не имея ничего, чтобы мог почесть для себя потерей, согласился за место президента выдать деньги актом. Прежний благородный прези-

дент, не щадивший никаких усилий для облегчения участи своих сограждан, был сменен, а сироты и вдовы лишились от того дневного пропитания. Вот какими уловками французы прикрывали свои насильственные поступки, кои и им иногда казались непозволенными. Дабы иметь причину притеснять и отнимать деньги, было наконец публиковано, что доносчикам будет выдаваемо приличное награждение. Невинные страдали, принуждены были платить за обвинения, коим не было никакого основания; и даже не требовалось для улики и ложные свидетели.

Вслед за армией вступила в Триест другая, состоящая из маркитантов, распутных женщин, картежных игроков, искусников, фигляров, в почтенном звании шпионов, тайной полиции служащих, и такого рода людей, кои, будучи чужды всякой нравственности, не имея в поступках своих и тени добродетелей, дерзают выхвалять человеколюбие и бескорыстие Наполеона, за честь себе вменяют удивляться его подвигам; и между тем поведением своим при каждом шаге обличают героя своего в малодушии и хищничестве и невольно обнаруживают низкое его рождение. От доброго сердца приписывают ему такие свойства, кои свойствам истинно великих мужей совершенно чужды.

Картежные игроки, заплатив немаловажную откупную сумму за позволение обыгрывать, наверное, состоят, как называют французы, под покровительством законов. Дежурный банкер для отличия носит чрез плечо широкую, подобную орденской трехцветную ленту. Театральная зала от утра до вечера была наполнена игроками. Я иногда приходил в оную питать душу мою отвращением, примечать отчаянные лица игроков, которые при каждом обороте рулины краснели или бледнели, смотря по тому, выигрывали или проигрывали они. Мрачная тишина прерывалась одними проклятиями, вздохами и восклицаниями. Не слышно было

иногда шума, кроме деревянных лопаток, коими банкеры пригребали или отталкивали от себя золото. Женщины, которые не имели более денег, проигрывали кольца, серьги, гребни, платки или в театральном трактире наскоро продавали свою благосклонность. Сии прибывшие французские нимфы позора отправляли должность шпионов и получали за то жалованье от полиции и так же состояли в штате наполеоновых обожателей. Армейские маркитанты, заплатя откуп, разыгрывали в лотерею награбленные вещи, большей частью покупаемые от контрибуционных депо. В одной лавке можно было за грош выиграть какую-либо вещь, например, один башмак или лоскут старого платья, в другой с аукциона можно было купить за бесценок кусок сукна. Кто покупал товаров на сто рублей, тому, по настоящей оценке, предоставлялось на его выбор на 150 рублей. Сим способом контрибуционные вещи обращались в деньги. В праздничные дни при хорошей погоде на площади разыгрывалась так называемая денежная лотерея. В пользу казны удерживалась половина из собранной суммы; но как однажды выигравшего самый большой приз, посадили в тюрьму под предлогом, что он таких номеров из лотерейной конторы не получал, то народ и нескольких грошей не хотел проигрывать напрасно. Развращенные нравы победителей вкрались и в сердца побежденных. Толпы игроков из черни, не имея чем питаться, начали промышлять воровством, чего при австрийском правительстве и слышно не было. Маккиавельская политика Наполеона с умыслом допускает таковое развращение народа; ибо человек, в крайней нищете находящийся, не может сожалеть о своей свободе и в отвращение голодной смерти охотно ищет оной на поле сражения. В Триесте набрано было силой несколько рекрут, и сии несчастные принуждены были бы сражаться против своего отечества, если б вскоре не заключен был мир.

После Аспернского сражения французы, желая прикрыть потерю оного, выдумывали в пользу свою разные обстоятельства, лгали без всякой меры и вероятности. Один офицер, посещавший дом баронессы Цанки, у коей предпочтительно принимаемы были русские, с видом уверительным и гордым рассказывать за новость самую достоверную, что один раненый французский полковник, едучи в карете, был нечаянно окружен 6000-й колонной австрийской милиции, которой начальник объявил его пленным; «но наш храбрый полковник, — продолжал хвастун, — одними словами (à force de parole) принудил 6000 австрийцев положить пред ним ружье». «Пожалуйте, не договаривайте, — шутливо возразила на сие графиня Воиновича (урожденная Пизани). — Милостивые государи, — обратившись к прочим гостям, продолжала графиня, — я свидетельствуюсь вами, что нет женщины более меня болтливой. Итак, радуйтесь, я сей час еду в Вену и, уверяю вас, что я своим болтаньем (a forza di chaicari) принужу всю французскую армию положить передо мной ружье».

По заключении Венского мира маршал Мармонт сделан был наместником Иллирийских провинций. Новые подданные, со стесненным от горести сердцем, дали присягу в верности. Одна надежда, что участь их будет сноснее, уменьшила уныние; но последствия вскоре доказали противное. Каждый владелец дома или земли должен был платить в год от 10 до 20 процентов до ста, не с доходов, а с той суммы, чего стоит его имущество, включая мебели, экипажи и прочее... От многих тягостных налогов, сбираемых с той же строгостью, как и военные контрибуции, богатейшие люди разорились. В Венеции один из театров был продан за 60 000 ливров; но как скоро деньги сии были внесены, то городовое правление потребовало с покупщика прежнюю недоимку, простиравшуюся до 140 000 лир; а как он не мог внести такой суммы, то театр чрез год описали в казну. И таким образом продавали его три раза за бесценок.

Континентальная система довершила разорение Триеста. Личная ненависть Наполеона против англичан простерлась до того, что он, не имея флота, которым мог бы отомстить британцам за смелые, несносные для малодушия его насмешки, в кипении бессильной своей злобы не усомнился нищетой миллионов лучших своих подданных лишить неприятелей выгод их трудолюбия и промышленности. Миланский эдикт доказывает, сколь мало Наполеон думал о благе своего народа. По сему декрету купец, отправляющий груз морем, должен был, чего стоит судно и груз, обеспечить вносом денег или верным залогом. Если дойдет до сведения, что судно было осматриваемо английскими крейсерами и было ими отпущено, то таковое берется в казну. Таможенные чиновники, имея в виду сии две статьи, по малейшему подозрению, без всяких доказательств могли всякое судно и залог присваивать казне. Несмотря на всю бдительность французской береговой стражи, английские товары во множестве продавались даже в самом Париже. Наполеон, думая искоренить торг запрещенными товарами, обогативший английских купцов, приказал все колониальные товары, находившиеся в его владениях, сжечь. Безрассудность сия, как известно, нимало не остановила тайной торговли: какой убыток могли иметь англичане, когда Наполеон мог жечь только те их товары, за которые они уже получили деньги?

Происшествия во время пребывания российской эскадры в Триесте. — Возвращение в Россию

10 июня 1808 года английский фрегат приходил в Триест под переговорным флагом; на оном получено известие, что престарелый в добродетели Георг III решился во что бы то ни стало подать помощь испанцам и португальцам, восставшим с мечом мщения против Наполеона. С сего времени, несмотря на протесты французского в Триесте консула, коего ноты

доселе значили повеления, дружеские сношения с англичанами продолжались беспрерывно; когда же эрцгерцог Иоанн прибыл в Триест для образования земского ополчения, то английские военные корабли останавливались близ гавани и, принимая конвои австрийских купеческих судов, явно сопровождали оные мимо Истрии, в портах которой французы усилили свою гребную флотилию. Австрийцы, во уважение нашего флага, не позволяли англичанам подходить к эскадре нашей ближе пушечного выстрела, в городе же мы встречались с ними довольно часто и обходились по-приятельски. 27 августа пришло первое испанское купеческое судно, из Триеста также отправились несколько австрийских судов в Испанию. Союз Австрии с Англией и Испанией хотя и не был обнародован; но по сим дружеским сношениям никто в оном не сомневался. 9 ноября генерал-майор Бибиков, назначенный посланником ко двору Мюрата, нового неаполитанского короля, в проезд свой чрез Триест посещал корабли наши и был принят с должной почестью. 13 декабря на испанском фрегате прибыл в Триест бывший посланник барон Григорий Александрович Строганов. При съезде его на берег испанский фрегат салютовал ему 15 выстрелами. Если по сему фрегату судить об испанском флоте, то мнение об устройстве оного будет невыгодно. Построение фрегата не очень красиво, но он ходит легко, вооружение тяжело, люди в управлении парусов не проворны; они одеты бедно, неопрятны и весь фрегат весьма нечист.

1809 года января 26-го, к общему нашему прискорбию, скончался почтенный и любимый наш капитан-командор Иван Осипович Салтанов. Все австрийские войска, бывшие в Триесте под командой бригадира, были при погребении. Процессия по военному нашему уставу была самая пышная. Знамена, пушки и барабаны, увитые флером, длинный ряд священства в великолепных ризах, пение и военная музыка,

раздирающая сердца, беспритворная печаль, напечатленная на скорбных лицах окружавших гроб и колесницу; корабли с искривленными реями, с опущенными вполовину флагами и вымпелами; и самые пушечные выстрелы чрез пять минут один за другим последовавшие, все это вместе сколько трогало зрителей, столько же и нравилась им сия погребальная пышность, какой они доселе не видали. Несмотря на дурную погоду, по улицам едва было можно протесниться. Капитан 1-го ранга Михаил Тимофеевич Бычeнский по старшинству принял начальство.

31 января, для дня рождения императора Франца I, корабли наши были расцвечены флагами, и с каждого палили по 31 выстрелу. 12-го же марта, по случаю дня восшествия на престол нашего императора, австрийцы с крепостей также палили из всех орудий. День Пасхи 28 марта провели мы истинно по-христиански. Заутреня была в славянской церкви Св. Спиридония. Корабельные священники отправляли службу вместе с приходскими. Певчие наши стояли на правом крылосе, пение их восхищало славян, но когда при первом слове: «Христос воскресе», в глухую полночь с кораблей наших, освещенных фонарями, раздались пушечные громы, то восторга славян описать было не можно.

Торжество веры, конечно, производит впечатление, приятнее всякого другого. Добрые славяне признавались, что они никогда с такой радостью не встречали великого праздника, и дня, который препроводили вместе с нами, никогда не забудут. Иностранцам, особенно католикам, нравятся наши церковные обряды; они сознаются, что со всей пышностью в греко-российском богослужении соединено приличное великолепие, вливающее в душу священное благоговение; но при всем том они не иначе называют нас, как отступниками (Schismatici), а иногда обряды наши представляют совсем в превратном виде. Вот тому разительный пример. Один

путешественник, бывший во время Пасхи в С.-Петербурге, описывая торжество сего дня, между прочим, сказал: чувствительно было для меня видеть, когда все бывшие в церкви, без различия чинов, царедворец и солдат, крестьянин и генерал начали обниматься и целовать друг друга в уста, говоря один другому: «Crestovsky ostrov, vasilifski ostrov,» то есть вместо «Христос воскресе» — Крестовский остров, а вместо «Воистину воскресе» — Васильевский остров.

В конце марта война между Австрией и Францией, давно и с нетерпением ожиданная, началась. Начальствующий эскадрой капитан 1-го ранга Мих. Быченский, не имея никаких повелений, в каком отношении должны мы были считать себя с австрийцами и французами, для получения нужных наставлений, 1 апреля отправил в С.-Петербург лейтенанта Кар. Вас. Розенберга. По занятии Триеста 6 мая французскими войсками положение нашей эскадры сделалось затруднительным, ибо французские и австрийские генералы при всяком случае уверяли нас, что мы с ними в союзе. Недоумение сие продолжалось до прибытия из Вены в Триест бывших посланников при сицилийском дворе и Оттоманской Порте тайных советников Д. П. Татищева и Италинского.

10 мая, несмотря на множество английских крейсеров, 10 французских канонерских лодок успели прокрасться из Венеции в Триест. 13 мая министр морских сил Итальянского королевства Кафарелли посетил нашего начальствующего; ему салютовано было из 13 пушек. В сей же день, по причине гнилости корабля «Уриила», снята была с него половина пушек, которые поставили на моле старого карантина. (Австрийцы не оставили в Триесте ни одного орудия.) Распоряжение сие послужило к нашей пользе или, лучше, лишило нас случая с выгодой сразиться с англичанами. 17 мая на рассвете английская эскадра, состоящая из 5 кораблей, 3 больших фрегатов и брига, показалась у мыса Салвора

и шла на всех парусах к Триесту. Эскадра наша переменила позицию и стала так близко берега, что неприятелю пройти между нашими кораблями и атаковать нас с обоих бортов было невозможно[44]. Линия, состоявшая из 4 кораблей, 2 фрегатов и корвета, так стеснена была в виде полуциркуля и защищена с обоих флангов береговыми батареями, что англичанам под перекрестным огнем 250 орудий трудно было бы подойти и стать против нас на шпринг[45]. Перетянуться в новую позицию, спустить стеньги и реи на низ, ошвартовиться[46] и приготовиться к бою было делом трех часов. Опасность быть атакованным в расстройстве была лучшим в сей работе нашим помощником. Французы не менее были деятельны в построении береговых батарей, и у них к полудню все было готово. Неприятельская эскадра, не дошед до пушечного выстрела, по тихости ветра стала на якорь. В 4 часа пополудни, когда подул довольно свежий ветер, англичане снялись с якоря, под всеми парусами спустились на нашу линию и с батарей старого карантина сделали уже несколько выстрелов; мы с нетерпением, с жадностью считали минуты, когда неприятель приблизится на наш выстрел, но, к крайнему сожалению, английский командор не осмелился сделать нападения, поворотил назад и стал на якорь на прежнем месте. Мы досадовали, что поставлены были в столь выгодной позиции, нам даже и потонуть было не можно (чего по ветхости кораблей прежде всего ожидать было должно); ибо под кораблями оставалось не более аршина воды. Напасть на нас значило бы безрассудно отдаться нам в руки.

---

[44] Смотри позицию на карте Триеста.

[45] Поставить корабль на якорь так, чтобы помощью канатов он мог обращаться во все стороны.

[46] Привязаться к берегу.

Неприятельская эскадра более месяца была в виду Триеста и, кажется, искала случая к нападению; мы со своей стороны были во всякое время готовы к сражению. На картечном выстреле от линии кораблей положили на якорях боны[47] и каждый день обучали людей пушечной и ружейной экзерциции с огнем, а на шлюпках приучали людей к абордажу и рукопашному бою. 9 июня англичане ночью покушались близ Триеста налиться водой, но гребные наши суда и французские пикеты в том им воспрепятствовали. 24 июня, когда отряд австрийской милиции по дороге к Фиуму сражался с французами, английская эскадра также приблизилась к гавани; мы были в великом беспокойстве: австрийцы дрались упорно, звук пушечных выстрелов приближался и становился слышнее. Положение наше было самое затруднительное; ибо если бы австрийцы взяли город, то бы мы должны были или погибнуть без славы, или без сражения сдаться. Один из английских фрегатов из бухты Муйя начал бросать бомбы, которые ложились близ кораблей. Наши офицеры из одной уриильской 28-фунтовой пушки, поставленной на высоте у Сант-Андрея, несколькими меткими выстрелами принудили оный фрегат отступить. Французская гребная флотилия вышла из гавани для преследования; но подул ветер, и английский фрегат успел соединиться со своей эскадрой. На другой день у сего фрегата починили подводную пробоину; австрийцы также отступили и более к Триесту не приближались. Ночью англичане бросили в город несколько конгревовых ракет, одна из них попала в дом, но без дальнего вреда. 17 июля английский фрегат и бриг, узнав, что французская флотилия пробирается близ берега из Венеции в

---

[47] Делаются из старых мачт, связываются железными цепями и служат для удержания неприятельских кораблей в надлежащем расстоянии.

Триест, ночью напали на нее столь удачно, что всю ее истребили и взяли в плен 7 канонерских лодок и 4 требаки. Сие было последним военным действием близ Триеста. По заключении мира англичане удалились.

После Аспернского сражения Наполеон для переправы чрез Дунай и для служения на канонерских лодках и батареях, на острове Лобау устроенных, имея нужду в искусных матросах, решился воспользоваться покушением англичан напасть на эскадру нашу в самой гавани; но дабы преждевременно не открыть своей настоящей цели и зная, что пребывание наше в Триесте со времени занятия оного французами, не очень приятно, прислал к начальствующему эскадры капитану Быченскому следующее предложение: «Полагая, что пребывание Российской Императорской эскадры в Триесте небезопасно от нападения англичан, я предлагаю вам, г. капитан, воспользоваться удалением неприятельской эскадры от берегов или каким другим удобным случаем и перейти с эскадрой, вам вверенной, в Анкону, где как содержание людей, так и сильная защита сей хорошо укрепленной крепости будут для вас обеспечены. Если же какие обстоятельства предпринять поход сей не позволят, то я, искренне радея о чести флага моего союзника и друга, предлагаю вам разоружить корабли и, сдав все принадлежности оных моим комиссарам, перейти с экипажами в Удино, где, сформировавшись в батальоны, ожидайте дальнейшего повеления для следования в отечество ваше». 10 июня лейтенант Розенберг, возвратившийся из С.-Петербурга, послан был в Вену с ответом следующего содержания: «По ветхости кораблей невозможно без явной опасности перейти мне с эскадрой из Триеста в Анкону. Я надеюсь, что больше будет чести для флага Августейшего моего Монарха сразиться с неприятелем, нежели, не сделав ни одного выстрела, оставить корабли ему на

жертву. В таких обстоятельствах оставить свой пост без точного повеления моего Государя и долг и честь мне запрещают».

В продолжение войны надежда австрийцев получить нашу помощь была столь общая, что даже после Ваграмского сражения в Триесте с достоверностью рассказывали, что 100 000 русских соединились с армией принца Карла. Столько-то немцы привыкли видеть нас друзьями угнетенных и помощниками слабых. Не можно описать чувств печали и уныния триестцев в ту минуту, когда объявлены были статьи мира, заключенного между Францией и Австрией. Несчастья Франца II омыты были горькими слезами всех его подданных; прискорбие же тех, кои лишались кроткого, отеческого его правления, было поистине жалости достойно.

Когда эрцгерцогиня Мария-Луиза обручена была Наполеону, луч приятной надежды оживил на краткое время триестцев. Носился слух, что Иллирийские провинции будут возвращены Австрии; но когда все осталось по-прежнему, то все бедствия австрийского императора начали приписывать единственно русским. Наполеоново счастье, как думали тогда, было уже непреодолимо. Бракосочетание его с Марией-Луизой успокоило огорченных потерями австрийцев; они полагали, что союз Австрии с Францией поставлен на твердом основании. Новые подданные Наполеона, в неудовольствии своем, не предвидя облегчения своей участи, мечтали вместе с французами о дальнейших завоеваниях, о разорении других и, наконец, ясно говорили, что театр войны скоро перенесен будет в сердце России. Политическое мнение, доселе столько лестное для русских, совершенно переменилось: любовь и уважение к правоте нашей очень охладели. Долгое отсутствие из отечества, бездействие, праздность, неприятность жить с теми, кто не желает нам добра, и самые удовольствия наши обратили в скуку и утомление. Вообще неизвестнось, долго ли еще мы будем без всякого дела, и предчувствие грозы, которая

отовсюду скоплялась над отечеством, дальнейшее пребывание в Триесте соделывали весьма для нас неприятным.

Наконец к неизъяснимой всех радости получено высочайшее повеление от 27 сентября 1809 года: корабли со всеми принадлежностями к оным по условленной каждой вещи оценке сдать французскому правительству, а экипажам, находящимся в Триесте, Венеции и Корфе, соединившись в одном из ближних городов к Триесту, где назначено будет местным начальством, ожидать там дальнейшего повеления для следования в Россию. В определении цены кораблям и их принадлежностям французские комиссары делали большие затруднения; например, пушки приняты были только за металл, порох за селитру, и многие вещи, еще годные к употреблению, оценили в 24-ю часть против настоящей их цены. Но один поступок начальствующего эскадрой принудил их быть справедливее. Корабельные мачты, которые в здешних безлесных местах стоят очень дорого, несмотря, что некоторые были довольно прочны, а другие ничем не повреждены, были, однако ж, определены к сломке на дрова. Под предлогом облегчения кораблей для ввода оных в бассейн нового карантина французский комиссар предложил все мачты вынуть нашими людьми и в целости сложить в сарай; но как в порте не было крана, для вынутия мачт необходимого, то Михаил Тимофеевич приказал их срубить. Едва успели срубить одну мачту, комиссар убедительнейшее просил оставить в целости другие и сим принужден был, как мачтам, так пушкам и другим вещам положить сходную цену. К 20 октября военные снаряды, паруса и снасти сложены по сортам в магазейны, пустые корабли введены в бассейн нового карантина, а люди перешли в отведенные в городе казармы.

Капитан-лейтенант Сальти, начальствовавший эскадрой, стоявшей в Венеции, разоружив суда свои, ввел в арсенал и в ноябре месяце, по повелению капитана 1-го ранга М. Т. Бы-

ченского, оставив для оценки и сдачи всех материалов французскому правительству несколько офицеров с малым числом матросов, выступил из Венеции, и по назначению маршала Мармонта, наместника Иллирийского, во ожидании прибытия морских служителей из других мест, расположился на квартирах в Обер-Лайбахе. Лейтенант Куломзин, с двумя транспортами находившийся в Бокко ди Катаро, сдав суда свои и получив квитанцию, во что они были оценены, в декабре месяце чрез Далмацию прибыл в Триест. Капитан-командор Лелли, остававшийся во все время в Корфе, встретил немалые затруднения как в сдаче кораблей, призовых судов и магазейнов, так особенно в переправе из Корфы в Италию. Несмотря, однако ж, на бдительность английских крейсеров, команды на малых лодках все благополучно и без потери перевезены, из Лехчио, где было сборное место, выступили в дальнейший путь. Между тем генерал-адъютант граф Шувалов по повелению государя исходатайствовал нужную помощь от австрийского правительства, и когда отряд капитан-командора Лелли прибыл в Венецианский округ, то и мы в шести колоннах 24 марта 1810 года, наконец, оставили Триест. Командам Балтийского флота под начальством капитана 1-го ранга М. Т. Быченского должно было чрез Каринтию, Штирию, Венгрию и Галицию следовать прямо в Кронштадт; командам же Черноморского флота под начальством капитан-командора Лелли из Радзивилова предписано идти в Николаев.

Несмотря на переменившиеся политические обстоятельства, жители Триеста с печалью расстались с нами. В двухлетнее пребывание не встретилось ни одного случая, на который могли бы пожаловаться граждане города. Строгая подчиненность матросов и кротость их обращения приобрели им уважение, а проворством и отважностью своей в утушении загоревшегося в канале судна, посреди города

находящегося, заслужили они общую благодарность. Пожар сей показал жителям Триеста бескорыстие русского народа. По обе стороны канала были магазейны, полные товаров; истребление оных разорило бы богатейших купцов. Полиция не имела достаточного числа людей для утушения пожара; купцы каждый думал о спасении своего имущества, народ без платы не хотел подвергать жизнь свою опасности, и между тем как торговались, покойный капитан-командор с каждого корабля приказал отправить на берег треть экипажа, и вдруг матросы наши одни бросились на горевшее судно, другие, отрубив канаты, вывели все прочие суда из канала и, не могши утушить огня, который распространился уже на мачты, прорубили горевшее судно, потопили его в гавани и тем спасли прочие от явной погибели. К удивлению купцов, которые собирали деньги, дабы отблагодарить матросов, они без всяких требований и хвастовства, выпив по чарке водки у того, кто догадался им поднесть, тотчас разошлись. Дружеские и семейственные связи удерживали самих французов в угнетении хозяев тех домов, где стояли или принимаемы были русские офицеры. Пред самым отправлением городовое правление именем всех сословий засвидетельствовало начальству нашему общую благодарность и признательность за сохранение порядка, доброго согласия и примерного поведения, как офицеров, так и нижних чинов.

Отъезд принца-регента Португальского в Бразилию. — Лиссабонский договор

Когда принц-регент Португальский решился на отъезд в Бразилию, когда и престарелая королева, мать его, доселе считавшая невозможным переселиться из Европы в Америку, побуждала его к скорейшему отправлению; то нечаянное прибытие российского флота в Лиссабон 3 ноября 1807 года подвергнуло двор в новое беспокойство. Союз наш с Франци-

ей, неизвестность, какие повеления имеет российский адмирал и какое его намерение в рассуждении португальского флота, возбудили в Лиссабоне неприятные слухи. Народ, устрашенный приближением французских войск и приуготовлением к отъезду царской фамилии, требовал оружия, большая часть войск были уже на кораблях, общая ненависть против французов могла иметь печальные последствия, но накануне отъезда следующая прокламация успокоила народ и убедила его в необходимости отсутствия королевского семейства.

«Пожертвовав драгоценнейшими выгодами народа, я вступил в союз с державами Европы, исполнил все требования императора Наполеона[48] и предлагал одно условие: чтобы иностранные войска не занимали пределов Португалии, но оно не принято. Французская армия вступила в мои владения, и я, не будучи уверен в собственной безопасности, еду в Бразилию, где местом своего пребывания до заключения общего мира избираю Сан-Себастьян. Разлучаясь с отечеством, прошу моих подданных с терпением и покорностью сносить постигший их жребий. Всякое усилие к сопротивлению было бы напрасным пролитием крови. Удержите, верные мои подданные, справедливое ваше негодование против сильного врага, победившего могущественнейшие народы. Бог, попущающий иногда временные несчастья, никогда не оставит утесненных и рано или поздно не укоснит наказать несправедливых. Прощаясь с вами, любезные и верные мои подданные, я не теряю надежды опять с вами увидеться».

17 ноября в 9 часов утра королева Мария Франциска Изабелла, принц-регент сын ее и все королевское семейство прибыли на флот. В проезд их чрез Лиссабон народ, пронзенный печалью, падал ниц и не громкими восклицаниями, а почти-

[48] 20 октября объявлена была война Англии.

тельным горестным молчанием изъявлял свою преданность. У пристани принц-регент, вышед из кареты, с великим умилением прощался с остававшимися чиновниками, поручил им при вступлении французов стараться сохранить тишину, увещевал безропотно покориться несчастным обстоятельствам. Приказал остальные войска, кои на кораблях поместиться не могли, распустить по домам и, приняв благословение от архиепископа, сел на шлюпку и отправился на корабль. В 11 часов, когда французские войска показались в окрестностях столицы, пушечный выстрел дал знак к отплытию, и португальский флот, состоящий из 8 кораблей, 6 фрегатов, 9 бригов и 10 больших транспортов, снялся с якоря. Множество купеческих судов, боясь отстать от своего флота, рубили канат и с поспешностью следовали в море. Торжественные клики «Vivat! Ура!», толпы народа, по берегу реки с горестными воплями бегущие за царским кораблем, не одна тысяча шлюпок, вслед за ним же плывущих, представляли такое зрелище, которое каждого много мыслить заставляло, и какое сердце не смутилось бы уничижением венценосного дома и чувствами общей скорби, печали и негодования? Английская эскадра под начальством сэра Сиднея Смита, блокировавшая Лиссабон и стоявшая на якоре пред устьем Таго, встретили принца-регента с должной почестью. Весь день португальские купеческие суда, набитые, так сказать, народом, выходили из реки, на лодках переезжали целые семейства в надежде быть принятыми на свои или на английские корабли. Теснота на военных судах и транспортах не позволяла принимать более людей. Смятение и отчаяние тех, кои должны были возвратиться в руки французов, были неописаны. Лиссабонская чернь намерением сопротивляться вступлению неприятеля угрожала новой бедой, внушения начальства едва могли удержать волнение народа. Многие семейства от ожидаемого бунта искали убежища на кораблях, оставшихся в Таго. К умножению ужаса в

самый тот день к вечеру поднялась жестокая буря, угнавшая в океан бегствующий флот; неисправность, дурное состояние многих кораблей заставляло опасаться горестных потерь.

При отплытии португальского флота в Лиссабоне была молва, будто бы принц-регент будет задержан российским адмиралом. Связь нашего двора с Наполеоном, кому по Тильзитскому миру мы были обязаны помогать и содействовать во всех его предприятиях, до того молву сию, распространенную неблагонамеренными людьми и подтвержденную одной французской газетой, в общем мнении утвердила, что и самые праводушные люди верили, что Сенявин не упустит воспользоваться случаем, который может доставить ему благоволение императора Наполеона. Когда же португальский флот миновал российский, когда и купеческие суда свободно были пропущены, то беспокойное ожидание и смутное подозрение народа обратилось в радость. Сей поступок Сенявина приобрел ему любовь и доверенность португальцев, почтение благомыслящих французов и изумление тех, которые, слепо следуя наполеоновской философии, видели в поступке сем усилие добродетели, великодушие необычайное; ибо думали, что священные права гостеприимства и самая даже честь для сокровищ, погруженных на португальских кораблях, могли быть нарушены.

Последствие доказало, что Сенявин сим благоразумным подвигом заслужил уважение и самых неприятелей, приуготовил себе то английского адмирала снисхождение, которое спасло честь нашего флага и избавило Россию от огорчения видеть флот свой принужденным без славы сдаться на уничижительную капитуляцию или вовсе быть истреблену.

10 ноября французская армия числом до 30 000 человек, собралась в окрестностях Лиссабона, но, опасаясь возмущения жителей столь многолюдной столицы, не прежде как 22 ноября в 6 часов пополудни вступила в Лиссабон, а в сле-

дующие дни заняв все крепости по берегу Таго расположенные, 25 ноября в полдень на оставшихся в адмиралтействе 4 кораблях, 10 фрегатах и 8 мелких военных судах[49], также и на всех крепостях и батареях спустили португальские флаги, а вместо оных подняли французские. Причем главнокомандующий французскими войсками генерал Жюно именем Наполеона объявил, что Браганский дом перестал царствовать в Португалии.

Несмотря, что Португалия занята была без всякого сопротивления, с ней поступлено было, как с завоеванной областью. Первыми действиями французского правительства были: отобрание в казну английских товаров, коронных имуществ, наложение на государство обременительной контрибуции и все другие меры, к угнетению и разорению народа способствующие, что крайне затрудняло распоряжения Сенявина к продовольствию его эскадры.

Не имея еще никаких наставлений, в каком виде приемлет наш кабинет насильственное занятие Португалии, доселе бывшей с Россией в союзе; и как флот наш пришел в Лиссабон, тогда, когда принц-регент в нем еще властвовал, то посему, полагая Лиссабон для российского флага портом нейтральным, Сенявин, дабы обеспечить себя на случай дурного оборота дела для французов, решился не принимать никакого участия в делах нового союзника, уклонять от себя всякие неприязненные поступки, могущие оскорбить народ португальский; и, наконец, в действии против англичан ограничить себя только тем, чтобы с собственными силами быть во всякое время готову принять и отразить их нападение. Адмиралу стоило большого труда соразмерить свое поведение сказанным образом, нужна была необыкновенная осторожность и благоразумие, дабы выиграть доверенность дюка

---

[49] Купеческих судов оставалось в Лиссабоне до 300.

Видъ Дарданелъ отъ Архипелага.

д'Абрантеса, старавшегося вовлечь Сенявина в свои распоряжения, к угнетению португальцев клонившиеся, и притом не оскорбить англичан, с величайшей недоверчивостью наблюдавших его поступки и поведение. По счастью, Жюно, будучи пышный и великолепный француз, был притом человек добрый, простой и откровенный в обхождении, и Дмитрий Николаевич до того снискал его доброе расположение, что маршал, поколику строгость предписаний Наполеона ему позволяла, за удовольствие поставлял облегчать участь покровительствуемых Сенявиным англичан, с давнего времени в Лиссабоне поселившихся. С другой стороны, адмирал Коттон, получив от Сиднея Смита, которого он сменил, доброе мнение о свойствах Сенявина, хотя отправление в Россию контр-адмирала Грейга и других английских офицеров[50], служивших на флоте нашем, было поводом неприятного объяснения с Коттоном, коему сия великодушная мера правительства нашего показалась ожесточением против Англии; но после сего сношения обоих адмиралов были основаны на взаимном уважении и приличной вежливости.

В апреле месяце 1808 года последовало высочайшее повеление Сенявину со вверенной ему эскадрой состоять в распоряжении Наполеона. Но сей вероломный союзник употреблял во зло сделанную ему доверенность. Все повеления, полученные от него, заключали в себе хитрые намерения, устремленные к погублению российского флота, и Сенявин, сколько ни старался под разными благовидными предлогами уклоняться от исполнения таких повелений, был поставлен наконец в самое затруднительное и опасное положение. В сих тягостных обстоятельствах Сенявин, отвергнув личную свою выгоду и лестные виды для своего честолюбия, руководимый токмо совершенной приверженностью к государю своему и любовью к отечеству, успел укрыться от прозорливого и неограниченного

---

[50] 9 февраля 1808 года.

властолюбия, и если Наполеон был недоволен медленным исполнением его воли, то Сенявину обязаны мы сохранением нашей чести. Одно из таковых повелений было следующего содержания: дабы усилить эскадру нашу португальским кораблем и фрегатом, остававшимися в Лиссабоне, Наполеон приказал, призвав людей со шлюпа Шпицбергена, в порте Виго находившегося, и откомандировав с каждого корабля по нескольку людей, дополнить экипаж корабля и фрегата португальскими и иностранными матросами, которых должно было взять силой. Сенявин под предлогом, что ему нужно быть в осторожности от нечаянных нападений и в состоянии дать сильный отпор англичанам, начал починивать поодиночке все корабли свои и дал знать, что, когда он будет в готовности со своей эскадрой выйти в море и напасть на неприятеля, тогда приступит и к вооружению португальского корабля и фрегата.

13 мая в 5-м часу пополудни на адмиральском корабле «Твердом» от молнии загорелась грот-мачта[51]; огонь столь далеко распространился внутрь, что не было возможности утушить его. Адмирал приказал срубить мачту, и когда новая была изготовлена, то ее поставили, оснастили корабль и привели из Адмиралтейства на свое место в линию, не более как в 4 часа, за что капитану и офицерам сигналом изъявлена благодарность, а матросам приказано дать по чарке вина.

В начале 1808 года народная война распространилась по всей Испании. Уже патриоты, сражавшиеся с ожесточенным мужеством за драгоценную честь свою и свободу, несмотря на неустройство свое, в некоторых местах имели успех; всякое сношение с Россией прекратилось. Надежда на получение денег, к содержанию эскадры необходимых, совсем исчезла. Адмирал имел аккредитивы и личное уважение, хотя бы и мог брать деньги на исправление и на другие потребности

---

[51] Средняя и большая.

эскадры от агентов; но рассуждая, что при возврате сумм агентам казна должна была приплачивать по курсу значительное число процентов и за комиссию, и желая отклонить от нее столь великий убыток, решился употребить на расходы призовую сумму. Но как сумма сия составляла собственность приобретших ее и по закону Петра Великого, ныне царствующим императором подтвержденному, долженствовала во всяком случае, как частное имущество, быть неприкосновенной; посему адмирал предложил участвующим, не согласятся ли они уступить каждый свою часть на издержки, по эскадре необходимые, представляя, что каждый, получа свою долю, вероятно употребит ее на иностранные изделия и возвратится домой со множеством безделок, но без денег, уверяя притом всех, что государь, конечно, с благоволением примет такое общее к нему усердие, и по возвращении в Россию каждый получит свою часть без удержания. Могли ли подчиненные Сенявина, привыкшие во всех его предприятиях видеть свою пользу и славу, могли ли, когда он сам значительной своей долей пожертвовал казне, не решиться следовать его примеру? Весь флот единодушно согласился, и казна от процентов, переводу денег на иностранную монету и за комиссию банкирам приобрела по самому ограниченному счету, в свою пользу до 250 тысяч червонцев; вся же призовая сумма и следовавшая на жалованье и прочее, простиравшаяся до 600 тысяч червонцев, осталась внутри государства нашего.

Пример испанского народа пробудил упадший дух и португальцев. 20 июня развернулось знамя за честь и свободу отечества. 6 июля в Опорто начальник регулярных испанских войск взял под стражу французского генерала Кенеля с его штабом, возвел на прежнее место губернатора Оливедского и вскоре под председательством епископа учредилась хунта, которая, приняв верховную власть, обнародовала извещение, что с Испанией и Англией возобновлены мир и дружество,

что королевство Галисия и другие пограничные области готовы содействовать в отечественной войне. Англичане в скором времени высадкой войск своих в Опорто и доставлением ружей, пушек и пороху подкрепили всенародное восстание. Жюно, получив о сем известие, все находившиеся при его корпусе испанские войска разоружил и отослал на расснащенные корабли, стоявшие в Таго. Наполеоновы легионы действовали сначала удачно, успевали восстановлять спокойствие; но толпы патриотов беспрестанно умножались, в выгодных позициях защищались отчаянно, уступали иногда превосходному устройству французских полков; но от того не унывали, рассеявшись, собирались снова, нападали, искали смерти, сражались упорно, жертвуя жизнью, не просили и не давали пощады. Дух геройства оживил и мирных поселян, мщение врагам было их военным словом, смерть и раны за отечество были их обетом. Война жестокая и кровопролитная распространилась по двум государствам от Пиренеев до Кадикса и от Эбро до Таго, весь народ, старый и малый, даже женщины вооружились и поклялись непримиримой враждой к имени французов. Наглая неслыханная обида в лице испанского и португальского королей исполнила верный народ исступлением злобы, дикого геройства, и Наполеон сделал первый шаг к своему падению; рука Божия на Пиренейском полуострове приуготовила ему казнь, соразмерную его тиранству. Французские войска, видя, что с ними в первый раз осмелилась обходиться как с разбойниками, смутились, уничижились духом и, побеждая токмо в своих «Монитерах», в каждом сражении без пользы теряли они людей, переходя от одной битвы к другой, из места в место блуждали они как в очарованном лесу; выгоняли из города патриотов и, выступая для восстановления тишины в другом, возвращались, покоряли и уступали один и тот же город по нескольку раз в один месяц. Голод и утомление уменьшали

войска их более, нежели самые битвы; раненые, больные и отставшие погибали невозвратно; кто попадался в плен, тот безжалостно был убиваем народом. Французы мстили пожарами и казнями, и сами сгорали на кострах неприятельских, умирали от руки ночного убийцы и отравляемы были ядом.

Генерал Куазон, с сильным отрядом отправленный из Лиссабона для усмирения патриотов в Опорто, после бесполезных жарких сшибок, страшась быть отрезанным от главного корпуса повсюду восстающими поселянами, принужден был возвратиться назад. Сообщение с французской армией в Испании прекратилось, опасность увеличивалась и наконец французские войска, в Португалии находившиеся, были окружены многочисленными, еще неустроенными толпами, но уже довольно привыкшими к огню и бурям военным. В сем положении дел маршал герцог д'Абрантес издал к жителям Лиссабона увещательную прокламацию, исполненную бесстыдных увещаний и угроз; но она нимало не подействовала, поздно уже было раскаяние, и народ с адской улыбкой точил втайне кинжалы мщения. В то же время, дабы усилить защищение по реке Таго расположенных крепостей и произвесть полезное влияние на португальцев и испанцев, Жюно настоятельно именем Наполеона требовал от адмирала

Сенявина высадить на берег несколько морских солдат и матросов с его эскадры. Сенявин, как сказано выше, поставив себе правилом ничего неприязненного не предпринимать против Лиссабона, ответствовал французскому маршалу сколь можно учтивее, что вследствие повеления императора Наполеона и в защиту чести флага российского, он должен быть готов на каждую минуту отразить всеми силами неприятельское нападение, а потому, к крайнему сожалению, не может уделить ему людей, не ослабив себя самого, тем паче, что малое их число было бы для него бесполезно, и вместо помощи, по незнанию языка, более обременительно.

Вскоре после сего маршал Жюно принужден был собрать в одно место войска свои и всеми наличными силами напасть на англичан 5 августа при Ролейе и 9-го при местечке Велейро; но, по упорном сражении будучи разбит, отступил к Лиссабону, где возмутившийся народ поставил его в затруднительное положение. 12-го числа маршал Жюно для заключения общей капитуляции с английскими главнокомандующими сухопутных и морских сил пригласил Сенявина в Каскайю; 16-го числа уведомил, что соглашение в Каскайе не состоялось и 19 августа Жюно сообщил капитуляцию, заключенную им в Цинтре с английским генералом Далримплем, по обстоятельствам весьма для себя выгодную. В числе статей сей капитуляции седьмая была следующего содержания:

«Нейтралитет Лиссабонского порта для российского флота должен быть признан, то есть, когда английская армия или флот займет город и порт, то российский флот не должен быть обеспокоен в продолжение его пребывания в сей гавани, ниже остановлен, когда бы оный пожелал ее оставить, ниже преследован, когда бы оный вышел в море, до окончания 48-часового срока, по положению общего морского закона, принятого воюющими народами».

В силу прочих статей сего договора, с великим неудовольствием принятого английским правительством и народом, французские войска должно было перевезть в ближайший порт Франции, без всякого условия в рассуждении их будущей службы, а португальские крепости немедленно сдать английским войскам.

20 августа адмирал Коттон, не утвердив седьмой статьи капитуляции, объявил о невозможности признать нейтральным Лиссабонский порт ни в тогдашнем его состоянии, ни по выходе из оного французов. На другой день на крепостях Сан-Жулиан и Бужиа подняты были английские флаги, а по-

том и крепость Белем[52] была также занята неприятелем. В сем крайне затруднительном положении, когда эскадра наша была окружена с моря[53] и сухого пути чрез меру превосходными силами, адмирал, призвав капитанов кораблей, требовал мнения, что в таком крайнем случае предпринять должно. Капитаны кораблей по общему согласию объявили адмиралу, что они согласны следовать всякому его постановлению. Дмитрий Николаевич, поблагодарив за лестную доверенность, отвечал капитанам: «Я предложу английскому адмиралу договор; но как в обстоятельствах, в каких мы находимся, невероятно, чтобы какое-либо соглашение, кроме безусловной сдачи, могло быть принято, для спасения чести нашей я не вижу другого еще пути, как сражаться по всей возможности».

Эскадра наша стояла между крепостью Белемом и южным берегом, в двух линиях полукруга, так что неприятельский корабль, нападая на один из наших кораблей, должен был бы сражаться вдруг с двумя и тремя кораблями; подходя же, надлежало ему выдержать огонь всей почти российской эскадры. В такой позиции каждый был уверен в возможности дать сильный отпор англичанам, несмотря на то, что береговые батареи были от нас ближе картечного выстрела. Офицеры и служители, одушевленные мужеством, не думали об опасности, с некоторым торжеством готовились к смерти, не спускали глаз с неприятельских кораблей и жаждали первого выстрела. В продолжение переговоров каждый, мучимый неизвестностью, горел нетерпением сразиться и при малейшем движении в неприятельском флоте восклицал: «Англи-

---

[52] По заключении договора на всех крепостях подняты были португальские флаги.

[53] Английская эскадра состояла из 13 кораблей, 11 фрегатов, 5 мелких военных судов и 200 транспортов.

чане снимаются, идут наконец, слава Богу!» Но после тщетного томительного ожидания, продолжавшегося целые три дня, от главнокомандующего отдан был приказ следующего содержания:

«Превратные обстоятельства Португальского королевства доставили наконец англичанам совершенную власть над Лиссабонским портом. Адмирал Коттон объявил мне, что он не признает сего порта нейтральным, ни тогда, когда оный был занят французами, ни по выходе их из оного. Французский главнокомандующий дюк д'Абрантес 19-го минувшего августа заключил капитуляцию на оставление города во власть англичанам, и тем положение эскадры нашей соделалось стесняемо неприятелем как с моря, так еще преимущественнее с сухого пути гораздо превосходнейшими силами.

Всяк благомыслящий ясно разумел в то время, что к спасению эскадры не оставалось другого средства, как согласить с неприятелем договор, который был бы сопряжен с честью и пользой государя императора, отечества и личности нашей. На сей конец предуведомил я о всем том господ командующими кораблями и фрегатом, которые, по достаточном рассуждении, были согласны следовать моим постановлениям. Составленные мною статьи договора утверждены и английским адмиралом минувшего августа 23-го числа. Для сведения по командам оный при сем прилагается».

Статьи договора, заключенного между вице-адмиралом Сенявиным, св. Александра Невского и других российских орденов кавалером, и адмиралом баронетом Карлом Коттоном:

«*Первая*. Военные корабли Российского Императора, стоящие ныне в Таго и означенные поименно в приложенной при сем табели, имеют быть отданы адмиралу сэру Карлу Коттону непосредственно со всеми их принадлежностями, как ныне состоят, для отправления в Англию и содержания оных там под сохранением его Британского Величества, кои имеют быть возвращены чрез шесть месяцев по заключении мира между его Британским Величеством и Императором Всероссийским.

Вторая. Вице-Адмирал Сенявин с офицерами, матросами и морскими солдатами, находящимися под его начальством, возвратиться имеют в Россию без всякого условия или постановления о будущей их службе, и будут туда отправлены на военных кораблях, или на других приличных судах на иждивении его Британского Величества.

Заключено и подписано на корабле “Твердом” в Таго и на корабле “Гибернии” при устье Таго 23 августа/3 сентября,

Подписано *Сенявин. Коттон*.

Скрепил по повелению вице-адмирала Засс, коллежский асессор.

Скрепил по повелению адмирала Жамес Меннеду, секретарь».

На другой день сверх сих статей утверждены начальствующими эскадр следующие две дополнительные:

«*Третья*. Флаги Его Императорского Величества на Вице-Адмиральском корабле и на других кораблях не спускать, покуда не оставит первого адмирал и других капитаны с должными или следуемыми им почестями.

Четвертая. По заключении мира корабли и фрегат будут возвращены Его Величеству Императору Всероссийскому, в том же точно состоянии, в каком они ныне сданы[54]. Из числа десяти кораблей, “Ярослав” и “Рафаил” останутся здесь, на реке Таго, а экипажи их разместятся на корабли, следующие в Англию.

Сии две статьи будут почитаться яко составляющими часть соглашения, заключенного и подписанного 23 августа/3 сентября. В удостоверение чего мы подписываем две совершенно сходные копии. Заключено и подписано на корабле “Твердом” в Таго и на ко-

---

[54] Корабли «Сильный» и «Мощный» прибыли в Кронштадт в 1813 году. За прочие пять кораблей и фрегат английское правительство, несмотря, что корабли сии совершенно сгнили (что, конечно, случилось бы с ними и в России), заплатило такую сумму, чего бы оные стоили новые; пушки и годные снаряды привезены на флоте нашем, возвратившемся из Англии в 1813 году.

рабле “Гибернии” при устье сей реки 24 августа/4 сентября 1808 года.

Корабли, заключающиеся в договор:

Имена кор.	Имен капитан.	Чис. пуш.	Чис. эк.
1) “Твердый”	Кап. 1. р. Малеев	84	736
2) “Скорый”	Кап. 1. р. Шелтинг	64	524
3) “Св. Елена”	Кап. 1 р. Ив. Быченский.	74	598
4) “Селафаил”	Кап. 2 р. Рожнов.	74	610
5) “Ярослав”	Кап. 2 р. Митьков	74	567
6) “Ретвизан”	Кап. 2 р. Ртищев	66	549
7) “Сильный”	Кап.-лей. Мальгин	74	604
8) “Мощный”	Кап.-лей. Развозов	74	529
9) “Рафаил”	Кап.-лей. Быченский	84	646
10) Фр. “Кильдюин”	Кап.-лей Дурнов	32	222

Итого: 700 пуш. 5685».

Сохранение чести флага, для славы государя необходимое, есть предмет великой важности, драгоценный для генерала, солдата и всякого сына Отечества. В обстоятельствах, в каких эскадра наша находилась, читатели мои могут ясно видеть, в какой опасности была честь флага российского, и если служившие на военном поприще и знающие, что значит потерять знамя или флаг, с удовольствием прочтут сей достопамятный Лиссабонский договор, который по смыслу статей едва ли соглашением назвать можно, то, конечно, уразумеют они из того, что единственно решимости, искусству весть переговоры, а наиболее личному к Сенявину уважению неприятеля обязаны мы и потомство наше спасением чести флага, той славы, для приобретения которой мы охотно жертвуем жизнью и ищем смерти с радостью. В военных действиях приобретенные выгоды измеряются потерей неприятель-

ской; но часто и тот, и другой присваивают себе победу; почему сличение публичных актов воюющих держав есть верное мерило истины реляций. По уважению сему, дабы соотечественники мои могли почерпнуть удовольствие свое из огорчения неприятелей наших, я предлагаю здесь выписку из публичных английских бумаг, поднесенных королю для суждения в парламенте[55]:

«Известие о победах, одержанных в Португалии сэром Артуром Велеслеем 17 и 21 августа н. ст. приняты были народом всех состояний с восторгом, но при появлении чрезвычайной газеты, в коей объявлено было об освобождении Португалии от французов и о взятии на сбережение российской эскадры, неудовольствие публики было неописано. Потеря сражения чрез измену не произвела бы столько толков, столько уничижительных рассуждений.

Что опорожнение Португалии есть предмет великой важности, сего никто отвергнуть не может: но чтобы победоносная армия должна позволить разбитому противнику в числе 15 000, когда британская армия состояла из 32 000, отправиться с оружием, амуницией, со всей частной и казенной собственностью, приобретенной грабительством, и чтобы сверх того должно было перевесть сих мародеров в их отечество, дабы они могли быть немедленно употреблены против нас или наших союзников, поистине сие каждому должно казаться очень непонятным.

Принятие российского флота под сохранение для безусловного возвращения по заключении мира еще более того удивительно. Препровождение же на нашем счете и содержании в русские гавани офицеров и матросов, дабы они неукоснительно могли действовать против нашего храброго и благородного союзника короля Шведского, есть дело неслыханное и самая военная история не представляет подобного примера.

---

[55] Помещенные в морском «Хронологическом журнале». Смотри Naval chronicle 20 том страницы 229 и 362.

Капитуляция, заключенная в Цинтре, конечно, есть самая неприятная и невыгодная для нас; но если бы адмирал Коттон согласно с генералом Далримплем признал и утвердил седьмую статью сей капитуляции, то российский флот не мог бы ускользнуть из наших рук. Коттон, желая отличиться в искусстве переговоров пред известным и прославившимся в дипломатических тонкостях российским адмиралом, отвергнул помянутую седьмую статью и подписал морской договор, чрез который гораздо более, нежели Цинтрской капитуляцией унижена национальная честь, и я[56] смею утверждать, что если бы седьмая статья была Коттоном исполнена, то мы выиграли бы несравненно больше, нежели чрез его Лиссабонский договор. Рассмотрим обстоятельства сего дела: российский флот вошел в Таго, когда принц-регент имел еще власть, следовательно, он был порт нейтральный, а как порт сей, несмотря на то, что временно занят был французскими войсками, всегда принадлежал Португалии, доныне в союзе с Россией состоящей, то посему как до вступления французских войск в Лиссабон, так и по освобождении оного, во время морского договора мы должны почитать его нейтральным. Приняв сие во основание, положим теперь, что русскому флоту позволили бы выйти в море и не погнались бы за ним прежде 48 часов, тогда одно из следующих обстоятельств было бы неминуемым последствием. Наша Лиссабонская эскадра могла бы догнать оный или наш Канальный флот, или крейсирующий в Немецком море, или, наконец, наш Балтийский флот или шведский, могли бы встретиться с ним. Положим и то, что российская эскадра счастливо преодолела бы все препятствия, избегнула бы бдительности наших крейсеров, даже разбила бы все наши флоты, и благополучно прибыла бы наконец в Кронштадт; то, по крайней мере, российский адмирал пришел бы туда на собственном, а не нашем содержании. Сверх того, мы не должны были бы ломать ветхие русские корабли в своих портах и платить за них как за новые, не обязаны были бы содержать того неприятеля, который к уничижению достоинства Великобритании с развевающими флагами в торжестве пришел в наш порт.

---

[56] Лорд-мэр градоначальник Лондона.

Во всех отношениях Цинтрский и Лиссабонский договоры не подают ни малейшего утешения, и как подробности оных, так и все целое, чрез меру бесславны и уничижительны для целой нации.

Сэр Келдер (адмирал) за совершенную победу[57] по приговору военного суда получил выговор; а теперь, спустя немного лет, человек, столь совершенно побежденный (vanquished) Сенявиным, еще начальствует ненаказано? Честь нации от того жестоко страждет и если в собрании парламента не будет исследовано поведение главнокомандующих Далримпеля и Коттона, то я желал бы, чтобы члены парламента после строго и беспристрастного суждения, наказав преступление, избавили себя от справедливого нарекания».

По сему представлению лорда-мэра Далримпль отдан под военный суд и сменен Велеслеем (нынешним герцогом Веллингтоном), командовавшим передовым войском. Велеслей, по повелению главнокомандующего подписав капитуляцию, протестовал против оной. Пример такового точного повиновения начальству было первым шагом славных подвигов герцога в Португалии и Испании. Оправдание Коттона, по обстоятельствам того времени и доводам, в оном приведенным, столько любопытно, что я не излишним считаю сделать из оного краткую выписку.

«Выгоды Англии и России сопряжены неразрывно. Петр Великий и Питт так думали; благомыслящие любители Отечества обеих наций в том согласны, опыты доказали нам пользу союза с Россией; опыт же, надеюсь, покажет, что нынешняя война не принесет России, а еще менее Англии, ни славы и никакой выгоды. Россия и Англия по географическому, даже нравственному отношению, не могут и не должны быть соперницами и, как две сестры, имеют нужду только во взаимной любви и уважении. Истинные патриоты

---

[57] Келдер, разбив французскую эскадру, сужден был за то, почему он, имея возможность взять все корабли, допустил, что несколько оных ушло.

с крайним сожалением и прискорбием приняли перемену, вопреки политической нашей связи с Россией последовавшую. Мы лишились последнего и верного друга. Российский народ, с таким бескорыстием проливавший кровь свою для защиты общего дела, приобрел столько прав на нашу к нему благодарность и удивление, что, несмотря на разрыв дружественных связей, неблагоразумно было бы, как я думаю, отчуждать от себя приязнь могущественного народа. Нации, бывшие однажды в войне, никогда уже после не могут быть искренними друзьями. Пролитая кровь и в победителе, и в побежденном посеет семя вражды: оно произрастет, даст горькие плоды и соперничество в славе обратится со временем в ненависть.

Служив до старости с полным усердием моему Отечеству, я уверен и надеюсь, что никто не упрекнет меня уклонением от нападения на российскую эскадру, которая, несмотря на похвальное мужество воинов, несмотря на решительность предводителя их, объявившего мне готовность защищаться до крайности, должна бы была, без сомнения, уступить превосходной силе или погребсти себя в Таго. Скорое опорожнение Португалии не позволяло медлить; твердость неприятельского адмирала заставляла ожидать печальных следствий его отчаянного мужества; сражение, долженствовавшее произойти, так сказать, в самом Лиссабоне, должно было причинить жителям значительный убыток, столица могла бы от битвы двух флотов истреблена быть огнем. По сим причинам я утвердил присланный от Сенявина договор — и, не упрекая совести моей по личному уважению к свойствам его, не усомнился подписать две дополнительные статьи о неприкосновенности и должной почести российскому флагу. Благородное и благоразумное поведение Сенявина в продолжение десятимесячного пребывания его в Лиссабоне, беспрепятственный пропуск принца-регента в Бразилию, доверенность, приобретенная им в португальском народе, мое и капитанов, под моим начальством состоящих, к нему почтение убедили меня согласиться на некоторое должное к достоинствам его уважение. Честь российскому флагу, честь нашим недругам, оказанная пред лицом Британии, повелительницы морей, да будет жертвой признательности английского народа к российскому. До-

кажем свету, что характер британцев не изменился, докажем, что мы умеем отдавать справедливость и неприятелю! Но вопли народа меня обвиняют, — с покорностью ожидаю беспристрастного суда его и надеюсь, что просвещенные патриоты, простирая взор своей на будущую перемену политических обстоятельств, не помрачат чести моей и моего ревностного служения Отечеству».

Коттон, как известно, был оправдан и не вскоре лишился начальства, но потом переменен был, и место его заступил вице-адмирал Берклей; только лорды Адмиралтейства от 17 сентября н. с., вероятно, прежде его оправдания, дали ему на замечание, что по заключенной уже капитуляции не должно было ему подписывать две дополнительные статьи.

Продолжение действий российской эскадры в Портсмуте. — Поднесение Сенявину вазы. — Прибытие в Ригу

Вследствие Лиссабонского договора экипажи с кораблей «Ярослава» и «Рафаила» размещены были на прочие корабли. При съезде капитанов флаги и вымпелы были спущены с должной почестью. Для сдачи сих двух кораблей оставлены были содержатели материалов и ревизор с 30 человеками матросов. 31 августа российская эскадра оставила Лиссабон. На кораблях наших, проходя корабль английского адмирала, ставили людей по вантам, равномерно, и английские корабли отдавали такую же почесть нашему адмиралу. При устье Таго английская эскадра, бывшая под начальством контр-адмирала Тиллера и состоявшая из 7 кораблей, 2 фрегатов и 1 брига, соединилась с нами и построилась под ветром нашей эскадры в линию. В продолжение плавания на эскадре Сенявина развевал императорский флаг; английский адмирал уступал Сенявину старшинство и отдавал ему почести первый. 26 сентября, лавируя и подходя к Портсмуту, на кораблях наших подняли флаги. Эскадра Тиллера сделала то же; но на английских кораблях, стоявших на рейде, и на

крепостях флаги спустили. На другой день поутру, следуя кораблю адмирала Монтегю, главного командира Портсмутского порта, и на нашей эскадре вместе с английскими кораблями подняты были флаги при барабанном бое. Необыкновенное зрелище видеть неприятельский флаг развевающим в своем порте не понравилось гордому английскому народу. Морские офицеры таковое уважение российскому флагу почитали уничижением могущества британского на морях. Правительство, дабы не раздражить народа, не публиковало последних статей, составляющих дополнительные пункты соглашения; но когда в Лондоне узнали о прибытии в Портсмут российской эскадры под своим флагом, то одни тому не верили, другие спешили видеть явление, какого никогда не бывало. Разглашение о сем и огорчительные толки произвели явный ропот, и король, по дошедшим ко нему неприятным слухам, чрез министра морских сил прислал Сенявину следующую ноту:

«Адмирал Коттон, по заключении первых двух статей Лиссабонского договора, не имел права подписывать две дополнительные к оному статьи. Его Британское Величество не признает двух сих статей действительными и не может позволить, чтобы в его гавани развевал неприятельский флаг; почему российская эскадра долженствует снять свои флаги и вместо оных, до отъезда в Россию, имеющего в скором времени последовать, никаких не поднимать. Ваше превосходительство приглашаетесь приехать в Лондон, капитаны же ваши имеют позволение сойти на берег или жить на кораблях до возвращения в Россию.

Подписали: Лорд Мульграв, Вард, Дометт».

Сенявин не мог не догадаться, что правительство английское, отринув часть договора, имеет в виду воспользоваться самомалейшим его упорством и чрез то получить причину к уничтожению и всех статей оного; почему и отвечал лорду Мульграву в следующих выражениях:

«Я никогда не мог сомневаться, чтобы подписавший Лиссабонский договор не имел от английского правительства достаточного уполномочия; почему непризнание его Британским Величеством действительными последних двух дополнительных статей тем более приемлю я с удивлением и огорчением, что они ратифицированы адмиралом Коттоном вместе с первыми и составляют часть, неотдельную от настоящего договора.

С моей стороны я выполнил все условия свято. Находясь в порте и владении английском, не могу не исполнить воли его Королевского Величества: почему и дальнейшее исполнение договора зависит теперь от английского министерства; всякое другое объяснение по сему предмету излишним почитаю. Приглашением приехать в Лондон воспользоваться не могу, равно и капитанам моим не нахожу приличным жить на берегу.

Сенявин».

Адмирал Монтегю, по ревности ли к службе или по данному наставлению, требовал немедленного исполнения вследствие отношения лорда Мульграва и угрожал, что если Сенявин не спустит своего адмиральского и других корабельных флагов прежде захождения солнца, то он отошлет его на берег и никогда не позволит поднять флага в другой раз. Дмитрий Николаевич отвечал на сие: «Во владениях короля воле его противиться не могу; почему в обыкновенное время по захождении солнца с должными почестями корабельные флаги будут спущены, мой будет снят ночью. Если же ваше Превосходительство имеете право мне угрожать, то, нарушая сим святость договора, вынуждаете меня сказать вам, что я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь флаг мой не спущу днем и не отдам оный, как только вместе с жизнью моей». Монтегю не осмелился более настаивать — без повеления правительства силой принудить спустить флаги было бы явное нарушение договора, еще более уничижительное для Англии, нежели самое оного утверждение: и так

он после угроз своих замолчал... Вследствие сих переговоров отдан был по флоту следующий приказ:

«От английского министра морских сил получено мною известие, что вследствие Лиссабонского договора Его Величеству королю Великобританскому угодно в скорейшем времени отправить нас в Россию; а как Его Величество находит неприличным, чтобы флаги наши развевались в его портах, ибо они неприятельские, то и предлагает, чтобы я и капитаны съехали на берег, взявши с собой флаги и вымпелы с уверением, что до отъезда нашего в Россию не будет поднят никакой флаг на кораблях наших. Я не нахожу надобности съезжать на берег, равно и господам капитанам, но, не имея возможности не исполнить требования английского короля, тем паче, что находимся в его порте и его владениях, и имею в сей ночи снять мой флаг и предписываю господам, командующим кораблями и фрегата снять вымпелы также ночью, — корабельные же флаги по обыкновению спустить по пробитии зари.

На корабле "Твердом" 29 сентября 1808 года.

Сенявин».

Настояние Монтегю подало повод жителям Портсмута ожидать, что Сенявин будет принужден спустить свой флаг, как то делают военнопленные, сдавшиеся с присвоением военных почестей. Но когда сего не последовало, журналисты всеми силами напали на Коттона и отдали справедливость. Карикатуры, ходившие в публике, все были в похвалу последнего, несколько дней имя Сенявина переходило из уст в уста, множество любопытных желали видеть его и видевшие от доброго сердца поздравляли и радовались его торжеству. Кто знает характер англичан, тот не удивится, что Сенявин в общем мнении заслужил такое уважение. Если бы Дмитрий Николаевич согласился ехать в Лондон во время продолжавшегося восторга, то весьма вероятно, что народ встретил бы его рукоплесканием, криками и понес бы его на руках. Во время первого разрыва с Англией в 1801 году, Нельсон при-

был сфлотом в Ревель, когда открыты были переговоры о мире, в чаянии отличного приема он просил позволения приехать в Петербург, — Сенявин по той же причине отказался видеть Лондон.

Какое самонадеяние и какая скромность видны в характерах двух адмиралов.

1 октября, при отношении лорда Монтегю, явился к Сенявину комиссар Мекензи, назначенный английским правительством для приведения в исполнение подробностей Лиссабонского договора; на него же возложено было попечение о содержании эскадры. Во-первых, свезен был порох на берег, потом эскадра перешла к острову Вайту, где на Модербанне и стала фертоинг[58]. На зиму для облегчения кораблей и свободнейшего размещения служителей сложены в магазейны паруса и артиллерия.

Настояния Сенявина для положения безнужного содержания офицерам и служителям, принятие больных в гошпитали и тому подобные требования были без труда удовлетворяемы, но побуждение к скорейшему отправлению экипажей в Россию стоило ему многих неприятностей, великих беспокойств и произвело щекотливую переписку, продолжавшуюся до самого отъезда из Англии: то отклоняли отправление за неимением судов, то располагались перевезть экипажи в Архангельск, то делали несообразные предложения, как то: оставление достаточного числа служителей для хранения кораблей и принадлежностей оных до заключения мира. Наконец, английское правительство откладывало отправление по причине продолжавшейся еще шведской войны. На последнее Сенявин представлял, что сие не может касаться до него; ибо когда заключен был договор, то адмирал Коттон известен уже был о войне России с Швецией.

---

[58] На двух якорях.

В конце 1808 и в начале 1809 годов англичане отправляли в Испанию войска. Почти беспрестанно приходило и уходило в море по 200 и 300 транспортов. 1 февраля 1809 года прибыли из Лиссабона оставшиеся там для сдачи кораблей «Рафаила» и «Ярослава» офицеры и матросы. 18 апреля английский фрегат, при свежем ветре лавируя в Нидельском проливе, стал на мель у острова Вайта. Он требовал сигналами скорой помощи из Портсмута, вода была тогда в самом почти возвышении и оставалось несколько минут до гибельного положения сего фрегата. В то самое время сигналом с корабля «Твердого» велено терпящему бедствие подать помощь. С немалым трудом и опасностью, в короткое время фрегат нашими людьми был снят с мели. Адмиралу Кортесу поручено было благодарить Сенявина от лица правительства. Почтенный старик, прибыв на корабль «Твердый», с радостью изъявил Сенявину признательность народа и между прочим сказал ему, что Англия почитает его другом своим. Сенявин столь лестную, многозначащую признательность принял с должным благоговением.

Вот еще знак особенной признательности английского правительства к Д. Николаевичу. Фрегат «Спешный» отправлен был из Кронштадта с деньгами и разными вещами, потребными на содержание армии и флота, в Средиземном море бывших. Капитан фрегата по прибытии в Портсмут, известясь, что эскадра наша возвращается в Россию, остановился ожидать оной на месте. Между тем последовал разрыв, и фрегат взяли в плен. На нем был серебряный сервиз, адресованный адмиралу Сенявину. Английское правительство, токмо по личному уважению, повелело выключить оный из числа призов яко собственность Сенявина и доставить ему. Английские офицеры, имевшие случай заслужить внимание Сенявина, искали его покровительства, которое с таким уважением было принимаемо, что доставляло им награду или

какое-либо отличие. 20 апреля начали сдавать корабли по описи; 18 мая 36 транспортов назначены были для перевоза команд в Россию.

Пред отъездом некоторые офицеры предложили засвидетельствовать Сенявину общую к нему благодарность публичным актом. Неужели, говорили они, с славным нашим начальником расстанемся мы равнодушно? Нет, возразили другие, одной признательности недостаточно: поднесем ему вазу, которая была бы его достойна и соразмерно той степени усердия и признательности, с какой мы желаем засвидетельствовать ему свои чувствования пред отечеством и светом. Мнение сие принято было с радостью и единодушно. Тотчас приступили к исполнению; собрали достаточную сумму с каждого поровну, выбрали депутатов, коим поручили сочинить речь, составить рисунок, придумать украшения и прочее, а до тех пор, пока ваза будет готова, дали слово содержать намерение сие в тайне, дабы нечаянностью отклонить отказ и приятно удивить главнокомандующего. Полковника Вакселя, находившегося в Лондоне, просили из многих рисунков, по совету знаменитейших художников, не щадя издержек, выбрать или сочинить лучший. Г. Ваксель охотно принял на себя все попечения, чиновники нашей миссии и многие путешественники, остававшиеся в Лондоне, также приняли деятельное в том участие. Составление рисунка и работа вазы поручена славнейшим в Лондоне академикам и ювелирам. По признанию одного из них наша ваза как во вкусе, так отделке и изображении эмблем, далеко превосходит вазу, поднесенную лорду Нельсону. Такое подношение не только достопамятно как отличный знак усердия подчиненных к начальнику; но паче примечательно как первый пример сего рода в российском флоте, пример, важный для потомства, равномерно к чести начальника и подчиненных относящийся. Многие вазы могут быть и богаче, и доро-

же; но подаренная Сенявину украшается наиболее мыслями и чувствами столь редко заслуживаемой общей признательности, любви, уважения и преданности. Видя, что до отъезда в Россию ваза не могла быть готова, решились они поднесть обстоятельный рисунок оной.

1 июня, когда Сенявин всего менее ожидал какой-либо нечаянности, видит, что со всех кораблей капитаны с офицерами в полном мундире едут к его кораблю.

Не зная, чему приписать такое движение, Дмитрий Николаевич спросил, что бы сие значило? Но вдруг избранные депутаты капитаны П. М. Рожков, Д. К. Митьков и Р. П. Шелтинг входят; за ними, сколько могло поместиться в каюте, вошли офицеры. Один из депутатов, к приятному изумлению Сенявина, от лица всего сословия приветствует его следующей речью:

«Ваше Превосходительство!

Вы в продолжение четырехлетнего славного начальства над нами во всех случаях показали нам доброе свое управление. Как искусный воин, будучи неоднократно в сражении с неприятелями, заставили нас, как сотрудников своих, всегда торжествовать победу. Как добрый отец семейства, вы имели о нас попечение, — и мы не знали нужды, а заботу и труды почитали забавой; вы оное видите на радостных лицах наших.

Вы своим примером и наставлением, ободряя за добро и умеренно наказуя за вины, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью. В том порукой наше поведение. Будучи в стесненных по несчастью обстоятельствах, вы отвратили от нас всякий недостаток, даже доставили случаи пользоваться удовольствиями; с вами всегда мы были и есть счастливы.

Теперь приблизилось время возвращения в любезное наше отечество, по прибытии куда окончится и наше столь продолжительное плавание; а может быть, что по необходимости должны будем лишиться и вашего над нами начальства. Следовательно, остается нам только возблагодарить за все ваши благодеяния, но чем? Про-

славим ли вас нашей похвалой? Мы знаем, что прямо достойный человек похвал удаляется; он любит похвалу заслуживать, а не слушать. — Изъявить ли вам наше почтение, нашу любовь? Но они давно уже обитают в сердцах наших; вам то известно: да и кто в том усомниться может? Потщимся ли уверять вас в своем повиновении и преданности? Вы видели их на деле.

Когда народ непросвещенный, не имеющий других прав, кроме войны; другой над собой власти, кроме духовной, — и тот народ[59] добровольно вам повиновался, почитал вас и любил: так нам ли с ними равняться? Нет, это для нас неудовлетворительно! Мы хотим соорудить такой памятник, в котором бы ваши и наши потомки могли видеть и воспоминать незабвенное добро, вами содеянное. Мы также хотим, чтобы вам равные видели в сем памятнике достойный пример доброго правления; мы даже и того хотим, чтобы наш всемилостивейший государь, узнав нашу к вам привязанность, мог видеть, сколь должна быть велика наша к нему благодарность за поставление над нами столь достойного начальника; и наконец, сами вы, смотря на оный, не без удовольствия вспоминать будете о тысячах приверженных к вам сердец.

Сей памятник состоять будет из вазы с приличными на оной изображениями. Скорость нашего отправления не дозволяет нам дождаться получения оной из Лондона, где она доканчивается, но по прибытии нашем в Россию поручено верному человеку по изготовлении доставить в Санкт-Петербург, где мы будем иметь удовольствием Вашему Превосходительству оную поднести [60]. Нетерпение наше так велико, что мы в ожидании оной просим вас благосклонно принять рисунок, представляющий вид вазы с описанием настоящего изображения, которое подаст вам некоторую мысль о подлиннике. При сем приложен список офицеров, изъявляющих вам сию благодарность и сие начертание. В заключение всего остается нам желать, чтобы Ваше Превосходительство все оное приняли от нас благосклонно и не сочли что-либо лестью, а единственно изъявлением вам усердия, любви и благодарности».

---

[59] Черногорцы.

[60] До отъезда в Россию ваза была готова и поднесена в Портсмуте.

Описание вазы: ваза вышиной полтора фута, вылита из серебра, украшения из чистого золота, формы этрусской. На крышке золотой орел с императорской короной на главе, сидящий на круглом щите, в одной лапе держит турецкую луну, а другой опирается на щит, на котором вырезана следующая надпись: «*В память победы, одержанной Российскою эскадрою над Турецким флотом у острова Лемноса в Архипелаге 1807 года июня 19-го дня*».

Четыре змеи в знаменование мудрости и вечности, извиваясь, составляют обе ручки вазы, и головами своими поддерживают широкий золотой пояс, на котором начертана эмалью следующая надпись: «*Поднесена Его Превосходительству Г. Вице-Адмиралу и Кавалеру Дмитрию Николаевичу Сенявину Российскими Офицерами, на эскадре под его начальством находившимися, в изъявление своего к нему усердия, любви и благодарности 1809 года.*»

На средине вазы две золотые ветви: одна из дубовых, другая из лавровых листьев, во знаменование твердости и славы, с одной стороны обвивают золотое изображение Его Императорского Величества с надписью: Александр I, *1807 год*, напоминающей победу при Лемносе под благоденственным правлением сего монарха одержанную. С другой стороны, сии же ветви обвивают герб вице-адмирала Сенявина.

Нижняя конечность вазы украшена листьями и цветами Лотуса (растения, посвященного Нептуну и свойственного только водам архипелагским). На подносе три якоря, обвитые канатами, сходясь в одно средоточие, поддерживают и служат ей основанием.

Адмирал никак не ожидал такого явления; в продолжение речи смирение его боролось с сердечным наслаждением; по окончании же оной, когда поднесли ему изображение вазы, он едва прерывисто мог отвечать: «Почтенные мои товарищи, это уже слишком много — благородные ваши чувствования умиляют меня до глубины души — я не имею

слов — не умею вам объяснить мою признательность... Но могу ли не принять столь неоцененного подарка — он будет сокровищем моим и единым заветным наследством детей моих». Едва Дмитрий Николаевич принял изображение вазы, клики «ура!» раздались на всей эскадре. Офицеры просили потом удостоить принять от них угощение. «Теперь я в вашем распоряжении», — отвечал адмирал. После сего все вышли. Между тем шканцы обратились в зал, красиво убранный флагами. Когда сели за стол, хор певчих, сопровождаемый оркестром музыки, пропел акростих, также на сей случай сочиненный.

Се! кто присутствием желанный,
Един всех веселит сердца?
Начальник славою венчанный,
Являет нам собой Отца.
Врагов России победитель,
И счастья нашего творец,
Надежда всех и покровитель,
Муж незабвенный для сердец.

5 июня адмирал в знак признательности давал офицерам бал и ужин. Праздник продолжался во всю ночь. Корабль «Твердый» представлял в сие время нечто необыкновенное. Освещенный фонарями, он казался огромным огненным столбом, возникающим из моря. Шканцы обращены были в великолепный зал, убранный зеленью, вазами цветов, картинами и разноцветными флагами; кают-компания и верхняя палуба до грот-мачты составляли две залы, с таким же вкусом убранные. Буфет был особенным образом устроен, бочки рому, лимонаду, портеру, шеры, портвейну и других вин висели на цепях. Бахус, увенчанный виноградными листьями, чрез кран наливая бокалы, потчевал гостей. В нижней палубе констапельная обращена была в театр. Таким образом, ко-

рабль превращен был в трехэтажный дом, в коем ничто не походило на корабль. Кроме англичанок украшали бал и россиянки, прибывшие из Лондона для отплытия в отечество вместе с экипажами. Угощение было истинное русское: удовольствие хозяина, ловкость, внимание его ко всем, разливали на общество непритворное веселье; все были счастливы, танцевали, резвились до свету. Хоры певчих, русские и цыганские пляски разнообразили занятие, и гости, особенно англичане, признавались, что они ничего подобного сему не видали.

12 июня команды, перебравшиеся на транспорты, по встретившейся в оных надобности для англичан снова перешли на корабли свои. Вскоре 20 кораблей, 15 фрегатов, 23 брига и 280 транспортов с войсками отплыли в Испанию. Наконец, 31 июля команды разместились на транспорт. Для главнокомандующего назначен был фрегат «Чампион». 5 августа оставили Портсмут. На другой день прошли Дувр, на короткое время заходили в Диль и Ярмут и 18-го, прибыв в Каттегат, за противным ветром стали на якорь между островами Ангольтом и Есселем. Проходя Бельтом, по причине тишины и мелей часто становились и снимались с якоря и пользовались малейшим ветром. 26 августа к конвою нашему, стоявшему на якоре у острова Ромсо, прибыл другой, состоявший из 250 английских и шведских судов. Английский контрадмирал, сопровождавший оный в Балтийское море, предложил нашему адмиралу из своей эскадры лучший для помещения фрегат «Тартар», на который тот же день Сенявин с штабом своим и перешел. 28-го встретился с другим конвоем из 200 судов, возвращавшимся из Балтики. 6 сентября к виду Шведской Померании, несколько судов, подняв прусские флаги, отделились от конвоя и пошли в разные стороны. Таким-то образом, несмотря на бдительность наполеоновской стражи, взаимные выгоды купцов или, лучше,

народов, не могущих обойтись без торговли, всегда находили способы производить оную хотя тайным образом.

9 сентября на вечер конвой прибыл в Ригу, и команда вступила на берег. Сим кончилась сия достопамятная для российского флота кампания. В продолжение четырехлетних трудов не одним бурям океана противоборствуя, не одним опасностям военным подверженные, но паче стечениям политических обстоятельств неблагоприятствуемые, российские плаватели наконец возвратились в свои гавани. Сохранение столь значительного числа храбрых опытных матросов во всяком случае для России весьма важно. Сенявин исхитил, так сказать, вверенные ему морские силы из среды неприятелей тайных и явных и с честью и славой возвратил их государю и отечеству.

Эскадра капитана Гетцена в Тулоне

Капитан 1-го ранга Гетцен, принявши начальство над двумя кораблями, «Св. Петром» и «Москвой», получил от вице-короля Итальянского, принца Евгения, своеручное письмо и от французского министра морских сил Декре (Decrès) официальное уведомление об объявленной войне Англии, и вместе с оным известием император Наполеон, находившийся тогда в Падуе, предложил эскадре нашей для лучшей безопасности заблаговременно перейти из порта Ферайо в Тулон. Капитан Гетцен ожидал для исполнения сего предложения подтвердительного повеления от высочайшего нашего двора и для скорейшего получения нужных наставлений писал в С.-Петербург к морскому министру П. В. Чичагову, в Вену и Париж к послам нашим князю Куракину и графу П. А. Толстому. Секретарь посольства Алек. Як. Булгаков, отправленный от Д. П. Татищева из Палермо в С.-Петербург с донесением о сдаче фрегата «Венуса» сицилийскому правительству, имел повеление доставить сию новость командующему кораблями в порте Ферайо. Г. Булгаков

отправился сначала в Каллиари, потом переехал в Корсику и оттуда после 55 дней трудного путешествия морем на малых лодках и сухим путем верхом, в беспрестанной опасности от английских крейсеров и разбойников, наконец достигнул порта Ферайо и весьма кстати уверил капитана Гетцена о точном и совершенном разрыве нашем с Англией. Князь Куракин на отношение капитана отвечал: что рапорты его в С.-Петербург отосланы, и если будут какие высочайшие повеления, то из Вены отправятся с нарочным.

В первых числах апреля 1808 года получен высочайший рескрипт, коим предписано капитану Гетцену со вверенным отрядом, как и всем морским силам, вне России находящимся, состоять в полном распоряжении императора Наполеона и повеления его исполнять в точности и неукоснительно. Вместе с сим рескриптом министр морских сил Декре прислал предписание немедленно следовать в Тулон, а командующий там адмирал Гантом прислал бриг и шхуну с лоц-офицерами в распоряжение капитана Гетцена, коему доставлены были французские сигналы и нужное наставление. Вследствие сих повелений на третий день по получении оных отряд наш оставил порт Ферайо. Первые сутки штилевали у Ливорно, а в третьи по выходе из Ферайо корабли, с сильным попутным ветром идучи по 20 верст в час, в виду английских 14 линейных кораблей, бывших не более 5 верст под ветром, прибыли благополучно в Тулон. Французский флот, стоявший на рейде, состоял из 13 кораблей (в том числе были два стопушечных), 5 фрегатов и нескольких малых судов.

Корабли наши тотчас помещены были в линию и исправлены по возможности[61]. Главнокомандующий адмирал Ган-

[61] С 1 января 1809 года все морские силы, находящиеся в портах французских, по особому соглашению должны были получать содержание от французского правительства, с прибавкой чего недо-

том и вообще все его подчиненные делали в честь россиян пышные угощения. Необыкновенное и доселе небывалое соединение российского флота с французским было, конечно, им приятно, и они при добром, ласковом обхождении расточали все угождения. Однако ж при малейшей перемене обстоятельств обнаруживалось подозрение и действие политического барометра иногда возмущало взаимное согласие и уменьшало откровенность. Особенно сия перемена была чувствительна в 1809 году, когда возгорелась война между Австрией и Францией и когда Наполеон потребовал в супружество эрцгерцогиню Марию-Луизу. После сего все действия французского наружного учтивства были приемлемы в настоящем их виде. Долговременное пребывание в Тулоне, продолжавшееся 22 месяца, надежды на скорое возвращение в любезное отечество особенно, когда по ветхости кораблей наших французское правительство многократно предлагало переменить оные своими новыми; страх, что по данной власти команды наши разобьют по французским кораблям и отправят Бог знает куда; томление в неизвестности, недеятельная, хотя и веселая жизнь, и наконец, столь продолжительное удаление из отчизны, повергли многих в скуку и уныние.

Некоторые замечания, доставленные мне одним из товарищей, бывшим в Тулоне, об устройстве, или лучше недостатках французского флота, были бы очень занимательны и даже полезны, если бы не опасался я, что такое описание походить будет на критику, в дурном расположении нрава написанную... Довольно сказать, что французский флот вы-

---

ставало по нашему штату от нашего Адмиралтейства, но кроме двух кораблей, бывших в Тулоне, другие эскадры, находившиеся во французских портах, под разными предлогами от французского правительства содержания не получали.

ходит в море только для того, чтобы бегать от англичан, а встречается для того, чтобы спускать флаг.

Наконец, по уважении ветхости кораблей, вовсе неспособных к продолжению службы, получено высочайшее повеление от 27 сентября 1809 года: по условленной всем вещам оценке сдать корабли французскому правительству, а экипажам возвратиться в Россию. Радостное сие повеление, несмотря на некоторые затруднения в сделках, при продаже кораблей встречавшиеся, было исполнено, и в начале 1810 года команды обоих кораблей оставили Тулон. Адмирал Гантом отношением своим Гетцену свидетельствовал ему свое удовольствие и восхвалил доброе и примерное поведение как офицеров, так и нижних чинов. 1 апреля команды прибыли в Майнц, а оттуда через Франкфурт в Веймар. Ее Высочество великая княгиня Мария Павловна удостоила мореходцев наших особенного внимания. Она сама встретила их и угостила русским столом. Зрелище необыкновенное для жителей Веймара, честь и счастье, неожиданное для мореплавателей, путешествующих по суше! Удовольствие великой княгини в первый еще раз по отъезде из России видеть себя окруженной русскими, говорить с ними и вместе воспоминать о милой родине, конечно, было немалое. Его величество король Пруссии в Беснове также почтил их милостивым вниманием. 17 мая команды переступили на свою границу.

Шлюп «Шпицберген» в Порте Виго

По выходе из Корфы в ночь с 26-го на 27 сентября 1807 года шлюп «Шпицберген» при крепком ветре упал под ветер от флота у острова Маритимо. В продолжение октября месяца шлюп выдержал две жестокие бури и постоянно боролся с сильным ветром, наконец, по недостатку воды, принужден был 2 ноября спуститься в Гибралтар. Гор, капитан английского 74-пуш. корабля «Реванжа», прислал на шлюп офицера

поздравить с прибытием и предложить услуги. С таким же приветствием приезжал на шлюп и капитан над портом. По отбытии его капитан-лейтенант Александр Романович Качалов, командир шлюпа, ездил благодарить капитана Гора и вместе с ним посетил губернатора генерал-лейтенанта Далримпля, который весьма вежливо предложил зависящее от него пособие.

6 ноября шлюп вышел из Гибралтара, 10-го у мыса Сант-Винцента встретился с фрегатом «Венус» и, получа сведение, что флот находится в Лиссабоне, 15 ноября прибыл к устью Таго. Английская эскадра, состоящая из 7 кораблей, 2 фрегатов и брига, лавировала у мыса Рока. Командующий эскадрой контр-адмирал Сидней Смит прислал лейтенанта с объявлением, что Лиссабон им блокируется и шлюп в реку войти не может. Капитан Качалов сам ездил к Сиднею Смиту; но он повторил ему невозможность соединиться с эскадрой и позволил послать офицера к Сенявину, дабы получить от него повеление, куда идти. На другой день, когда мичман Завалишин на лодке отправился на корабль «Твердый», Сидней Смит прислал на шлюп несколько провизии и уголья. 17 ноября португальский флот вышел из Лиссабона. Смит салютовал принцу-регенту со всех своих кораблей, ему ответствовано было с одного корабля и брига. В ночь поднялась столь жестокая буря от юга, что шлюп за пасмурностью и дождем на другой день не видал уже соединенных флотов. Шторм продолжался трое суток, на шлюпе изорвало все паруса, руль повредился и в водорезе открылась опасная течь; к счастью, на четвертый день ветер несколько стих и 25 ноября при противном ветре и великом волнении шлюп успел войти в Вигский залив.

Испанское начальство, взяв честное слово с капитана, что на шлюпе нет больных, от карантина освободило. Губернатор Виго, бригадир дон Никола Майо, принял Качалова очень

вежливо. Взялся отправить бумаги к Сенявину в Лиссабон, к барону Строганову в Мадрид и предложил для исправления повреждений перейти далее в залив, в порте Родонделло, к местечку Портела. Шлюп салютовал крепости из 13 пушек, а с оной ответствовано из 14. На рейде стояли 3 испанских корабля: «Сант-Яго», «Л'Америк» и «Сант-Яго де Спанья», фрегат «Сабина», 6 канонерских лодок и французский корабль «Атлас», с коего салютовали шлюпу из 21 пушки, ему ответствовано равным числом. После взаимных посещений испанцы с усердием предложили свое пособие, отпустили провизии и прислали своего корабельного мастера для починки шлюпа, в коем, кроме руля и водореза, открылись многие другие повреждения.

1808 год: 21 мая народ присягал Фердинанду VII, и объявлено было общее вооружение против французов. Галиас, капитан корабля «Атласа», после тщетных переговоров принужден был без сражения сдаться военнопленным. 23 июля в Виго праздновали союз Испании с Англией и Португалией. Во весь день слышны были клики: «Да здравствует Фердинанд! Да здравствует Испания!» 2 августа пришел на рейд английский фрегат «Диана», капитан оного Грант приезжал на шлюп с посещением. В день тезоименитства нашего императора испанские корабли и крепости салютовали, следуя шлюпу. 15 сентября получено от адмирала Сенявина уведомление, что он с эскадрой отправился в Англию, а шлюпу предписывает впредь до перемены обстоятельств оставаться в Виго. 20 сентября Гавкинс, капитан английского фрегата «Минервы», хотел ночью напасть на шлюп; но испанское начальство объявило английскому капитану, что императорский шлюп находится под покровительством испанского народа — и смелый капитан принужден был отказаться от своего намерения. 1 октября лейтенант князь Путятин отправлен с депешами в Мадрид. Барон Строганов, исходатай-

ствовав от испанского правительства повеление починить и снабдить шлюп нужным, отправился 23 октября в Триест. Еще до отъезда министра выдачу провианта прекратили, и, хотя Качалов ссылался на повеление князя Мира, но губернатор Туйской провинции отвечал, что он не имеет никаких средств исполнить предписание Его Светлости, а предлагает двух купцов, которые на слово будут отпускать съестные припасы с тем, что им неукоснительно будет платиться наличными деньгами. 16 ноября на 145 транспортах прибыли в Виго английские войска, которые тотчас были высажены и выступили в поход. 29 декабря контр-адмирал Самуель Гуд, приняв на эскадру свою, состоявшую из 7 кораблей, 2 фрегатов и 305 транспортов, отступившие английские войска, поспешно отправился в море.

1809 год. 2 января, по недоверчивости, изъявленной английским адмиралом Гудом, что шлюп может вспомоществовать французам по занятию Редонделлы, комендант города Виго и губернатор провинции Туи предложил Качалову перейти под батарею Капо-де-Алайе. Капитан Качалов, оставшись на том же месте и приготовясь на всякий случай к бою, отвечал испанскому коменданту, что он, по существующему союзу между Россией и Испанией, не примет никакого участия в действиях французов; что он, находясь в испанском порте, будет наблюдать строгий нейтралитет и притом один шлюп не может подать никакого основательного подозрения для английского флота. 12 января народ в Редонделле и Ранди возмутился. Комендант Виго, дабы избежать могущей от черни последовать неприятности, вторично предложил, чтобы шлюп перешел в Виго под крепостные пушки; но по приближении французских войск народ скоро усмирился и шлюп по-прежнему остался в Редонделле. 19 октября при появлении небольшого отряда французской конницы во-

оруженные поселяне разбежались, и Виго со всеми крепостями занята была без сопротивления.

25 января французский дивизионный генерал барон де Бель приезжал на шлюп; ему салютовали из 9 пушек, и генерал сей взял на себя отправление рапортов в Россию. 28 января маршал Сульт, проходя Виго, прислал своего адъютанта предложить все роды пособий, каких в самом деле он не имел. Народ, оправившись от первого страха, снова вооружился. Французы, бродя по окрестностям для усмирения, скоро сами должны были думать о своей безопасности. 5 марта жители Виго взбунтовались. Французы в упорном сражении были выгнаны из города и осаждены в крепости. На другой день английский фрегат «Венус» пришел для блокады оной. Капитан сего фрегата Крафорт прислал на шлюп от вице-адмирала Берклея, главнокомандующего английского флота, объявление, что между Россией и Англией открыты переговоры о мире. 7 марта Шалот, комендант крепости Виго, стесненный со всех сторон, просил капитана Качалова снабдить его для 800 человек на 10 дней провиантом, обещая, что король Испанский (Иосиф) и император Наполеон за такую помощь вознаградят его с сродною им милостью. Положение шлюпа в сих обстоятельствах было крайне опасно, ни денег, ни провианта негде было получить, только разумная предосторожность капитана Качалова могла избавить экипаж от погибели. Он отвечал Шалоту в следующих выражениях: «Со времени моего сюда прихода я не получил от правительства моего никакого повеления; посему и не знаю, в союзе ли мы с вами. Требуемый вами провиант превосходит количество, нужное для содержания моего экипажа на три месяца; я имею оного только на один; и посему помочь вам в бедственном положении никак не могу, паче по тому, что, не сохраня должного нейтралитета в рассуждении Испании, подвергну себя опасности быть взятым англичанами, которые

по уважению тех же прав нейтралитета доселе меня не беспокоили. Не огорчитесь отказом и верьте, что во всяком другом случае за удовольствие бы себе поставил быть полезным вашему королю и императору». 15 марта патриоты в числе 4000, подкрепленные 200 регулярных солдат, напали на французов, которые, дабы избегнуть неистовства черни, сдались двум английским фрегатам, и на другой день были перевезены на купеческие суда, стоявшие в Виго.

18 марта испанский губернатор Бернардо Гонзалец просил снабдить его некоторым количеством сухарей, порохом, пушками и ружьями. Капитан Качалов, дабы и впредь отклонить такие не совместные с нейтралитетом требования, дал заметить губернатору, что настояния его показывают наклонность к разрыву согласия, доселе счастливо сохранившегося. «Если же, — писал он, между прочим, — союз между Россией и Испанией прерван и если вам то известно, то прошу о сем меня уведомить...» В продолжение осады Виго многие знаменитые испанцы, в том числе и прежде бывший министр внутренних дел, генерал-лейтенант и каноник монастыря Св. Иакова дон Педро Окуньи, опасаясь неистовства черни, искали убежища на русском шлюпе, были приняты и сохранены. Кинлей, капитан английского фрегата «Лайели», также прислал на шлюп двух особ, уверив притом, что он от своего начальства имеет повеление почитать российский флаг дружеским. По успокоении народа, когда французские отряды, бродившие в окрестностях, были истреблены, благородный Гонзалец именем центральной юнты подтвердил, что народ испанский во всяких обстоятельствах будет почитать русских своими друзьями, и благодарил за покровительство, данное на шлюпе именитым особам. Но такое доброе согласие скоро было нарушено следующим происшествием: до освобождения Виго французский аббат был принят на шлюп в звании переводчика и с ведома испанского прави-

тельства оставлен в распоряжении капитана Качалова. Несмотря на ненависть народа к французам, аббат, полагаясь на то, что он в русской службе, осмелился показаться в городе. Чернь тотчас его окружила и, схватя, представила губернатору, который с трудом мог его избавить от смерти и возвратить на шлюп. На другой день в городе распространился слух, что на русском шлюпе хранится сокровище, принадлежащее французам, и скрывается опасный шпион. Губернатор Гонзалец для предупреждения своевольства черни, от которой зависела защита отечества, требовал, чтобы аббат был переведен на английский фрегат. Капитан Качалов принужден был выдать аббата, уверив, что у него ничего нет принадлежащего французам, и народ, готовый к возмущению, успокоился. В сие время снабжение экипажа съестными припасами было почти невозможно. К счастью, сыскался добрый и честный купец Абелаира, который сам вызвался на кредит доставлять нужное и, несмотря на все затруднения, слово свое сдержал как благородный и бескорыстный испанец.

2 апреля проходящий отряд французских войск, числом до 4000, сжег Редонделлу. Поселяне дрались отчаянно. 18-го сего же месяца французы в большом числе покушались взять Виго, но были с уроном отбиты. 30 апреля прибыли в город 5000 человек регулярного испанского войска; французы также усилились в окрестностях. В продолжение мая месяца сражения не прекращались; пожары не угасали; наконец французы, совершенно разбитые, принуждены были с малыми остатками отступить и в начале июня военные действия в окрестностях Виго кончились; провинция Туя и другие соседственные области от ига французов были освобождены. В продолжение военных действий разными требованиями испанских начальников капитан Качалов был поставлен в самое неприятное положение. 12 мая отказ виггскому губернатору в порохе и двух пушках для защищения

моста, ведущего к городу, где были три раза самые упорные сражения, огорчил испанцев; посему они и искали случая поддержать свои требования сильным предлогом. Капитан фрегата «Ифигении» Жуан Корранзо 26 мая, известив об объявлении войны России против Франции и об одержанной австрийцами победе над принцем Евгением в Фриуле, предложил, чтобы капитан шлюпа принял участие в защищении Виго против французов. «Согласие, — сказал он в своем письме, — уверит меня в вашем хорошем расположении к Испании, под покровительством коей вы столь долго находитесь; отказ же приму за неприязненное намерение». «Со времени моего сюда прихода, — так отвечал Качалов, — не получал я от правительства моего никакого известия о возобновлении дружеских связей с Англией и о разрыве мира с Францией. Вы, конечно, судя по своей службе, не можете не согласиться со мной, что я ничего не могу предпринять, не дождавшись точного повеления от моего начальства. Повеления сего ожидаю с нетерпением; надеюсь, что оное вскоре будет ко мне прислано, и тогда с большим удовольствием готов буду по моей возможности противостоять общему нашему неприятелю».

Все подобные сим требования происходили от крайней нужды в порохе, пушках, а часто и в провизии. Должно отдать справедливость испанскому правительству, что оно было столь великодушно и снисходительно к российскому флагу в такое время, когда мы были в союзе с Францией, и, хотя наш посланник оставил Мадрид, но оно не переменило своего поведения. Конечно, иное правительство не потерпело бы и одного дня в своем порте такого союзника, который, будучи друг его неприятелям, не хочет принять никакого участия в его делах. Испанское правительство всегда отличалось особенным благородством. Политика его двора всегда была самая праводушная. Вот тому пример: в 1796 году английские

крейсеры, еще до объявления войны, взяли два испанских фрегата, шедших из Америки в Кадикс с золотом и серебром; все испанские суда, бывшие в Англии, были арестованы. Напротив того, английские суда, бывшие в портах испанских, были отпущены и собственность английских купцов объявлена неприкосновенной.

По восстановлении совершенной тишины в окрестностях Виго, опортский консул доставил на содержание экипажа шлюпа 37 000 испанских талеров. С сего времени, по претерпении многих беспокойств и недостатка, по крайней мере, со стороны продовольствия были наши люди обеспечены. В конце года капитан Качалов выдержал последнее нападение испанского начальства, и с сего времени оставлен был в покое на прежнем нейтральном положении. Вот письмо капитана испанского корабля «Геро» от 11 декабря.

«Государь мой!

Король, мой государь, определил, чтобы шлюп, вами командуемый, был задержан. Во исполнение сего высочайшего повеления, дивизионному моему адъютанту приказано принять от вас порох и, сгрузя оный на канонерскую лодку, свезть на берег, яко единственный обряд в подобных случаях. Шлюп ваш имеете разоружить. Впрочем, вы можете подымать свой флаг, офицеры и экипаж могут оставаться на шлюпе и пользоваться полной свободой. Доброе ваше поведение, опытом дознанное, заслуживает всякое с нашей стороны внимание и облегчение. Имею честь быть готовым к услугам.

Томас Ромари».

«Милостивый государь!

Письмо ваше от 11 / 23 декабря, коим вы предлагаете мне разоружить императорский российский шлюп, под моим начальством состоящий, я имел честь получить. Позвольте мне, г. капитан, вам заметить, что дурное состояние, в котором шлюп находится, и война, еще продолжающаяся с Англией, не позволяют мне без точного повеления моего правительства выйти из сего порта. Даю вам

честное слово, что не выйду отсюда, не дав вам о том знать; повеление ваше выгрузить порох исполнить не могу; ибо сие послужит пятном императорскому флагу, который честь мне повелевает защищать до последней капли крови. Надеюсь, что вы не принудите меня к предосудительному поступку; уверяю вас, что я не переменю моего поведения и буду вести себя согласно с дружбой и союзом, существующими между нашими высокими дворами. Имею честь быть и проч.

Алексей Качалов».

Испанский капитан, как видно из последствий, не имел повеления от правительства задержать шлюп пленным; но имел только нужду в порохе, для получения которого употребил сию хитрость.

1810 и 1811 годы прошли в совершенном бездействии. Столь долгое отсутствие из отечества, неизвестность, чем кончится такое неприятное положение, беспрестанная опасность быть взятым англичанами или испанцами и, наконец, неполучение из России в продолжение четырех лет никакого повеления, были достаточными причинами к скуке. Смерть священника лишила и последнего утешения веры. Почтенный старец, чувствуя свой конец, решился исповедаться у баталера[62]; причастившись святых тайн, он вздохнул, прижал к груди сосуд и умер как праведник[63]. Капитан Качалов посылал в город Тую офицера просить тамошнего епископа, чтобы позволил похоронить священника в монастыре или при другой какой церкви и приказал бы своему духовенству совершить обряд погребения с должной честью. К сожалению, ответ епископа был недостоин его сана. Он отказал в погребении священника по той единственно причине, что покой-

---

[62] Помощник комиссара, имеющего смотрение за съестными припасами.

[63] Его звали Петр Андреев.

ный не признавал власти папы и не был в зависимости Его святейшества. Такой отзыв показывает, до какой степени суеверно испанское духовенство; но, впрочем, нетерпимость римской церкви к другим везде такова же. По необходимости обряд погребения совершил, как умел, тот же баталер; тело погребено было на особом кладбище, отведенном для прежде умерших матросов.

В 1811 году по осмотре шлюпа испанским мастером, присланным из Ферроля, оказалось: кильсон и внутренняя обшивка совершенно сгнили, из 64 шпангоутов 64 найдено негодных; посему мастер и отказался чинить шлюп как уже более к службе неспособный. В начале 1812 года получены из России первые бумаги, и капитан-лейтенант Качалов, по высочайшему повелению объявил себя капитаном 1-го ранга. Наконец, к неизъяснимой всех радости, 21 июня получено повеление отправиться в Россию. В тот же день шлюп перешел из Портелло в Виго и начал готовиться к отъезду. 5 июля в доме и в присутствии губернатора и других чиновников шлюп продан с аукционного торга за 10 000 испанских талеров. 16 июля на двух купеческих судах, нанятых нашим консулом Дубочевским в Лиссабоне, экипаж отправился в Россию.

Таким образом, флот наш, по заключении Тильзитского мира, лишенный сообщения с Россией, без надежды на помощь, оставленный посреди неприятелей и ложных друзей, стремившихся явно и тайно к уничижению чести и славы нашей, счастливо сохранен. Одна часть флота, в виду врагов, повелевающих морями, благополучно достигла союзных гаваней; другая, состоящая из кораблей, многими сражениями и долговременным плаванием расслабленных, в поздних днях грозной осени бурей разбита и, видимо, рукой Божьей спасена. После того, стесненная неприятелем, превосходным в силах и средствах, и столь же друзьями, как и врагами угро-

жаемая, благоразумной осторожностью и твердостью духа главнокомандующего из опасности, как из пламени, исхищена; ни один корабль не достался в руки неприятелю; все экипажи, опытом и храбростью изведанные, трудами и заслугами отечеству драгоценные, без потери возвратились в Россию. И, наконец, правительство наше за старые, неспособные к службе корабли, которые в своих портах долженствовали бы сгнить без пользы, получило чрез продажу оных за границей такую сумму, на которую у нас можно построить новые корабли.

Конец четвертой и последней части

Содержание

Владимир Богданович Броневский

Записки морского офицера в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина 1805–1810 гг.

Том II

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *Е. Романова*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru